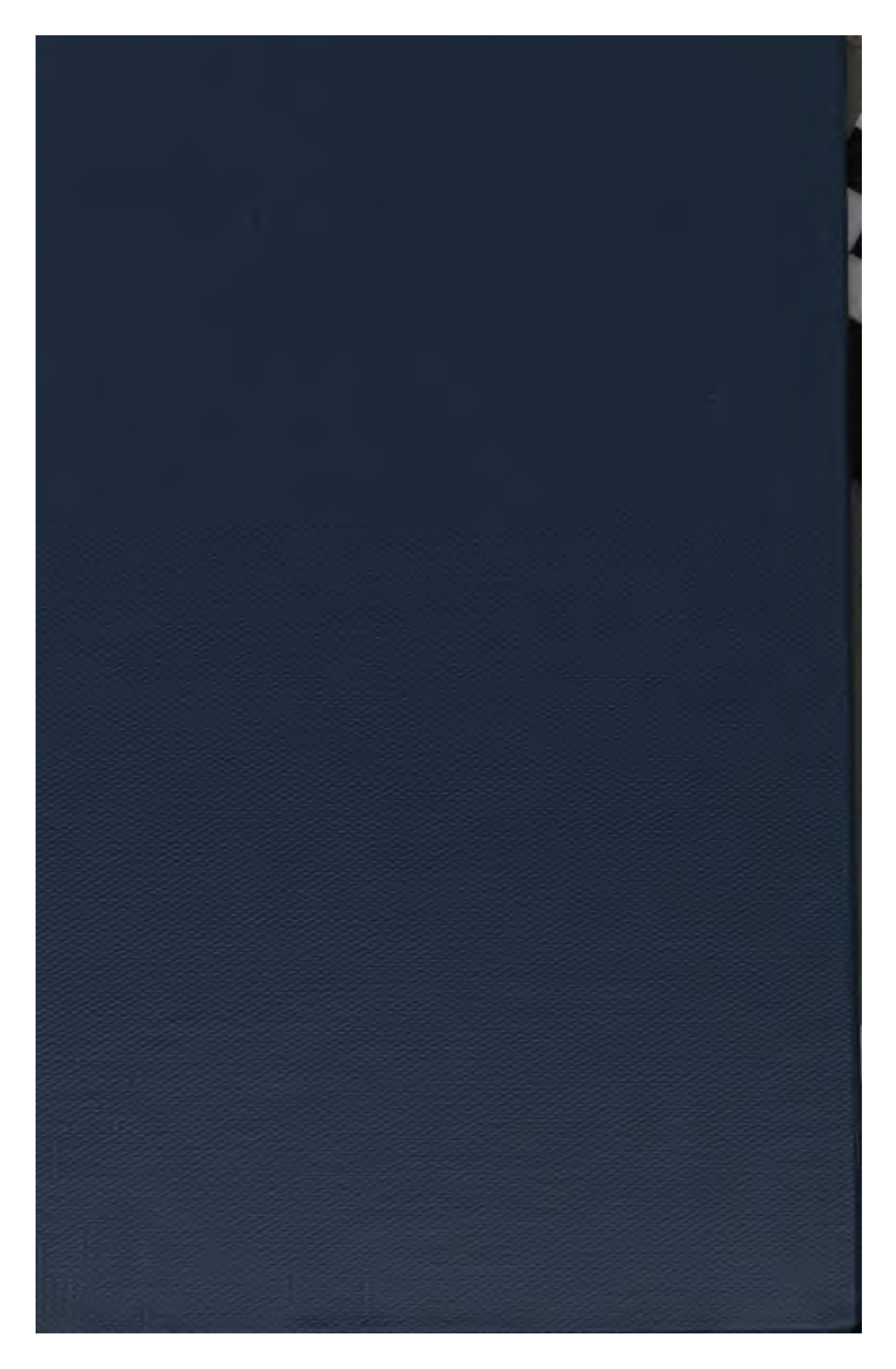

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЮЖНАЯ РУСЬ.

ОЧЕРКИ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ и ЗАМѢТКИ

Александры Ефименко,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО, ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО, КІЕВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ И ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ПОЛТАВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская. 20.
1905.

Содержаніе II тома.

БѢДСТВІЯ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ XVII ВѢКА *).

(По поводу книги Грецца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ) [1].

—

Евреи—народность совершенно исключительная. Будущая соціологія, конечно, многое почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Если бы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина—въ большомъ, тяготѣющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасѣ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ. Разумѣется, надо принять во

*) Кіевская Старина. 1890. № 6.

[1]) Переведенный на русскій языкъ подъ редакціей А. Я. Гаркави X томъ капитальнаго труда проф. Грецца Geschichte der Juden заключаетъ въ себѣ собственно лишь одну главу съ изложеніемъ событій, въ которыхъ еврейская исторія соприкасается съ южнорусской. Это третья глава книги и называется она: «Хмельницкій и преслѣдованіе евреевъ въ польской Украинѣ козаками». Изъ этой главы мы заимствовали вышеприведенные факты—впрочемъ, коечѣмъ воспользовались и изъ Лѣтописи Ганновера. Лѣтопись эта есть одно изъ двухъ еврейскихъ, переведенныхъ на русскій языкъ, сочиненій, касающихся южно-русской исторіи. Другое—«Бѣдствія временъ» Егошія, переведенное Берлиномъ и помѣщенное въ «Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс.» (1885 г. кн. 1). Но этими двумя сочиненіями не исчерпываются еврейскіе источники для малорусской исторіи. У Грецца (стр. 60) есть цѣлый списокъ такихъ источниковъ, собственно относящихся къ козацкимъ войнамъ; есть указаніе на такіе источники и у Манделькерна въ предисловіи къ Лѣтописи Ганновера.

вниманіе и специфическія свойства этого запаса, его цѣлостный характеръ, объединяющій закономѣрное съ должнымъ, необходимое съ желаемымъ, выводы ума съ требованіями совѣсти. Въ этомъ запасѣ еврей равно находитъ и нравственную поддержку, благодаря которой онъ, робкій отъ природы, могъ мужественно смотрѣть на огонь инквизиціоннаго костра или на козацкую пику,—благодаря которой онъ, жадный до наживы и пріобрѣтенія, всегда былъ готовъ жертвовать и трудомъ и имуществомъ для національнаго дѣла; находитъ и готовый отвѣтъ на всякій запросъ, какъ отвлеченной мысли, такъ и практической потребности. И этотъ запасъ есть дѣйствительно національное богатство въ полномъ смыслѣ этого слова: не одинъ общественный слой, а вся нація въ цѣломъ ея составѣ равно пользуется плодами накопленной въ теченіи тысячелѣтій мудрости предковъ. Конечно, человѣку, причастному современной цивилизаціи, плоды эти должны казаться, съ одной стороны, слишкомъ незрѣлыми, съ другой, въ то же время слишкомъ закаменѣвшими въ этой своей незрѣлости. Но за то въ нихъ нѣтъ того червя односторонности, который подтачиваетъ быстро зрѣющіе роскошные плоды цивилизаціи, имѣющей въ основѣ своей лишь умственный и матеріальный прогрессъ. Съ какой горечью и болью неудовлетвореннаго чувства отворачивается нерѣдко современный человѣкъ отъ блеска этой роскоши, не находя здѣсь удовлетворенія самымъ глубокимъ и живучимъ изъ своихъ внутреннихъ потребностей.

Однако исторія духовной жизни евреевъ показываетъ, что и здѣсь, въ этомъ затишьѣ, защищенномъ отъ волнующагося моря европейской цивилизаціи китайской стѣной полнаго взаимнаго непониманія и отчужденія, далеко не всегда царила та неподвижность— удовлетворенности ли или просто инертности—какую мы склонны считать ея постояннымъ и неизмѣннымъ свойствомъ. И здѣсь мятущійся человѣческій духъ не разъ пытался разорвать оковы авторитета и съ разныхъ концовъ рвался на осаду духовныхъ твердынь своей націи. XVII в., которому посвященъ главнымъ образомъ переведенный нынѣ томъ Исторіи евреевъ Гретца, представляетъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда обостряется это вѣчное, часто дремлющее, но никогда не замирающее окончательно стремленіе человѣческаго духа къ древу познанія добра и зла. Это былъ вѣкъ Спинозы, съ одной стороны, вѣкъ Саббатаи Цеви—съ другой. Первый извѣстенъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ второй: его геніальная метафизика съ ея поразительной простотой и силой, вѣроятно, никогда не потеряетъ того обаянія, которымъ она охватываетъ углубляю-

щійся въ нее умъ. Но значеніе философіи Спинозы общечеловѣческое; для правовѣрнаго еврея она не существуетъ, хотя самъ Спиноза есть настоящій сынъ своей націи, рѣдчайшая жемчужина, выброшенная взволновавшейся стихіей національнаго духа. Вообще, значеніе Спинозы въ еврейской исторіи не велико. Совсѣмъ другое дѣло Саббатаи Цеви. Фанатикъ или сумасшедшій, пророкъ или обманщикъ, можетъ быть—все это вмѣстѣ, соединенное въ одной изъ тѣхъ причудливыхъ комбинацій, какія вмѣщаютъ въ себѣ иногда подобныя темныя человѣческія души,—этотъ, одно время почти общепризнанный мессія, произвелъ страшное броженіе во всемъ еврейскомъ мірѣ. Долго послѣ того, какъ онъ исчезъ со сцены, не улегалось еще волненіе, прорывавшееся появленіемъ то новыхъ лже-мессій, то новыхъ сектъ, то книгъ, проникнутыхъ саббатіанскимъ духомъ. Среди европейскихъ евреевъ, у польскихъ дольше всего держались теченія, пропитанныя этими фантастическими и мистическими бреднями: такъ называемая подольская секта, франкисты, очень распространенные въ прошломъ столѣтіи, хасиды, которые держатся до сихъ поръ—все это жило и отчасти живетъ, главнымъ образомъ, въ теперешнемъ юго-западномъ краѣ.

Какъ ни цѣльна, при всей территоріальной разрозненности, еврейская нація, но не могли же совсѣмъ не отразиться на физіономіи той или другой части еврейства особенности физической и соціальной среды, въ которой ей пришлось прожить иногда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Польскій еврей выработалъ въ себѣ такія специфическія черты, которыя позволили ему сыграть въ общееврейской духовной жизни свою особую роль, и надо сказать не особенно для него лестную. Трудно рѣшить, какія особенности—среды-ли или положенія—сдѣлали изъ польскаго еврея того яраго раввиниста и талмудиста, носителя средневѣковаго духа буквы и преданія, какимъ онъ явился въ западную Европу, когда козацкія войны вытолкнули его изъ значительной части Польши. Вообще, положеніе евреевъ въ Польшѣ было сравнительно очень недурное. Правда, въ 17-мъ вѣкѣ Польша уже перестала быть для евреевъ новой обѣтованной землей, какъ до этого времени. Католическая политика Сигизмунда III со всѣми ея послѣдствіями отразилась и на евреяхъ какъ юридическими ограниченіями, такъ и фактическими стѣсненіями, и даже погромами со стороны населенія, нафанатизированнаго іезуитами. Но евреи тѣмъ не менѣе такъ укоренились въ качествѣ необходимаго общественнаго элемента, что сохранили за собой значительную свободу. Помимо общинной организаціи, адми-

нистраціи и суда, они имѣли и общегосударственную организацію, составляя такимъ образомъ status in statu. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія въ Польшѣ былъ синодъ. Онъ собирался два раза въ годъ въ Люблинѣ и Ярославѣ: онъ издавалъ законы, толковалъ ихъ, былъ въ то же время высшей судебной инстанціей, куда поступали дѣла, нерѣшенныя провинціальными судами. Понятно, что такая широкая и сильная организація могла служить для польскаго еврейства оплотомъ, за которымъ свободно развивалась его духовная и матеріальная жизнь. Но, съ другой стороны, можетъ быть именно эта организація и дала первый толчокъ къ развитію въ польскомъ евреѣ такой исключительной наклонности къ талмудическому буквоѣдству. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельность управленія и суда поддерживала въ польскомъ евреѣ постоянное вниманіе къ первымъ источникамъ еврейскаго права — къ Талмуду; потребность въ судебной казуистикѣ должна была благопріятствовать развитію той талмудической казуистики, которою такъ славились польскіе евреи. Но умъ, односторонне направленный на тонкое и формальное, теряетъ обыкновенно вкусъ къ истинному и простому, вмѣстѣ съ тѣмъ тупѣетъ и нравственное чувство. Это именно и случилось съ польскимъ еврействомъ. Развитіе талмудической учености сопровождалось сильнымъ упадкомъ непосредственной нравственности. Обойти даже единовѣрца считалось молодечествомъ: нечего и говорить объ иновѣрцахъ (Гретцъ, стр. 57 и слѣд.).

Малороссъ, съ его простодушіемъ и флегмой, долженъ былъ сдѣлаться легкой жертвой ловкаго и беззастѣнчиваго еврея, лишь только исторія свела ихъ вмѣстѣ. Это случилось одновременно съ усиленіемъ колонизаціоннаго стремленія къ степному югу и измѣненіемъ внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ смыслѣ развитія крѣпостной зависимости земледѣльческаго населенія, т. е. въ 16-мъ в. Въ этомъ вѣкѣ существуютъ уже городскія общины во Владимірѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Ковелѣ—все на Волыни; впрочемъ, двѣ изъ нихъ, владимірская и луцкая, вмѣстѣ съ кіевской, кажется, получили свое начало въ 15 в.

Православные литовско-русскіе паны, вслѣдъ за польскими, скоро поняли, какое прекрасное орудіе для выжиманія соковъ изъ подвластнаго населенія они имѣютъ въ евреѣ. Отъ конца 16-го вѣка сохранились договоры пановъ Лысаковскаго, кн. Пронскаго и кн. Сангушка съ евреями насчетъ отдачи въ аренду имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ, «какъ эти имѣнія и села, въ длину и ширину, въ границахъ, межахъ и въ обширности издавна находятся, со всѣмъ

правомъ, управленіемъ и властью, не оставляя себѣ, ни потомкамъ своимъ никакого права, управленія и власти, со всѣми малыми и великими съ тѣхъ имѣній прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ данями, работами, подводами, съ чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ и т. д. и т. д.; имѣютъ право паны-арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались—судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ вышеозначенными пенями, а если бы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію»... (Памятн. изд. врем. комм. т. 1-й отд. II, №№ IX, X, XI). Какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти документы, но они лишь предвосхищаютъ собою тѣ отношенія, которыя во всей своей красѣ развились лишь въ 17-мъ вѣкѣ, когда дворянство уже почти цѣликомъ отрознилось отъ народа, а политическая порабощенность русскаго элемента — результатъ неудачныхъ возстаній —достигла высшей степени. И современники, и лѣтописцы, и историки, русскіе и польскіе, согласно свидѣтельствуютъ насчетъ той роли, какую играли евреи въ эту эпоху крайняго утѣсненія малорусскаго народа. Но уже, конечно, ничье свидѣтельство не можетъ быть краснорѣчивѣе—и смѣемъ сказать, правдивѣе—въ своей наивной эпической простотѣ, какъ свидѣтельство объ этомъ самого народа въ превосходныхъ сюда относящихся «думахъ». Ни одной жалобы на жидовъ-рандарей, которые «зарандовали вси козацьки шляхи, и на однїй мили по три шинки становили, зарандовали вси козацьки торги, козацьки церкви, козацьки рики», ни одного гнѣвнаго восклицанія, злобнаго эпитета. И между тѣмъ, несмотря на спокойный, даже какъ бы объективный тонъ, эти думы, очевидно, современныя по происхожденію описываемому въ нихъ времени, звучатъ такой напряженностью, что становится жутко. Только геніальному художнику и народу открыта великая тайна искусства—немногимъ и простымъ выражать многое, глубокое и сложное. Сцена изъ думы между козакомъ и жидомъ—шинкаремъ схватываетъ и передаетъ все обостреніе отношеній съ поразительной рельефностью и силой. Козакъ, который съ мушкетомъ за плечами идетъ на рѣчку «утя вбити, жинку свою съ дітьми покормити, и хотя и скоса, якъ ведмедь», поглядаетъ на жида, хватающаго его за патлы, но тѣмъ не менѣе величаетъ его мостивымъ паномъ; жидъ, который выскакиваетъ при

видѣ козака, не заходящаго въ шинокъ купить на денежку горилки и попросить разрѣшенія на охоту, и хватаетъ козака за патлы, но тѣмъ не менѣе хвастается передъ женой, что козакъ величаетъ его паномъ—все это фигуры пятаго акта драмы, заставляющія предчувствовать, что финалъ близокъ. И онъ былъ дѣйствительно близокъ, гораздо ближе, чѣмъ это думали умные и проницательные сыны Израиля. А есть основаніе думать, что они понимали положеніе и вѣрно его оцѣнивали. Еврей Натанъ Ганноверъ, лѣтопись котораго переведена на русскій языкъ и издана уже лѣтъ десять тому назадъ [1]), но мало извѣстна, очевидецъ и жертва страшнаго года, тѣмъ не менѣе изображаетъ обстоятельства, вызвавшія взрывъ, такими красками, что подъ его словами могъ бы подписаться и козацкій лѣтописецъ. «Русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, которые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низкой ступени въ ряду всѣхъ народовъ господствовали надъ ними...» Такъ говоритъ Ганноверъ, свидѣтель очень добросовѣстный и уже во всякомъ случаѣ не пристрастный въ пользу козаковъ.

Не даромъ у евреевъ есть въ году одинъ день, посвященный печальнымъ воспоминаніямъ 1648 г. Бѣдствіе, постигшее ихъ, и по размѣрамъ, и по характеру, есть настоящая катастрофа, одна изъ тѣхъ, которыя отмѣчаются крупными буквами въ исторіи и столѣтія живутъ въ народной памяти.

Историческій рокъ или историческая случайность сыграли надъ польскимъ еврействомъ самую злостную шутку. Извѣстная еврейская каббалистическая книга Зогаръ, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, предсказывала на 1648 г. пришествіе Мессіи. Можетъ быть, именно потому евреи и оказались застигнутыми врасплохъ, хотя не могли же они, при своемъ умѣ, при ежечасныхъ сношеніяхъ съ народомъ, не видѣть надвигающейся грозы. Ждали Мессіи, а дождались Хмельницкаго. А врасплохъ они были застигнуты вполнѣ, точно ихъ захватилъ пожаръ, а не народное возстаніе, о которомъ не только шептали, а, вѣроятно, и кричали пьяные гультяи по

[1]) Богданъ Хмельницкій. Лѣтопись еврея—современника Натана Ганновера о событіяхъ 1648—52 г. въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Переводъ Соломона Мандделькерна. Одесса. 1878 года.

всѣмъ шинкамъ Украины. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Массовое истребленіе началось прежде всего по лѣвую сторону Днѣпра, въ Переяславѣ, Пирятинѣ, Лубнахъ, Лохвицѣ: здѣсь было ихъ убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отрекались отъ вѣры; многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскихъ общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Вообще, къ добровольному татарскому плѣну не разъ прибѣгали евреи, какъ къ средству спасенія, и разсчеты ихъ оказались вѣрными: турецкіе евреи, при помощи голландскихъ и иныхъ, выкупали своихъ соотечественниковъ. Надо замѣтить, что, въ эту эпоху бѣдствій еврейство доказало, насколько оно живуче своей крѣпкой національной связью, своимъ пониманіемъ общенаціональныхъ интересовъ, своей готовностью къ жертвамъ въ пользу общаго дѣла. Масса несчастныхъ нищихъ польскихъ евреевъ, раскиданная взрывомъ по свѣту, всюду находила энергическую поддержку — пріютъ, денежную помощь изъ сборовъ, которые дѣлались въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ общинахъ.

Кровавая эпопея еврейскаго избіенія на территоріи правобережной Украины открывается Немировымъ. Здѣсь собралось около 6000 евреевъ, такъ какъ Немировъ былъ однимъ изъ еврейскихъ центровъ, для мѣстныхъ и бѣглецовъ изъ окрестностей, искавшихъ спасенія за стѣнами крѣпости. Немировъ былъ взятъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ въ 600 человѣкъ, благодаря хитрости и, конечно, сочувствію мѣстнаго православнаго населенія. Ученый раввинъ Іехіэль-Михель, въ виду приближающейся грозы, заблаговременно подкрѣпилъ духъ своей паствы проповѣдью, убѣждая ее не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ. И дѣйствительно, евреи на этотъ разъ держали себя мужественно. Были примѣры настоящаго геройства со стороны даже молодыхъ дѣвушекъ. Такъ напр., когда вели одну еврейскую красавицу въ церковь, чтобъ тамъ обвѣнчать ее съ козакомъ, она кинулась въ воду съ моста, черезъ который пришлось переходить. Другая, только что обвѣнчанная съ козакомъ, заставила новобрачнаго выстрѣлить въ себя, увѣривъ его, что она умѣетъ заговаривать оружіе, и, конечно, осталась на мѣстѣ мертвою. День немировской рѣзни, 20 іюня, принятъ еврействомъ за поминальный день. Между тѣмъ другой отрядъ напалъ на Тульчинъ, гдѣ также скрылось около 2000 евреевъ. Козаки опять прибѣгли къ хитрости. Они увѣрили поляковъ, также укрывавшихся въ крѣпости, что добираются только до евреевъ, и тѣ сами обезоружили своихъ союзниковъ. Но имъ пришлось горько раскаиваться въ своей измѣнѣ, и

съ тѣхъ поръ поляки, наученные опытомъ, «уже не отдѣляли своего дѣла отъ еврейскаго: и не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помина», говоритъ Ганноверъ. Евреи Тульчина заперты были въ саду и имъ предложено было на выборъ—умереть или креститься. Но воодушевленные проповѣдью своихъ раввиновъ, евреи всѣ отказались отъ крещенія и были умерщвлены въ числѣ около 1500 человѣкъ: только раввины были пощажены ради выкупа. Женщинъ, вообще, оставляли въ живыхъ, кромѣ больныхъ и старыхъ: имъ былъ хорошій сбытъ въ Крымъ. Около 300 евреевъ спаслось тѣмъ, что притаились между трупами: черезъ три дня послѣ рѣзни, козаки послали выкликать, чтобъ живые поднимались, уже ничего не опасаясь, и они дѣйствительно не только были отпущены, но была имъ оказана и помощь. А между тѣмъ одновременно происходило безпощадное истребленіе евреевъ на другомъ концѣ малорусской территоріи, въ Сѣверщинѣ, въ городахъ Черниговѣ, Стародубѣ и иныхъ. Въ день тульчинской рѣзни были вырѣзаны тоже 1500 евреевъ Гомеля, мужчины, женщины и дѣти: они были выведены за городъ, раздѣты до-нага и затѣмъ имъ было предложено на выборъ—крещеніе или смерть.

Мѣсяцъ спустя имѣлъ мѣсто выдающійся по размѣрамъ еврейскихъ бѣдствій эпизодъ взятія гор. Полоннаго. Около десяти тысячъ евреевъ укрылись за стѣнами этой крѣпости и были умерщвлены: они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, говоритъ Ганноверъ, такъ что если какой-нибудь козакъ врывался въ домъ, гдѣ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣсколько сотъ евреевъ крестилось, а нѣсколько сотъ взяты въ плѣнъ татарами.

Теперь евреи Волыни и окрестныхъ провинцій убѣдились, что и стѣны городовъ для нихъ не защита среди мятущагося хлопскаго моря, дышащаго ненавистью и жаждою мщенія. Всякъ, кто могъ, кинулся въ бѣгство, стремясь вырваться изъ района, захваченнаго возстаніемъ, оставляя дома со всѣмъ имуществомъ, спасая лишь жизнь свою и семьи. Кто имѣлъ лошадей, захватывалъ цѣнныя вещи; но и ихъ часто приходилось кидать на дорогѣ. «Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ», говоритъ Ганноверъ, самъ участникъ этихъ скитаній, «да валялись подъ открытымъ небомъ. Каждую ночь, которую намъ приводилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, читали молитву: «о, благословенъ еси, Господь, воскрешающій мертвыхъ!» А

между тѣмъ вырѣзываніе евреевъ въ городахъ все-таки продолжалось. Иные не имѣли возможности бѣжать; другіе возвращались въ города изъ скитаній, предпочитая скорую смерть отъ меча мучительной голодной смерти въ лѣсахъ. Такимъ образомъ убито было около 200 душъ въ Заславѣ, около 600 въ Острогѣ. Въ Старо-Константиновѣ собралось много евреевъ въ надеждѣ на Вишневецкаго. Но когда онъ вынужденъ былъ оставить городъ, то всѣ евреи, не имѣвшіе лошадей, чтобъ слѣдовать за войскомъ, остались и были истреблены въ числѣ около 3000. Но все-таки, пока на аренѣ дѣйствій еще держались польскія войска, буря не могла принять такихъ всесокрушающихъ размѣровъ. Апогея своего она достигла лишь послѣ того, какъ закончена была вторая кампанія постыднымъ бѣгствомъ польскаго войска изъ-подъ Пилявецъ. Вся территорія малорусскаго племени вплоть до Львова оказалась цѣликомъ залитой волнами народнаго возстанія, захлеснувшими все, что еще осталось еврейскаго. Послѣдніе остатки ихъ держались было нѣкоторое время подъ защитой сильныхъ крѣпостей Бара, Дубна, Каменца-Подольскаго. Но больше тысячи дубенскихъ евреевъ вырѣзано было передъ крѣпостью, куда поляки не сочли возможнымъ ихъ впустить. Сильный Баръ—надежда поляковъ—также палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло евреевъ до 2000. Опустошительныя эпидеміи, появлявшіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скапливались евреи, помогали дѣлу истребленія: въ одномъ Барѣ отъ заразы умерло до 1000 душъ. Львовская община—одна изъ четырехъ главнѣйшихъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ—потеряла во время осады до 10,000 д. отъ голода и болѣзней, кромѣ того, почти все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа.

Каждое движеніе, какъ главнаго козацкаго войска, такъ и кишѣвшихъ всюду безчисленныхъ отрядовъ, сопровождалось отыскиваніемъ и безпощаднымъ истребленіемъ евреевъ. Истребленіе это вмѣстѣ съ разливомъ возстанія, далеко перешло за предѣлы украинской территоріи, въ Галицію, Холмскую Русь и наконецъ Литву. Прочное спасеніе находилъ лишь тотъ, кто бѣжалъ въ Валахію или за Вислу. Перспектива умиротворенія, возникшая было съ избраніемъ Яна-Казиміра, дала нѣкоторый отдыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременный. Кое-гдѣ евреи начали возвращаться въ города. Но еще миръ не былъ формально разорванъ, какъ уже козаки снова вырѣзали въ Острогѣ 300 евреевъ, которые водворились было въ немъ снова.

Збаражскимъ договоромъ было постановлено, чтобъ евреи не по-

...а территоріи (кіевское и
... малорусскія области евреи
...льзовались своимъ правомъ.
...зрѣшилъ снова возвратиться
...недоразумѣній и затрудненій
...въ, вытекшихъ изъ катастрофы,
...ходомъ, собравшимся въ Люб-
...олтора года пользовались евреи
...нія. Какъ только началась но-
...рвыми ея жертвами. Но еврей-
... что массовыхъ истребленій, по-
... три года назадъ, уже не было;
...сти среди испытанныхъ ими ужасовъ.
... изъ среды себя военный отрядъ.
... несчастная для козаковъ война, рас-
... предоставлено было по старому селиться
...танія. Но, разумѣется, какое значеніе
..., когда война тотчасъ же началась
... вмѣшательствомъ въ дѣло Россіи и
...ась въ хаосъ, гдѣ упразднялось всякое
... въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ
...акой нигдѣ не стало убѣжища евреямъ.
... другомъ стороны одинаково принимали
... не выключая теперь даже и поляковъ:
...вадцѣлъ и преслѣдовалъ ихъ.
... дѣло дать цифровое опредѣленіе по-
...ство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ,
... уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ,
...а значительно болѣе достовѣрную, чѣмъ
... людей. Эту послѣднюю принимаютъ иные
... Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно
... ее, основываясь на показаніи одного
... четверть милліона душъ. Но все это, ко-
... Въ всякомъ случаѣ, польское еврейство съ
... потеряло силу и значеніе, которымъ когда-
.... Но это не значитъ, чтобъ оно отрясло
... покинуло окончательно землю, залитую
... ... лишь только минулъ десятилѣтній
... водворилось кой-какое спокойствіе, евреи по-
... территоріи, и снова въ старой роли

посредниковъ между паномъ и хлопами. Крѣпостныя узы на усмирившемся населеніи Украины начинаютъ опять затягиваться, и евреи со всей готовностью предлагаютъ свои услуги въ качествѣ орудія для этого затягиванія. Хлопы періодически волнуются и, конечно, первыми жертвами опять-таки являются евреи. Коліивщина напомнила собой 1648 годъ. Но малоруссъ былъ слишкомъ нуженъ еврею, и не такъ-то легко было отъ него освободиться. Прошли столѣтія. Минуло панство, но еврей все остался при своей старой роли посредника, а малороссъ все еще не нашелъ волшебнаго корня, который разорвалъ бы своимъ прикосновеніемъ жестокія узы этого посредничества. Мы видѣли еврейскіе погромы—слишкомъ запоздалый возвратъ къ старымъ преданіямъ; не научили-ли они малорусскій народъ, что не на этомъ пути надо искать освобожденія?

ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ
МАЛОРУССКАГО НАРОДА СЪ ПОЛЯКАМИ *).

Циммерманъ, въ предисловіи къ второму изданію своей «Исторіи крестьянской войны въ Германіи», проводитъ параллель между народными движеніями и вулканическими явленіями. Сравненіе чрезвычайно удачное—одно изъ тѣхъ, которыя схватываютъ существенныя черты предмета. Въ самомъ дѣлѣ. Не представляетъ ли собою культурное государство новаго историческаго типа, съ интеллигентными классами общества наверху, съ народными массами внизу, тонкую кору, заключающую и сковывающую ту бурную стихію, которая ее отложила и выдвинула наверхъ? На поверхности коры развилась сложная жизнь, увѣнчанная сознаніемъ; а подъ корой, подъ самыми ногами этой сложной, сознательной жизни глухо клокочетъ могучая и грозная стихія, слѣпая, безсознательная. Съ страшною силою давитъ она на кору. Пока это давленіе распредѣляется равномѣрно, оно парализуетъ самого себя. Но вотъ тѣ или другія причины усиливаютъ давленіе въ извѣстномъ мѣстѣ: слышатся роковые удары, отъ которыхъ содрогается тотъ, кто имѣетъ уши слышать, кора потрясается подземными толчками—и вотъ взрывъ все наводняетъ опустошеніемъ и смертью. Горе тому обществу, которое не сумѣетъ во-время предусмотрѣть и предупредить грозящую опасность.

Едва ли существовало когда нибудь государство, накопившее больше условій, благопріятствующихъ такимъ взрывамъ, и общество, менѣе способное что нибудь предусмотрѣть и предупредить, чѣмъ польское государство и общество прошлаго вѣка. Условія эти и

*) Слово. 1879. №№ 9 и 11.

вызвали то вѣковое народное движеніе, которое подъ именемъ гайдамачины изъ года въ годъ потрясало организмъ польскаго государства и время отъ времени разражалось ужасными катастрофами въ родѣ коліивщины. Недавно выпущенный въ «Архивѣ юго-западной Россіи» томъ актовъ о гайдамакахъ, съ изслѣдованіемъ г. Антоновича [1]), позволяетъ представить себѣ этотъ эпизодъ въ такой полнотѣ и цѣлости, о какой не могли имѣть понятія всѣ писавшіе раньше о гайдамачествѣ, которые почти отожествляли все это обширное движеніе съ послѣдними выдающимися моментами—коліивщиной и ужасной уманской рѣзней. По крайней мѣрѣ, наши историки гайдамачины, гг. Скальковскій и Мордовцевъ, все предшествующее коліивщинѣ представляютъ лишь какъ незначительный прологъ къ этой кровавой драмѣ. Освѣщеніе фактовъ совершенно неправильное. Акты архива юго-западной Россіи и отчасти тѣ, которыми мы пользовались въ черниговскомъ архивѣ бывшей генеральной войсковой канцеляріи и малороссійской коллегіи, доказываютъ съ полной очевидностью, что гайдамацкое движеніе тянулось почти впродолженіе цѣлаго столѣтія, лишь обостряясь при особенно благопріятныхъ условіяхъ, какія представилъ, напр., 1734, 1750, особенно 1768 годъ и, наконецъ, въ эпилогѣ 1789, хотя исторія этого послѣдняго года представляетъ еще пока нѣчто очень темное и смутное, ожидающее историческаго освѣщенія.

I.

Андрусовскимъ 1667 г. и московскимъ вѣчнымъ миромъ съ Польшей 1686 года дипломатія окончательно разорвала украинскій народъ и украинскую землю на двѣ части—московскую и польскую: Днѣпръ легъ границей. Малорусская земля, вся облитая кровью малорусскаго народа, отбивавшагося отъ польской зависимости, опустѣвшая, обезлюдѣвшая въ этой борьбѣ, еще разъ передана была въ руки ненавистнаго врага. Но малорусскій народъ правобережной Украины, обезсиленный отдѣленіемъ его отъ лѣваго берега и Запорожья—тѣмъ не менѣе не сдавался на дипломатическія рѣшенія. Можно залюбоваться на ту поразительную, хотя въ значительной степени пассивную силу сопротивленія, съ которою онъ выступилъ

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, изд. Кіевской Археограф. Коммисіей, часть 3-я, томъ 3-й. Акты о гайдамакахъ.

противъ этихъ рѣшеній, на ту живучесть, которую онъ все снова и снова обнаруживалъ, отстаивая свое глубоко прочувствованное имъ право жить обще-племенной жизнью. Это былъ въ данную минуту его идеалъ, и онъ его отстаивалъ такъ, какъ только масса умѣетъ отстаивать свои идеалы, когда обстоятельства вызываютъ или, точнѣе, выталкиваютъ ее на путь открытой борьбы. Правый берегъ пустѣлъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова (условія трактата 1686 г.: «Разоренныя мѣста, лежащія отъ мѣстечка Стаекъ внизъ Днѣпра по рѣку Тясьмину: Ржищевъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошны, Черкасы, Боровица, Бужинъ, Вороновка, Крыловъ и Чигиринъ, до дальнѣйшаго постановленія, останутся пустыми»); но борцы выростали точно изъ земли, и все съ прежней энергіей отстаивали свое дѣло. Хорошо сознавая, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ вожаковъ, каковъ былъ, напр., Палій, что для Украины невозможно самостоятельное политическое существованіе посреди сильныхъ и хищныхъ сосѣдей—народъ лилъ свою кровь за единеніе съ Россіей или съ своими заднѣпровскими братьями подъ покровительствомъ Россіи, которая, однако, не хотѣла или не могла какъ слѣдуетъ поддерживать народъ въ его кровавыхъ жертвахъ. Наконецъ, прутскимъ трактатомъ 1711 г. Россія окончательно была вынуждена отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла правобережной Украины. Еще разъ запустѣлъ правый берегъ—козачество съ прочими жителями все обстоятельно и систематически было выселено на лѣвый.

И такъ, малорусская земля опять вошла въ составъ польскаго государства; снова водворились польскіе порядки, уничтоженные съ такимъ трудомъ, съ такой ожесточенной злобой и ненавистью.

Ни одного свободнаго малорусскаго сословія теперь не существовало въ краѣ, да и вообще не было ни одного свободнаго сословія, которое заполняло бы промежутокъ между панствомъ и хлопствомъ—мы не считаемъ евреевъ, которые сдѣлались какъ бы придаткомъ панства, тѣмъ органомъ, посредствомъ котораго паны наиболѣе удобнымъ для себя способомъ эксплуатировали своихъ хлоповъ: козачество было уничтожено, о торговомъ или промышленномъ городскомъ классѣ не могло быть и рѣчи, когда край цѣлые десятки лѣтъ сплошь былъ опустошаемъ войной. Крестьянство, частью старое, частію вновь осаженное изъ другихъ малорусскихъ земель польскаго государства—Волыни, Подоліи, оказалось лицомъ къ лицу съ шляхтой въ тѣхъ вѣками выработанныхъ отношеніяхъ полнаго безправія съ одной стороны и безграничнаго произвола съ другой, которыя только знала и признавала польская шляхта. Трудно было придумать болѣе

натянутое и ненормальное положеніе общества. Не было никакихъ точекъ соприкосновенія между верхнимъ и нижнимъ общественными слоями, не существовало ничего, что связывало бы ихъ какъ членовъ одного общества: языкъ, религія, обычаи, міровоззрѣніе—все, что связываетъ людей наперекоръ разницѣ въ ихъ правовомъ или экономическомъ положеніи—все было различное. Не мудрено, что панъ и хлопъ разучились видѣть другъ въ другѣ человѣка, а видѣли только пана и хлопа: панъ, полякъ, католикъ, презиралъ хлопа, хлопъ, православный, русскій, ненавидѣлъ пана. Очевидно, польское общество украинскихъ провинцій, т. е. собственно Украины, Волыни и Подоліи, расположилось на вулканѣ наслаждаться жизнью тѣми утонченными способами, образчики которыхъ оно находило во внѣшнихъ формахъ западно-европейской культуры.

Польская шляхта ничему не научилась и ничего не забыла изъ своей длинной исторіи. «L'état c'est moi»—поставила она своимъ девизомъ на хенцинскомъ сеймѣ 1331 г. и съ этимъ девизомъ сошла въ вырытую собственными руками могилу. Знаменитая конституція 3-го мая 1791 г., которою давались кое-какія права горожанамъ, была первою жертвою историческому року, брошенною шляхтой, но жертвою запоздалой и потому безполезной: черезъ четыре года Польши уже не существовало. Дѣйствительно, государство и шляхетство—это были въ польской исторіи два понятія, совершенно нераздѣлимыя или, точнѣе, двѣ стороны одного и того же понятія,—и это-то погубило Польшу. Правда, всегда и всюду государство стремилось и стремится опираться преимущественно на какую-нибудь часть общества, и интересы этой части играютъ наиболѣе видную роль въ томъ, что называютъ интересами государства—иначе и не можетъ быть, пока человѣчество не откроетъ секрета соціальной гармоніи. Но такого чудовищнаго въ этомъ родѣ безобразія могла достигнуть и достигла одна Польша. Выгоды, цѣли и идеалы государственные совершенно и всецѣло отожествились съ выгодами, цѣлями и идеалами шляхетства. Можно представить себѣ, какъ такая политическая организація отразилась на юридическомъ и экономическомъ положеніи массъ. Будемъ говорить, конечно, только о малорусскихъ провинціяхъ Польши, т. е. Волыни, Подоліи и только что возвращенной назадъ Украины, хотя во всей Польшѣ юридически и экономически хлопство поставлено было совершенно одинаково, такъ какъ шляхетство, по отношенію къ малорусскимъ провинціямъ, исходило не изъ какихъ нибудь государственныхъ или политическихъ соображеній, а исключительно изъ своихъ сословныхъ.

Чрезвычайно интересно и поучительно наблюдать, какъ развивались въ литовско-польскомъ государствѣ юридическія отношенія сословій, какъ постепенно земледѣльческое сословіе изъ объекта права государственнаго обращалось въ объектъ частнаго права владѣльцевъ. Закрѣпощеніе шло тамъ съ той логической, суровой и неумолимой послѣдовательностью правового формализма, отпечатокъ котораго римское право наложило на юридическій духъ западно-европейскихъ народовъ. Поляки въ этомъ случаѣ—къ сожалѣнію, только въ этомъ или ему подобныхъ—оказались достойными учениками своихъ великихъ учителей. Сравните цѣльный польскій крѣпостной институтъ, какимъ онъ выразился въ окончательный періодъ своего развитія, съ тѣмъ, если такъ можно выразиться, безалабернымъ правовымъ суррогатомъ, какой существовалъ въ Россіи, полнымъ распущенности, неясностей, противорѣчій, которыхъ невозможно было примирить съ точки зрѣнія какой-нибудь юридической логики и которыя предоставлялось жизни примирять, какъ она сама знаетъ и умѣетъ, и вы почувствуете сами все значеніе этой разницы. Въ Россіи крѣпостные, въ эпоху самаго высшаго развитія крѣпостного права сохраняющіе за собой возможность законнаго пріобрѣтенія даже недвижимой собственности, хотя и на имя помѣщика, сохраняющіе на судѣ права юридической личности, рядомъ съ крѣпостными масса низшаго податного сословія, въ видѣ государственныхъ крестьянъ, совершенно свободныхъ и пользующихся всѣми гражданскими правами,— все это не позволяло такъ сильно, какъ въ Польшѣ, укорениться идеѣ крѣпостного права въ духѣ русскаго народа. Въ Польшѣ—крѣпостное право, цѣльное и систематическое, переносящее всѣ аттрибуты юридической личности съ хлопа на его владѣльца, охватывающее собою все земледѣльческое сословіе безъ всякихъ послабленій и изъятій, ставящее рѣзкую грань, безусловно не переходимую между шляхетнымъ и нешляхетнымъ,—все это могло и должно было создавать фанатическую вѣру въ крѣпостной принципъ, гдѣ не было мѣста колебаніямъ или сомнѣніямъ—конечно, у шляхты: народъ, не только въ русскихъ провинціяхъ, даже чисто польскій, едва ли могъ быть когда-нибудь низведенъ до такой полной потери образа и подобія Божія. Хотя законъ и полагалъ строгія кары за убійство шляхтича, приравнивая въ то же время убійство хлопа почти къ убійству домашней скотины—все-таки едва ли можно было убѣдить хлопа, что его жизнь есть нѣчто совсѣмъ ничтожное по сравненію съ драгоцѣнной жизнью шляхтича.

Надо сказать, что въ русскихъ провинціяхъ литовско-польскаго

государства то абсолютное крѣпостное право, о которомъ мы говоримъ, получило господство въ относительно позднее время,—гораздо позже, чѣмъ въ самой Польшѣ, именно уже послѣ Люблинской уніи, хотя процессъ его развитія начался подъ вліяніемъ того же польскаго элемента еще до присоединенія Литвы къ Польшѣ. Въ Литвѣ положеніе земледѣльческаго класса было несравненно лучше, чѣмъ въ Польшѣ: онъ въ значительной степени пользовался личными и имущественными правами, т. е. самымъ существеннымъ, поземельной собственностью, имѣлъ право самосуда и т. д. То есть, тамъ собственно не было опредѣленнаго земледѣльческаго класса съ опредѣленными правами, а было нѣсколько категорій земледѣльцевъ, начиная съ полныхъ собственниковъ земли, платившихъ лишь дань государству или лицу, исполняющему за нихъ государству военную службу, до невольниковъ, однимъ словомъ, то же отсутствіе юридической выработки и законченности, что и въ Россіи. Вотъ тутъ-то Польша и пришла на помощь съ своимъ законодательствомъ, которое умѣло упростить и свести всѣ свои соціальныя отношенія къ двумъ формуламъ: равенство шляхты въ безграничномъ пользованіи всѣми возможными общественными правами и равенство всего, что не-шляхта, въ полнѣйшемъ безправіи. Люблинская унія утвердила и въ Литвѣ господство этихъ формулъ, которыя пришлись по вкусу господствующему классу—о вкусахъ народа по обыкновенію не спрашивалось. Литовскій статутъ, которымъ опредѣлялись до самаго послѣдняго времени юридическія отношенія литовско-русскихъ провинцій Польскаго государства, съ большою наглядностью показываетъ, какъ совершался процессъ уравненія и распредѣленія правъ въ направленіи, указанномъ вышеупомянутыми формулами. Три раза передѣлывался статутъ въ продолженіе XVI столѣтія, которымъ окончательно опредѣлились внутреннія отношенія Литвы, и третьей редакціей юридическое положеніе крестьянства было отлито въ окончательную форму, въ которой и застыло, пока исторія не разбила его вмѣстѣ съ самимъ государствомъ Польскимъ.

Первая редакція Литовскаго статута, 1529 года, еще признаетъ разнообразныя права всѣхъ категорій земледѣльческаго класса: этими категоріями, въ жизни, земледѣльцы незамѣтно примыкали къ мѣстному шляхетству, которое тоже, въ свою очередь, дѣлилось на категоріи, а не составляло однообразнаго сословія съ однообразными правами. Но уже и эта редакція старается провести демаркаціонную линію между простымъ людомъ и шляхтой, обязывая великаго князя «простыхъ людей не повышать надъ шляхту». Права землевладѣль-

цевъ за обрабатываемую ими землю еще признаются и обезпечивается закономъ. Государство уже отказывается въ пользу частныхъ владѣльцевъ отъ большей части повинностей, которыми были ему обязаны крестьяне, но сохраняетъ еще за собою право на иныя изъ нихъ, напр., на поддержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и замковъ. Хотя суды уже доминіальные, но крестьяне не теряютъ еще права являться передъ общимъ судомъ, урядомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ участіе ихъ въ разбирательствахъ дѣлъ является еще довольно значительнымъ,—имѣютъ также и право свидѣтельства. Копные, т. е. общинные, суды продолжаютъ существовать съ законнымъ ихъ признаніемъ, т. е. за крестьянами остается въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и право самосуда. Такимъ образомъ, мы видимъ, что положеніе крестьянина литовско-русскихъ областей по закону еще гораздо лучше положенія абсолютно безправнаго польскаго хлопа. Но разъ начавшійся общественный процессъ, выгодный эксплуатирующему классу и не встрѣчающій активнаго сопротивленія въ классѣ эксплуатируемомъ, имѣетъ всѣ шансы развиваться съ ужасающей быстротой. Уже черезъ 37 лѣтъ, въ 1566 г., вторая редакція статута отбираетъ у крестьянъ еще одно право, основное по своему значенію: въ этомъ статутѣ появляется юридическое положеніе, исключающее крестьянъ отъ всякаго участія въ землевладѣніи, которое теперь только, впервые, дѣлается привилегіей шляхетскаго сословія. Хотя за крестьянами признаются еще многія гражданскія права, напр., право завѣщанія части движимаго имущества, довольно широкое право свидѣтельства на судѣ, общинный самосудъ въ видѣ копныхъ судовъ и т. д., но уже очевидно, что земледѣлецъ, лишенный права на землю, единственной гарантіи своей экономической независимости, не сохранитъ за собою и тѣхъ производныхъ, такъ сказать, правъ, которыми обезпечивается его гражданская самостоятельность. Ходъ процесса ускорился Люблинской уніей, которая подоспѣла какъ разъ кстати, черезъ три года послѣ изданія второй редакціи статута. Правда, и третій статутъ не даетъ законодательству о крестьянахъ еще того послѣдняго coup-de-maître, которое бы окончательно поставило литовско-русское крестьянство на одну линію абсолютнаго безправія съ польскимъ хлопствомъ, но онъ все подготовляетъ для того, чтобы жизнь сама, безъ дальнѣйшаго пособія со стороны законодательства, покончила дѣло. Почти всѣ категоріи крестьянства третьимъ статутомъ сравнены между собой,—подготовлено закрѣпощеніе послѣдней категоріи земледѣльцевъ, которая оставалась еще свободною, такъ-называемыхъ людей

«вольныхъ», или «похожихъ»; государство окончательно отказывается отъ повинностей крестьянскихъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ, такъ что государство уже теперь не имѣетъ никакого прямого касательства къ крестьянамъ, положено начало представительству владѣльцевъ за своихъ крестьянъ на судѣ, хотя въ менѣе важныхъ дѣлахъ крестьяне могутъ являться предъ судъ и самостоятельно, значеніе копныхъ судовъ еще уменьшено. Жизнь докончила опредѣленія статута тѣмъ, что крестьяне стали продаваться безъ земли, хотя статутъ не предоставляетъ такого права владѣльцамъ — по крайней мѣрѣ, ясно выраженнаго на этотъ счетъ положенія нѣтъ въ статутѣ—и крестьяне теряютъ совсѣмъ право являться передъ судомъ иначе, какъ «cum assistentia» своихъ владѣльцевъ, пользующихся, значитъ, правомъ представительства. Высшая степень юридической безправности была достигнута. Дальше въ этомъ направленіи идти было уже некуда. Естественно, что законодательство теперь уже совсѣмъ умолкаетъ на счетъ крестьянъ, такъ какъ они предоставлены вполнѣ въ безконтрольное распоряженіе шляхты. Только постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, то и дѣло издаваемыя сеймами и наполненныя всевозможными репрессивными мѣрами, и встрѣчаемъ мы въ большомъ количествѣ въ продолженіе слѣдующаго, т. е. XVII, столѣтія въ Volumina legum, причемъ на-половину эти постановленія относятся спеціально къ литовско-русскимъ областямъ. Да еще въ одной конституціи конца XVI столѣтія встрѣчаемъ постановленіе, дающее шляхтѣ право наказывать своихъ подданныхъ, не повинующихся имъ въ духовномъ отношеніи, т. е. въ дѣлахъ вѣры. И совѣсть хлопская законнымъ образомъ поступила въ распоряженіе пановъ.

И такъ, къ началу XVIII столѣтія, о которомъ у насъ пойдетъ рѣчь, формальный процессъ закрѣпощенія и въ малорусскихъ областяхъ былъ доведенъ до той законченности, дальше которой шляхетству уже ничего не оставалось желать. Конечно, рука объ руку съ формальнымъ процессомъ долженъ былъ идти и процессъ закрѣпощенія матеріальнаго, экономическаго, уже не de jure только, а и de facto передающаго земледѣльца въ распоряженіе землевладѣльца, какъ его полную собственность. Къ великому огорченію шляхты, экономическое закрѣпощеніе малорусскаго народа не могло идти также легко и свободно отъ препятствій. Хотя козачества, къ которому всегда тянулось и приставало крестьянство для защиты своихъ интересовъ, уже не существовало въ польской Украинѣ, и другія обстоятельства были благопріятны для шляхты, напр. то,

что лѣвобережная русская Украина была настолько густо населена, что туда не могли особенно стремиться малорусскіе крестьяне изъ Польши — все-таки находилось одно препятствіе, лежавшее камнемъ на дорогѣ къ быстрому и успѣшному осуществленію шляхетскихъ экономическихъ идеаловъ: этимъ препятствіемъ было обиліе свободныхъ земель. Въ самомъ дѣлѣ, когда Украина вернулась въ руки поляковъ—она была почти пустыней. «Частныя владѣнія, говоритъ D-r Antoni J. въ своихъ такъ добросовѣстно и интересно составленныхъ «Opowiadania Historyczne», больше полвѣка не давали никакого дохода; внуки едва могли обратно получить то, что война и пожаръ отняли у ихъ дѣдовъ, да и то получали собственность опустошенную, часто не имѣющую и слѣдовъ поселенія... Прекрасная растительность все покрыла своимъ зеленымъ ковромъ... Сѣдое преданіе, вернувшись съ полувѣкового странствованія по свѣту, представляло разукрашенное въ воспоминаніи поселеніе о бѣлыхъ хатахъ, объ укрѣпленномъ замкѣ, а прибывшіе на мѣсто колонисты, вмѣсто воображаемыхъ дворцовъ, идиллическихъ соломенныхъ крышъ села, заставали только всхолмленную поляну и прекрасныя деревья, привѣтствующія ихъ печальнымъ поклономъ». Это описаніе относится къ мѣстности между Днѣстромъ и Бугомъ, т. е. къ южной Подоліи. То же самое было въ Украинѣ кіевской. Въ Хвастовщинѣ въ 1714 г., когда ее явился принять во владѣніе управляющій кіевскаго католическаго епископа, не было *ни души*, а въ другой волости, въ Черногородской, было 8 человѣкъ жителей. Регментарь Галецкій, отправленный съ польскимъ войскомъ въ кіевское воеводство на зимнія квартиры, писалъ оттуда шляхтѣ воеводства: «Вы отправили нѣсколько сотъ конницы на квартиры въ Украину и прислали мнѣ роспись дымовъ въ пустынѣ... вы постарались вытолкнуть войско въ незаселенныя мѣста на посмѣяніе. Назначили въ Вильскъ 25 чел. солдатъ, между тѣмъ какъ въ мѣстечкѣ только 3 человѣка жителей, въ Мирополь 36 солдатъ, между тѣмъ какъ въ немъ нѣтъ теперь и живой собаки. Штабъ мой вы помѣстили въ совершенно пустыхъ Бердичевѣ и Слободищахъ; присылаете мнѣ квартирный листъ въ Карповцы и Мошны—въ Мошны, гдѣ уже тридцать лѣтъ нѣтъ ни собаки» и т. д. И такъ шляхта вступала въ свои права собственности на малорусскую землю, но, увы! хлопа не было... Что же значила земля безъ хлопа? Абсолютно ничего. Надо было раздобыть его во что бы то ни стало. А раздобыть нельзя было иначе, какъ поступившись на время хоть частью своихъ шляхесткихъ правъ и идеаловъ. Пришлось выкликать на слободы, т. е. приглашать зе-

мледѣльцевъ селиться на земляхъ подъ условіемъ экономическихъ льготъ. Земледѣльцевъ же негдѣ было взять, кромѣ какъ изъ другихъ малорусскихъ провинцій, гуще заселенныхъ—тѣмъ болѣе были заселены мѣстности, чѣмъ больше были удалены отъ центра волненій, т. е. отъ Украины; наиболѣе густо заселенной изъ малорусскихъ областей было кіевское Полѣсье, западная Подолія и Волынь. Въ этихъ относительно густо населенныхъ мѣстностяхъ шляхта уже успѣла воспользоваться полнотой своихъ правъ, предоставлявшихъ ей крестьянство съ душой и тѣломъ, и если не довела еще выжиманіе хлопскихъ соковъ до того максимума, который ставился прямой физической невозможностью, то уже, конечно, дѣло стояло не за ея умѣньемъ или хотѣньемъ. Нельзя было выжимать до послѣдняго именно потому, что подъ бокомъ были свободныя земли, куда крестьяне ускользали, несмотря на всевозможныя репрессивныя мѣры: преслѣдованіями, экзекуціями, ничѣмъ нельзя было удержать хлопа, почуявшаго возможность хоть короткое время поработать на себя, а не на пана. И шляхта этихъ населенныхъ мѣстъ, не видя другого исхода, должна была хоть отчасти сдерживаться въ своихъ эксплуататорскихъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, фактъ существованія свободныхъ земель отражался на экономическомъ положеніи почти всего района южнорусскихъ земель Польши. Экономическій процессъ закрѣпощенія шелъ въ совершенно правильной зависимости отъ этого факта, какъ рельефно показываетъ прекрасное изслѣдованіе г. Антоновича о крестьянахъ югозападной Россіи по актамъ 1700—1798 гг. Двѣ совершенно параллельныя нити можно провести черезъ цифры, сохранившіяся въ инвентаряхъ шляхетскихъ имѣній: чѣмъ дальше подвигаемся отъ Украины въ глубь населенныхъ мѣстностей, тѣмъ тяжелѣе становятся крестьянскія повинности, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ тяжеле становятся онѣ, чѣмъ дальше идетъ дѣло къ концу столѣтія, т. е. чѣмъ больше заселяется край вообще.

Украина, т. е. южныя двѣ трети нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерній, въ теченіе XVIII стол. должна была представляться чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли для русскаго хлопства другихъ областей Польши: прекрасная природа, плодоносныя земли, воспоминанія недавняго героическаго прошлаго, когда ихъ же дѣды, отцы и старшіе братья, превратившись въ козаковъ, отстаивали свою свободу, а главное, главное—длинный рядъ свободныхъ годовъ, когда отъ тебя не будутъ требовать ни барщины, ни чинша, ни подорожчинъ, ни десятинъ, ни осеповъ, ни толокъ, ни шарварокъ, ни чего другого, что бы ни надумалъ еще ляхъ съ жидомъ: было отъ чего

закружиться бѣдной хлопской головѣ! Призъ былъ таковъ, что изъ-за него стоило рискнуть, и хлопы рисковали, убѣгая отъ своихъ господъ цѣлыми десятками семей... Положеніе крестьянства вновь осаженныхъ мѣстъ экономически дѣйствительно было хорошо: оно или ничего не платило, или платило совершенно необременительную дань деньгами или натурой. Ко второй половинѣ столѣтія уже повинности увеличиваются, но крестьяне еще свободны отъ барщины, а платятъ лишь, какъ видно изъ инвентаря Богуславскаго староства 1766 г., дань хлѣбомъ и деньгами, достигающую лишь суммы 20 злотыхъ, въ переводѣ на рабочіе дни только 60 дней—совершенные пустяки сравнительно съ тѣмъ, что платили въ то же время крестьяне другихъ мѣстностей. Конечно, не въ недостаткѣ желанія со стороны помѣщиковъ заключалась причина такого льготнаго положенія крестьянъ, а въ томъ обстоятельствѣ, что помѣщики не надѣялись иначе удержать населеніе на своихъ земляхъ: свободныхъ земель было еще много, а къ концу столѣтія, послѣ того какъ русскіе завоевали Крымъ, открылись для заселенія безграничныя новороссійскія степи, еще болѣе привлекательныя для малорусскаго хлопства, чѣмъ свободныя же земли въ польскомъ государствѣ. Однимъ словомъ, польскому землевладѣльцу никакъ невозможно было развернуться въ Украинѣ во всемъ своемъ шляхетскомъ полноправіи, гарантируемомъ ему законами Рѣчи Посполитой. Переходныя мѣстности отъ вновь населяемой Украины къ густо населенному Полѣсью представляютъ еще очень сносное экономическое положеніе, хотя здѣсь уже практикуется, сверхъ даней денежныхъ и натуральныхъ, и барщина. Но барщина еще относительно легка, 1—2 дня въ недѣлю; прибавочныхъ работъ, въ видѣ сверхурочныхъ толокъ, сторожъ и т. д., нѣтъ,—начинаютъ онѣ появляться къ концу столѣтія вмѣстѣ съ прибавочной денежной данью, подорожчиной. Натуральными произведеніями, медомъ, грибами и курами, съ начала столѣтія дани незначительныя—какіе нибудь 6 рабочихъ дней; къ концу столѣтія присоединяется къ продуктамъ натуральныхъ повинностей пряжа, хмѣль и яйца, что доводитъ ихъ въ сложности дней до 18. Однимъ словомъ, уже къ самой половинѣ столѣтія въ этихъ мѣстахъ общая сумма повинностей съ крестьянской семьи достигала лишь 82 дней. Но къ концу столѣтія она начала быстро повышаться, особенно послѣднее десятилѣтіе.

Кіевское Полѣсье и западная Подолія были мѣстностями, благопріятными для практики помѣщичьяго права по густотѣ своего населенія, но близость Украины все еще отзывалась. Барщина не

особенно тяжелая—2 дня въ недѣлю, къ концу столѣтія—3 въ лѣтнее полугодіе, но сверхурочные дни появляются уже съ самаго начала: къ концу столѣтія ихъ уже успѣло набѣжать до 60 съ семьи. Денежныя дани, въ видѣ чинша и подорожчины, небольшія; но за то повинности натурой многочисленны и разнообразны. Кромѣ обычнаго льна, меду, куръ, грибовъ, появляются въ инвентаряхъ гуси, кошениль, драны, ягоды, пряжа, льняное сѣмя и, наконецъ, хмѣль—однимъ словомъ, щипалось отъ всякаго крестьянскаго добра, ничему не давалось спуску. Все это въ сложности, переведенное на рабочіе дни, къ началу столѣтія представляло сумму 162 дней, къ концу же возросло до ужасной цифры—312 дней съ семьи!

Волынь, относительно густо населенная и наиболѣе отдаленная отъ Украины, несомнѣнно изъ всѣхъ областей, заселенныхъ малорусскимъ народомъ, представляла самое удобное мѣсто для практическаго осуществленія шляхетскихъ соціальныхъ идеаловъ. И шляхетство, конечно, воспользовалось выгодами своего положенія. Была ли физическая возможность выжать изъ крестьянина что нибудь сверхъ того, что ухитрялись выжимать изъ него по инвентарямъ конца столѣтія—пусть рѣшитъ самъ читатель. Въ началѣ столѣтія барщинныхъ дней отбывалось 3 въ недѣлю, въ концѣ 4, по одному инвентарю 1791 г. даже 5! (Но такая цифра уже, кажется, показываетъ не серьезное преслѣдованіе помѣщикомъ своего экономическаго интереса или разсчета, а, такъ сказать, помѣщичье увлеченіе, имѣющее параллель въ исторіи объ извѣстномъ анекдотическомъ жидѣ, который отучалъ свою лошадь отъ корму). Сверхурочные рабочіе дни росли подъ самыми разнообразными предлогами, заявлялись подъ самыми разнообразными названіями, ловко приспособленными къ хлопскому уху, чтобы не пугать его даромъ: положимъ, хлопъ обязанъ отработать свою барщину на жнитвѣ—что значитъ ему отработать еще одинъ день лишній при началѣ жатвы и одинъ при концѣ—съ хлопа по ниткѣ пану рубашка. Смотришь, и появились въ инвентарѣ зажинки и обжинки, закоски и обкоски, заорки и объорки. А тамъ, отчего бы не позвать хлопа поработать лишній день за водку, на толоку,—извѣстно, хлопъ пьяница, радъ все сдѣлать за водку—смотришь, за мокрой толокой, т. е. съ угощеніемъ, появилась въ инвентарѣ и сухая, т. е. безъ угощенія. И растетъ, растетъ изъ году въ годъ тягота на хлопской спинѣ—выдержитъ-ли? Выдерживаетъ... Въ повинности крестьянъ не въ зачетъ барщинныхъ дней включается обязанность насадить пану капусту, приготовить и полоть огородъ, полоть просо и пшеницу, собрать съ поля ленъ и пеньку, вымочить

и очистить стебли, давать сторо́жу къ панскому двору и гумну и т. д. Прелестный образчикъ шляхетской изобрѣтательности находится въ одномъ инвентарѣ 1792 г., по которому хлопы обязываются отбывать, кромѣ, конечно, всѣхъ упомянутыхъ, урочныхъ и сверхурочныхъ, еще дни за пользованіе лѣсными продуктами: день за березовую кору, день за рыжики, день за опенки и день за *ландыши*. Это было бы невѣроятно, если бы не было документально вѣрно. Не панскій-ли это юморъ своего рода? Этотъ фактъ, какъ и вообще все касающееся экономическаго положенія малорусскихъ хлоповъ въ Польшѣ XVIII вѣка, извлеченъ нами изъ упомянутаго выше изслѣдованія г. Антоновича, гдѣ каждый фактъ можетъ быть провѣренъ ссылкой на соотвѣтствующій документъ. Итогъ всѣхъ повинностей волынскихъ хлоповъ уже въ началѣ столѣтія равнялся 231 дню, въ концѣ 321—собственно рабочими днями 240, чиншомъ и подорожчиной, т. е. вообще деньгами, стоимость 48 дней, и натурой—33. Цифры эти такъ краснорѣчивы, что къ нимъ едва-ли нужно дѣлать какія нибудь поясненія.

Чѣмъ тѣснѣе стягивалась экономическая петля на шеѣ малорусскаго хлопа, тѣмъ болѣе безправнымъ становился онъ фактически, хотя de jure, конечно, ничего не измѣнялось въ его положеніи. Всего сильнѣе и болѣзненнѣе—насколько можно судить по послѣдствіямъ—отражалось его безправіе на сторонѣ религіозной. Снова появилась ненавистная унія, отъ которой больше вѣка отбивался малорусскій народъ и отбился таки на половину, къ великой потерѣ для польскаго государства. Но для шляхты и этотъ урокъ прошелъ даромъ—при первой возможности она снова принялась за водвореніе уніи. Законъ давалъ право помѣщику на совѣсть хлопа, и какъ только панскія руки сдѣлались достаточно длинными для того, чтобъ основательно ухватить хлопа, онѣ ухватывали и принуждали, во имя своего законнаго права, приступать къ уніи. Трудно предположить, чтобы для хлопской темноты имѣло какое нибудь значеніе Filioque или что нибудь подобное; но малорусскій хлопъ вливалъ въ понятіе уніи, какъ въ продуктъ польско-католическо-шляхетскихъ ухищреній, всю ненависть къ тому общественному и государственному строю, который сдѣлалъ изъ него хлопа—и чувствовалъ къ уніи безграничное отвращеніе. Чувство это обострялось еще, конечно, въ силу традиціи, которая напоминала потомкамъ, какъ ихъ предки отстаивали православіе все отъ той же ненавистной уніи. И вотъ унія снова выступила на сцену, когда поляки нѣсколько поуспокоились въ своемъ положеніи властителей правобрежной

Украины. Вся земля собственно Украины принадлежала въ XVIII ст. нѣсколькимъ магнатамъ, главнымъ образомъ, тремъ—Вишневецкому, Яблоновскому и Потоцкому, къ которымъ потомъ присоединилось еще нѣсколько родовъ. Надо сказать, что магнаты—вслѣдствіе-ли болѣе гуманныхъ и свободныхъ понятій, которыя они могли усвоить, толкаясь по Европѣ, или болѣе тонкаго пониманія своихъ выгодъ—магнаты, говоримъ мы, вовсе не были склонны стѣснять своихъ подданныхъ въ религіозныхъ дѣлахъ. Напротивъ, они даже давали имъ акты, обезпечивавшіе свободу вѣроисповѣданія. Но такіе акты, конечно, могли служить только выраженіемъ желаній или взгляда на вещи владѣльцевъ, а не юридической гарантіей, на которую бы хлопъ могъ опереться въ случаѣ нарушенія его яко-бы права. Да и вообще, на практикѣ такіе акты имѣли мало значенія даже при желаніи владѣльцевъ сохранять ихъ въ неприкосновенности. Дѣло въ томъ, что магнаты-владѣльцы не только не жили въ своихъ громадныхъ украинскихъ имѣніяхъ, а и посѣщали-то ихъ рѣдко. Всѣми же дѣлами заправляла масса довѣренной шляхты, которая, съ цѣлью быстрой и богатой наживы, налетѣла въ украинскія имѣнія своихъ патроновъ въ видѣ безконечнаго количества разныхъ губернаторовъ (управляющихъ), коммиссаровъ, поссесоровъ, экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. п. Они были единственными и всемогущими вершителями судебъ украинскаго крестьянства. Эта невѣжественная шляхетская масса, до мозгу костей пропитанная сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства надъ хлопами, которыхъ, однако, боялась какъ бѣшенныхъ собакъ, экономически не заинтересованная въ томъ, чтобъ заглядывать въ отдаленное будущее,—нисколько не была склонна уважать ни трактаты, которыми Польша постоянно обязывалась передъ Россіей не стѣснять православіе, ни конституціи, которыми сеймы подтверждали права православныхъ, ни даже тѣ акты, которые ея же собственные господа, украинскіе магнаты, выдавали своимъ подданнымъ на защиту ихъ вѣры. Шляхта эта легко дѣлалась слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. Польское же католическое духовенство давно привыкло смотрѣть на малорусскій народъ, какъ на свою обреченную жертву, которая должна присоединиться, такъ или сякъ, къ католической церкви. Для духовенства не существовало даже соображеній общественной или государственной пользы, такъ какъ для него имѣли существенное значеніе только интересы церкви—все остальное было второстепенно и неважно. Понятно поэтому, что духовенство не упустило случая заняться пропагандой уніи, лишь только водвореніе

польскихъ порядковъ расчистило ему мѣсто для новыхъ упражненій этого рода. Въ средствахъ оно по обыкновенію было не разборчиво: все считалось хорошимъ, что было полезно для достиженія благочестивой цѣли,—духовное орудіе, такъ же какъ и свѣтское, устная проповѣдь и убѣжденіе, право и законъ, такъ же хорошо, какъ прямое физическое грубое насиліе. Мѣстная шляхта, со всей полнотой своихъ правъ надъ народомъ, дѣлалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. И водвореніе уніи началось, началось систематически, правильно-организованными миссіями, съ содѣйствіемъ всѣхъ силъ католической церкви и мѣстныхъ властей. Православіе же, послѣ присоединенія къ Польшѣ, было на правомъ берегу совсѣмъ лишено организаціи: іерархическія каѳедры, кіевская и переяславская, были за границей, и потому мѣстнымъ властямъ, заинтересованнымъ въ томъ, чтобъ дѣлать всякія стѣсненія православію, и облеченнымъ полновластіемъ, ничего не стоило страшно затруднять сношенія съ заграничной іерархической властью. Вліяніе этой власти годъ отъ году слабѣло. Отсюда возникала церковная дезорганизація, изъ которой выходило то, что каждый приходъ долженъ былъ самъ собою бороться со всей организованной силой уніи. Положимъ, приходъ хочетъ во что бы то ни стало имѣть православнаго священника, а не уніата. Если бы даже мѣстныя власти съ уніатскимъ духовенствомъ и не пожелали употребить въ дѣло прямого насилія, какое употребляли очень часто—документы постоянно свидѣтельствуютъ о насильственныхъ наѣздахъ на церкви и т. п.,—тѣмъ не менѣе обыватели встрѣчали множество препятствій, чтобы остаться въ православіи. Необходимо было раздобыть согласіе владѣльца или его повѣреннаго, отъ котораго зависѣло дать священнику необходимую на содержаніе его землю; затѣмъ получить абсолюцію уніатскаго декана—все это покупалось за деньги. Затѣмъ сколько хлопотъ съ рукоположеніемъ, когда нѣтъ мѣстной іерархической власти! а потомъ всякія обиды и стѣсненія со стороны сильнаго уніатскаго духовенства, со стороны шляхты, для которой православный попъ, бѣдный, невѣжественный, еще недавно въ качествѣ хлопа отправлявшій барщину, конечно, не могъ быть предметомъ уваженія. Очень естественно, что многіе священники, чтобы добиться скорѣе прихода или сохранить его за собою, переходили въ уніатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ волей-неволей долженъ былъ ходить въ уніатскую церковь. Такимъ образомъ, унія, опираясь на свою организацію и поддержку шляхты и пользуясь дезорганизаціей православія, все сильнѣе и сильнѣе распространялась, несмотря на общее

отвращеніе къ ней народа. Но, конечно, пока за православіемъ были симпатіи массъ, его дѣло не могло еще считаться проиграннымъ, какъ бы оно ни казалось плохимъ на видъ. Дѣйствительно, достаточно было появиться лицу, которое взялось энергически за устройство религіозныхъ дѣлъ православнаго населенія польской Украины, принявъ за точку опоры Россію, и все приняло тотчасъ же другой видъ. Лице это архимандритъ Мотренинскаго монастыря Мельхиседекъ Яворскій; онъ, его дѣятельность и вообще положеніе религіозныхъ дѣлъ въ Украинѣ тѣсно связаны съ Коліивщиной, и потому мы оставляемъ пока этотъ предметъ, чтобы возвратиться къ нему въ своемъ мѣстѣ.

II.

И экономическая петля, все сильнѣе и сильнѣе стягивающаяся около шеи малорусскаго крестьянства Польши, и правовой гнетъ, который не позволялъ хлопу даже мечтать о какомъ нибудь прочномъ обезпеченіи собственности и личности, и постоянныя насилія въ дѣлахъ совѣсти и религіознаго убѣжденія,—все это должно было страшно накопить недовольство въ малорусскомъ хлопствѣ. При той абсолютной разобщенности, которая существовала въ Польшѣ между верхнимъ и нижнимъ общественными слоями, никакихъ смягчающихъ условій, которыя могли бы играть роль предохранительнаго клапана,—не было. Почва для общественныхъ взрывовъ была готова.

Дѣйствительно, условія были благопріятны для зарожденія серьезнаго народнаго движенія. Но все-таки это движеніе могло бы быть или не быть, смотря по обстоятельствамъ и прихоти слѣпого случая, если бы малорусское крестьянство Польши не носило въ себѣ еще элемента, который дѣлалъ движеніе въ той или другой формѣ почти неизбѣжнымъ. Этимъ элементомъ было сознаніе.

Исторія чрезвычайно упростила для малорусскаго народа польскаго государства его соціальную задачу, и потому народъ могъ охватить ее легко и свободно. Землевладѣлецъ и панъ, экономическій и юридическій угнетатель народа, былъ въ то же время человѣкъ чуждой и враждебной національности, ляхъ и католикъ, приверженецъ религіи, внушавшей народу отвращеніе. Національный вопросъ отожествлялъ собою и экономическій, и религіозный, и всѣ прочіе—однимъ словомъ, всю совокупность соціальныхъ вопросовъ. Освобожденіемъ «отъ рабства лядскаго — египетскаго» разрѣшалось все,

что только народъ могъ загадывать въ данную минуту: едва-ли могло быть что нибудь проще такой постановки. И мало того, что въ народѣ было сознаніе: въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, это было сознаніе, закрѣпленное болѣе чѣмъ столѣтіемъ борьбы, т. е. столѣтіемъ фактическаго воспитанія, которое не только возвело сознаніе до возможной для народа степени отчетливости, но и направило въ унисонъ съ нимъ также желанія и волю массъ. Положеніе было единственное въ своемъ родѣ. Это столѣтіе борьбы оставило въ духѣ народа безчисленное количество психическихъ слѣдовъ, которые дали содержаніе безконечнымъ разсказамъ, преданіямъ, легендамъ, пѣснямъ, думамъ—все это поддерживало въ народѣ постоянное извѣстное настроеніе, которое толкало его на путь борьбы при каждомъ стеченіи сколько нибудь благопріятныхъ или вызывающихъ обстоятельствъ.

Народный протестъ былъ неизбѣженъ. Но онъ могъ, конечно, выразиться въ разнообразныхъ формахъ. Почему же онъ такъ упорно принялъ одну излюбленную, ту, которую историки, какъ и самъ народъ, называютъ гайдамачиной? Гайдамачина, несомнѣнно, явленіе очень типичное, рѣзко отличающееся отъ такихъ народныхъ движеній, какъ пугачевщина или разиновщина. Это малорусское народное движеніе отличается отъ соотвѣтствующихъ великорусскихъ движеній такъ же, какъ хроническое теченіе болѣзни отличается отъ остраго. Гайдамачина—это хроническое броженіе, которымъ страдалъ организмъ польскаго государства почти въ теченіе цѣлаго столѣтія. Время отъ времени болѣзнь обострялась, но затѣмъ лишь, чтобы снова принять свой характеръ хроническаго страданія. Ничего могло не мѣняться въ внѣшнихъ отношеніяхъ: шляхтичъ сидитъ въ своемъ имѣніи, проѣдаетъ, пропиваетъ и прокучиваетъ въ пирушкахъ съ сосѣдями чинши, дани натурой и всю благодать, что доставляетъ ему хлопъ своею работой; хлопъ работаетъ, чтобы доставить пану все это добро. А между тѣмъ, панъ знаетъ какъ нельзя лучше, что хлопъ состоитъ въ борьбѣ съ нимъ, паномъ, что не сегодня-завтра онъ уйдетъ въ гайдамацкую шайку или отправитъ, если не отправилъ еще, въ нее своего брата или сына, или если не отправилъ никого и не идетъ самъ, то даетъ пріютъ гайдамакамъ, проводитъ ихъ, снабжаетъ съѣстными припасами и необходимыми свѣдѣніями, извѣщаетъ о грозящей опасности, сообщаетъ всѣ подробности о немъ самомъ, панѣ, и т. д. И ничего нельзя сдѣлать съ этимъ врагомъ. Истребить его? Но это значитъ истребить свои средства къ существованію! И не мудрено поэтому, что панъ не только самъ не истреблялъ хлопа,

но еще заботился о томъ, чтобы извлечь его изъ рукъ строгаго правосудія: требованія желудка оказывались настойчивѣе требованій оскорбленнаго правового чувства. А между тѣмъ, приходилось каждую минуту дрожать за свою жизнь и имущество. Зима нѣсколько тушила пламя бунта,—употребляя выраженія тогдашней польской рѣчи, которая такъ любила щеголять реторическими украшеніями,—но за то каждый разъ лѣто раздувало его съ новою силой; и такъ изъ года въ годъ. Сравнивая гайдамачину и пугачевщину, какъ малорусское и великорусское народныя движенія, нельзя не обратить вниманіе на нѣкоторое соотвѣтствіе этихъ движеній съ извѣстными типическими племенными особенностями этихъ народностей: малороссъ, апатичный и въ то же время настойчивый, такимъ же выразился и въ своихъ революціонныхъ стремленіяхъ въ противоположность болѣе подвижному и порывчатому великоруссу. Но, конечно, было бы совершенно преждевременнымъ и безплоднымъ искать причинъ историческихъ явленій въ тайникахъ народнаго духа. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній гораздо плодотворнѣе проанализировать обстоятельнѣе тѣ внѣшнія условія, которыми былъ обставленъ тотъ или другой историческій фактъ, не пытаясь связывать его пока съ тѣмъ великимъ иксомъ, какимъ представляется намъ народная психологія. Во внѣшнихъ же условіяхъ мы можемъ усмотрѣть кое-что, объясняющее намъ нѣсколько характеръ движенія малорусскаго хлопства.

Прежде всего, такой характеръ движенія, какимъ отличалась гайдамачина, движенія, идущаго, такъ сказать, въ затяжку, не былъ бы возможенъ ни въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ польскаго. Только при той государственной дезорганизаціи, которую поляки называли государственнымъ устройствомъ своей Рѣчи-Посполитой, могло имѣть мѣсто такое ровное и систематическое движеніе, повторяющееся съ правильностью естественнаго явленія.

Государство польское, дѣйствительно, представляло нѣчто совсѣмъ выходящее изъ ряду вонъ по своимъ порядкамъ, какой-то странный анахронизмъ среди прочихъ европейскихъ государствъ. Успѣхи въ государственной техникѣ, какіе дѣлали другія государства, не касались Польши. Ея заржавѣвшій механизмъ скрипѣлъ невыносимо и еле-еле дѣйствовалъ; каждая изъ его составныхъ частей двигалась какъ-то сама по себѣ, мало заботясь о цѣломъ—однимъ словомъ, это было нѣчто неуклюжее и въ практическомъ смыслѣ крайне непроизводительное. Вся Польша была покрыта магнатскими латифундіями. Онѣ были такъ обширны, что могли смѣло играть роль владѣтельныхъ княжествъ. О величинѣ ихъ можно судить по такому

факту, напр., что въ Украинѣ въ концѣ прошлаго вѣка былъ цѣлый особый классъ людей—оффиціалисты Потоцкихъ, т. е. шляхтичи, служащіе въ имѣніяхъ Потоцкихъ. Каждый магнатъ былъ въ своихъ владѣніяхъ гораздо больше королемъ, чѣмъ король въ государствѣ. Роль короля была крайне ничтожна и жалка. Кажется, онъ затѣмъ собственно и выбирался, чтобы не дать панамъ перегрызться между собою на смерть; да и этому онъ не могъ настояще помѣшать, такъ какъ въ средѣ польскаго дворянства самыя грубыя насилія, свидѣтельствующія о полномъ презрѣніи къ закону и верховной власти, были обыкновеннымъ, ежедневнымъ дѣломъ. Затѣмъ, первая и главная обязанность короля была ублажать шляхту всѣми способами, какіе были у него въ рукахъ: раздачей почетныхъ званій, орденовъ и государственныхъ имѣній (крулевщизнъ, староствъ) въ пожизненное владѣніе. Трудно было сдѣлать малѣйшее движеніе, мѣняющее что нибудь въ statu quo: единственная законодательная власть, сеймъ, могъ быть сорванъ однимъ какимъ нибудь подкупленнымъ голосомъ, такъ что цѣлое столѣтіе до вступленія на престолъ Понятовскаго изъ пятидесяти пяти сеймовъ состоялось только семь, да и то подъ чужимъ давленіемъ. Такимъ образомъ, законодательной власти въ странѣ не было: она появлялась только тогда, когда иностранныя правительства посылали свое войско, чтобы водворить порядки. Если какъ нибудь все-таки происходило нѣчто непріятное той или другой панской группѣ—она объявляла конфедерацію, т. е. вооруженное сопротивленіе существующей государственной власти, и сама облекалась во всѣ атрибуты государственной власти, такъ что въ Польшѣ разомъ появлялись два враждующія государства, а случалось и больше. Съ такими трудностями соединенъ былъ каждый шагъ къ какому-либо измѣненію, даже относительно безразличному для шляхетства по своему существу. Что же, бывало, если этотъ шагъ долженъ былъ прямо затронуть шляхетскіе интересы? Съ молокомъ матери впитавши въ себя убѣжденіе, что оно призвано на пиръ природы, и что главная и, можно сказать, почти единственная обязанность государства стоять на-сторожѣ, чтобы никто не помѣшалъ этому пиру, съ одной стороны, а съ другой—помогать пиршеству, если оно паче чаянія приходило въ оскудѣніе, шляхетство съ остервенѣніемъ и злобой встрѣчало всякое, какъ оно считало, посягательство на свои права. Такимъ образомъ, государственная власть обречена была на бездѣйствіе даже въ узкихъ предѣлахъ, доступныхъ ей по закону, такъ какъ ничего нельзя было сдѣлать безъ средствъ, а сколько нибудь значительныхъ средствъ нельзя было выжать изъ

Польши, при ея экономическомъ строѣ, при слабомъ развитіи торговли и промышленности, не задѣвъ шляхетства—владѣльца почти всей польской земли, за исключеніемъ государственныхъ имѣній. Да и съ государственныхъ имѣній государство немногимъ могло поживиться, такъ какъ ими, по обычаю, надѣлялась въ пожизненное владѣніе знать, съ обязательствомъ уплачивать въ казну лишь часть доходовъ, на содержаніе войска.

Такимъ образомъ, чѣмъ же могло государство противодѣйствовать потрясающимъ его народнымъ движеніямъ? Никакихъ административныхъ учрежденій, которыя могли бы что нибудь предусмотрѣть или предупредить, государство не содержало и не могло содержать. Оставалась, значитъ, одна сила, и сила самая существенная, если бы она могла дѣйствовать какъ слѣдуетъ—это войско. Но дѣло въ томъ, что польское войско, какъ и слѣдовало ожидать, было крайне жалко, плохо организовано, очень малочисленно. Всего въ теченіе XVIII стол. считалось на государственномъ содержаніи (на кварту доходовъ съ государственныхъ имѣній) 18,000 войска, 12,000 въ Коронѣ и 6,000 въ Литвѣ. При Понятовскомъ, когда польскія дѣла стали въ политическомъ отношеніи поворачиваться круто, сеймы постоянно мечтали о вооруженіи настоящей военной силы: но мечты, конечно, разбивались о печальную дѣйствительность, т. е. неимѣніе средствъ и полное нежеланіе шляхты чѣмъ нибудь поступиться. Войско короны дѣлилось на четыре партіи: великопольскую, малопольскую, сендомірскую и украинскую. Слѣдовательно, на защиту украинскихъ областей приходилось всего 3000 чел. Но и эти 3000 никогда не могли находиться на лицо; развѣ половина была въ сборѣ. Дѣло въ томъ, что войско польское имѣло совсѣмъ особую организацію, хорошо гармонировавшую со всѣмъ шляхетскимъ строемъ общества, но никуда негодную практически. Каждая изъ хоругвей, на которыя дѣлилось войско, состояла изъ «товарищей» и «шереговыхъ», которыхъ приходилось по нѣскольку на каждаго товарища. «Товарищи» были исключительно дворяне, поступившіе въ хоругвь добровольно, ради той чести, какую доставляло въ тогдашнемъ обществѣ званіе товарища, и изъ желанія выдвинуться впередъ, получить званіе хорунжаго, поручика или ротмистра; «шереговые» были крѣпостные или наемные слуги товарищей. Хоругвь имѣла всегда постоянное мѣстопребываніе. Товарищи, получивъ чего добивались, т. е. военное званіе, разъѣзжались по домамъ или по сосѣдямъ, очень мало думая о службѣ—едва нѣсколько человѣкъ изъ комплекта оставалось на мѣстѣ; начальство же поощряло само такіе

порядки, такъ какъ находило выгоднымъ класть въ свой карманъ то, что выдавалось ему на содержаніе отсутствующихъ товарищей. Также мало думали о военной службѣ и шереговые, которые обзаводились обыкновенно на мѣстѣ стоянки семьями и хозяйствами, такъ какъ были увѣрены, что ихъ не будутъ тревожить. Гетманъ, главный начальникъ военныхъ силъ, никогда не появлялся на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Украину, хотя никакія другія войны его не отвлекали. Даже непосредственный начальникъ украинскихъ войскъ—региментарь украинской партіи—часто передавалъ свои обязанности кому нибудь изъ подчиненныхъ. Однимъ словомъ, распущенность войска была полная: изъ 3000 едва 700—1000 чел. были на-лицо. Да и эти мизерныя наличныя силы были разбиты по стоянкамъ на отдаленныхъ разстояніяхъ, откуда ихъ приходилось сбирать въ случаѣ надобности, которая часто миновала прежде, чѣмъ войско сбиралось. Мало того: явившись на защиту страны, регулярное войско допускало постоянныя злоупотребленія, незаконный сборъ фуража и провіанта, грабежи и др. насилія. И не только какіе-нибудь шереговые или рядовые товарищи, даже высшій военный мѣстный чинъ—региментарь обвиняется на сеймикѣ брацлавскаго воеводства 1740 г. въ самыхъ крайнихъ и вопіющихъ злоупотребленіяхъ.

И такъ, народу нечего было опасаться серьезнаго отпора со стороны государства. Но, можетъ быть, такой отпоръ представляло само шляхетское общество? Вѣдь оно-то главнымъ образомъ и было заинтересовано въ подавленіи революціонныхъ стремленій народа, такъ какъ стремленія эти были направлены противъ него и лишь ему угрожали непосредственно. Отъ польскаго шляхетства съ правомъ можно бы было ожидать самодѣятельности и энергіи, такъ какъ оно цѣлыми вѣками пріучено было къ самостоятельности, самоуправленію и политической жизни вообще. Но въ критическія-то минуты именно общество и заявляетъ себя во всей красѣ своихъ основныхъ свойствъ. Шляхетство было развращено и разслаблено до мозга костей своимъ нелѣпымъ общественнымъ строемъ и потому не могло имѣть качествъ здороваго политическаго общества. Правда, весь декорумъ политической мудрости былъ на лицо: дѣятельно сбирались сеймики, и ординарные и экстраординарные, поставлялись разныя рѣшенія, болѣе или менѣе умныя, для пресѣченія и предупрежденія зла, грозящаго шляхетскому обществу, но не было того, что составляетъ душу каждаго общаго дѣла—не было ни у кого желанія стѣснять себя и жертвовать своими личными интересами ради общихъ. Общество же, безъ способности къ жертвѣ, не общество, а тѣнь, призракъ—

и польское шляхетское общество было лишь такимъ призракомъ. Позднѣе, когда исторія поставила вопросъ о жертвѣ, какъ о фатальной необходимости (напр., конституція 3-мая 1791 г.), оно и тутъ не сумѣло отнестись къ факту съ достоинствомъ, а сдѣлало изъ своего положенія актерскую роль, въ которой находило удовлетвореніе своему жалкому тщеславію, своей дѣтской наклонности къ мишурному величію и реторическимъ погремушкамъ.

Что же предпринимала шляхта мѣстностей, угрожаемыхъ народными волненіями? Наибольшей опасности подвергались воеводства Кіевское и Брацлавское—и въ нихъ-то больше всего и выказалась неспособность шляхты къ самозащитѣ. Конечно, прежде всего шляхта сбирала свои сеймики—эти типическіе органы мѣстнаго шляхетскаго самоуправленія—на нихъ пили и ѣли, дрались и мирились, и въ концѣ концовъ постановляли обратиться все къ тому же жалкому центральному правительству съ просьбой о помощи—о присылкѣ войска изъ другихъ частей, однако, «безъ обремененія какими либо особыми податями дворянъ пограничныхъ воеводствъ». И объ этомъ просили дворяне, которые сами посылали своихъ пословъ на сеймы, да и всякими другими путями могли хорошо знать, если только интересовались сколько нибудь дѣлами общаго своего отечества, что кварта изъ доходовъ государственныхъ имѣній едва покрываетъ расходы по содержанію войска и что другихъ источниковъ дохода на какія нибудь сверхсмѣтныя военныя издержки у государства нѣтъ. Мало того: они просили черезъ свои сеймики у государственной казны даже вознагражденія за раззореніе, причиняемое имъ гайдамаками, отъ которыхъ не умѣли сами защититься. Еще курьезнѣе тѣ невозможныя требованія, которыя предъявляютъ дворянскіе сеймики къ Россіи черезъ посольства къ пограничнымъ русскимъ властямъ, черезъ короля и сеймъ. Находя очень удобнымъ сваливать все съ себя, польское дворянство постоянно винитъ въ народныхъ волненіяхъ Россію и на основаніи этого требуетъ военной помощи со стороны Россіи для прекращенія этихъ волненій и вознагражденія за убытки всѣхъ пострадавшихъ дворянъ. Это было нѣчто чрезвычайно комическое. Интересно то, что Россія въ самомъ дѣлѣ дѣлала что могла, гораздо больше, чѣмъ ей было обязательно въ силу международныхъ правъ и отношеній: вѣроятно, въ ея дипломатическихъ видахъ входило не раздражать шляхту. Въ своемъ мѣстѣ мы коснемся подробнѣе этого предмета. Здѣсь же замѣтимъ только, что нельзя не удивляться тому терпѣнію и уступчивости, которыя она постоянно выказывала въ виду беззастѣнчивой наглости и вы-

сокомѣрія, которое всегда склоненъ былъ выказывать шляхтичъ, когда не видѣлъ отпора своей необузданной притязательности — у насъ есть на этотъ счетъ интересные документы изъ пограничной переписки. Наконецъ, 1750 г., когда поднялся весь юго-западный край разомъ—все покрылось пожарами, грабежами, опустошеніемъ—шляхта, наконецъ, не видя ни откуда спасенія, рѣшилась на героическія мѣры: вооружить ландмилицію на собственный счетъ. Все было устроено, придуманы красивые мундиры, и ландмилиція въ числѣ 500 человѣкъ долженствовала положить конецъ хлопскимъ безобразіямъ. Но, къ удивленію, оказалось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Мы не видимъ этой милиціи ни въ какихъ дѣйствіяхъ противъ гайдамаковъ; за то встрѣчаемъ множество жалобъ на милиціонеровъ отъ обывателей охраняемыхъ ими мѣстностей—жалобъ на разнаго рода насилія, буйства, раззоренія и грабежи. Какъ видно, общество, зараженное нравственной язвой, не можетъ дать хорошаго плода. Очень естественно, что ландмилиція, просуществовавъ года три, по постановленію тѣхъ же сеймиковъ, которые ее устроили, т. е. Брацлавскаго и Кіевскаго, прекратила свое существованіе.

Но когда личность не могла ждать защиты ни отъ государства, ни отъ общества, она естественно искала средствъ обезопасить сама себя, собственными силами. Такъ и дѣлали украинскіе владѣльцы. Это были, большею частью, люди очень богатые, и они вооружали для себя цѣлые отряды такъ называемыхъ надворныхъ козаковъ: у Потоцкаго въ Уманьскомъ отрядѣ было 1200 чел., у другихъ по нѣсколько сотъ. Помимо цѣлей защиты, надворные отряды были предметомъ насущной необходимости для каждаго знатнаго польскаго пана: безъ отряда онъ не могъ поддержать своего значенія въ Польшѣ, гдѣ нельзя было привести съ исполненіе судебнаго рѣшенія надъ богатымъ человѣкомъ иначе, какъ при посредствѣ вооруженной силы. Надворные казаки могли быть такой защитой для края, лучше которой нечего было и желать: знатоки своего дѣла, хорошо приспособленные къ условіямъ, знающіе мѣстность. И они были чрезвычайно полезны панамъ въ ихъ наѣздахъ другъ на друга. Но, въ качествѣ защитниковъ своихъ владѣльцевъ отъ гайдамаковъ, они оказывались мало пригодными, такъ какъ были заражены неизлѣчимымъ порокомъ: они были хлопы и не могли забыть своего русско-хлопскаго происхожденія, несмотря на всѣ панскія ласки и милости. Если случалось имъ на глазахъ у владѣльцевъ дѣйствовать противъ гайдамаковъ, то они все-таки дѣйствовали вяло и неохотно, никогда не преслѣдовали по настоящему гайдамаковъ и т. д. Большею же частію на-

дворные козаки вступали въ прямыя сношенія съ врагами своихъ господъ, помогали имъ и, при сильныхъ гайдамацкихъ движеніяхъ, случалось, присоединялись къ гайдамакамъ цѣлыми отрядами: ужасная гибель Умани 1768 г. произошла именно вслѣдствіе того, что надворный отрядъ Потоцкаго передался въ полномъ своемъ составѣ врагамъ, со всѣми выборными своими начальниками. Однако, потребность въ какой нибудь, хоть и не надежной, оборонѣ была такъ сильна, что владѣльцы крѣпко держались за свои надворныя козацкія милиціи. Мало того, даже правительство и общество привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на главную защиту, такъ какъ они дѣйствительно по численности далеко превосходили всѣ прочія военныя силы края.

Серьезнаго сопротивленія ожидать было неоткуда: организованная военная сила, какою располагало государство или общество, была и незначительна, и ненадежна. Народнымъ массамъ не было необходимости накапливать неудовольствія, чтобы разомъ дать ему исходъ. Народъ могъ постоянно и систематически отводить свою душу и на панахъ, жидахъ и католическомъ духовенствѣ, и затѣмъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, пользуясь которыми, можно было бы уже все перевернуть по своему, обратить ляшское и панское царство въ православное и козацкое. Но, увы! послѣдняго онъ не могъ сдѣлать, хотя бы у него, можетъ быть, и хватило на это силъ и энергіи: дипломатія не могла дозволить малорусскому народу снова рѣшить политическую задачу своими силами, какъ онъ было уже рѣшилъ ее разъ. Но за то никто не могъ помѣшать ему вымещать накипѣвшее зло, и онъ этимъ пользовался.

Но всѣмъ вышесказаннымъ еще не объясняется, почему движеніе малорусскихъ хлоповъ выразилось не въ формѣ неопредѣленнаго броженія, мѣстныхъ вспышекъ, несистематическихъ, безсвязныхъ, какъ выражается всегда народный протестъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Почему гайдамачина является не безпорядочнымъ хлопскимъ бунтомъ, какимъ представляли ее поляки, а настоящей партизанской войной? Этотъ характеръ несомнѣнно былъ приданъ ему участіемъ запорожскаго козачества. Не будь запорожцевъ, гайдамачина не была бы гайдамачиной, т. е. болѣе или менѣе систематической борьбой народа съ угнетателями за свои попранныя права, а осталась бы, вѣроятно, тѣмъ, чѣмъ она была въ началѣ столѣтія, до вмѣшательства запорожцевъ—отдѣльными вспышками, имѣющими нерѣдко видъ вызванныхъ личными и корыстными побужденіями, тѣмъ болѣе, что въ нихъ иногда принимаютъ участіе, въ качествѣ вожаковъ,

шляхтичи, преслѣдующіе само собой исключительно эгоистическія цѣли—мщенія, наживы и т. п. Слѣдуетъ остановиться съ должнымъ вниманіемъ на томъ интересномъ фактѣ, что у насъ до сихъ поръ не было сколько-нибудь серьезнаго народнаго движенія безъ участія свободнаго военнаго сословія, т. е. козаковъ. Это вѣрно по отношенію къ Малороссіи, какъ и къ Великороссіи. Такъ что невольно приходитъ въ голову общій вопросъ: имѣемъ-ли мы основаніе думать, что возможно было серьезное народное движеніе безъ заранѣе приготовленнаго исторіей ядра, къ которому бы оно могло примкнуть? Волненіе, разъ зародившись и найдя для себя подходящую почву, можетъ охватить массу однимъ толчкомъ, какъ-бы электрическимъ ударомъ; но волненіе еще не создастъ серьезнаго народнаго движенія, такъ какъ оно не создастъ организаціи. Это совсѣмъ не легкое дѣло—выдвинуть ту первичную организаціонную клѣтку, которая обладала бы достаточно органической силой, чтобы ассимилировать изъ окружающаго подходящіе элементы. А безъ такой клѣтки, которая претворяла бы неорганическую соціальную матерію въ органическое вещество, всякое волненіе останется механическимъ, и даже помимо внѣшняго противодѣйствія можетъ улечься само собой, по тѣмъ же механическимъ законамъ, по какимъ и поднялось. Мы не можемъ себѣ ясно представить того процесса, какимъ могла бы крестьянская масса сама выдвинуть у себя такую клѣтку, тогда какъ къ такому процессу часто оказывается неспособнымъ даже общество культурное, подготовленное къ нему знаніемъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда она, эта клѣтка, является народу готовою, напр. въ видѣ козачества, носящаго въ себѣ всѣ элементы, необходимыя для того, чтобы крестьянство признало за нимъ руководящую роль. Прежде всего, козачество было сословіе, выдвинутое самимъ крестьянствомъ, родное ему по происхожденію, вѣрѣ, міровоззрѣнію, однимъ словомъ, по всѣмъ особенностямъ психическаго строя; затѣмъ это было сословіе свободное въ самомъ полномъ смыслѣ слова—свободное лично, свободное имущественно, обладающее свободными орудіями—землями, рѣками и др. угодьями—для свободнаго труда, что естественно всегда составляло высшій экономическій идеалъ для крестьянства; сословіе съ особенной общинной организаціей, воплощавшей собою все, что народъ считалъ идеальнымъ въ соціальномъ смыслѣ и т. д. И, наконецъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ — козачество умѣло вести вооруженную борьбу; приставъ къ нему, крестьянство формировалось въ военную силу и переставало быть безпорядочной толпой съ коліемъ и дреколіемъ, которую, конечно, всегда могло

разогнать настоящее войско, какъ бы она ни была многочисленна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло, безъ участія запорожцевъ, организоваться движеніе малорусскаго хлопства на глазахъ у пановъ, всегда достаточно вооруженныхъ и военной силой, и силой закона, чтобы пресѣчь въ началѣ всякую попытку къ революціонной организаціи, которую едва-ли можно бы было утаить отъ панскихъ глазъ! Развѣ какія нибудь совершенно исключительныя условія и исключительныя качества личностей, которыя стали бы во главѣ движенія—особая энергія, предпріимчивость, умъ, умѣнье дѣйствовать на другихъ—могли бы что-нибудь двинуть, но и то пришлось бы натыкаться на массу почти непреодолимыхъ трудностей. Совсѣмъ иначе ставилось дѣло, когда для крестьянина вся трудность заключалась лишь въ томъ, чтобы уйти въ гайдамацкую купу, которая формировалась внѣ района панскаго надзора и власти: для крестьянъ, которые постоянно бѣгали отъ своихъ пановъ на новыя мѣста, на слободы, не могло представляться особенно неудобнымъ уйти и въ гайдамаки. Для этого, т. е. для ухода, только и требовалось отъ крестьянина активнаго дѣйствія; дальше онъ долженъ былъ примкнуть къ шайкѣ, ядро которой составляли казаки, и идти за ними, людьми искушенными во всѣхъ тонкостяхъ партизанской тактики и стратегіи. А вѣдь масса всегда только и можетъ, что идти вслѣдъ. Чрезвычайно интересно то, что запорожскіе казаки смотрѣли на свою руководящую роль въ дѣлѣ малорусскаго хлопства, какъ на провиденціальную миссію, хотя это участіе и вредило имъ, какъ обществу, такъ какъ возбуждало противъ Сѣчи постоянное неудовольствіе русскаго правительства; конечно, отдѣльныя личности могли находить въ гайдамачинѣ интересъ личной наживы, но тутъ важно общее настроеніе запорожскаго товарищества. Впрочемъ, объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь впереди. И такъ, мы полагаемъ, что безъ участія запорожскаго казачества гайдамачина не была бы возможна, по крайней мѣрѣ въ той формѣ болѣе или менѣе правильнаго движенія, которая такъ для нея характерна.

Но рядомъ съ участіемъ запорожцевъ нельзя не остановить вниманія и на томъ важномъ обстоятельствѣ, безъ котораго гайдамачина никогда не получила бы такого широкаго развитія—на пограничномъ положеніи волновавшихся областей. Центромъ развитія гайдамачины, въ пору ея процвѣтанія, т. е. съ тридцатыхъ по семидесятые годы, была пограничная Украина. За границей, особенно въ Запорожскихъ степяхъ, было полное приволье, гдѣ могли организоваться гайдамацкіе отряды и куда они могли укрываться въ случаѣ

надобности: поляки не смѣли слишкомъ дерзко нарушать пограничное право, такъ какъ это была русская граница. Тамъ, въ этихъ степяхъ, на уединенныхъ запорожскихъ хуторахъ и пасѣкахъ происходили предварительныя совѣщанія, обсуждались планы походовъ, тамъ были сборные пункты; въ лѣсахъ и балкахъ устраивались лагери уже сформировавшихся отрядовъ, откуда они уже двигались въ Польшу, были гайдамацкіе городки и сѣчи. Оттуда производились предварительныя рекогносцировки, раздобывались оружіе и лошади. Такъ что выступавшія за границу польскую гайдамацкія купы имѣли уже обыкновенно видъ болѣе или менѣе стройныхъ военныхъ отрядовъ, а не какихъ-нибудь безпорядочныхъ разбойничьихъ шаекъ. Разумѣется, ничего подобнаго невозможно бы было дѣлать въ самой Польшѣ, на глазахъ у поляковъ. Кромѣ Запорожскихъ степей, удобнымъ заграничнымъ пунктомъ для организаціи гайдамацкихъ отрядовъ служилъ Кіевъ съ его округомъ: лѣвобережная Украина, густо населенная и отдѣленная русскими форпостами, очень мало давала непосредственной поддержки гайдамачинѣ, а поддерживала ее главнымъ образомъ при посредствѣ Запорожья. Напротивъ, кіевское населеніе содѣйствовало гайдамацкому движенію самымъ дѣятельнымъ образомъ. Обыватели Кіева сами снабжали отряды гайдамацкіе всѣмъ необходимымъ, укрывали гайдамаковъ, прятали и сбывали ихъ добычу и наконецъ, защищали ихъ отъ преслѣдованій русскихъ военныхъ властей своимъ магдебургскимъ правомъ: магистратъ, которому передавались гайдамаки, или находилъ предлоги освобождать ихъ вовсе отъ суда, или отдавалъ ихъ на поруки кіевскимъ же мѣщанамъ, и вообще велъ гайдамацкія дѣла такъ, чтобы лишь соблюдалась необходимая внѣшность ради русскаго начальства. Но еще больше, чѣмъ въ самомъ городѣ, находило поддержку хлопское движеніе на монастырскихъ земляхъ, которыя составляли двѣ трети территоріи кіевскаго округа. Монахи, жившіе въ монастырскихъ угодьяхъ, давали разнообразное матеріальное содѣйствіе гайдамакамъ; участіе монашества въ то же время сгущало религіозную окраску, которой, можетъ быть, и не имѣло бы оно, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, безъ этого обстоятельства.

И такъ, какія же условія содѣйствовали тому, что движеніе малорусскаго хлопства развилось и получило опредѣленную форму выраженія, которая отмѣчается исторіей, какъ и самымъ народомъ, названіемъ гайдамачины? Кромѣ народныхъ традицій и сознанія народомъ своего положенія,—главнымъ образомъ, сознанія, которое представляетъ безусловно существеннѣйшее обстоятельство, мы оста-

навливаемся на слѣдующихъ условіяхъ: дезорганизація польскаго государства и нравственная несостоятельность шляхетскаго общества, вслѣдствіе чего народныя движенія не встрѣчаютъ соотвѣтствующаго отпора; затѣмъ, участіе Запорожскаго козачества, которое, съ тридцатаго года, т. е. со времени возвращенія изъ Турціи снова подъ покровительство Россіи, беретъ на себя руководящую роль въ гайдамацкомъ движеніи, и, наконецъ, благопріятное территоріальное положеніе, которое позволяетъ организоваться движенію за границами Польши и снабжаетъ его родственными и сочувствующими элементами изъ русскихъ предѣловъ.

Въ заключеніе главы попросимъ читателя обратить вниманіе на одно довольно интересное обстоятельство, и именно на то, что гайдамацкое движеніе оказалось сосредоточеннымъ въ области, наилучше обставленной экономически, т. е. въ Украинѣ. Этому способствовало, конечно, ея пограничное положеніе; но помимо этого тутъ играли роль и причины чисто экономическія: доказательство, что сильные взрывы гайдамачины совпадали съ тѣми эпохами, когда истекали сроки льготъ, и повинности крестьянъ увеличивались, хотя постепенно и не особенно чувствительно. Можно считать, что относительно обезпеченная Украина была болѣе наклонна и способна производить и поддерживать движеніе, чѣмъ, напр., страшно угнетенная экономически Волынь. Это можетъ служить доказательствомъ одностороннности, а, можетъ быть, и полной ошибочности извѣстной формулы «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», въ которую вкладывали нѣкоторые приверженцы крайнихъ соціальныхъ ученій извѣстное общественное міровоззрѣніе.

III.

Кажется, мы ничего существеннаго не упустили изъ виду, перечисляя условія, которыя подготовили движеніе малорусскаго хлопства польской Украины и содѣйствовали тому, что это движеніе развилось и получило типическія формы, которыя опредѣляются названіемъ гайдамачины. Теперь попытаемся представить общую картину этого движенія съ выдающимися его чертами и особенностями.

Съ началомъ XVIII стол. на правой сторонѣ Днѣпра было уничтожено козачество, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожена и та излюбленная форма, въ которую искони отливался протестъ малорусскаго народа въ его столкновеніяхъ съ поляками. Протестъ, однако, про-

должалъ существовать и искалъ выхода; исторія снова предоставляла теперь творчеству и энергіи народа отыскать себѣ этотъ выходъ, создать его, какъ онъ создалъ когда-то козачество. Началось броженіе. Началось оно, естественно, тамъ, гдѣ густота населенія накопляла протестъ, т. е. на Волыни, въ заселенной части Подоліи и т. д. Но это броженіе еще не носитъ на себѣ типическихъ чертъ гайдамачества. Это отдѣльныя, безсвязныя вспышки, которыя часто носятъ отпечатокъ своекорыстныхъ побужденій: какая нибудь «своевольная купа», собравшись, нападаетъ на панскіе дворы и грабитъ ихъ, грабитъ купцовъ-евреевъ, крестьяне нападаютъ на транспортъ сборщика земскихъ податей и т. д.,—громады мѣстечекъ не только дозволяютъ преступникамъ жить у себя и укрываютъ ихъ, но отказываются ихъ выдавать по жалобамъ дворянъ и т. д. Что тутъ составляетъ преобладающій элементъ — своекорыстный ли разсчетъ или мщеніе оскорбленнаго правового чувства—еще не видно. Интересно, что дворяне, имѣющіе повидимому дѣло съ единичными случаями грабежа—и только, тѣмъ не менѣе въ жалобахъ своихъ вспоминаютъ «бунты Хмѣльницкаго»—значитъ, чувствуютъ внутреннюю связь между этими столь различными по внѣшности фактами, могучимъ народнымъ возстаніемъ и отдѣльнымъ грабежемъ случайно собравшейся кучки съ какимъ нибудь вожакомъ-мѣщаниномъ во главѣ—вообще, въ этотъ періодъ мы гораздо рѣже встрѣчаемъ дѣйствующими хлоповъ, чѣмъ жителей городовъ и мѣстечекъ. Да и сами эти нападенія на панскіе дворы—мы имѣемъ довольно подробное описаніе одного изъ нихъ—имѣютъ въ себѣ нѣчто такое, что не позволяетъ ихъ совсѣмъ смѣшивать съ заурядным грабежомъ. Вотъ является въ гости къ пану вооруженная шайка. Въ ней всего шесть человѣкъ, но она не боится днемъ и открыто явиться въ деревню густо населеннаго Полѣсья (въ деревню видимо немалую, такъ какъ есть въ ней и корчма) въ панскій дворъ, по обычаямъ того времени набитый челядью. Шайка эта называетъ себя козаками, предводитель ея — атаманъ. Какъ истые козаки, молодцы прежде всего заѣзжаютъ въ корчму, приказываютъ арендатору подавать себѣ горѣлки и потомъ уже являются на панскій дворъ. Во дворѣ также требуютъ прежде всего горѣлки, затѣмъ ѣсть и овса для лошадей. Все «подданство» и челядь разбѣгаются кто въ лѣсъ, кто куда. Прежде, чѣмъ принимаются за дѣло, не опускаютъ случая поиздѣваться надъ панами — пугаютъ выстрѣлами изъ пистолета, вяжутъ, поносятъ неприличною бранью—и надъ жидомъ, съ которымъ обращаются еще хуже: бьютъ канчуками, топчутъ ногами, приклады-

вают саблю къ шеѣ и т. п. Грабятъ они тоже по-козацки: забираютъ, не считая, деньги, забираютъ также оружіе — и затѣмъ, какъ бы для выраженія своего презрѣнія къ разной житейской дряни, необходимой, однако же, въ мирномъ быту, — разбрасываютъ по землѣ горшки съ молокомъ, топчутъ цыплятъ, бросаютъ собакамъ масло. Но типичнѣе всего сцена, которую рисуетъ актъ, какъ жидъ убѣгаетъ отъ вожака шайки и спасается, влѣзая въ ставъ (прудъ). Шайка эта, повидимому, совсѣмъ не почитала себя за простыхъ грабителей, которые опасаются преслѣдованій: они пируютъ себѣ спокойно въ корчмѣ, кричатъ, стрѣляютъ въ свое удовольствіе, такія же штуки продѣлываются и въ другихъ селахъ, какъ видно изъ акта. Выходки эти дѣлаются совсѣмъ непонятными, если и населеніе относилось къ этой и подобнымъ шайкамъ, какъ къ простымъ грабителямъ. Такъ что въ нихъ нельзя не видѣть первыхъ пробныхъ шаговъ гайдамацкаго движенія: въ первый разъ и названіе гайдамаковъ (универсалъ региментаря Галецкаго 1717 г.) примѣняется къ такимъ шайкамъ. Дѣло въ томъ, что и къ настоящей гайдамачинѣ очень часто примѣшивались своекорыстные элементы — наживы, мщенія и т. п.; едва ли безъ этого можетъ обойтись какое нибудь народное движеніе, какъ не обходится безъ нихъ движеніе и культурныхъ классовъ, хотя, конечно, эти своекорыстные инстинкты могутъ у нихъ проявляться въ менѣе грубыхъ формахъ. Разъ общество всколыхнется, необходимо выбрасывается на поверхность его и всякая дрянь, которая въ спокойное время укрывалась бы въ глубинѣ. Интересно, что, пока движеніе не выяснилось, шляхтичи часто принимаютъ участіе въ похожденіяхъ своевольныхъ отрядовъ, то какъ прямые участники, то какъ укрыватели.

Быстро заселяется пустынная Украина, такъ быстро, какъ только можетъ заселяться мѣстность съ благодатной почвой и климатомъ, близко родная малорусскому народу и по старымъ преданіямъ, и по свѣжимъ воспоминаніямъ только что пережитаго кроваваго прошлаго, манящая крестьянина такими льготами, которыя, хоть на короткое время, а все таки почти приравниваютъ его, хлопа, къ тому идеальному свободному земледѣльцу, образъ котораго носился въ воображеніи малорусскаго крестьянина, когда онъ приставалъ къ загонамъ Хмѣльницкаго и другихъ козацкихъ вождей. Въ то же время, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, выходятъ изъ Турціи и появляются на старомъ своемъ пепелищѣ, за порогами, Запорожцы, эти козаки изъ козаковъ, самые типическіе представители козачества, какіе существовали когда-либо. Съ тридцатыхъ же годовъ мѣсто отдѣльныхъ

безсвязныхъ вспышекъ заступаетъ систематическое движеніе, т. е. настоящая гайдамачина, главнымъ театромъ дѣйствій которой дѣлается Украина. Движеніе, которое началось съ сѣвера и запада, изъ малорусскихъ провинцій Польши, встрѣтилось съ могучимъ теченіемъ, направляющимся изъ Запорожскихъ степей, и было поглощено имъ, слилось съ нимъ въ одинъ потокъ, захватившій всѣ малорусскія области Польши. Каждую весну набѣгала на Польшу волна изъ степей: при благопріятныхъ условіяхъ она затопляла собою огромное пространство, при неблагопріятныхъ—замирала на равнинахъ Украины, но она была неизбѣжна, какъ весенній разливъ рѣкъ, и приносила съ собой опустошеніе и всякія бѣдствія для шляхты, католическаго духовенства и евреевъ—неизбѣжныхъ и незамѣнимыхъ пособниковъ шляхты.

Отъ устья Тясьмина въ Днѣпръ у Крылова до устья Синюхи въ Бугъ у Богополя широкой полосой тянулись Запорожскія степи, отдѣленныя отъ Польши лишь незначительными притоками Днѣпра и Буга, которые не представляли никакихъ препятствій для перехода гайдамацкихъ отрядовъ, и полосою лѣсовъ, которые всегда служили вѣрнымъ убѣжищемъ для гайдамаковъ и прикрывали ихъ переходъ черезъ границу. Только сѣверная полоса этихъ степей была заселена нѣсколько русскимъ правительствомъ, къ большому неудовольствію Запорожскаго товариства; все остальное было вольная и пустынная степь, гдѣ лишь изрѣдка попадались запорожскіе хутора, пасѣки и рыбныя ловли. Эти степныя пустыни давали пріютъ и пропитаніе цѣлому бродячему населенію совсѣмъ особаго характера: это былъ разнообразный людъ, отчасти выброшенный обществами сосѣднихъ странъ, главнымъ образомъ Польской и Русской Украины, отчасти самъ добровольно покинувшій родину въ поискахъ за новымъ и лучшимъ—были и прямо дурные, испорченные люди, но гораздо болѣе было разнаго рода неудачниковъ и искателей счастія. Гдѣ не бывали, чего не испытали эти аргаты и наемники, явившіеся за заработками на запорожскіе зимовники и рыбныя ловли! Вотъ, напр., показаніе одного изъ нихъ насчетъ своего прошлаго житья-бытья: «Родомъ изъ подъ Ровнаго, деревни пана Богуша (конечно, польская Украина доставляла и въ запорожскія степи наибольшій контингентъ бродячаго населенія). Нѣтъ ни отца, ни матери. Взялъ меня гречинъ за хлопца и завезъ въ Бахчисарай, набралъ тамъ товару, а расплатиться было нечѣмъ—вотъ онъ и заложилъ меня на годъ за 500 левовъ. Сидѣлъ я у турчина 12 лѣтъ. Потомъ турчинъ, какъ пришелъ его смертный часъ, пустилъ насъ всѣхъ, четырехъ бранцовъ, и пошли мы на перевозъ

Кинбурнскій до Очакова, а оттуда пошелъ на косы. Тамъ присталъ до козака, промышлявшаго рыбу неводомъ, и шилъ сапоги все прошлогоднее лѣто до Рождества. А оттуда пошелъ до Червоной на Большой Ингулъ—тамъ живетъ козакъ Лобъ, есть у него свой неводъ. Служилъ у того Лоба полгода. Оттуда пошли мы съ парубкомъ Алексѣемъ Сторожаченкомъ изъ Звинигродки и принялъ насъ къ себѣ ватажокъ „Деркачъ» и т. д. Однимъ словомъ, этотъ людъ, попавши въ запорожскую степь, вѣчно кочевалъ по ней, переходя, въ качествѣ овчаровъ и наймитовъ, съ одного зимовника на другой, въ качествѣ аргатовъ съ одной рыбной ловли на другую, съ Буга на Ингулъ, съ Ингула на Тилигульское озеро, на Кинбурнскую косу, на Лиманъ и т. д., пока не натыкался на ватажка-запорожца, который выводилъ эту безпріютную удаль изъ запорожскихъ пустынь въ населенныя польскія области. Этотъ бродячій элементъ Запорожскихъ степей, состоявшій въ значительной степени изъ тѣхъ же малорусскихъ крестьянъ, спасавшихся отъ польско-шляхетскихъ порядковъ, ложился первымъ наслоеніемъ около того основного ядра, которое образовывали настоящіе запорожскіе козаки. Какъ бы ни отнѣкивались кошевые съ ихъ канцеляріями передъ русскимъ правительствомъ отъ участія въ гайдамачинѣ, какъ бы краснорѣчиво и историки, напр., г. Скальковскій, ни оправдывали Запорожское товариство, сваливая всю вину на упомянутое бродячее населеніе степей, несомнѣнные факты изобличаютъ запорожское братство въ самомъ дѣятельномъ участіи въ организаціи и веденіи гайдамачины. Въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ этотъ вопросъ обстоятельнѣе. Здѣсь же скажемъ только, что мы не обвиняемъ въ преступномъ увлеченіи чужими дѣлами кошевыхъ, выбираемыхъ подъ давленіемъ русскаго начальства, и вообще ту положительную часть запорожскаго общества, которая, обзаведшись зимовниками и разными сельско-хозяйственными приспособленіями, предпочитала спокойно и безъ риску пользоваться милостями русскаго правительства и увеличивать свое состояніе. Какъ всегда и вездѣ, «легкомысленными людми» (выраженіе, взятое нами изъ бумаги кошевого къ русскому начальству) оказывалась «сирома», холостое козачество, отбывающее службу Сѣчи за содержаніе отъ нея, не связанное ни семьями, ни имуществами, изъ тѣхъ, которые «що въ лями на рыбальняхъ или на звѣриной ловли загорують, то все то черезъ пьянство скоро и прочайкують», какъ объясняетъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ «Устномъ повѣствованіи о правахъ и обычаяхъ Запорожскихъ» запорожецъ Коржъ. И вотъ эта-то часть запорожскаго общества и

взяла на себя руководящую роль въ дѣлѣ малорусскаго хлопства; впрочемъ, и консервативная часть запорожскаго общества, кажется, съ участіемъ смотрѣла на это, какъ ни открещивались отъ всего кошевые въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. По крайней мѣрѣ, Коржъ, свидѣтель, во всѣхъ отношеніяхъ достойный вѣры, прямо говоритъ, что нѣкоторые куренные атаманы, самая вліятельная часть запорожской старшины, дѣлали поблажку запорожскимъ удальцамъ, которые, по большей части, ходили въ Польшу за вѣдомомъ куреня. «Когда, бывало, убирается ватажокъ», разсказываетъ Коржъ, «и проситъ у атамана козаковъ, то куренной атаманъ и приказываетъ ватажкови: «ну, братчику, гляди-жъ, чтобъ ты якого козака не утративъ, то тоди уже и до куреня не вертайся». Ватажокъ же, съ своей стороны, увѣряетъ атамана, что всѣ будутъ цѣлы. То есть куренные боялись одного — отвѣтственности передъ русскимъ начальствомъ и охотно покровительствовали удальцамъ, лишь бы все было шито-крыто. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и роль запорожцевъ въ гайдамачинѣ раскрывается въ сохранившихся историческихъ памятникахъ съ полной очевидностью.

Въ Запорожской Сѣчи должна была сильно обращаться общественная и политическая мысль. Къ Сѣчи былъ непрерывный притокъ люду съ разныхъ сторонъ; сами братчики не сидѣли на мѣстѣ. Помимо оффиціальныхъ сношеній, товариство было въ постоянномъ частномъ обращеніи, промышленномъ и торговомъ, съ народами сосѣднихъ странъ. Запорожцы ловили рыбу на турецкихъ границахъ, брали соль изъ татарскихъ озеръ, ѣздили по ярмаркамъ русской и польской Украинъ; торговали въ Молдавіи; изъ всѣхъ этихъ странъ пріѣзжали въ Запорожье за рыбой, солью, лошадьми, мѣхами, кожами и другими товарами; приплывали въ Сѣчь даже турецкія торговыя суда. Всѣ эти постоянныя сношенія съ разными странами и народами, при развитой общественной жизни, которая въ Запорожьѣ почти поглощала частную—въ Сѣчи собственно, какъ извѣстно, совсѣмъ не допускалась семья и жизнь устраивалась на коммунальныхъ началахъ — все это, говоримъ мы, должно было постоянно поддерживать между сѣчевымъ товариствомъ интересъ къ общественной и политической жизни сосѣдей и богатый запасъ знанія этой жизни. Если между русскимъ крестьянствомъ, напр., при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ его обстановки, все-таки постоянно обращается множество общественно-политическихъ слуховъ, то сколько ихъ и какъ быстро должно было циркулировать по запорожскимъ

степямъ съ ихъ центромъ Сѣчью! Интересъ къ слухамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быстрота ихъ обращенія страшно возрастали, когда дѣло шло о родномъ малорусскомъ народѣ, съ которымъ у Запорожья, кромѣ обычныхъ дѣловыхъ сношеній, были постоянныя родственныя и дружескія связи. Немудрено поэтому, что всякое новое стѣсненіе, какое накладывала шляхта на хлопство, всякая новая выходка ревнителя уніатства и католицизма противъ православія тотчасъ же облетали запорожскія степи, возбуждая негодованіе, злобу и жажду мщенія, какую можетъ возбуждать насиліе надъ роднымъ и близкимъ; всякая новая комбинація, возникающая на политическомъ горизонтѣ главнѣйшихъ сосѣднихъ странъ, отъ которыхъ зависѣла судьба малорусскаго народа, Россіи, Польши, отчасти Турціи,—война и миръ, перемѣны въ правленіи,—все это тотчасъ же обсуждалось и истолковывалось въ ихъ отношеніяхъ къ судьбамъ братьевъ, особенно тѣхъ, которые наиболѣе были угнетены, т. е. малорусскихъ хлоповъ польскаго государства. Не пора-ли покончить со всѣмъ этимъ? долженъ былъ то-и-дѣло возникать вопросъ у болѣе предпріимчивой части запорожскихъ братчиковъ, — тотъ проклятый вопросъ, который едва-ли могъ рѣшиться самъ для себя формулировать малорусскій хлопъ. Немудрено поэтому, что при тревожномъ, а потому и чуткомъ отношеніи къ дѣлу, всякая благопріятная для малорусскаго хлопства политическая комбинація подхватывалась въ запорожскихъ степяхъ и производила усиленную гайдамацкую агитацію. Каждый годъ вожаки сбирали свои отряды и ходили въ Польшу на гайдамацкіе подвиги, но въ годы, благопріятные политически, движеніе вдругъ принимало громадные размѣры. Запорожцы группировались около временныхъ атамановъ, ватажковъ, которыми дѣлались болѣе опытные, знающіе мѣстность и условія, при которыхъ придется дѣйствовать. Ватажки эти были, большею частью, такъ искусны въ своемъ дѣлѣ, что народъ считалъ ихъ «характерниками», т. е. знахарями, которыхъ не беретъ пуля, которые могутъ такъ очаровать людей, что проведутъ цѣлую шайку въ богатый панскій домъ между многочисленныхъ и вооруженныхъ часовыхъ, не возбудивъ никакой тревоги; конечно, тутъ искусству ватажка много помогало общее сочувствіе къ гайдамакамъ со стороны населенія, сочувствіе, которое дѣлало безполезнымъ пану стѣны его замка, пушки, его милицію, стражу и многочисленный дворъ. Затѣмъ по степямъ раздавался кличъ на ляховъ, который сбиралъ все бродячее населеніе степей въ опредѣленные пункты, на извѣстные хутора, зимовники или рыбныя ловли, гдѣ формировались запорож-

цами военные отряды. «Миргородскаго полку сегобочныхъ сотенъ Крыловской и Цыбулевской разныхъ селъ и деревень жители, кои поселеніе свое имѣютъ въ волостяхъ Войска Запорожскаго, такъ что уже и къ казацкимъ запорожскимъ зимовникамъ весьма приближились», пишетъ кошевой въ одномъ изъ своихъ обычныхъ весеннихъ донесеній кіевскому генералъ-губернатору (изъ черниговскаго архива), «а сверхъ того, оставя своихъ женъ и дѣтей съ хуторовъ, овчары и наймиты, согласясь съ нѣкоторыми запорожскими козаками да и называющимися напрасно запорожцами, которые внутри Малой Россіи въ разныхъ городахъ и другихъ мѣстахъ за воровства и разбои содерживались въ секвестрахъ, бѣжавъ и прокрались за Днѣпръ (кошевой, по обыкновенію, старается свалить по возможности вину съ головы запорожцевъ на какихъ-то «называющихся напрасно запорожцами»), а иные отъ запорожскихъ козаковъ съ наймовъ же утекая и съ ними по степямъ бродятъ, и взявъ отъ вѣтра яко-бы по неякому указу отъ него, кошевого, и съ старшиною имъ повелѣно на поляковъ собираться и учиня легкомысленное разглашеніе въ немалыя части сбираются, яко-же много и собралось»... «А понеже онъ, кошевой, въ полученіи нiякаго указа и ордера ни откуда о томъ не имѣетъ и повелѣнія такого отъ него, яко и отъ старшины его, имъ, вышеписаннымъ недобрымъ людямъ, не дано, но они сами по легкомыслію своему то разглашеніе чинили и въ партіи воровскія сбираются, то»... и т. д. Это писано было въ одинъ изъ бурныхъ годовъ—1750 г. Въ такіе годы, обыкновенно, появлялись и упорно ходили слухи объ указахъ кошевого и царскихъ грамотахъ, которыя должны были легализировать участіе запорожцевъ въ дѣлахъ малорусскаго хлопства.

Достаточно приволья было въ запорожскихъ степяхъ организоваться гайдамацкимъ отрядамъ. Правда, русское начальство очень подозрительно погдядывало на степи, но сбираться отрядамъ оно не могло помѣшать. Сѣчевыя власти, на глазахъ у которыхъ высился Новосѣченскій ретраншементъ съ русскимъ гарнизономъ, были далеко. Начальство Бугогардовой паланки, на глазахъ у котораго приводились въ исполненіе гайдамацкіе замыслы, смотрѣло на гайдамаковъ сквозь пальцы (владѣнія запорожскаго товариства дѣлились для управленія на нѣсколько областей или паланокъ; Гардъ на Бугѣ былъ главнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточивались рыбные промыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и администрація этой части степей): по крайней мѣрѣ, бугогардовые полковники, главные начальники паланки, постоянно обвиняются то русскими, то польскими властями въ по-

кровительствѣ гайдамакамъ. Да что было и дѣлать полковникамъ, какъ и прочей старшинѣ, когда общественное мнѣніе Сѣчи было на сторонѣ удальцевъ? Вѣдь вся эта старшина была выбираема вольными голосами, кромѣ кошевого, на выборъ котораго вліяла русская власть. Къ формировавшимся отрядамъ то-и-дѣло примыкалъ разный людъ: бѣглый крестьянинъ, промышленникъ, отправившійся за рыбой, надворный казакъ—все, что было предпріимчивѣе и могло урваться изъ-подъ надзора пановъ, заслышавъ завѣтный кликъ «на ляхивъ», шло въ степи, пополнять собою ряды формирующихся отрядовъ. Запорожцы всему этому придавали стройный видъ, подготовляя къ вторженію въ Польшу. Часто приходилось, прежде чѣмъ отправиться въ походъ, еще отряжать купы на розыски лошадей и необходимаго оружія. Лошадей раздобывали большею частью отъ ногайцевъ. Нѣсколько удальцевъ, приблизившись къ татарскимъ предѣламъ, переплывало пограничную рѣку и присматривало съ берега, не кочуетъ-ли гдѣ ногаецъ со стадомъ. Досмотрѣвшись, подкрадутся къ стаду въ высокой степной травѣ, покончатъ съ ногайцемъ—схватятъ того жеребца, который ведетъ стадо, сядетъ на него кто нибудь, крикнетъ и что есть духу летитъ къ рѣкѣ, а остальное стадо мчится вслѣдъ, подгоняемое другими гайдамаками. Такъ и снабжался конями отрядъ. Впрочемъ, въ случаѣ неудачи, обходились и безъ лошадей, разсчитывая, вполнѣ основательно, запастись всѣмъ необходимымъ, и лошадьми, и хорошимъ оружіемъ, на мѣстѣ, въ Польшѣ. А между тѣмъ, съ весной, масса богомольцевъ тянется къ Кіеву. Между женщинами и стариками попадается и молодежь изъ малорусскихъ хлоповъ, виднѣются и запорожскіе чубы. Не богомолье въ головѣ у этихъ удальцевъ: они слышали, что нѣчто готовится въ степяхъ, и надѣются, что найдутъ здѣсь случай снарядиться въ Польшу. Знаютъ они, что есть не мало доброхотовъ и въ самомъ Кіевѣ, которые не прочь помочь молодцамъ; но еще больше ихъ во владѣніяхъ монастырскихъ, въ средѣ самого кіевскаго монашества, которое, большею частью, находится въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ малорусскимъ народомъ Польской Украины и горячо принимаетъ къ сердцу угнетенія православія отъ католиковъ и уніатовъ. Поэтому-то молодцы и не возвращаются съ богомолья, а расходятся въ видѣ послушниковъ и монастырскихъ слугъ, ремесленниковъ, рыболововъ и т. п. по монастырскимъ угодьямъ и владѣніямъ, отыскивая въ средѣ вліятельныхъ монаховъ подходящаго человѣка. И такой человѣкъ, котораго монашеская ряса не отдалила душой и сердцемъ отъ интересовъ угнетенныхъ

православныхъ его братьевъ, находится; находится изъ управителей монастырскихъ угодій, «городничихъ», какой нибудь от. Досифей, от. Даміанъ и т. д., который позволяетъ у себя собраться отряду, укрываетъ его, снабжаетъ всѣмъ необходимымъ, хлѣбомъ, оружіемъ, свинцомъ и порохомъ, и на дорогу даетъ гайдамакамъ свое иноческое благословеніе. Въ то же время и въ самой малорусской Польшѣ всюду возникаютъ небольшія шайки изъ смѣльчаковъ, готовыя пристать къ отрядамъ, когда они появятся, а при случаѣ дѣйствующія и самостоятельно.

А между тѣмъ хлопы чутко прислушиваются къ тому, что долетаетъ до нихъ изъ-за границы, изъ запорожскихъ степей и изъ Кіева, и ждутъ угрюмо, сосредоточенно. То тотъ, то другой исчезаетъ изъ села—безсемейные младшіе братья, сыновья. Чаще начинаютъ сбираться въ кучи, но не слышно громкаго говора, особенно въ шинкѣ крѣпко держатъ языкъ за зубами. Случается, у иного вырвется, въ пьяномъ видѣ или при горькой обидѣ, и угроза: вотъ ужо достанется жидамъ и ляхамъ! Но еще краснорѣчивѣе угрозъ молчаніе и зловѣщіе взгляды, которыми провожаютъ хлопы всѣхъ, кого считаютъ за враговъ. А тѣмъ, кого не считаютъ за враговъ, не прочь они дать и предостереженіе во-время, шепнуть при случаѣ какому нибудь ремесленнику, работающему на панскомъ дворѣ: «ты чужой человѣкъ, уходи съ панскаго двора, чтобъ и тебѣ чего не досталось; лучше будетъ, какъ уйдешь»... Ростутъ слухи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и хлопская дерзость: хлопы начинаютъ ходить со списами, стараясь показываться поближе къ панскому двору, стрѣляютъ, пьютъ и пируютъ, и начинаютъ производить разныя безобразія во владѣніяхъ сосѣднихъ пановъ—косятъ траву на ихъ сѣнокосахъ, ловятъ рыбу въ ихъ прудахъ и т. п. А то, потѣхи ради, чтобы попугать пановъ, устраиваютъ фальшивую тревогу, какъ описываетъ, напр., одна жалоба. «Неизвѣстно, со стороны-ли кто настроилъ тѣхъ быстрицкихъ подданныхъ, или они сами надумались своевольнымъ способомъ, пользуясь нынѣшними временами буйствующихъ своевольниковъ и гайдамаковъ, только они напали ночью на земли и поля свитиницкія, разгромили ночевавшее въ полѣ стадо стольника, перепугали коней и жеребцовъ, учинивши гукъ и шумъ по-гайдамацки, людей, которые сторожили стадо, хотѣли вязать и разогнали; разогнанные люди въ полночь прибѣжали къ свитиницкому двору и предостерегали панство свое отъ нападенія гайдамаковъ, которые стадо будто бы захватили: пораженная страхомъ семья вельможнаго стольника бросилась укрываться и пряталась цѣлую ночь, поразбро-

савши въ смятеніи разныя вещи, черезъ что немалый понесла убытокъ,—больше же всего сама вельможная пани стольникова, по случаю тревоги, не малый ущербъ понесла для своего здоровья»... Наконецъ, доходитъ чередъ и до своихъ пановъ: хлопы отказываются отбывать повинности, даже дровъ не хотятъ привезти на панскій дворъ, какъ жалуется одинъ обиженный владѣлецъ. А между тѣмъ слухи о приближающихся грозныхъ запорожскихъ отрядахъ все растутъ, хлопство волнуется кругомъ, то тамъ то сямъ крестьяне сами расправляются съ панами, гдѣ могутъ достать ихъ своими силами,—остальные ждутъ гайдамаковъ. Ждутъ ихъ и шляхтичи: кто видитъ признаки того, что буря разыграется сильная, убирается по добру по здорову въ болѣе безопасныя мѣста, въ глубь Польши, даже въ русскіе предѣлы; кто разсчитываетъ, что обойдется малымъ, старается обезопасить себя какъ нибудь на мѣстѣ. Сбираются шляхтичи на сеймики, на которыхъ съ свойственнымъ имъ краснорѣчіемъ, на своемъ варварскомъ языкѣ, гдѣ на два польскихъ слова приходится одно латинское, описываютъ, какъ хлопы, вслѣдствіе прирожденной имъ злости—innata malitia—«поднимаютъ руку на Рѣчь Посполитую и пановъ своихъ; имѣя достаточный кусокъ хлѣба и имущество, они тѣмъ не менѣе, презирая страхъ Божій, не взирая на повелѣнія Божіи, на права Рѣчи Посполитой, на христіанскую вѣру, на любовь къ ближнему—наѣзжаютъ на дворы, грабятъ, мучатъ, проливаютъ невинную кровь, забиваютъ до смерти съ жестокостью, занимаются грабежемъ, преступаютъ права не только государственныя, но и божескія». Ѣздятъ шляхтичи по гродамъ, вносятъ въ гродскія книги жалобы въ родѣ того, что «подданство нашего края, близкаго къ Украинѣ, подвергающагося всякой опасности черезъ гайдамацкія наглости, по природѣ своей наклонно къ всякимъ преступленіямъ, грабежамъ, убійствамъ, бунтамъ и постоянно оныхъ жаждетъ, чему и въ настоящее время, когда льются слезы и кровь, тысячи явилось примѣровъ. Во времена нынѣшняго смятенія, приводя себѣ на память печальныя дѣла своихъ предковъ, бунтовщики, особенно въ краяхъ пограничныхъ, задумали снова слѣдовать по тому же пути, ведущему къ вѣчной гибели. Гайдамацкій огонь, нѣсколько десятковъ лѣтъ погребенный въ пеплѣ» (это писалось въ началѣ гайдамацкаго движенія), «началъ снова раздуваться и выбрасывать искры, причиняющія пожары, что̀ происходитъ не отъ какой иной причины, какъ отъ той, что хлопство, настроенное на всякія преступленія, нисколько не боится пановъ своихъ и ихъ управителей, которые не чинятъ никакого справедливаго возмездія

преступленіямъ и дѣлаютъ всякія поблажки, какъ недавно показалъ примѣръ»... слѣдуетъ жалоба на шляхтича-управляющаго, который яко-бы потворствуетъ своеволію крестьянъ, на самомъ же дѣлѣ только пользуется возбужденнымъ настроеніемъ подданства, чтобъ насолить сосѣду,—случаи, встрѣчавшіеся въ тѣ времена сплошь и рядомъ.

Но не всегда доступно было бѣднымъ шляхтичамъ даже это послѣднее утѣшеніе—излиться другъ передъ другомъ на сеймикѣ въ краснорѣчивыхъ фразахъ или внести въ гродскія актовыя книги жалобу безъ всякой надежды получить на нее какое-нибудь удовлетвореніе. Въ годы разыгравшагося гайдамацкаго движенія шляхтѣ не было проѣзду по дорогамъ, всякое сообщеніе прекращалось. Да и въ относительно мирное время шляхта не могла чувствовать себя въ дорогѣ сколько нибудь безопасной: уже не говоря о лѣсахъ и пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ всегда можно было натолкнуться на отдѣльную гайдамацкую шайку, даже проѣздомъ мимо селъ и деревень шляхтичи должны были вести себя крайне осторожно, чтобы не вызвать хлопской вспышки. Въ одномъ изъ актовъ сохранилась небезъинтересная жалоба пана на непріятности, которымъ подвергался онъ въ селѣ въ мирный годъ и зимой, когда гайдамацкое движеніе всегда затихало и улегались народныя страсти—жалоба, хорошо рисующая взаимныя отношенія пановъ и хлоповъ и вообще положеніе края. Ѣдучи изъ украинскихъ имѣній въ Овручъ на сессію земскихъ судовъ кіевскаго воеводства, истецъ, житомірскій гродскій судья, послалъ въ одно село впереди себя сына, который, не найдя на дорогѣ корчмы, приказалъ ввести лошадей въ конюшню хлопа—безцеремонность истинно панская. Хлопы, собравшись съ палками и рушницами, выгнали лошадей изъ конюшни и чуть не убили панскаго сына. Когда-жъ надъѣхалъ самъ вельможный судья житомірскій, конечно, какъ водится, съ многочисленной свитой, то хлопы собрались со всякимъ оружіемъ—палками, шестами, топорами, бердышами, рушницами, до сельскаго войта, тамъ устроили совѣщаніе, какъ приняться за пріѣзжихъ—надо думать, что панская челядь раздражила чѣмъ-нибудь хлоповъ, хотя жалоба объ этомъ умалчиваетъ; войтъ же, вмѣсто того, чтобъ успокоить волненіе, разослалъ своего брата отъ хаты до хаты сзывать весь народъ. Хлопы этого села были люди, выражаясь словами жалобы, «привычные до разныхъ бунтовъ, смятеній и насилій, какъ-то: нападеній на шляхетскіе дворы, захватыванія шляхты по дорогамъ и т. п., и вспоминая свои мятежническіе поступки,—такъ какъ изъ этихъ имѣній много находилось бунтовщиковъ, которые въ недав-

нее время шляхту схватывали по дорогамъ, били и вязали къ дубамъ, что доказано судебнымъ разслѣдованіемъ,—жаждали новыхъ убійствъ»... Когда панъ послалъ къ войту одного изъ своихъ придворныхъ, хлопы бросились на него, и самъ войтъ ударилъ его, приговаривая обычную формулу, которою выражали хлопы свой мятежный духъ: «еще намъ ляхи не паны»! Остальные хлопы, бросившись на посланнаго, начали его бить на смерть палками и шестами, волочить его по землѣ, non parcendo statui nobilitari, какъ выражается актъ. Потомъ также напали на панскаго кучера, еще захватили придворнаго и тоже его искалѣчили, и уже направились къ самому пану, когда тамошній священникъ съ арендаторомъ вступили и начали убѣждать народъ прекратить расправу. Народъ сдался на увѣщанія; однако, «для большаго поруганія истца», говоритъ жалоба, «хлопы побрались съ женами своими и другими женщинами за руки, утѣшаясь своими непозволительными поступками, кричали около мѣстонахожденія истца, шумѣли, плясали и иныя несносныя дѣйствія чинили». И такъ, шляхтѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ опасностью, остается одно— выжидать, не пройдетъ-ли мимо приближающаяся гроза. Правда, польскія команды могли быть извѣщены въ свое время объ опасности и растягивались по границѣ, пытаясь предупредить вторженіе гайдамацкихъ отрядовъ. Но помѣшать перейти гайдамакамъ было такъ же трудно, какъ помѣшать перелетѣть птицамъ: команды никогда не могли устеречь, въ какой точкѣ вынырнутъ гайдамацкіе отряды по другой сторонѣ лѣсной полосы. Одинъ изъ региментарей доносилъ, что между Уманемъ и Лебединомъ нѣтъ никакой возможности охранять страну; а не устережешь ихъ тутъ, поди—лови, когда они помчатся вихремъ по странѣ, то раздѣляясь на мелкія кучки, то соединяясь опять, то пропадая, точно будто проваливаясь сквозь землю, то появляясь тамъ, гдѣ ихъ никто и не думалъ ожидать. И не распущенному слабому польскому войску было бы не подъ силу справиться съ гайдамацкими шайками. Кони у гайдамаковъ были чрезвычайно быстрые, прекрасно приспособившіеся къ степямъ; въ искусствѣ верховой ѣзды оборванные и грязные степные рыцари никакъ не уступали изящному турнирному польскому рыцарству. А на счетъ гайдамацкой храбрости, умѣнья биться, ловкости и находчивости, вотъ что говоритъ въ своемъ сочиненіи «Opis obyczayów i zwyczayów za panowania Augusta III» ксендзъ Китовичъ, писатель не только не пристрастный къ гайдамакамъ, но, напротивъ, враждебно противъ нихъ настроенный. «Одинъ гайдамакъ, ворвавшись между поляковъ, могъ въ одинъ моментъ разогнать ихъ сорокъ человѣкъ,

нанеся каждому изъ нихъ или рану или смерть... На пятьдесятъ гайдамакъ надо было нашихъ двѣсти-триста и болѣе, чтобы съ ними справиться; никогда они не поддались бы равной или только немного большей силѣ». «Съ пѣшими гайдамаками, разсказываетъ Китовичъ, справиться польскому войску было еще труднѣе, чѣмъ съ конными. Они укрывались въ высокой травѣ украинскихъ степей и стрѣляли по войску, не будучи видимы. Если войско обступало ихъ кругомъ, то защищались такъ отчаянно, что часто поляки отступали, потерпѣвъ жестокія потери, или гайдамаки и сами, дождавшись ночи, проскользали между поляками. Если подъѣздъ польскій такъ близко надъѣзжалъ гайдамаковъ, что имъ нельзя уже было уходить далѣе, они становились въ ряды и, снявши шапку, отдавали поклоны полякамъ, а потомъ начинали биться—что дѣлали частью по дерзости своей, частью, чтобы придать себѣ мужества». А вѣрнѣе, что такимъ образомъ гайдамаки издѣвались надъ тѣми обычными формами изысканной вѣжливости, которыми всегда гордилась шляхта.

Дѣлало или нѣтъ польское войско какія нибудь попытки предупредить вторженіе гайдамакъ, они все-таки разсыпались сначала по Украинѣ, а оттуда и по другимъ русскимъ областямъ, эти обычные лѣтніе гости. Все принимаетъ военный видъ. Надворные козаки день и ночь стерегутъ своихъ пановъ за стѣнами замковъ и за̀мочковъ, что́ не мѣшаетъ имъ однако перевѣдываться втихомолку съ сѣчевыми гостями; въ городахъ, каждую ночь половина жителей, въ полномъ вооруженіи, съ барабанами и литаврами, сторожитъ на улицахъ, что̀ также не мѣшаетъ многимъ изъ обывателей поджидать гостей съ нетерпѣніемъ. Менѣе состоятельная шляхта и жиды-арендаторы, кому нельзя укрыться ни за стѣны, ни за вооруженную стражу, передъ заходомъ солнца уходятъ изъ дому, укрывши имущество, и прячутся въ степи, скрываясь одинъ отъ другого—мужъ отъ жены, жена отъ мужа, отецъ и мать отъ дѣтей, дѣти отъ родителей и другъ отъ друга, чтобы страхъ смерти и боль истязанія не заставили одного выдать мѣстонахожденіе другихъ. Не весело, надо думать, жилось всѣмъ хлопскимъ господамъ на Украинѣ, когда гостили въ ней эти гости...

Непривлекательны были на видъ гайдамаки, особенно для избалованнаго дворянскаго глаза; недаромъ же они внушали шляхтѣ такое органическое отвращеніе, что благородные дворяне, когда заходила рѣчь о гайдамакахъ, всегда обращались къ самымъ избраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, чтобъ выразить, какъ имъ претитъ эта гайдамацкая сволочь. Грубая черная рубаха, пропитанная

козлинымъ жиромъ въ видѣ предосторожности отъ насѣкомыхъ, холщевые шаровары, сверхъ рубашки до колѣнъ кунтушъ изъ телячьей кожи съ шерстью, рукава съ огромными вылетами, висячими или заложенными на плечи, на головѣ шапка изъ такой же кожи въ видѣ остроконечнаго мѣшка, съ концомъ, висящимъ на правую сторону, на ногахъ сапоги соотвѣтствующаго вида; списъ (копье) и самопалъ, какъ вооруженіе, деревянныя стремена лошадей, ременная или портяная тоненькая уздечка довершала уборъ гайдамаковъ. Описаніе гайдамацкой внѣшности, которое оставилъ намъ тотъ же Китовичъ, дополняется еще такимъ типическимъ признакомъ, какъ запущенные усы и закрученные за ухо чубы, по которымъ нельзя не признать запорожцевъ. Какая разница между видомъ этихъ хлопскихъ рыцарей съ одной стороны и защитниками шляхты, панцырными и гусарскими хоругвями въ ихъ богатыхъ и театральныхъ нарядахъ, яркоцвѣтныхъ и блестящихъ серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями, съ развѣвающимися страусовыми перьями и леопардовыми шкурами! Но хлопы уже давно успѣли выйти изъ-подъ импонирующаго вліянія внѣшняго блеска, и дорогое оружіе, блестящіе патронташи и пояса служили только лишней приманкой для гайдамакъ, которые не любили возвращаться домой безъ добычи. Часто случалось, что сѣчевики возвращались въ степь, разубранные, какъ польскіе рыцари — магнатъ Любомірскій не погнушался одѣть на себя саблю, снятую при пораженіи гайдамакъ съ ватажка Чортоуса (Записки о Южной Руси, Кулиша, т. 2-й) — хотя это не мѣшало степовикамъ на слѣдующій годъ возвращаться въ Польшу въ томъ же первобытномъ видѣ. Ватажки особенно отличались храбростью и умѣньемъ заполучить цѣнную добычу; не даромъ же и поляки считали ихъ характерниками, на которыхъ нельзя выходить на-просто, а необходимо принять нѣкоторыя предосторожности, напр., отлить пули на свяченой пшеницѣ. А то простыя пули, какъ увѣряли поляки, отскакивали отъ такихъ ватажковъ-знахарей какъ горохъ, онъ ихъ сметалъ съ себя рукой, хотя бы онѣ сыпались градомъ.

Когда по странѣ разсыпались гайдамацкіе отряды, хлопы различнымъ образомъ отзывались на броженіе. Въ годы сильнаго движенія они поднимались громадами и расправлялись съ панами. Но чаще они только выдѣляли изъ себя сильный контингентъ въ гайдамаки, который или заблаговременно, еще въ степи и Кіевскомъ округѣ, присоединялся къ гайдамацкимъ купамъ, или приставалъ къ нимъ въ то время, какъ онѣ разсыпались по странѣ, или, наконецъ, самъ образовывалъ небольшія гайдамацкія шайки. Чаще

всего хлопы приставали къ гайдамакамъ въ то время, какъ тѣ появлялись въ Польшѣ. «Ты меня, батько, не удержишь, я съ ними пойду», говорили отцамъ сыновья, стремясь пристать къ гайдамацкой купѣ; отцы удерживали сыновей, но лишь затѣмъ, чтобы самимъ отправиться вмѣсто нихъ въ походъ. Случалось, что хлопы приставали къ гайдамакамъ насильно, несмотря на нежеланіе послѣднихъ принять ихъ. Хлопы, которые не могли, конечно, управляться съ оружіемъ такъ успѣшно, какъ степовики, чаще употреблялись на предварительныя развѣдыванія — разглядѣть, гдѣ что дѣлается, гдѣ стоятъ поляки, гдѣ можно сдѣлать нападеніе? При самомъ нападеніи они сторожатъ коней и т. п. Но часто хлопы отличались наравнѣ съ самыми завзятыми запорожцами.

Но и помимо прямого, непосредственнаго участія въ гайдамацкихъ предпріятіяхъ, хлопы находили тысячи способовъ помогать гайдамакамъ. Гайдамаки дѣйствовали не въ непріятельской странѣ: все имъ было извѣстно, все къ ихъ услугамъ. Конечно, польскіе хлопы на глазахъ у пановъ не могли вступать съ гайдамаками въ открытыя сношенія, какъ это дѣлали, несмотря на строгости начальства, жители той заднѣпровской русской полосы, лежавшей между Запорожьемъ и польскими владѣніями (сѣверная часть нынѣшняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.), которая съ 1680 г. принадлежала Россіи и куда входилъ знаменитый Черный Лѣсъ, одно изъ главныхъ гайдамацкихъ прибѣжищъ. Въ одномъ указѣ, извлеченномъ нами изъ черниговскаго архива, разсказывается «какъ въ заднѣпрскихъ и около оныхъ степныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ весьма гайдамаковъ умножилось, и какъ-де видимо есть все оные гайдамаки изъ запорожскихъ казаковъ, которые и съ тамошними обывателями имѣютъ сообщеніе и другія продерзости... Изъ оныхъ же гайдамаковъ болѣе двухсотъ человѣкъ запорожскихъ козаковъ жили Цыбулевской сотни надъ селомъ Уховкою, а обыватели онаго села въ поимкѣ ихъ никакого вспоможенія драгунамъ не чинили, но имъ, гайдамакамъ, вино и всякій харчъ носили, а ѣдущіе изъ села и въ село съ тѣми гайдамаками, остановясь, разговариваютъ»... Конечно, польскіе хлопы не могли такъ открыто заявлять о своихъ связяхъ съ гайдамаками, если дѣло не доходило до общаго хлопскаго бунта, но за то тайно помогали имъ, какъ только могли и умѣли. Благодаря хлопамъ, гайдамаки ходили по чужой и незнакомой имъ странѣ такъ свободно, какъ по своей родной: хлопы проводили ихъ по самымъ удобнымъ и скрытнымъ дорогамъ къ панскимъ имѣніямъ, указывали укромныя мѣста, гдѣ бы можно было

пережидать и укрыться въ случаѣ опасности и т. д. Но, конечно, и проводить гайдамаковъ хлопамъ не всегда удавалось безопасно: въ случаѣ подозрѣнія ихъ ожидала жестокая казнь. На какія хитрости пускались хлопы, чтобъ помочь гайдамакамъ и избѣгнуть опасности, показываетъ случай, разсказанный въ собраніи Актовъ о гайдамакахъ, на стр. 526—7. Хлопъ вызывается проводить шайку, но говоритъ: «возьмите съ меня поясъ, свяжите мнѣ руки и ведите, чтобы знакомые люди не говорили, что я добровольно васъ веду». Такъ и сдѣлали гайдамаки. Онъ привелъ ихъ въ лѣсъ, неподалеку отъ имѣнія, на которое они хотѣли напасть, и затѣмъ сказалъ: «сидите тутъ, я пойду до Народичъ (названіе имѣнія) и посмотрю, есть-ли или нѣтъ стражи? Если есть, то я приду на дорогу недалеко отъ васъ и поставлю маленькій крестикъ, а на немъ положу двѣ зарубки, а если нѣтъ и будетъ удобное время напасть, положу три зарубки». Четыре дня сидѣли гайдамаки и ждали, наконецъ, дождались, что на крестикѣ появилось три зарубки, значитъ, можно въ слѣдующую ночь устроить нападеніе. А между тѣмъ вельможный панъ и староста имѣнія собралъ людей и пошелъ на гайдамакъ, взявъ въ проводники того же самаго хлопа, чтобы онъ ихъ провелъ къ гайдамакамъ; понятно, что хлопъ провелъ ихъ мимо, завелъ въ какой-то лѣсъ, который они весь перешарили и не нашли, конечно, ничего; такъ и разошлись съ пустыми руками. Гайдамаки же, воспользовавшись суматохой, обработали свое дѣло. Такъ дѣйствовали хлопы въ пользу гайдамакъ, конечно, съ большимъ рискомъ для себя. Они предупреждали гайдамакъ объ опасности, давали всякіе совѣты и указанія. Они снабжали ихъ съѣстными припасами; войтъ самъ иногда обходилъ хаты и собиралъ провизію для гайдамакъ; присылали имъ хлѣбъ, муку, рыбу и т. п. въ лѣсъ, а случалось гайдамаки и сами являлись въ село за угощеніемъ. Впрочемъ, гайдамаки, когда имѣли деньги, расплачивались за взятое. Только такимъ содѣйствіемъ хлоповъ объясняется удача гайдамацкихъ шаекъ, часто почти невѣроятная: какъ они незамѣтно прокрадываются и внезапно нападаютъ на панскіе дворы, укрываются гдѣ-нибудь въ камышѣ вблизи села посреди густо заселенной мѣстности, ускользаютъ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ отъ польскихъ командъ, точно проваливаясь сквозь землю и т. д. Исчезли гайдамаки при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ имъ, по всѣмъ соображеніямъ, никакъ нельзя было исчезнуть—смотришь, на какомъ нибудь хуторѣ появились новые наймиты, которые неизвѣстно откуда взялись. Преслѣдовала польская конница верховыхъ гайдамакъ, ко-

торые Богъ знаетъ куда попроваливались безъ всякаго слѣда—смотришь, на крестьянскомъ дворѣ появляются какія-то заморенныя, заѣзженныя лошади; или съ осени появляется въ крестьянской семьѣ новый членъ семьи—неизвѣстно откуда взявшійся родственникъ,—который на весну опять исчезаетъ и т. д. Трудно было бороться съ силой, которую такъ поддерживалъ своимъ сочувствіемъ народъ, еслибъ даже онъ en masse и не принималъ прямого участія въ движеніи, трудно даже и не полякамъ. Это общее сочувствіе побудило польское военное начальство въ 1737 г. издать такой универсалъ для мѣстъ, охваченныхъ гайдамацкимъ движеніемъ: что если на какой-либо городъ, мѣстечко или село напали гайдамаки въ количествѣ, не превышающемъ треть жителей, а тѣ не дали имъ отпора и позволили грабить или дали провіантъ, то эти жители будутъ сочтены за гайдамакъ.

Какъ бы ни были велики силы гайдамакъ, они рѣдко дѣйствовали большими отрядами. Въ-разсыпную имъ было несравненно сподручнѣе: и больше краю можно было захватить такимъ образомъ, и укрыться было легче, и не было риску понести большую потерю, если натыкались на значительную силу регулярнаго войска. Конечно, если бы польское войско было многочисленнѣе и дѣятельнѣе, а гайдамаки не имѣли такой поддержки въ населеніи, которая была въ состояніи часто сдѣлать невидимкой небольшой отрядъ гайдамакъ на глазахъ у польской команды—тогда былъ бы другой разговоръ. Но какъ обстояло дѣло теперь—для гайдамакъ всѣ шансы успѣха были именно въ такого рода дѣйствіяхъ, небольшими шайками. Потому гайдамаки соединялись въ большіе отряды лишь для такихъ исключительныхъ случаевъ, когда нужно было, напр., аттаковать замокъ, что гайдамаки дѣлали рѣдко: слишкомъ рискованное было дѣло при ихъ средствахъ. Въ актахъ только одинъ разъ встрѣчается описаніе удачной атаки замка—да и то, вѣроятно, нехитрый былъ замокъ—въ Погребищахъ, въ 1738 г., соединенными отрядами ватажковъ Хорька, Жилы, Гривы и Медвѣдя: «приступили до замка, гдѣ съ вечера цѣлую ночь штурмовали, стрѣляли и добывали замокъ; а потомъ, посовѣтовавшись, приступили къ мирнымъ переговорамъ и согласились на 200 червонныхъ злотыхъ, которые и получили; а потомъ, какъ бы отступивши, снова всѣ бросились и, окруживши его, одни стрѣляли, другіе вырубали пали, и добыли замокъ...» Гайдамаки тутъ осрамились нарушеніемъ слова; но не надо забывать, что они имѣли дѣло съ поляками, которые сами не признавали ни за хлопами, ни за ихъ мстителями никакихъ правъ

и никогда не считали ихъ воюющей стороной. Въ этой атакѣ встрѣчаемъ мы въ дѣйствіи пятьсотъ гайдамакъ; въ другомъ случаѣ упоминается о стычкѣ польскихъ отрядовъ съ шестью стами гайдамакъ. Но это исключительные случаи. Постоянно упоминаются въ актахъ лишь незначительныя купы. Не говоря уже о небольшихъ панскихъ имѣніяхъ, даже на города нападали гайдамаки отрядами въ нѣсколько десятковъ человѣкъ: весь разсчетъ ихъ успѣха держался на внезапности нападенія, для котораго они выбирали почти всегда ночь, и на сочувствіи извѣстной части населенія, которая, вмѣсто противодѣйствія, оказывала имъ поддержку. Такъ что болѣе типичными для гайдамацкаго образа военныхъ дѣйствій именно и надо считать дѣйствія небольшихъ отрядовъ.

Гайдамацкая купа, иногда еще не вступая въ польскіе предѣлы, намѣчала себѣ главный пунктъ своего похода. Это было въ такихъ случаяхъ, когда въ средѣ купы находились люди изъ тѣхъ мѣстъ, куда гайдамаки надумывались отправиться: они-то и проводили купу въ опредѣленный, хорошо извѣстный имъ пунктъ. Напр., въ 1750 г. для нападенія на мѣстечко Володарку отправилась партія, которая образовалась въ Гарду по инпціативѣ пріѣхавшихъ туда володарскихъ жителей; одинъ изъ этихъ жителей былъ и ватажкомъ, такъ какъ онъ зналъ всѣ способы и удобные случаи, какъ разбить Володарку. Въ другихъ же случаяхъ уже на мѣстѣ въ Польшѣ рѣшалось, куда направиться: хлопы, которые приставали къ шайкѣ, вели ее въ знакомыя мѣста, или гайдамаки и прямо доставали свѣдѣнія разспрашиваніемъ встрѣчныхъ доброжелателей. Проводниками шайки, случалось, дѣлались и шляхтичи, конечно, не по своей волѣ. Направляясь къ извѣстному пункту, отрядъ принималъ всѣ мѣры, чтобъ по возможности не распустить о себѣ вѣстей заблаговременно, не дать врагу приготовиться къ встрѣчѣ. Поэтому шли они со всякой осторожностью. Но не всегда можно было избѣгнуть непріятныхъ встрѣчъ; приходилось выходить на дороги и приближаться къ населеннымъ мѣстностямъ, такъ какъ гайдамаки не могли везти съ собой провіанту, а должны были забирать его на мѣстѣ. Вотъ натолкнется отрядъ на ненадежныхъ людей—какъ тутъ быть? Дѣйствовали разно, смотря по обстоятельствамъ. Если люди попадались завѣдомо опасные—что-нибудь пахнущее жидомъ или шляхтичемъ, то гайдамаки или прибѣгали къ кровавой расправѣ, а если не хотѣли ся почему-либо, то раздѣвали встрѣчныхъ, связывали старательно и укладывали гдѣ-нибудь въ оврагѣ въ сторонѣ отъ дороги; если попадались люди просто ненадежные, то или брали клятву,

что не будутъ разглашать о ихъ появленіи ничего, и отпускали, или забирали ихъ съ собой до тѣхъ поръ, пока можно будетъ ихъ отпустить безопасно, и т. д. Приблизившись къ опредѣленному пункту, гайдамаки укрывались въ лѣсу, въ лозахъ, въ камышѣ, выжидая удобнаго ночного времени для нападенія.

Панскій дворъ, жидовская корчма, католическій монастырь равно привлекали къ себѣ гайдамацкое нападеніе. Его сопровождали грабежъ и истребленіе, оскорбленія и истязанія, наконецъ, убійство. Впрочемъ, убійства далеко не всегда сопровождали дѣйствія гайдамакъ. Они дѣлались общимъ правиломъ только при сильныхъ движеніяхъ, когда передъ народомъ ярко возставала надежда совсѣмъ освободиться отъ лядскаго ига—понятно, что тогда на сцену выступало поголовное истребленіе, какъ надежный путь къ завѣтной цѣли. «Что то за козакъ, что позади его остаются жиды и ляхи!» дѣлалось руководящей идеей гайдамакъ, которые въ такіе моменты цѣликомъ сливались со всѣмъ хлопскимъ населеніемъ Польши. Но въ годы болѣе мирные, когда не было надежды на общее движеніе, могущее привести къ конечнымъ результатамъ, гайдамаками руководило больше желаніе поживиться насчетъ ляховъ и жидовъ и потѣшиться надъ ними, сорвать сердце. Убійства тогда совершались относительно рѣдко, напр., когда панъ очень насолитъ своимъ хлопамъ—и гайдамаки расправлялись по ихъ просьбѣ, или при отчаянной оборонѣ и т. п.; многіе гайдамаки съ полнымъ правомъ могли сказать, что на ихъ рукахъ не было ни одного пятнышка человѣческой крови. Но замѣчательно, что даже въ тѣ годы, когда щадили ляховъ,—часто расправлялись на смерть съ жидами. Неизвѣстно, чѣмъ это объяснить—большей ли ненавистью къ жидамъ, съ эксплуататорствомъ которыхъ хлопъ сталкивался ежеминутно, такъ какъ панъ не могъ шагу ступить безъ жида, который продѣлывалъ вмѣсто него всякія штуки, религіозными ли предубѣжденіями, или просто тѣмъ, что жидовъ было больше, а слѣдовательно и бить ихъ было больше случаевъ: вѣрнѣе, что всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Одно несомнѣнно, что жидовъ убивали больше и убивали даже ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, чего не встрѣчаемъ въ актахъ относительно поляковъ. Никогда въ описаніи нападеній на шляхетскіе дворы и на шляхту—хотя эти описанія дѣлались самою шляхтой, которая по психологической необходимости сгущала краски,—не встрѣчаемъ мы ничего равнаго по жестокости съ такими короткими и не цвѣтистыми описаніями: «Въ 1743 году въ маѣ, весной, 14 гайдамакъ съ ватажкомъ Игнаткой сдѣлали

нападеніе на мѣстечко Звиногродку, ворвались въ домъ арендатора, повязали сторожей, жену арендатора Ицка мучили, пробили въ трехъ мѣстахъ внутренности списомъ, другую винницкую жидовку, которая была беременна, навылетъ пробили и дитя въ ней забили, молодую дочь 13 лѣтъ два раза пробили ножемъ на вылетъ и на смерть замучили, другую дочь пяти лѣтъ на вѣки искалѣчили...» Или: «невѣрныхъ Ашора, Лейбову дочь, арендарку, пекарку вдову Носониху, мать и двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, однихъ вытащивши изъ хатъ, другихъ отъискавши въ лѣсахъ, гдѣ они скрывались, съ жестокостью позабивали; убитую Носониху съ дѣтьми бросили въ лѣсѣ, гдѣ потомъ Иванъ, пасѣчникъ вельможнаго пана Манковскаго, нашедъ ихъ обнаженныхъ, тамъ же въ лѣсѣ похоронилъ, а Гринько, коморникъ Глинянаго, нашедши въ хатѣ малыхъ дѣтей жидовки Носонихи, убѣгшихъ и заброшенныхъ, такимъ же жестокимъ образомъ билъ бычачьей костью, и за неживыхъ бросилъ въ ровъ, гдѣ ихъ люди нашли на другой день и едва съ ними отводились...» Только въ перечнѣ 90 дворянъ, убитыхъ въ 1734 г.—годъ большого волненія и поголовнаго истребленія—въ Брацлавскомъ воеводствѣ встрѣчаемъ мы, между прочимъ: «мучено пани Мосаковскую и застрѣлено дѣтей», «вельможную пани Грохольскую жесточайше замучено», «забито ея мость пани Погорѣльскую съ ребенкомъ у груди», «забито ея мость панну Маріанну Полятовскую трехъ лѣтъ». Но затѣмъ во всѣхъ многочисленныхъ описаніяхъ нападеній на шляхетскіе дворы, какія встрѣчаемъ въ актахъ, не находимъ ни одного случая убійства женщины или ребенка. Такъ что постоянныя восклицанія шляхты о «страшныхъ убійствахъ, взывающихъ къ Богу о справедливомъ отмщеніи» и о другихъ невозможныхъ гайдамацкихъ неистовствахъ, слишкомъ часто только реторическія украшенія, которыя всегда такъ любила шляхта. Правда, гайдамаки всегда не прочь, если встрѣтится удобный случай, поиздѣваться надъ панами и заставить ихъ испробовать того, чѣмъ тѣ подчивали хлоповъ: бьютъ ихъ канчуками, бросаютъ ихъ на землю и пинаютъ ногами, пугаютъ саблями и ружьями, одѣнутъ ради издѣвательства веревку на шею и поводятъ такъ, но насчетъ какихъ-нибудь утонченныхъ жестокостей въ актахъ нѣтъ и помину. Католическое духовенство было на этотъ счетъ менѣе счастливо: въ 1734 г. гайдамаки съ сотникомъ Гривой истязали іезуитовъ винницкой коллегіи, вѣшали ихъ за ноги и т. п. Вообще, по отношенію къ католическому и уніатскому духовенству гайдамаки повидимому выказывали больше ожесточенія, хотя и тутъ нельзя

звать преувеличенными жалобы на гайдамакъ, которые будто бы «разливаютъ кровь священниковъ, посвященную Богу, и разрушаютъ святыни Божіи съ поношеніемъ католической вѣры». Впрочемъ, фанатическая шляхта больше всего возмущалась той безбожеской дерзостью, съ которою гайдамаки учиняли при захватѣ церквей и монастырей разныя святотатства, напр., horret animus cogitare, выбрасывали изъ чашъ св. дары и т. п. А такія святотатства гайдамаки, дѣйствительно, дѣлали постоянно, когда представлялась возможность, считая это повидимому мщеніемъ за постоянныя оскорбленія религіознаго чувства, которыя испытывали хлопы отъ шляхты и польскаго духовенства. Священные сосуды и одежды, книги, органы—все или уничтожается или забирается въ видѣ добычи, при чемъ гайдамаки, конечно, не упускали случая выказать все свое презрѣніе къ святынѣ своихъ враговъ.

Увы! вандалы не щадятъ даже математическихъ инструментовъ, которые находятъ у ученыхъ іезуитовъ винницкой коллегіи. И то сказать, хлопамъ негдѣ было научиться уважать науку; даже простая письменность являлась имъ чѣмъ-то враждебнымъ. Да и что мудренаго? Для хлопа все писанное отожествлялось съ тѣми безчисленными актами и документами, на которые указывали паны, подкладывая тяжести на хлопскую спину; всякая бумага казалась хлопу лишнимъ звѣномъ цѣпи, его сковывавшей. Понятна поэтому та ожесточенная ненависть, какую проявляли гайдамаки по отношенію ко всѣмъ попадавшимся имъ документамъ. Они истреблялись самымъ неистовымъ образомъ. «Всякія права» (т. е. правовые акты), описываетъ жалоба, занесенная въ актовыя градскія книги, «завѣщанія, дарственныя записи, контракты, инвентари, регистры, пергаменты и разные документы, касающіеся упомянутыхъ и др. имѣній, съ немалыми издержками и трудомъ добытые изъ разныхъ гродовъ, книгъ и актовъ, а также тяжебное дѣло... и иные—все сожжено: зажгли въ избѣ и на дворѣ солому и все до-чиста попалили, остальное въ печь побросали»... Въ другой жалобѣ разсказывается, что документы гайдамаки отнесли въ винницу и тамъ спалили ихъ въ котловыхъ печахъ; еще далѣе—какъ побросали ихъ въ грязь и топтали конями, рвали и бросали на-вѣтеръ и т. д. Кажется, уничтоженіе документовъ довольно общее явленіе при народныхъ движеніяхъ—по крайней мѣрѣ, такъ было и въ пугачевщину, такъ было и во времена германскихъ крестьянскихъ войнъ: печальный признакъ того, какими сторонами поворачивается къ народу цивилизація.

Изъ сказаннаго выше видно, что гайдамацкое движеніе въ цѣломъ совсѣмъ не было такъ кроваво, какъ привыкли его представлять по такимъ его образчикамъ, какъ уманская рѣзня. Массовыя истребленія дворянства, евреевъ и ксендзовъ случались лишь въ исключительные годы, когда такія истребленія казались народу дѣломъ политической необходимости—конечно, и страсти разыгрывались въ такіе моменты, народъ не могъ бы произвести бойню по одному разсчету. Но въ другое время національная ненависть и мщеніе рѣдко доводили народъ до большихъ крайностей. Если дѣло шло не о нападеніи посторонней шайки, а о домашнемъ волненіи хлоповъ, то шляхтичи, случалось, и сами находились, какъ предупредить крайности: заявляли хлопамъ свое сочувствіе и готовность съ ними вмѣстѣ дѣйствовать, позволяли имъ, чтобы отвести душу, расправиться съ какимъ нибудь проѣзжимъ ляхомъ, побить его и забрать его имущество, «шобъ було на що горилки выпить» или вели хлоповъ на имѣніе сосѣдняго пана — чтожъ будешь дѣлать? «Гдѣ нельзя перескочить, надо подлѣзть», выражался насчетъ своего образа дѣйствій такой шляхтичъ. А расходившійся народъ ворвется въ панское имѣніе, разнесетъ стѣны, окна и двери, и конюшни, и пивницы, и кухни, потолчетъ печи, пообдираетъ желѣзо, скобы и крюки, попалитъ на угли кузнецамъ еврейскіе дома, разнесетъ изъ панскихъ амбаровъ горохъ, солодъ, гусиное перо — и уляжется его сердце. На убійство народъ идетъ всегда неохотно—кто его знаетъ, не взять бы грѣха на душу;—совсѣмъ иное дѣло — панское имущество, нажитое его собственнымъ, народнымъ хребтомъ и руками. Никакихъ задерживающихъ представленій о провиденціальномъ значеніи высшаго класса у малорусскихъ хлоповъ не могло быть по отношенію къ своимъ панамъ и потому онъ приступалъ къ панскому имуществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ еврейскому, съ спокойной совѣстью, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній. Поэтому-то паны и евреи часто оставались цѣлы и невредимы, но всегда несли имущественный ущербъ. Каждое лѣто масса цѣнностей переходила изъ рукъ пановъ и евреевъ въ руки гайдамакъ, черезъ которыя она или уходила въ степи и русскія владѣнія, или расходилась по хлопамъ. Гайдамаки всегда возвращались изъ своихъ предпріятій съ панскими лошадьми, нагруженными дорогимъ оружіемъ, хорошимъ платьемъ, разными цѣнными, но не громоздкими вещами, которыя можно было увезти безъ большихъ затрудненій. Иногда гайдамакамъ удавалось захватывать чрезвычайно богатую добычу; такъ, при взятіи замка въ Погребищахъ все захваченное ими оцѣнивалось въ

сумму 400,000 злотыхъ. Добыча эта обыкновенно тутъ же дѣлилась, по крайней мѣрѣ деньги. «Когда начали между собою дѣлить», разсказываетъ одинъ присутствовавшій при такомъ дѣлежѣ уланъ, «начали высыпать деньги, которыя я видѣлъ: одинъ высыпалъ восемьдесятъ червонныхъ злотыхъ, другой рублями и талерами—было ихъ тридцать, третій шостаками битыми высыпалъ и сосчиталъ двадцать талеровъ; когда высыпали деньги, начали оцѣнивать коней, тутъ же забранныхъ, которыхъ коней было одиннадцать, и который конь не стоилъ двухсотъ злотыхъ, докладывалъ до коня по пяти-шести рублей, чтобы каждый конь шелъ въ равной долѣ—въ двѣсти злотыхъ. А забранныя платья, мѣха, драгоцѣнныя вещи, огнестрѣльное оружіе и пояса навьючили на шесть коней; это платье, драгоцѣнныя вещи, пояса, мѣха и оружіе забрали: первый—Ѳедоръ Пучка, другой—Грицько Лысый полтавскаго куреня, третій — Степанъ Чорный: олова штукъ сорокъ взяли, въ мѣшкахъ уложили на лошадей»... Хлопу, который помогалъ при этомъ нападеніи, хотя и не принималъ въ немъ прямого участія, выдѣлили пять червонныхъ злотыхъ и вильчуру, крытую краснымъ сукномъ. Повидимому, гайдамаки дѣлились поровну, не дѣлая особыхъ выдѣловъ на ватажковъ. Но относительно гайдамакъ изъ запорожцевъ, упомянутый выше Коржъ говоритъ, что они дѣлили добычу на три пая: одинъ пай дѣлился между собой, другой шелъ на ватажка, третій—на курень.

Наступаетъ осень. Довольно погуляли гайдамацкіе отряды, довольно на этотъ годъ подрожали отъ страху и поплатились паны и евреи; разсѣеваются гайдамаки. Хлопы расходятся по домамъ, надѣясь на то, что громада скроетъ ихъ отсутствіе и, въ случаѣ надобности, удостовѣритъ, что ручается за надежность такого-то члена громады, который никогда не былъ замѣшанъ въ гайдамацкихъ буйствахъ; да и паны, хоть и скрежетали зубами на хлоповъ, но не особенно спѣшили отдавать своихъ работниковъ въ руки правосудія, изъ которыхъ уже онъ угодитъ не иначе, какъ на висѣлицу или палю. Вопить передъ властями о жесточайшихъ наказаніяхъ для бунтовщиковъ, о примѣрныхъ истязаніяхъ, при мысли о которыхъ дрожали бы хлопы—это было одно дѣло; а показывать эти примѣры на своихъ хлопахъ—было совсѣмъ другое: рабочія руки такъ рѣдки и дороги въ этихъ ужасныхъ украинскихъ областяхъ, роскошная земля и такъ приноситъ въ панскіе карманы лишь незначительную часть доходовъ, какіе бы она могла приносить, да и тѣмъ приходится дѣлиться съ гайдамаками. Панъ такъ нуждался въ рабочихъ

рукахъ, что нерѣдко готовъ былъ принять даже посторонняго гайдамаку къ себѣ за работника, если тотъ, какъ нерѣдко случалось, задумывалъ не идти на зиму въ степь, а оставаться въ хатѣ до весны,—тѣмъ болѣе готовъ, что собственные его хлопы часто уходили съ гайдамаками въ степь. Все это такъ; но за то, если какой нибудь гайдамакъ, или просто хлопъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ гайдамаками, хотя бы по какому нибудь пустому поводу, напр., по тому, что у него ночевали гайдамаки, или что нашли у него какую нибудь ложечку, попадался въ руки правосудія, оно мстило на его головѣ за все, мстило жестоко, неумолимо, злорадно. Судебное слѣдствіе сопровождалось жестокими пытками, и дѣло почти всегда кончалось смертною казнью: легкое наказаніе—отрубятъ голову или повѣсятъ, дальше шли ужасныя пали, самая распространенная казнь, и четвертованія. Пали — это было слѣдующее, по описанію современника. Обнаженнаго гайдамака клали на землю, лицомъ къ ней. Палачъ втыкалъ въ него снизу острый колъ, такъ называемую палю, потомъ припрягалъ къ ногамъ преступника пару воловъ въ ярмѣ и медленно втягивалъ его на палю, наблюдая, чтобы она шла прямо. Посадивши гайдамаку на палю, а случалось и двухъ на одну, когда преступниковъ было много, а паль мало, поднимали ее вверхъ и вкапывали въ землю. Если паля выходила прямо головой или затылкомъ, гайдамака скоро умиралъ; если плечемъ или бокомъ—жилъ на палѣ до третьяго дня. Китовичъ, на котораго мы уже ссылались выше, разсказываетъ удивительныя вещи о томъ невѣроятномъ терпѣніи, съ которымъ иные гайдамаки выносили эту ужасную казнь. «Бывали, говоритъ, такіе, которые, вмѣсто того, чтобы стонать отъ боли, кричали палачу, управляющему втягиваніемъ пали: «криво идетъ паля, майстру», точно будто не чувствовали никакой боли, подобно тому, какъ бы обували на ногу тѣсный сапогъ». Иные, сидя на пали, просили горѣлки и пили. «Гайдамаки, разсказываетъ еще Китовичъ, не только не усмирялись черезъ такія ужасныя мученія, но, напротивъ, считали какъ бы за нѣкоторое геройство покончить на палѣ, и когда одинъ братался съ другимъ въ компаніи за горѣлкой, то говорилъ ему: «щобъ намъ съ тобой на одній пали торчать». Это, вѣроятно, разсказывается о гайдамакахъ изъ запорожцевъ: запорожцы, дѣйствительно, включали въ свой идеалъ козака высшую степень презрѣнія къ физическимъ страданіямъ. Можно сказать, что поляки не только не оставались въ долгу, а возвращали долгъ сторицей.

Что же дѣлаютъ, между тѣмъ, польскія команды? Онѣ

не могли предупредить вторженія гайдамакъ, не могли также остановить ихъ, когда они кружились по странѣ: «исчезаютъ прежде. чѣмъ появится войско, и слѣдъ взять, за малой величиной ихъ купъ, крайне трудно», заявляютъ начальники командъ. Одна надежда была у польскихъ командъ — захватить гайдамакъ на обратномъ пути, когда они возвращались въ степи, нагруженные добычей: «батовки», т. е. караваны навьюченныхъ лошадей, вьючныя телѣги, волы и овцы, которыхъ гайдамаки, случалось, гнали передъ собой,—все это, конечно, должно было страшно замедлять ихъ движенія. Польскимъ командамъ тутъ нерѣдко помогали надворные козаки, которые не прочь были заставить гайдамакъ подѣлиться добычей, хотя не предпринимали противъ нихъ ничего серьезнаго: «надворные козаки не преслѣдовали никогда настояще своихъ братьевъ», говоритъ Китовичъ, «развѣ уже тогда, когда дѣло дѣлалось слишкомъ открыто на глазахъ польскаго начальника; чуть же нѣсколько подальше отъ глазъ, то козаки съ гайдамаками снюхивались, какъ волки съ собаками, порожденными отъ волчицы и пса, и расходились каждый въ свою сторону». Но для шляхты мало было пользы, если имущество ея переходило въ руки надворныхъ козаковъ—они никогда его не возвращали по принадлежности, считая своей военной добычей. Не легко, однако, было вырвать добычу отъ гайдамакъ. Только значительно превышающій численностью отрядъ рѣшался напасть на гайдамацкую купу, да и тутъ, случалось, гайдамаки не только спасались сами, но спасали и добычу: ихъ выручала отчаянная храбрость, которая не знала отступленія и выражалась въ ихъ боевомъ кликѣ: «або добуты, або дома не буты». Поэтому даже въ польскихъ извѣстіяхъ, печатавшихся въ свое время въ польскихъ газетахъ, гораздо рѣже встрѣчаются извѣстія объ удачныхъ стычкахъ съ гайдамаками, чѣмъ о томъ, что гайдамаки ушли благополучно въ степи, за-границу, гдѣ ихъ уже не могли преслѣдовать польскія команды. Впрочемъ, молодежь изъ пограничнаго польскаго дворянства, которая иногда устраивала охоты на гайдамакъ, вторгалась въ Запорожскія степи, но она больше мстила за свои обиды на невинныхъ запорожскихъ зимовникахъ и рыбныхъ ловляхъ, чѣмъ на самыхъ гайдамакахъ.

И такъ, кто изъ гайдамакъ не оставался на мѣстѣ, въ Польшѣ, уходилъ за границу, большею частью въ степи. Одни расходились по волостямъ запорожскаго войска—въ Сѣчь, въ Гардъ, по хуторамъ, зимовникамъ и рыбнымъ ловлямъ, чтобы при случаѣ снова отправиться въ Польшу. Другіе совсѣмъ не расходились, а держа-

лись въ степи, близъ границы, постоянно вторгаясь за граничную черту, нападая на пограничные города, мѣстечки и деревни, угоняя лошадей и другой скотъ. Гайдамаки устраивали себѣ въ удобномъ мѣстѣ лагерь—обсѣкались и оставались себѣ зимовать, пока не придетъ время отправиться въ походъ. Одинъ разъ мы встрѣчаемъ такой лагерь около Тарговицы — пограничнаго польскаго мѣстечка; другой разъ, русское начальство извѣщаетъ, что 130 человѣкъ гайдамаковъ сдѣлали около себя зарубъ на плавнѣ рѣки Космахи и зимуютъ, забирая по зимовникамъ съѣстные припасы. Но чаще всего упоминается о лагеряхъ гайдамацкихъ подъ Чернымъ лѣсомъ. Черный лѣсъ и близкій къ нему Чута были мѣстностями очень замѣчательными въ исторіи гайдамацкихъ похожденій. Чернымъ лѣсомъ называется лѣсная полоса сѣверной части теперешняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, входившая въ составъ русскихъ владѣній. Дремучій лѣсъ, большею частью дубовый, тянулся тамъ верстъ на 30 отъ востока къ западу и верстъ на 15 отъ юга къ сѣверу—было гдѣ укрыться гайдамакамъ. Глубокіе овраги, балки пересѣкали его въ разныхъ направленіяхъ. Нѣсколько рѣчекъ и степныя озера могли въ изобиліи снабжать и водой и рыбой; на лѣсныхъ полянахъ было вдоволь корму для лошадей. Этотъ-то Черный лѣсъ, дальше къ западу Кучманскій, наконецъ, другой Черный, доходящій до береговъ Буга,—вся эта пограничная лѣсная полоса точно нарочно создана была тутъ, чтобы скрывать гайдамаковъ, съ ихъ кошами, сѣчами, городками, кишлами, отъ польскихъ и русскихъ военныхъ силъ, отъ надзора и распоряженій сѣчевого начальства.

IV.

Во все продолженіе долгаго царствованія Августа II, шляхетское общество Польской Украины могло быть спокойно. Козачества уже не было. Отъ хлоповъ, беззащитныхъ, разрозненныхъ, отданныхъ обычаями и законами Рѣчи Посполитой въ полное и безконтрольное распоряженіе шляхты, польское общество не привыкло ждать протеста,—не ждало его и не боялось. Правда, вулканъ, на которомъ расположилось общество, постоянно дымился и выбрасывалъ искры, но кто зналъ, что онѣ означали! Были ли это послѣдніе отголоски уже пронесшейся бури, за которыми должна была наступить мертвая тишина мертвой стихіи, тишина, какой наслаждалось уже не одно

столѣтіе шляхетство коренной Польши? Были ли это признаки новой растущей грозы? По свойственному людямъ оптимизму, польское общество, если задавало себѣ на этотъ счетъ какіе-либо вопросы, то должно было рѣшать ихъ самымъ успокоительнымъ для себя образомъ. Можетъ быть, оно было даже и право, рѣшая такъ, право въ томъ смыслѣ, что едва ли можно было отъ хлопства, въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось, всецѣло предоставленнаго самому себѣ, ожидать самостоятельнаго серьезнаго движенія. Но граждане Рѣчи посполитой не принимали во вниманіе того, что ихъ собственная государственная анархія всегда могла вызвать такую комбинацію обстоятельствъ, которая расчистила бы поле и сообщила импульсъ революціоннымъ наклонностямъ народа. Такъ и случилось въ 1734 году, который долженъ былъ убѣдить шляхетское общество, что хлопское недовольство не только не расположено обратиться въ пассивное состояніе терпѣнія, а, напротивъ, лишь ждетъ удобнаго момента, чтобъ разразиться активнымъ сопротивленіемъ, энергической борьбой.

1733—4 гг. былъ для Польши одною изъ тѣхъ смутныхъ эпохъ, которыя пестрятъ исторію этой страны подъ названіемъ междуцарствій. Августъ II, который былъ поставленъ на тронъ и держался на немъ руками Россіи, умеръ. Избирательный сеймъ—августа 1733 г.—распался вслѣдствіе того, что явилось два претендента и двѣ партіи, поддерживаемыя иностранными правительствами: польское большинство съ Франціей и Станиславомъ Лещинскимъ, меньшинство съ Россіей и сыномъ покойнаго короля, курфюрстомъ саксонскимъ, провозглашеннымъ своею партіей королемъ подъ именемъ Августа III. Наступилъ одинъ изъ обычныхъ для Польши періодовъ всеобщей катавасіи, полнаго упраздненія права и господства грубой физической силы,—нѣчто такое, что̀ переноситъ воображеніе въ тѣ первобытныя общества, которыя не умѣютъ ступить шагу безъ помощи кулака. Какъ неизбѣжное deus-ex-machina, въ концѣ 1733 года, вступили въ предѣлы Рѣчи посполитой и русскія войска.

Общее хаотическое состояніе Польши отразилось, конечно, и на ея малорусскихъ областяхъ. Значительное большинство шляхты этихъ областей было на сторонѣ Лещинскаго,—вообще, шляхта, питавшаяся отъ малорусскаго хлопства, была очень склонна къ политическимъ настроеніямъ, враждебнымъ Россіи. Уже въ концѣ 1733 года въ малорусскихъ воеводствахъ Польши—Волынскомъ, Кіевскомъ, Подольскомъ и Брацлавскомъ—образовались сильныя конфедераціи сторонниковъ Лещинскаго. Но въ этихъ же воеводствахъ находи-

лось много магнатскихъ латифундій, а ихъ владѣльцы принадлежали, большею частью, къ русской партіи, выдвигавшей курфюрста саксонскаго. Началась борьба между шляхтой и магнатствомъ, борьба, въ которую вмѣшались и русскія военныя силы.

Хлопы не могли остаться безучастными зрителями всего этого, еслибы даже и хотѣли. Панству, у котораго разыгрались воинственныя и политическія страсти, было не до расчетовъ и соображеній насчетъ будущаго: хватаясь за всякое сподручное средство, чтобъ насолить врагамъ, оно само волновало крестьянъ чужихъ имѣній, возбуждая ихъ противъ владѣльцевъ, или вооружало своихъ собственныхъ хлоповъ, чтобы съ ихъ помощью напасть на какого нибудь врага-сосѣда. Паны еще не знали на собственномъ горькомъ опытѣ, что значитъ дать ножъ въ руки хлопу и какъ трудно, разъ давши, отобрать его назадъ. И такъ, хлопы не могли остаться въ бездѣйствіи, еслибъ и хотѣли; но зная сколько-нибудь ихъ недавнее прошлое и настоящее, легко можно было сообразить, что при наступившихъ политическихъ усложненіяхъ они и не захотятъ этого—только современники, такіе недальновидные, какъ польскіе паны, и къ тому же ослѣпленные страстями разыгравшейся борьбы, могли этого не предвидѣть. Вмѣстѣ съ русскими войсками, которыя двигались внутрь Польши—такъ какъ главнымъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій былъ Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій—появились въ украинныхъ воеводствахъ Польши и остались тамъ дѣйствовать противъ согласниковъ Лещинскаго малорусскіе лѣвобережные козаки, и что еще важнѣе—появились запорожцы, которые въ это самое время возвращались изъ турецкаго подданства снова подъ власть Россіи. Могли ли хлопы остаться индифферентными, когда увидали, что ихъ братья по происхожденію и симпатіямъ, съ которыми только недавно разлучила ихъ воля дипломатіи, принялись расправляться съ ненавистными панами? Этого нельзя было и предположить. Конечно, настоящія политическія пружины, двигавшія событіями, были народу, по обыкновенію, неизвѣстны. Но самый фактъ такъ сильно поражалъ народъ своею очевидностью, настолько согласовался съ его тайными желаніями и симпатіями, что въ народномъ сознаніи причины вытекали изъ факта съ полнѣйшей и неотразимой убѣдительностью. Что могло заставить русскихъ и козаковъ явиться въ Польшу и приняться за расправу съ панами? Конечно, ничто иное, какъ желаніе освободить ихъ изъ подъ власти пановъ-ляховъ. Кто бы могъ разувѣрить въ этомъ хлоповъ? Лѣвобережные или запорожскіе козаки могли bona fide поддерживать хлоповъ въ ихъ

заблужденіи; московскому или даже и козацкому военному начальству былъ прямой расчетъ не открывать хлопству глазъ на смыслъ событій, еслибъ оно и могло это сдѣлать. Все способствовало тому, чтобы фикція укрѣпилась и созрѣла: увлекаемый ея обольстительнымъ миражемъ, народъ началъ рвать свои цѣпи и бросился впередъ очертя голову...

Крестьянство заволновалось уже съ конца 1733 г., одновременно со вступленіемъ русскихъ войскъ въ польскіе предѣлы: перестало платить свои постылые чинши и осепы и начало разбѣгаться съ мѣстъ. Это начало движенія наблюдаемъ мы въ кіевскомъ воеводствѣ, въ которомъ, конечно, прежде всего появились русскія войска и заднѣпрскіе козаки. Но уже въ началѣ 1734 г., въ первые же весенніе мѣсяцы этого года, волненіе разлилось почти до границъ Галиціи, охвативъ всю территорію украинскихъ воеводствъ—разъ сообщенъ уже ему былъ толчокъ, оно разливалось само собой. Хлопы всюду не только «ломали ярмо повиновенія», но «осмѣливались даже по-непріятельски поднимать оружіе противъ пановъ своихъ». Шляхта и евреи, «чтобъ избѣгнуть вѣрной своей смерти», бѣгутъ, кто можетъ, въ болѣе безопасныя мѣста, укрываются въ лѣсахъ и т. п. Начинается истребленіе пановъ и жидовъ, раззоренія, грабежи, пожары и всякія опустошенія. Крестьянство, по обыкновенію, начинаетъ распоряжаться панскими лѣсами, лугами и другими угодьями. Все, что поудалѣе, идетъ въ козаки.

Здѣсь надо намъ будетъ остановиться на одномъ интересномъ фактѣ, рѣзко отмѣчающемъ собою движеніе 1734-го года. Но для ясности надо будетъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Всѣмъ извѣстно, что революціонныя движенія малорусскаго народа начались съ конца XVI столѣтія и тянулись черезъ XVII, имѣя то видъ простыхъ волненій, мятежей или бунтовъ, то разыгрываясь въ настоящія войны за независимость. Это были движенія по преимуществу козацкія. Крестьянство ихъ поддерживало своимъ сочувствіемъ, такъ какъ въ политической независимости равно были заинтересованы оба сословія, и выдвигало изъ своей среды наиболѣе активную часть, которая непосредственно сливалась съ козаками для защиты общаго дѣла, «шла въ козаки», но все-таки окраску движеніямъ придавалъ элементъ козацкій, а не крестьянскій. Съ уничтоженіемъ козачества на правомъ берегу, хлопство оказалось предоставленнымъ самому себѣ. Все движеніе XVIII вѣка, которое мы знаемъ подъ именемъ гайдамачины, есть движеніе исключительно хлопское. Участіе запорожскаго козачества имѣло значеніе совершенно подчиненное, служебное,

само цѣликомъ окрашивалось въ тонъ движенія хлопскаго. 1734 годъ представляетъ первую массовую попытку малорусскаго хлопства приняться за рѣшеніе своихъ политическихъ и соціальныхъ задачъ. Однако, старыя традиціи козачества были еще такъ живы въ памяти народной, что и для настоящаго движенія народъ не могъ создать иной формы, какъ то же исконное «хожденіе въ козаки». Но въ какіе же козаки идти, когда нѣтъ больше козаковъ? Лѣвобережные козаки, дѣйствующіе въ качествѣ русскаго войска, не могли служить кадромъ для хлопства. Запорожцы не принимали дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1734 года, такъ какъ были заняты собственными дѣлами, переводомъ своего коша изъ Турціи, изъ Алешекъ, на р. Подпольную, гдѣ устраивали новую сѣчь. Та часть ихъ, которая была отряжена въ Польшу, дѣйствовала тамъ съ кошевымъ, и потому запорожцы не могли дѣйствовать такъ свободно, какъ тогда, когда они являлись съ своими ватажками. Правда, и тутъ мы находимъ факты, что запорожцы приглашаютъ съ собой хлоповъ «на погулянье», и хлопы идутъ, чтобы дѣйствовать съ ними за-одно, но запорожцы еще не дѣлаются средоточіемъ хлопскаго движенія. На этотъ разъ хлопство само изъ себя выдвигаетъ козацкую организацію, и вотъ этимъ то фактомъ и характеризуется движеніе 1734 года.

Въ предыдущей статьѣ мы остановились на томъ, какое значеніе имѣетъ при народныхъ движеніяхъ существованіе готоваго ядра, примыкая къ которому хаотическое броженіе мало-по-малу переходитъ въ систематическое дѣйствіе. Исторія 1734 года показываетъ, какъ иногда общее захватывающее настроеніе выдвигаетъ въ качествѣ такого ядра элементы, повидимому, совсѣмъ не способные къ такой роли, которую они выполняютъ, однако же, съ полнымъ успѣхомъ—такъ велика возбуждающая сила общаго настроенія. Въ 1734 году роль такого ядра сыграли волошскія надворныя милиціи нѣкоторыхъ магнатовъ, особенно князей Любомірскихъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, когда Поднѣстрье запустѣло наряду съ другими украинскими областями Польши, старосты и владѣльцы большихъ имѣній начали перезывать для заселенія этихъ прекрасныхъ плодородныхъ пустынь крестьянъ изъ Молдавіи. Крестьяне шли изъ-за Днѣпра, привлекаемые льготными условіями, и поселялись подъ именемъ волоховъ. Изъ этихъ-то волоховъ владѣльцы образовывали постоянныя надворныя милиціи. Но сходство соціальнаго положенія перевысило національную разницу, и волохи не только оказались на сторонѣ хлопства, но даже сдѣлались со своей военной организаціей

центромъ, около котораго стало группироваться движеніе крестьянъ сначала въ Брацлавщинѣ, а потомъ и дальше, по западной части Украины. Волошскія милиціи вмѣшались въ дѣло сначала, конечно, по распоряженію владѣльцевъ, сторонниковъ русской партіи; но владѣльцы меньше всего на свѣтѣ могли желать, чтобъ онѣ стали въ центрѣ организаціи новыхъ козацкихъ полковъ изъ хлоповъ, какъ оказалось на дѣлѣ.

Брацлавщина, Подоль, вообще приднѣпровская Украина, хорошо помнили еще Палѣевыхъ козаковъ, помнили знаменитаго «полковника его королевской мости», Шпака (1702—1710), который исколесилъ съ своими козаками вдоль и поперекъ всю Подоль и Брацлавщину, поднялъ на ноги Поднѣстровье отъ Ягорлыка по Китай-городъ, доходилъ до самыхъ стѣнъ неприступнаго Каменца и слалъ письма его коменданту съ наказомъ, чтобы не преслѣдовалъ люду. Многіе должны были еще помнить, какъ усмирялъ Поднѣстровье Сѣнявскій, какъ катъ снималъ головы козакамъ, пойманнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, и много пожилыхъ хлоповъ надвигали на лѣвый бокъ свои шапки, чтобы скрыть недостачу лѣваго уха. Польскій писатель Отвиновскій свидѣтельствуетъ, впрочемъ, кажется, очень преувеличенно, что послѣ этого послѣдняго козацкаго движанія 70,000 поднѣстрскихъ хлоповъ «шельмовано» было отсѣченіемъ лѣваго уха, такъ какъ берегли работниковъ и не допускали правосудіе наказывать ихъ смертью. Козацкія преданія были еще совсѣмъ свѣжи. И вотъ Брацлавщина дѣлается въ 1734 году главнымъ средоточіемъ движенія, которое отсюда направляется на Подоль, подхваченное, впрочемъ, предупредившими его мѣстными крестьянскими волненіями, и достигаетъ Кременецкаго повѣта Волынскаго воеводства. Во главѣ движенія и новой козацкой организаціи становится нѣкто Верланъ, начальникъ надворной волошской милиціи князей Любоміpскихъ въ Шаргородѣ, «наказной полковникъ козацкій», какъ его титуловали по старымъ козацкимъ преданіямъ.

Что́ дало первый толчокъ этому движенію—не видно. Въ показаніяхъ плѣнныхъ гайдамакъ единодушно говорится о какомъ-то ординансѣ, который будто-бы получилъ Верланъ отъ русскаго полковника Полянскаго изъ Умани, дѣйствовавшаго по царскому указу. Можетъ быть, Полянскій дѣйствительно разсылалъ какой нибудь циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій, приглашая ихъ къ совмѣстному дѣйствію противъ шляхтичей партіи Лещинскаго; а можетъ быть, это было одно изъ отраженій того мифическаго царскаго указа, который всегда выступалъ на сцену во время силь-

ныхъ народныхъ движеній. Одинъ изъ плѣнныхъ гайдамакъ—они называли себя тогда, какъ и поляки ихъ называли, козаками—передаетъ яко-бы дословно начало этого ординанса Верлану: «Ея Императорскаго Величества и прочая, и прочая, и прочая. Даю ему команду по указу Ея Императорскаго Величества надъ волохами, казаками и сербами, чтобы служили Ея Императорскому Величеству до смерти...» Получалъ-ли что-нибудь Верланъ или не получалъ, только онъ съ видимой энергіей началъ формировать свой новый козацкій полкъ. Онъ приглашалъ дѣйствовать вмѣстѣ начальниковъ другихъ надворныхъ милицій и даже принуждалъ ихъ къ этому силой,—зазывалъ чиншевую шляхту и всякаго, кого считалъ способнымъ «идти до бунтовъ»; но главный центръ тяжести лежалъ, конечно, не въ этомъ людѣ, приставшемъ случайно, то изъ страха, то изъ желанія погулять, и даже не въ надворныхъ милиціяхъ, которыя давали только кадры для формирующихся отрядовъ, а въ крестьянахъ, прямо, можно сказать, хлынувшихъ въ козаки, въ ряды новаго козацкаго полка. Дѣло закипѣло.

Въ самомъ концѣ мая Верланъ выступилъ къ Бершадѣ во главѣ ста тридцати коней, набранныхъ имъ въ Шарогродщизнѣ и въ Ключѣ Рашковскомъ, имѣніяхъ князей Любомірскихъ, а уже черезъ двѣ недѣли, въ половинѣ іюня, онъ стоялъ лагеремъ подъ Перекорипцами, гдѣ въ его войскѣ считалось тысяча человѣкъ волоховъ. Волохами называлось его войско, состоящее изъ винниковъ, пасѣчниковъ и хлоповъ-бунтовщиковъ, также волоховъ (молдаванъ) и нѣсколькихъ сербовъ, въ отличіе отъ другихъ козацкихъ войскъ. Кромѣ главныхъ силъ, у него еще были распущены загоны для захвата ляшскаго скота на продовольствіе войску и для защиты дружественныхъ мѣстностей отъ непріятельскаго роззоренія. Войско его росло съ каждымъ днемъ. Онъ призывалъ къ себѣ хлоповъ, и къ нему «ежедневно начали сбираться все бóльшія и большія своевольныя купы. Хлопы или сами шли въ лагерь къ Верлану, или приставали къ нему, «гдѣ только шло его войско черезъ какія нибудь имѣнія»; у робкихъ и нерѣшительныхъ его козаки забирали имущество, которое возвращалось, когда они являлись на службу въ новый козацкій полкъ. Войско его не было безпорядочнымъ сборищемъ—оно имѣло настоящую козацкую организацію, какъ показываетъ одинъ сохранившійся компутовый реестръ команды ротмистра Стефана Кифы,—реестръ, который нашли поляки послѣ удачной сты-
съ однимъ изъ загоновъ Верланова полка: въ этой стычкѣ взятъ (
въ плѣнъ и писарь, который велъ сначала реестръ, а потомъ, «

стало на зовъ все больше и больше сбираться народу, уже не писалъ дальше реестра и, побросавши писарство, пошелъ въ товарищи». Сколько можно судить по реестру, въ войскѣ была войсковая старшина, носившая на польскій манеръ титулы ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ, и рядовое товариство, или чернь, подѣленная на десятки. Въ десятки эти соединялись, вѣроятно, хлопы по мѣстамъ своего происхожденія, такъ какъ десятки всѣ носятъ названіе разныхъ селъ, деревень или мѣстечекъ. Надъ каждымъ десяткомъ стоялъ десятникъ. На найденномъ реестрѣ есть подпись полковника Верлана подъ распоряженіемъ о мѣрахъ для поддержанія порядка въ войскѣ. Распоряженіе это такого содержанія: «Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества войска назначается его милости пану Стефану ротмистру и командѣ его, десятникамъ и войску его, непослушнымъ кара войсковая: кто осмѣлится безъ вѣдома десятника и войска отлучиться, на таковаго кара пятьдесятъ кіевъ и передъ значкомъ три дня пѣшкомъ идти и воды гарнецъ выпити. Которая кара назначается всѣмъ офицерамъ и десятникамъ и черни».

Въ самомъ началѣ своего похода, съ Бершады, Верланъ двинулся на Умань, гдѣ онъ, по свидѣтельству сохранившихся актовъ, присягалъ, вѣроятно, передъ полковникомъ Полянскимъ, вмѣстѣ со всѣми при немъ бывшими «воевать на иноземцовъ, т. е. на ляховъ, при достоинствѣ Ея Милости Императрицы, даже до смерти живота своего». Присягалъ онъ, конечно, въ качествѣ начальника надворной милиціи вмѣстѣ съ другими такими же начальниками, между которыми поименовывается сотникъ Савва изъ Комаргрода, имѣнія князя Четвертинскаго, тотъ извѣстный Савва Чалый, надъ которымъ такъ прихотливо разыгралась капризная фантазія нашихъ историковъ гайдамачины—г. Скальковскаго, а особенно г. Мордовцева. Но этой присягой, кажется, и ограничиваются всѣ отношенія Верлана и его козацкаго полка къ русскимъ. Мы никогда не видимъ ихъ въ дѣйствіи вмѣстѣ съ русскими. «Сколько москвы въ Межибожѣ?» спрашиваютъ поляки у одного изъ плѣнныхъ верлановыхъ козаковъ—отвѣтъ: не слышалъ, потому что «не бываетъ отъ нихъ въ нашемъ обозѣ никакихъ извѣстій». Вновь формирующееся на зовъ Верлана козацкое войско не приводятъ уже къ присягѣ, хотя старшина и отвѣчаетъ на вопросы подчиненныхъ, что они пойдутъ къ Гусятину, гдѣ будутъ присягать передъ княземъ, подъ которымъ, вѣроятно, подразумѣвался ландграфъ гессенъ-гомбургскій, главнокомандующій русскихъ войскъ, «князь Гессенъ Петембуркскій», какъ называетъ его Верланъ въ одномъ своемъ сохранив-

шемся письмѣ. Нельзя и предположить, чтобъ русскіе могли отнестись съ одобреніемъ къ затѣямъ Верлана, особенно когда увидѣли, какъ закипѣло хлопство. Главнокомандующій издалъ очень внушительный манифестъ, направленный противъ своевольныхъ людей, и едва-ли кто могъ, съ точки зрѣнія русскаго военнаго начальства, съ большимъ правомъ подходить подъ понятіе людей своевольныхъ, какъ мятежные хлопы. Однако, въ верлановомъ полку твердо держалась вѣра въ то, что за нимъ и его дѣломъ стоитъ русская сила, такъ страшная для шляхетской Польши,—забылись всѣ жестокіе историческіе уроки, которые время не должно было бы еще, повидимому, изгладить изъ народной памяти. Въ полку господствовало убѣжденіе, что «цѣлая Украина и Русь, даже по Збручъ и Случъ, Ея Милости Императрицѣ цѣликомъ принадлежитъ», и что «уже всѣ съ имѣній доходы и аренды на нее идутъ». Это представленіе распространялось въ верлановомъ войскѣ вмѣстѣ съ другимъ, будто бы есть «указъ Императрицы», что по «самый Шаргородъ не вольно грабить, но за Шаргородомъ вездѣ вольно жида или леха, напавши, убить, города, деревни и дворы грабить».— Это сообщилъ козакамъ своего полка самъ Верланъ на вопросы ихъ, козаковъ, какъ будетъ оплачиваться ихъ служба, которая должна будетъ продлиться, по словамъ старшины, лѣтъ до семи. Насчетъ Шаргорода Верланъ упоминалъ, вѣроятно, потому, что хотѣлъ выгородить отъ разоренія имѣнія своихъ господъ—около Шаргорода находилась и его деревенька Качковка, должно быть пожалованная ему князьями Любомірскими на правахъ пользованія; такъ вознаграждали обыкновенно паны своихъ служащихъ. Въ верлановомъ полку ходили слухи о томъ, что на помощь ему идетъ Танскій, послѣдній правобережный козацкій полковникъ, а въ Немировѣ стоитъ гетманъ Самусь, котораго въ то время уже давно не было на свѣтѣ. Танскій и Самусь являлись тутъ олицетвореніемъ психической потребности связать это новое движеніе со старыми козацкими преданіями, потребности, которой не могъ не чувствовать народъ, сосредоточивавшій въ козачествѣ всю свою исторію.

Царскій приказъ убивать ляховъ и жидовъ видимо былъ очень ревностно приводимъ въ исполненіе новымъ козацкимъ полкомъ. Въ винницкія гродскія книги внесенъ перечень девяноста дворянъ Брацлавскаго воеводства, убитыхъ въ 1734 г. гайдамаками,—надо думать, что истребленіе было ожесточенное. Но относительно жидовъ ожесточеніе было еще несравненно больше. Ихъ преслѣдовали и убивали съ остервенѣніемъ—убитыхъ въ это возстаніе считали ты-

сячами. «Пріѣхали козаки, разсказываетъ одинъ изъ плѣнныхъ гайдамакъ въ своихъ показаніяхъ передъ судомъ, и взяли у меня лошадь; просилъ я ихъ, чтобы возвратили; обѣщали отдать, если пойду съ ними до Замихова, я и пошелъ. Спрашивали меня о жидахъ, гдѣ еще можно ихъ найти,—и тамъ, въ тростникѣ, на берегу пруда нашли двухъ жидовокъ, о которыхъ сказали замиховскіе хлопы; тогда взяли тѣхъ жидовокъ до города и въ городѣ ихъ закололи; въ то время было козаковъ четверо и я пятый; оттуда поѣхали до Кунищова, въ среду вечеромъ, такъ какъ громада жаловалась на подстаросту, что избилъ невинно хлопа Москалика—козаки забрали стадо, а онъ за то наказалъ Москалика; и козаки, мстя за это, хотѣли схватить и убить того подстаросту, но мы его не застали. Въ воскресенье, когда закололи тридцать жидовъ, я не былъ, но только слышалъ; при тѣхъ же двухъ жидовкахъ, когда ихъ кололи, былъ. Удивлялись козаки и говорили: «что то за козаки, что послѣ нихъ остаются еще ляхи, жиды и ксендзы! Послѣ насъ никого не останется, ни жида, ни ляха, всѣхъ выколемъ».

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности верлановскаго полка; но по тому немногому, что сохранилось, видно, что Верланъ обнаружилъ большую энергію. Къ половинѣ іюля онъ уже прошелъ все Подольское воеводство и достигъ Кременца, подъ которымъ имѣлъ стычки съ польскими войсками, взялъ Броды и Збаражъ, а оттуда намѣревался двинуться подъ Станиславовъ и Каменецъ.

Кромѣ волошскихъ милицій, и другіе надворные отряды должны были служить центрами, около которыхъ группировалась наиболѣе активная часть хлопства, стремящаяся въ козаки. По крайней мѣрѣ, есть въ актахъ прямое указаніе на уманскій отрядъ съ полковникомъ Писаренкомъ, который дѣйствовалъ одно время вмѣстѣ съ Верланомъ. Но видно, что этимъ не ограничивалось общее движеніе хлопства въ козаки: около Бердичева бродятъ хлопы «въ сотняхъ»—очевидный намекъ на козацкую организацію, во множествѣ сохранившихся актовъ постоянно упоминаются «своевольные козаки», «kozakow swywolne kupy hultayskie», «revolutiones varias Cozaticas» и т. п. Надо думать, что вся хлопская Украина въ 1734 г. была въ такомъ броженіи, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, должно было разомъ выдвинуть изъ нѣдръ хлопства новое козачество взамѣнъ стараго, съ такимъ трудомъ уничтоженнаго Польшей, а, слѣдовательно, разомъ и радикально измѣнить соціальную физіономію Польской Украины—конечно, такая радикальная соціальная метаморфоза была бы возможна только потому, что она сидѣла ясно и

отчетливо въ сознаніи каждаго хлопа. Народъ уже, можно сказать, осязалъ руками новый общественный строй. Но внѣшняя сила, совершенно неожиданно для хлопства, вырвала изъ рукъ этотъ первый плодъ его самостоятельныхъ усилій и снова отдала его въ распоряженіе панства. Въ то самое время, какъ хлопское движеніе было въ самомъ разгарѣ и Верланъ съ своимъ полкомъ уже разгуливалъ по западной части украинскихъ воеводствъ—Минихъ осаждалъ Данцигъ. 30 іюня Данцигъ сдался, Лещинскій бѣжалъ, королевство, слѣдовательно, было укрѣплено за Августомъ III. Дворянскія конфедераціи одна за другой стали приставать къ Августу. Наступила перемѣна декорацій.

Разумѣется, украинское шляхетство было одно изъ первыхъ, поспѣшившихъ изъявить свое согласіе на избраніе Августа: хлопство угрожало уничтожить въ конецъ своихъ пановъ, и единственная надежда на спасеніе была въ русской помощи. Шляхта не обманулась въ расчетахъ. Если русскія власти не одобряли вообще вмѣшательства хлоповъ, то все-таки могли еще относиться къ нему снисходительно, когда видѣли въ немъ орудіе для смиренія непокорной шляхты. Но когда шляхта смирилась, мятежническій духъ хлоповъ, конечно, не могъ быть дольше терпимъ. За грозными универсалами ландграфа главнокомандующаго послѣдовали и дѣйствія: войска на обратномъ пути изъ Польши въ Россію черезъ украинныя воеводства принялись за укрощеніе бунтовщиковъ. Конечно, для русскаго войска это укрощеніе не представляло большихъ затрудненій. Къ концу года всѣ новые козацкіе полки были разсѣяны, предводители ихъ — Верланъ, Писаренко, Медвѣдь, Грива, Сава, Савка, Темка, Моторный и др. скрылись, кто въ Молдавіи, кто въ запорожскихъ степяхъ; нѣкоторые попались въ руки русскихъ, передавшихъ ихъ полякамъ во вновь учрежденные спеціальные суды causarum-exorbitantiarum. Многіе изъ скрывшихся гайдамацкихъ предводителей скоро опять появились въ Польшѣ въ качествѣ ватажковъ. Но дѣло новой козачины было потеряно. Еще одна хлопская иллюзія была разбита. Часть разогнаннаго самозваннаго козачества держалась еще нѣсколько времени въ оврагахъ Поднѣстровья, отъ Рошкова до устья Смотрича. Выкуривалъ изъ этихъ овраговъ «украинскую саранчу»—такъ называла шляхта своихъ враговъ—тогдашній подольскій воевода, Стефанъ Гумецкій. Воевода передавалъ мятежниковъ прямо въ руки владѣльцевъ на ихъ собственную расправу. Впрочемъ, расправа ограничилась кіями, даже «шельмованія» не было: вообще на этотъ разъ шляхта не оказала особен-

ной жестокости. Только попавшіе въ руки зачинщики и предводители были подвергаемы смертной казни. Много изъ хлоповъ, подозрѣвавшихся въ гайдамачествѣ, даже было прямо выдано на поруки громадамъ.

Русскія и польскія войска могли безъ большихъ усилій разогнать купы своевольныхъ козаковъ и уничтожить такимъ образомъ въ зародышѣ начавшуюся козацкую организацію. Но не такъ то легко было ввести въ берега расколыхавшееся народное море—собственно съ тѣхъ поръ оно уже и не входило больше въ свое ложе. Зимой, 34-го, можно было считать волненіе улегшимся: козацкіе полки разсѣялись, предводители бѣжали; все было тихо. Но съ ранней же весны 35-го снова все закипѣло: снова забродили своевольныя гайдамацкія купы, заняты дороги, крестьяне волнуются, отказываются повиноваться и хозяйничають въ панскихъ угодьяхъ. Снова полны руки дѣла у русскихъ командъ, которыя продолжаютъ оставаться въ Польшѣ—самъ кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ Вейсбахъ, стоитъ въ Бѣлой Церкви и наблюдаетъ за укрощеніемъ расходившагося хлопства. Интересна та предупредительность, съ которою онъ обращается къ шляхетству волнующихся воеводствъ, съ обязательными предложеніями услугъ русскихъ командъ для усмиренія хлоповъ и съ разными совѣтами насчетъ мѣръ для успѣшнѣйшаго укрощенія мятежниковъ. «Съ разныхъ мѣстъ доносятъ», пишетъ графъ Вейсбахъ въ мартѣ 1735 г. къ шляхетству Брацлавскаго воеводства «что собираются своевольныя купы, наѣзжаютъ на дворы, грабятъ и убиваютъ людей. Желая содержать ихъ милостей обывателей воеводства въ полной безопасности, я еще прежде далъ приказъ командамъ войска Ея Императорскаго Величества, моей милостивѣйшей государыни, чтобъ такихъ бунтовщиковъ хватать. Но такъ какъ одна команда отстоитъ отъ другой въ отдаленіи, то для сохраненія въ цѣлости самихъ себя и своего имущества, пусть каждая панская юрисдикція держитъ въ строгости своихъ подданныхъ и гдѣ только подстережетъ бунтовщиковъ, даетъ знать командамъ и помогаетъ ихъ ловить, а пойманныхъ для строгаго и неотложнаго разслѣдованія отсылаетъ въ надлежащій судъ. Сверхъ того, такъ какъ теперь приближается весна, и каждый подданный долженъ исполнять свои хозяйственныя работы, то я рекомендую каждой юрисдикціи принуждать своихъ подданныхъ къ засѣвамъ и помогать тѣмъ, кто не имѣетъ зерна; а подданныхъ же, сопротивляющихся и не принимающихся за работы (что само по себѣ уже является очевиднымъ гайдамачествомъ и наклонностью къ разбою), какъ людей подозрительныхъ

доносить русскимъ командамъ и препровождать таковыхъ въ судъ...» Всѣми мѣрами старается Вейсбахъ ублажить укротившихся пановъ Брацлавскаго воеводства: и даетъ имъ отрядъ для охраненія воеводскихъ книгъ въ Винницѣ и засѣдающихъ тамъ судей (можно судить, какъ тревожно было положеніе края, если даже замокъ требовалъ русской охраны), и обѣщаетъ возвратить всѣхъ хлоповъ, бѣжавшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и разыскать скрывшихся главныхъ предводителей возстанія, которые могли бы оказаться въ русскихъ предѣлахъ, и сдѣлать распоряженіе, чтобы русское военное начальство внушало хлопамъ должное повиновеніе помѣщичьей власти,— однимъ словомъ, обѣщаетъ все и возможное и невозможное. Но русскіе не ограничивались обѣщаніями: они, дѣйствительно, дѣлали, что могли, и на этотъ разъ сдѣлали очень много. Зная размѣры хлопскаго движенія и состояніе Польши въ то время, едва ли можно сомнѣваться, что, безъ русскаго вмѣшательства, Польшѣ не удержать было бы въ своихъ рукахъ малорусскихъ украинскихъ воеводствъ. Они спасли цѣлость польскаго государства; но не въ ихъ власти было успокоить край и обезпечить помѣщикамъ спокойное обладаніе ихъ правами надъ тѣломъ и душою хлоповъ.

Выше мы сказали, что хотя запорожцы и были въ Польской Украинѣ въ 1734 г., и изъ актовъ видно даже, что не одинъ разъ они дѣлались крестьянскими вожаками, но все-таки не они были средоточіемъ движенія, которое въ 1734 году получило своеобразный характеръ, выдѣляющій его изъ ряда движеній, отмѣченныхъ общимъ именемъ гайдамачины. Но уже непосредственно за 34 годомъ организація гайдамачества сосредоточивается въ запорожскихъ степяхъ.

Интересно, что нѣкоторые изъ предводителей движенія 1734 г. являются потомъ въ Польшу во главѣ гайдамацкихъ шаекъ, какъ запорожскіе ватажки: были ли они дѣйствительно запорожцами? или убѣжали на Запорожье, послѣ того какъ пришлось имъ скрываться осенью 1734 года, и пристали къ сѣчевикамъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними продолжать гайдамацкія похожденія? Вожаками теперь являются почти исключительно запорожцы, и гайдамачина принимаетъ тѣ типическія черты, которыя мы представили въ третьей главѣ нашей статьи. Польскія военныя силы сосредоточиваются на южной украинской границѣ, и начинается безконечная «война съ гайдамаками»— единственная война за все тридцатилѣтнее царствованіе Августа III.

Энергически двигается организація гайдамачества въ Запорожьѣ. Уже въ 36 году появился съ сильнымъ гайдамацкимъ отрядомъ

Медвѣдь—одинъ изъ тѣхъ ватажковъ, которые дѣйствовали въ 34 году въ Брацлавщинѣ; вслѣдъ за нимъ является Грива—тоже одинъ изъ видныхъ участниковъ 34 года; затѣмъ Жила, Харько, Рудь съ своими ватагами и т. д. Осень 36 года долго была памятна для кіевской Украйны. Нѣсколько ватажковъ, соединивши свои отряды, нападали тогда на города, замки и дѣлали страшныя опустошенія: взяты были Паволочь, Погребище, Сквира, Таращa. Мѣстная шляхта понесла громадныя потери. Вообще съ этого времени гайдамачина входитъ въ свою настоящую силу; развитіе этого движенія со всѣми его типическими чертами идетъ теперь crescendo. Крестьянство съ каждымъ годомъ все больше и больше свыкается съ этой формой протеста и пріучается возлагать на нее свои надежды и упованія. Съ панской барщины сходитъ мало-по-малу старое поколѣніе хлоповъ, которому были дороги преданія козачества, и появляется новое, для котораго козацкія традиціи были традиціями въ полномъ смыслѣ слова—оно не помнило сподвижниковъ Палія, послѣднихъ правобережныхъ козаковъ. Оно уже шло не въ козаки, а прямо и просто «въ гайдамаки». Этотъ періодъ въ исторіи гайдамачины заканчивается 1750 годомъ.

50-й годъ интересенъ въ томъ отношеніи, что массовое движеніе произошло тогда безъ всякаго толчка со стороны внѣшнихъ условій и обстоятельствъ. Гайдамачина, что называется, созрѣла и сдѣлала первую пробу достигнуть конечнаго результата своими собственными средствами. Проба была неудачна—не потому только, что она не привела къ результату: къ какому результату могла она привести, когда всѣ соединенныя силы польскаго и русскаго государствъ стояли противъ затѣй малорусскаго хлопства? Мы называемъ ее неудачной потому, что движеніе, очень широкое, явилось въ то же время достаточно безсвязнымъ, лишеннымъ всякаго общаго плана, системы, организаціи. Участія запорожцевъ хватило на то, чтобъ организовать множество отрядовъ, которые подняли на ноги не только Украину, но и Полѣсье даже за Припеть, до границъ Бѣлоруссіи. Но не видно никакой связи между дѣйствіями этихъ отрядовъ, никакой общей центральной, руководящей силы,—каждый работаетъ самъ по себѣ, какъ Богъ положитъ ему на душу. Участіе хлоповъ на этотъ разъ выражается въ томъ, что они выдѣляютъ молодежь въ гайдамацкіе отряды и оказываютъ имъ всякую поддержку. Однимъ словомъ, въ движеніи 50 года рѣзче всего выразилась гайдамачина въ чистомъ своемъ типѣ и при нормальныхъ ея условіяхъ. 34 и 68 года—

продукты, въ значительной степени, внѣшнихъ обстоятельствъ, которыми гайдамачина, такъ сказать, только воспользовалась.

Еще 50-й годъ не наступилъ, а шляхта уже чувствовала, что дѣло идетъ не къ добру. Все больше и больше гайдамацкихъ купъ начинаетъ появляться по веснѣ и кроется по лѣсамъ, болотамъ и оврагамъ, въ окрестностяхъ панскихъ дворовъ, выжидая благопріятнаго момента; все чаще уходятъ хлопы въ гайдамацкія шайки, а чуть появятся въ окрестностяхъ населенныхъ мѣстъ гайдамаки, все къ ихъ услугамъ: и провизія, и совѣты, и хлопскія руки. Уже не говоря о пограничныхъ мѣстностяхъ, у хлопства даже на Полѣсьѣ заводятся постоянныя сношенія съ Сѣчью. Рады бы паны совсѣмъ прекратить эти сношенія, чтобъ ни одна живая душа не переходила запорожскую границу, да, съ одной стороны, и силъ не хватитъ загородить границу, съ другой—нельзя, по экономическимъ расчетамъ: изъ Запорожья надо доставать рыбу, соль, и разное другое, туда можно выгодно сбыть хлѣбъ. И тянутся возы въ Запорожье, а при возахъ идетъ разный людъ, все больше парубки, молодежь, изъ тѣхъ, что не спроста примѣчаютъ каждую тропинку, высматриваютъ каждаго шляхтича,—идетъ и уже не возвращается назадъ при возахъ. Зимой много какого-то народа, безъ опредѣленныхъ занятій и образа жизни, начинаетъ бродить по странѣ, приставая на пивоварни, винницы и хутора въ качествѣ наймитовъ. А вотъ и еще тревожнѣе признаки: то тамъ, то сямъ хлопы обдерутъ пана, изобьютъ его жестоко и сами убѣгутъ Богъ знаетъ куда, побросавши и свои засѣвы,и скудное имущество «wszelkie mobilia y supellektilia», не жалѣютъ его, въ надеждѣ вознаградить себя при случаѣ на панскій счетъ. Однимъ словомъ, чѣмъ ближе къ 50 году, тѣмъ больше ростутъ и ростутъ опасные симптомы. Вотъ какъ еще въ 1749 году рисуетъ положеніе Подольскаго воеводства генералъ Подольской земли въ универсалѣ къ дворянамъ воеводства: «Въ краю нашемъ зачастили разбои, наѣзды, грабежи и т. п. отъ сбирающихся гультяевъ, которые все увеличиваются въ числѣ, такъ что уже и въ домахъ собственныхъ, не только на дорогахъ, господа обыватели (помѣщики) не чувствуютъ никакой безопасности и подвергаются опасностямъ потери не только имущества своего, но и жизни...»

Вотъ насталъ и 50-й годъ. Съ степнымъ вѣтромъ понесся по запорожскимъ степямъ, отъ Сѣчи до Гарду, отъ Днѣпра до Ингула, по лѣсамъ и балкамъ, по зимовникамъ и куренямъ, слухъ, что вышелъ указъ—отъ кого? отъ кошевого или отъ русскаго правительства? это никого особенно не интересовало—собираться на ляховъ,

Медвѣдь—одинъ изъ тѣхъ ватажковъ, которые дѣйствовали въ 34 году въ Брацлавщинѣ; вслѣдъ за нимъ является Грива—тоже одинъ изъ видныхъ участниковъ 34 года; затѣмъ Жила, Харько, Рудь съ своими ватагами и т. д. Осень 36 года долго была памятна для кіевской Украйны. Нѣсколько ватажковъ, соединивши свои отряды, нападали тогда на города, замки и дѣлали страшныя опустошенія: взяты были Паволочь, Погребище, Сквира, Таращa. Мѣстная шляхта понесла громадныя потери. Вообще съ этого времени гайдамачина входитъ въ свою настоящую силу; развитіе этого движенія со всѣми его типическими чертами идетъ теперь crescendo. Крестьянство съ каждымъ годомъ все больше и больше свыкается съ этой формой протеста и пріучается возлагать на нее свои надежды и упованія. Съ панской барщины сходитъ мало-по-малу старое поколѣніе хлоповъ, которому были дороги преданія козачества, и появляется новое, для котораго козацкія традиціи были традиціями въ полномъ смыслѣ слова—оно не помнило сподвижниковъ Палія, послѣднихъ правобережныхъ козаковъ. Оно уже шло не въ козаки, а прямо и просто «въ гайдамаки». Этотъ періодъ въ исторіи гайдамачины заканчивается 1750 годомъ.

50-й годъ интересенъ въ томъ отношеніи, что массовое движеніе произошло тогда безъ всякаго толчка со стороны внѣшнихъ условій и обстоятельствъ. Гайдамачина, что называется, созрѣла и сдѣлала первую пробу достигнуть конечнаго результата своими собственными средствами. Проба была неудачна—не потому только, что она не привела къ результату: къ какому результату могла она привести, когда всѣ соединенныя силы польскаго и русскаго государствъ стояли противъ затѣй малорусскаго хлопства? Мы называемъ ее неудачной потому, что движеніе, очень широкое, явилось въ то же время достаточно безсвязнымъ, лишеннымъ всякаго общаго плана, системы, организаціи. Участія запорожцевъ хватило на то, чтобъ организовать множество отрядовъ, которые подняли на ноги не только Украину, но и Полѣсье даже за Припеть, до границъ Бѣлоруссіи. Но не видно никакой связи между дѣйствіями этихъ отрядовъ, никакой общей центральной, руководящей силы,—каждый работаетъ самъ по себѣ, какъ Богъ положитъ ему на душу. Участіе хлоповъ на этотъ разъ выражается въ томъ, что они выдѣляютъ молодежь въ гайдамацкіе отряды и оказываютъ имъ всякую поддержку. Однимъ словомъ, въ движеніи 50 года рѣзче всего выразилась гайдамачина въ чистомъ своемъ типѣ и при нормальныхъ ея условіяхъ. 34 и 68 года—

продукты, въ значительной степени, внѣшнихъ обстоятельствъ, которыми гайдамачина, такъ сказать, только воспользовалась.

Еще 50-й годъ не наступилъ, а шляхта уже чувствовала, что дѣло идетъ не къ добру. Все больше и больше гайдамацкихъ купъ начинаетъ появляться по веснѣ и кроется по лѣсамъ, болотамъ и оврагамъ, въ окрестностяхъ панскихъ дворовъ, выжидая благопріятнаго момента; все чаще уходятъ хлопы въ гайдамацкія шайки, а чуть появятся въ окрестностяхъ населенныхъ мѣстъ гайдамаки, все къ ихъ услугамъ: и провизія, и совѣты, и хлопскія руки. Уже не говоря о пограничныхъ мѣстностяхъ, у хлопства даже на Полѣсьѣ заводятся постоянныя сношенія съ Сѣчью. Рады бы паны совсѣмъ прекратить эти сношенія, чтобъ ни одна живая душа не переходила запорожскую границу, да, съ одной стороны, и силъ не хватитъ загородить границу, съ другой—нельзя, по экономическимъ расчетамъ: изъ Запорожья надо доставать рыбу, соль, и разное другое, туда можно выгодно сбыть хлѣбъ. И тянутся возы въ Запорожье, а при возахъ идетъ разный людъ, все больше парубки, молодежь, изъ тѣхъ, что не спроста примѣчаютъ каждую тропинку, высматриваютъ каждаго шляхтича,—идетъ и уже не возвращается назадъ при возахъ. Зимой много какого-то народа, безъ опредѣленныхъ занятій и образа жизни, начинаетъ бродить по странѣ, приставая на пивоварни, винницы и хутора въ качествѣ наймитовъ. А вотъ и еще тревожнѣе признаки: то тамъ, то сямъ хлопы обдерутъ пана, изобьютъ его жестоко и сами убѣгутъ Богъ знаетъ куда, побросавши и свои засѣвы,и скудное имущество «wszelkie mobilia y supellektilia», не жалѣютъ его, въ надеждѣ вознаградить себя при случаѣ на панскій счетъ. Однимъ словомъ, чѣмъ ближе къ 50 году, тѣмъ больше ростутъ и ростутъ опасные симптомы. Вотъ какъ еще въ 1749 году рисуетъ положеніе Подольскаго воеводства генералъ Подольской земли въ универсалѣ къ дворянамъ воеводства: «Въ краю нашемъ зачастили разбои, наѣзды, грабежи и т. п. отъ сбирающихся гультяевъ, которые все увеличиваются въ числѣ, такъ что уже и въ домахъ собственныхъ, не только на дорогахъ, господа обыватели (помѣщики) не чувствуютъ никакой безопасности и подвергаются опасностямъ потери не только имущества своего, но и жизни...»

Вотъ насталъ и 50-й годъ. Съ степнымъ вѣтромъ понесся по запорожскимъ степямъ, отъ Сѣчи до Гарду, отъ Днѣпра до Ингула, по лѣсамъ и балкамъ, по зимовникамъ и куренямъ, слухъ, что вышелъ указъ—отъ кого? отъ кошевого или отъ русскаго правительства? это никого особенно не интересовало—собираться на ляховъ,

разбивать ляховъ. Козаки въ Сѣчи начали запасаться оружіемъ, чтобъ идти въ степи «для согласія» на гайдамачество. Въ степяхъ закипѣло. Всѣ обычныя мѣста гайдамацкихъ сборищъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, Бугу, Ингулу великому, Ингульцу малому, Ташличку и Ташликамъ, Громоклеи, Солоной, Мертвоводу, Гарбузной и т. д., наполнились отважнымъ людомъ. Но главнымъ пунктомъ, куда собирались охотники и гдѣ организовались гайдамацкія купы въ 1750 г., былъ Гардъ на Бугѣ. Гардъ на Бугѣ, одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ лѣтнихъ рыбныхъ промысловъ въ Запорожьѣ, былъ въ то же время и административнымъ центромъ цѣлаго Запорожскаго округа, Бугогардовой паланки, которая занимала большое пространство степи отъ Синюхи до Тарговицы и отъ лѣваго берега Ингульца и устья Мертвовода до границъ польской Украины. Гардъ на Бугѣ былъ для гайдамакъ всегда очень удобнымъ пунктомъ, потому что онъ находился неподалеку отъ русской и польской границы, и туда весной всегда сходилось для промысла множество народу, между которымъ ватажки могли вербовать себѣ сподвижниковъ. Но было одно условіе, которое гайдамакамъ всегда приходилось принимать во вниманіе, прежде чѣмъ рѣшиться сдѣлать Гардъ исходнымъ пунктомъ своихъ предпріятій. Такъ какъ Гардъ на Бугѣ былъ «уже самымъ граничнымъ мѣстомъ, то для охраненія онаго и поимки воровъ, такожь для порядочности между рыболовами и козаками, отъ коша полковникъ съ особенною пристойною командою козаковъ запорожскихъ отправлялся туда каждый годъ». Команда эта, около 400 человѣкъ, всегда была не прочь не только покровительствовать гайдамакамъ, но даже и сама погулять въ Польшѣ,— между гайдамаками нерѣдко упоминаются и гардовые козаки. Но много зависѣло отъ настроенія и качества Бугогардоваго полковника. Если это былъ человѣкъ рѣшительный и возлагавшій упованія на русское правительство—а такіе бывали между запорожской старшиной—онъ могъ значительно помѣшать гайдамакамъ. Но, къ счастью для гайдамакъ, обстоятельства рѣдко складывались такъ неблагопріятно. Большею частію полковники охотно смотрѣли сквозь пальцы на козацкія затѣи, такъ какъ всегда получали благодарность изъ гайдамацкой добычи—какую нибудь вещь, лошадь, иногда даже опредѣленный пай изъ добытаго.

И такъ, въ 1750 г. Гардъ на Бугѣ былъ главнымъ центромъ гайдамацкой организаціи. Въ то время въ Гарду было «всякое самовольство», какъ показывали захваченные русскими гайдамаки. (Изъ актовъ черниговскаго архива). Множество ватагъ, и конныхъ,

и пѣшихъ, и ничтожныхъ по численности, и такихъ, что ихъ можно было принять за военные отряды, собрались въ Гарду и въ прилежащихъ къ нему урочищахъ, на балкѣ Ташличку, на островѣ Мигеи и т. п. Впрочемъ, такихъ большихъ отрядовъ, какіе видѣла Польша въ 36-мъ году, отрядовъ, бравшихъ замокъ за замкомъ, теперь не было. Многое множество мелкихъ ватагъ, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ каждая, характеризуютъ движеніе 50-го года; иногда эти ватаги соединялись по двѣ, но большею частью дѣйствовали порознь, подкрѣпляемыя на мѣстѣ хлопами. Вдадимся нѣсколько въ стратегическія подробности: онѣ сами по себѣ мало интересны, но безъ нихъ нельзя ясно представить себѣ гайдамацкій образъ военныхъ дѣйствій. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ коснуться этихъ подробностей,—хотя вообще частности и не входятъ въ планъ нашей статьи,—что возстановляемъ ихъ по неизданнымъ матеріаламъ черниговскаго архива, которые, можетъ быть, будутъ съѣдены крысами прежде, чѣмъ успѣютъ сдѣлаться достояніемъ науки.

Гайдамаки изъ Гарду шли, большею частію, по двумъ направленіямъ: одни двигались прямо на сѣверъ, въ Польшу, избирая главнымъ мѣстомъ своихъ дѣйствій Брацлавское воеводство, другіе поворачивали на востокъ, въ заднѣпрскую полосу русскихъ владѣній, заселенную Крыловскою и Цыбулевскою сотнями Миргородскаго полка, и оттуда уже вторгались въ Кіевское воеводство. Самый значительный изъ отрядовъ, вышедшихъ изъ Бугогардовой паланки въ Брацлавское воеводство, былъ отрядъ Михайла Сухого. Это, по всѣмъ признакамъ, былъ очень бывалый и вліятельный ватажокъ. «Михайло Сухой», сообщаютъ плѣнные гайдамаки, «идучи на грабительство Крутовъ, у Мертвыхъ-Водъ при Гарду имѣлъ лошадей на четыреста собранныхъ, а выбравъ двѣсти, пошелъ на Круты и ограбилъ...» Такимъ образомъ, Сухой вступилъ въ Брацлавское воеводство отъ южной его границы. Между тѣмъ, другой ватажокъ, Прокопъ Саврапскій, или Таранъ, собралъ конныхъ гайдамакъ въ балкѣ Ташличку и двинулся въ Польшу черезъ Синюху, которую онъ перешелъ около Тарговицы. Отдохнувъ нѣсколько дней у устья рѣки Омшанки, Прокопъ съ своимъ «комонникомъ» (конный отрядъ) направился на Тальное, откуда онъ круто повернулъ къ западу, на встрѣчу комоннику же Сухого. Мѣсто встрѣчи ихъ было подъ Уманью: на нее и направились силы ихъ соединенныхъ отрядовъ. Была ли заранѣе условлена эта встрѣча? По всѣмъ соображеніямъ, надо полагать, что была. Движенія этихъ ватагъ были такъ быстры и скрытны, что

Умань совсѣмъ не приготовилась къ отпору и не могла выдержать нападенія двухъ гайдамацкихъ купъ. Ворвавшись въ Умань, гайдамаки, по описанію сеймика Кіевскаго воеводства, «оффиціала брацлавскаго и плебана тамошняго на кладбищѣ жестокимъ образомъ поубивали, костелъ ограбили, св. дары изъ чаши повыбросали, городъ сожгли, невинныхъ людей множество убили». Отъ Умани гайдамацкій отрядъ повернулъ назадъ къ степямъ, чтобъ скрыть въ нихъ свою добычу,—иногда гайдамаки передавали добычу хлопамъ, которые доставляли ихъ въ степи въ возахъ подъ видомъ хлѣба или другого товара, но понятно, что это не всегда было удобно, и потому движенія гайдамацкихъ ватагъ часто направлялись необходимостью скрыть добычу. Извѣстный уманскій полковникъ Ортынскій, неутомимый преслѣдователь гайдамакъ, кинулся въ погоню за дерзкимъ отрядомъ. Но при переправѣ черезъ Синюху гайдамаки сами напали на него и благополучно ушли въ свои степи. Много и другихъ купъ разошлось по Брацлавскому воеводству, откуда онѣ вторгались въ Подольское, отчасти въ Кіевское. Разныхъ дѣлъ успѣли за это лѣто надѣлать гайдамаки на обширной территоріи этихъ воеводствъ. Подольская шляхта свезла деньги и самое цѣнное изъ своего движимаго имущества въ отдаленный повѣтовый городъ Летичевъ, подъ защиту чудотворной иконы Божіей Матери. Но ни отдаленность, ни чудотворная икона не спасла отъ гайдамацкихъ рукъ шляхетскую собственность—накопленный результатъ многолѣтняго хлопскаго труда: по обыкновенію, ночью ворвались гайдамаки въ городъ и разграбили доминиканскій монастырь, гдѣ былъ главный складъ свезенныхъ вещей; пострадали при этомъ, конечно, и отцы-доминикане. Въ концѣ лѣта гайдамаки улучили случай вторгнуться даже въ замокъ Винницы, главнаго города Брацлавскаго воеводства, старательно охраняемаго старостой Калиновскимъ. Въ Винницѣ была ярмарка. Гайдамаки, вѣроятно, вошли въ городъ вмѣстѣ съ разнымъ торгующимъ людомъ, и ночью, въ числѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, подкрались къ замковымъ воротамъ, ударили на нихъ и ворвались въ замокъ. Все разбѣжалось и укрылось, кто куда могъ, начиная съ замковаго начальства. Интересно, что гайдамаки, въ такой небольшой горсткѣ, какой удалось сдѣлать это дерзкое нападеніе, конечно, должны были крайне дорожить временемъ. Тѣмъ не менѣе, они не пожалѣли потратить его на то, чтобы разгромить хорошо устроенную и оберегаемую гродскую канцелярію, гдѣ хранились акты цѣлаго Брацлавскаго воеводства: выломавъ двери, они разбросали всѣ бумаги, ка-

кія попались имъ подъ руку, частью подрали ихъ на мелкіе кусочки, частью забрали на пыжи.

Тѣмъ гайдамацкимъ отрядамъ, которые шли изъ Гарду, направляясь черезъ заднѣпрскія русскія владѣнія въ Кіевское воеводство, оказали энергическую поддержку жители селъ, деревень и слободъ Крыловской и Цыбулевской сотенъ. Значительный отрядъ гайдамакъ изъ запорожскихъ козаковъ открыто стоялъ лагеремъ подъ селомъ Уховкой Цыбулевской сотни. «Изъ оныхъ же уховскихъ жителей», доноситъ кіевскому генералъ-губернатору начальникъ Кременчугскаго форпоста, «да и изъ Цыбулева ушло къ гайдамакамъ въ товариство немалое число, у которыхъ имѣются тутъ всѣ родственники и отъ того болѣе ихъ, гайдамаковъ, умножается и всячески укрывается въ тамошнихъ заднѣпрскихъ селахъ и слободахъ и со всѣми сообщеніе имѣетъ...» Русскія военныя команды, которыя постоянно находились въ тѣхъ мѣстностяхъ, были безсильны противъ гайдамакъ. «Побрать ихъ, гайдамаковъ», продолжаетъ то же донесеніе, «за множествомъ и что они всякъ при ружьѣ и списахъ невозможно, ибо по извѣстіямъ какъ въ степи, такъ и въ лѣсахъ многое множество конныхъ и пѣшихъ гайдамакъ имѣется...» Черный лѣсъ и Чута, какъ мы уже сказали выше, всегда были любимымъ мѣстопребываніемъ гайдамакъ. Гайдамацкія ватаги въ Кіевскомъ воеводствѣ показали не меньше энергіи, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствовали въ Брацлавскомъ. Онѣ покушались даже на Бѣлую-Церковь, самую сильную изъ польскихъ крѣпостей края; сожгли Мошны, городъ великаго литовскаго гетмана Радзивила, и впродолженіе сутокъ осаждали замокъ и т. д.

Кромѣ отрядовъ, вышедшихъ изъ Гарду, были и такіе, которые двинулись прямо изъ зимовниковъ по Ингулу и Ингульцу на Хвастово, на Радомышль, т. е. на Полѣсье—Олеска Письменный съ пѣшими гайдамаками, Опанасъ и т. д. На Полѣсьи они встрѣтились съ отрядами, вышедшими изъ Кіевскаго округа. Кіевскіе монастыри тоже проявили на этотъ разъ усиленную дѣятельность. Отряды, выходившіе изъ ихъ территоріи, опустошали Полѣсье, заходя даже на лѣвый берегъ Припети, и отличались религіознымъ настроеніемъ, «почувши же въ лѣсѣ», показываетъ ватажокъ одного изъ такихъ отрядовъ, «рубавъ пилиповецъ (старообрядецъ) дрова на святого Спаса, выскочивши, зловили его и велми, ледве не на смерть збили за тое, же въ свято рубалъ...»

Такъ раскинулось въ 1850 году гайдамацкое движеніе. Чтобы оно представлялось читателю отчетливѣе, дополнимъ наше изложеніе разсказомъ о похожденіяхъ одной ватаги, невиданной ни по

своей численности, ни по смѣлости своихъ предпріятій: пусть на этомъ заурядномъ примѣрѣ читатель познакомится съ характеромъ дѣйствій отдѣльныхъ купъ. Матеріаломъ для разсказа послужатъ намъ показанія плѣнныхъ гайдамакъ, захваченныхъ русской командою.

Ватага эта составилась въ Гарду изъ козаковъ, которые набрались изъ зимовниковъ Бугогардовой паланки, и выходцевъ изъ Польши, которые были въ Запорожскихъ степяхъ на рыбныхъ промыслахъ. Сбиралъ ее ватажокъ Алексѣй Ляхъ, или Олекса Ляшокъ, который титулуется атаманомъ; при атаманѣ есть асаулъ. Эта ватага была изъ пѣшихъ. Въ Гарду въ ней было всего человѣкъ тридцать; во время похода она увеличилась присоединившимися къ ней хлопами, которые въ разныхъ селахъ заднѣпрской русской полосы поджидали случая отправиться въ походъ, — въ самой же Польшѣ, случалось, приставали и изъ страху попасться въ руки ляхамъ, которые во время гайдамацкихъ волненій хватали всѣхъ неосѣдлыхъ людей, не разбирая. Атаманъ объявлялъ всюду, что «нынѣ вольно ходить на ляховъ», что есть указъ разорять ляховъ. Отрядъ двигался по степямъ, останавливаясь въ извѣстныхъ мѣстахъ на продолжительные отдыхи; путь держалъ онъ на русское село Трисаги, лежавшее нѣсколько выше Тарговицы. Подъ Трисагами пѣшій отрядъ Ляха встрѣтился съ коннымъ отрядомъ атамана Похила, приблизительно такой же численности, — повидимому, эта встрѣча была заранѣе условлена. Оба отряда стояли вмѣстѣ подъ Трисагами три дня: атаманы Ляхъ и Похилъ совѣтовались между собой, вѣроятно, насчетъ дальнѣйшаго плана дѣйствій. Пока гайдамаки стояли подъ Трисагами, пріѣхали туда три сотника съ своими командами, — изъ малороссійскихъ казачьихъ сотенъ, — съ приказаніемъ отъ начальства разорить ихъ, гайдамакъ; но сотники, постоявъ нѣсколько времени въ верстѣ отъ гайдамацкаго лагеря, переговорили съ атаманомъ Ляхомъ и уѣхали. Послѣ трехдневной стоянки пѣшіе гайдамаки снова отдѣлились отъ конныхъ и отъ Трисагъ двинулись за польскую границу. Теперь шли они только ночью, днемъ крылись по лѣсамъ и байракамъ—путь держали на Лебединъ, оттуда на Корсунь, который служилъ первой цѣлью ихъ похода. Въ то время въ Корсунѣ была ярмарка. Ночью подкрались гайдамаки къ мѣстечку,—ихъ въ то время было около пятидесяти человѣкъ, многіе безъ ружей,—и ворвались въ него; ворвавшись, начали стрѣлять, чтобы задать страху—все разбѣжалось съ ярмарки. Не трогая людей, гайдамаки принялись разби-

вать крамныя лавки, набрали кой-какого краснаго товару. Но настояще ободрали только татаръ, которые были на ярмаркѣ: взяли у нихъ много денегъ и перепортили ихъ лошадей, подкалывая ихъ, вѣроятно, чтобъ помѣшать пуститься въ погоню. Паевали добычу въ пяти верстахъ ниже Корсуня надъ рѣкой Росью. Вотъ, примѣрно, что получилъ каждый гайдамакъ по раздѣлу: «денегъ цѣлковыхъ полтора рубля, да денежекъ двадцать копеекъ, да съ вещей полотна на сорочку, шолку разнаго цвѣта моточковъ два, ниток синихъ моточекъ единъ, поясовъ два, хустокъ двѣ портяныхъ рябыхъ». Отсюда гайдамаки отправились прямо на сѣверъ, въ село Таганчу: тамъ брали у людей харчъ, но ихъ не трогали, только у жившихъ тамъ жида и ляха атаманъ и асаулъ забрали деньги, которыми и раздѣлились—досталось по нѣсколько десятковъ копеекъ. Выйдя изъ Таганчи, захватили на дорогѣ пару воловъ, да съ мельницы взяли два мѣшка муки на харчъ. Направились къ мѣстечку Ржищеву. По дорогѣ захватили четырехъ жидовъ, которые ночевали въ полѣ, и повели ихъ съ возами въ лѣсъ къ Днѣпру: взяли у жидовъ деньги, одежду, а самихъ покололи, лошадь же и возы оставили въ полѣ. Въ Ржищевѣ былъ замокъ и дворъ старосты терехтеміровскаго Щеневскаго. Завладѣвъ ржищевскимъ замкомъ, гайдамаки порядкомъ въ немъ похозяйничали: забрали двѣ пушки, одну мортиру, одну гаковницу, сабли и еще кое-что, все во дворѣ Щеневскаго, сожгли старостинскій домъ и убили какихъ-то двухъ ляховъ. Отъ Ржищева отрядъ, теперь вдоволь снабженный оружіемъ, отправился въ обратный путь по Днѣпру въ байдакѣ—вообще пѣшіе гайдамаки любили добираться до рѣкъ, чтобы по нимъ совершать свои странствованія. Въ байдакѣ дѣлились захваченными въ Ржищевѣ деньгами, досталось по пяти рублей на пай: пожитки же остались въ байдакѣ безъ раздѣлу. Приставши подъ село Ходорково, гайдамаки сожгли жидовскую винокурню. Въ селѣ терехтеміровскаго монастыря забрали во дворѣ все того же старосты Щеневскаго винокуренные казаны, разныя воинскія принадлежности—палаши, перевязи съ лядунками, перчатки, портупеи, шпоры,—затѣмъ взяли горѣлки, меду, соли и т. п. Когда подъѣзжали къ Каневу, пріѣхалъ къ гайдамакамъ каневскій губернаторъ и просилъ атамана Ляха, чтобы миновалъ Каневъ, не трогалъ его. Атаманъ обѣщалъ исполнить просьбу, если ихъ самихъ не задѣнутъ, и подарилъ губернатору кое-что изъ заграбленныхъ вещей. Послѣ губернатора пріѣхалъ на байдакъ каневскій атаманъ съ двумя каневцами просить гайдамакъ о томъ же, чтобъ не трогали города. Гайдамаки

удерживали на байдакѣ атамана и одного каневца, а другого послали къ губернатору, чтобы онъ отпустилъ какого-то колодника. Губернаторъ прислалъ требуемаго колодника на байдакъ, и гайдамаки пустили задержанныхъ. Миновали Каневъ; ниже села Пекарово на гайдамакъ напали поляки; произошла стычка, которая кончилась ничѣмъ—только убили одного гайдамака. Но дальше ихъ ожидала болѣе серьезная опасность: подкараулилъ гайдамакъ русскій капитанъ кіевскаго гарнизона и забралъ ихъ со всѣмъ ихъ оружіемъ, деньгами и пожитками. Все вышеизложенное единодушно показали гайдамаки въ переяславской полковой канцеляріи и въ судѣ генеральномъ, «утвердившись послѣ двухъ пытокъ».

Никогда еще гайдамацкое движеніе не раскидывалось такъ далеко на сѣверъ,—до сихъ поръ Полѣсье почти не знало гайдамакъ. Положеніе украинскихъ воеводствъ съ точки зрѣнія ихъ шляхетскаго населенія было крайне печальное. Вотъ какъ обрисовываетъ его сеймикъ Брацлавскаго воеводства: «видимъ мы не только опасность для жизни и состоянія нашего, но даже настоящую погибель для всего нашего края, такъ какъ разнузданная гайдамацкая дерзость, переносясь безъ малѣйшаго препятствія отъ деревни до деревни, отъ города до города, грабитъ дворы и костелы, тирански мучитъ, печетъ и на-смерть забиваетъ людей, открыто забравши въ свою власть всѣ пути и дороги, не допускаетъ свободнаго переходу и переѣзду, хватаетъ и обдираетъ людей; черезъ все это соблазняется и чернь, и все больше и больше ростетъ число пристающихъ къ своевольнымъ гайдамацкимъ купамъ, такъ что гайдамаки осмѣлились уже дѣйствовать открытою воруженною силою, отъ чего мы совсѣмъ не обезпечены и въ домахъ нашихъ въ своемъ здоровьѣ и жизни». Положеніе Кіевскаго воеводства было такое же, если не хуже, такъ какъ это воеводство было еще болѣе открыто для гайдамацкихъ дѣйствій, чѣмъ Брацлавское: особенно страдали пограничныя мѣстности, напр., староство Чигиринское, которое было окончательно разорено. Но на этотъ разъ все ограничилось опустошеніемъ; даже поголовнаго систематическаго истребленія ляховъ и жидовъ не видно. Народъ, предоставленный самому себѣ, не сумѣлъ ясно поставить себѣ цѣли, не было и сформированныхъ средствъ для того, чтобы получился какой нибудь результатъ. Все ограничилось тѣмъ, что паны попугались, понасѣли на то, чтобъ устроить себѣ средство обороны—и только.

При отсутствіи системы, цѣльности и согласія въ дѣйствіяхъ гайдамакъ, при дѣятельной поддержкѣ со стороны русскаго прави-

тельства, которое принимало всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы ловить гайдамакъ, когда они появлялись на границѣ,—полякамъ можно было не допустить разыграться движенію до степени поголовнаго возстанія. Да и это потребовало бы со стороны поляковъ большихъ усилій. На помощь къ украинской партіи двинута была другая партія регулярныхъ войскъ изъ воеводствъ Русскаго и Подляcскаго; великій коронный гетманъ Потоцкій снаряжалъ отряды на свой собственный счетъ; сеймики Брацлавскаго и Кіевскаго воеводстъ учредили милицію; старосты должны были предоставить на защиту края свои надворныя милиціи и т. д. А сколько было принято мѣръ строгости и предосторожности, сколько начало циркулировать по краю универсаловъ королевскихъ, гетманскихъ, региментарскихъ, съ разными повелѣніями, предписаніями, совѣтами дворянству! Всѣ усилія, наконецъ, увѣнчались тѣмъ, что къ слѣдующему году движеніе введено было въ свое обычное русло, изъ котораго оно такъ неожиданно вышло.

V.

Была ли внутренняя необходимость въ томъ, что наиболѣе интенсивныя изъ революціонныхъ движеній малорусскаго хлопства отдѣлялись другъ отъ друга довольно правильными промежутками времени въ 16—20 лѣтъ? Кажется, да: въ разныхъ общественныхъ явленіяхъ можно наблюдать періодическія возвышенія и пониженія общественнаго настроенія, находящіяся, вѣроятно, въ зависимости отъ смѣны поколѣній. Но 1768 годъ, знаменитая коліивщина, несомнѣнно имѣла и свои собственныя, особыя причины, сообщившія ей такую страшную силу.

Съ 1750 года гайдамачина начала видимо ослабѣвать—въ періодъ отъ 50 до 68 обнаруживала гораздо меньше энергіи, чѣмъ въ періодѣ отъ 34 до 50. Дѣло въ томъ, что русское правительство, въ своихъ такъ называемыхъ государственныхъ интересахъ и еще больше въ интересахъ Польши, употребляло большія усилія, чтобъ уничтожить гайдамачество, закрыть тотъ предохранительный клапанъ, какимъ выходило систематически наружу недовольство малорусскаго хлопства. За этотъ послѣдній промежутокъ времени, на запорожскихъ степяхъ, вдоль польской границы, появились линіи сербскихъ поселеній съ новыми крѣпостями и шанцами, явилось цѣликомъ преданное русскимъ интересамъ кошевое начальство, которое организевало

форпосты, разъѣзды и разное другое, чтобъ давить гайдамачество. Гайдамацкое движеніе хотя не прекращалось, но слабѣло, видимый успѣхъ оправдывалъ разумность предпринятыхъ мѣръ. Хлопское недовольство копилось и притаивалось.

А копиться недовольство должно было съ удвоенной силой. Сверхъ всѣхъ общихъ причинъ, о которыхъ мы довольно сказали въ своемъ мѣстѣ, сверхъ того, что ко времени коліивщины, въ шестидесятыхъ годахъ, начали истекать на Украинѣ, на вновь заселенныхъ земляхъ, льготные сроки, и украинскому хлопу приходилось съ тревогой заглядывать въ будущее, сверхъ всего этого примѣшивалось обостряющее обстоятельство въ видѣ религіозныхъ недоразумѣній, и взрывъ разразился.

Народъ своими гайдамацкими движеніями страстно протестовалъ противъ всего польскаго вообще, въ частности противъ того гнета, какой оно налагало на религіозныя убѣжденія хлопства: въ гайдамачинѣ, какъ и въ козацкихъ войнахъ, всюду проявляется рѣзко бьющая жилка протеста противъ насилія надъ совѣстью. Но, странное дѣло, въ то же время унія постоянно распространялась, захватывая все большій и большій районъ: во второй половинѣ столѣтія даже въ Украинѣ собственно, уже не говоря о другихъ малорусскихъ областяхъ, православіе еле-еле держалось, и съ каждымъ годомъ количество уніатскихъ приходовъ увеличивалось на счетъ приходовъ православныхъ. Рѣзкій примѣръ для сравненія дѣйствій, съ одной стороны, сознательной силы, которая ставитъ себѣ ясную цѣль и прямо двигается по пути къ ея достиженію, шагъ за шагомъ отвоевываетъ себѣ поле и пускаетъ корни на каждомъ завоеванномъ клочкѣ, цѣпляясь за всякую неровность, выступъ почвы, который можетъ служить опорой; съ другой—силы стихійной, которая роковымъ образомъ осуждена тратиться безрезультатно, если благопріятныя обстоятельства не допустятъ ее все цѣликомъ перевернуть на свой ладъ. А между тѣмъ гайдамачина, какъ и вообще движенія малорусскаго народа, отличается еще значительной дозой сознательности, напримѣръ, по сравненію съ соотвѣтствующими движеніями народа великорусскаго. Этой сознательности хватало на то, чтобъ обнять вопросъ въ самомъ общемъ его выраженіи и въ конечныхъ результатахъ; но проанализировать его во всѣхъ частностяхъ, и за невозможностью рѣшить цѣликомъ—рѣшать по частямъ,—это было выше народнаго разумѣнія. Оттого уніаты на Украинѣ должны были постоянно дрожать за свою жизнь и имущество; но это не мѣшало имъ продолжать свое дѣло распространенія уніи.

Они уничтожили православную іерархическую власть, такъ что православное священство оказалось въ зависимости отъ уніатскихъ епископовъ и декановъ; съ настойчивостью и энергіей отыскивали они разные обрывки права, цѣпляясь за которые отбирали одинъ за другимъ въ унію православные монастыри и церкви, а вмѣстѣ съ ними и приходы, которые принадлежали къ этимъ церквамъ. Большею частію, они дѣйствовали на почвѣ права, хотя, разумѣется, исключительно формальнаго,—малѣйшая юридическая прицѣпка, при содѣйствіи ихъ организаціи, давала поводъ къ тому, чтобъ обратить православный приходъ въ уніатскій; чувство, воля и желаніе народа съ ихъ точки зрѣнія безусловно ничего не значили. Обратится съ помощью какой-нибудь уловки приходское духовенство въ унію,—и народъ пристаетъ на унію, несмотря на все свое органическое отвращеніе къ ней, идетъ въ уніатскую церковь, такъ какъ нѣтъ православной, куда бы онъ могъ идти. И никакой попытки что-нибудь подѣйствительнѣе гайдамачины противопоставить надвигающемуся гнету!.. Но была ли возможность, въ данномъ общественномъ положеніи народа, сдѣлать такую попытку? Несомнѣнно была, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Все вообще малорусское православное населеніе имѣло правовую опору для защиты своей вѣры въ тѣхъ конституціяхъ, которыми Рѣчь посполитая обязывалась передъ Россіей не стѣснять православія. Но понятно, что для хлопства эта гарантія ничего не значила, такъ какъ хлопъ по закону душой и тѣломъ принадлежалъ пану. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что нѣкоторые панскіе «дворы» склонны были поддерживать православіе—въ этомъ заключался матеріальный расчетъ, такъ какъ имѣть православнаго священника было для экономіи выгоднѣе, чѣмъ уніатскаго, особенно, когда на Украинѣ, съ укрощеніемъ гайдамачины, появилось уніатское духовенство болѣе образованное, а, слѣдовательно, и болѣе требовательное. Но хлопство не умѣло пользоваться обстоятельствами и тамъ, гдѣ могло, чтобъ организовать протестъ иного рода. За то, когда явилась сила, вышедшая изъ народа, но внѣ его стоящая, которая взялась за организацію такого протеста, народъ явился на ея поддержку съ замѣчательной энергіей, хотя закончилъ дѣло, когда оно повернулось неблагопріятно, новымъ и болѣе страшнымъ, чѣмъ всѣ прежніе, взрывомъ гайдамачины. Сила, которая взялась вести народъ по пути новаго, такъ сказать, мирнаго протеста, вышла изъ среды правобережнаго украинскаго монашества, и двигающимъ ея рычагомъ была одна крупная по своимъ качествамъ личность,—это Мельхиседекъ Яворскій.

Мельхиседекъ Яворскій, «схизматицкій царь», какъ его обзывали поляки, на самомъ дѣлѣ былъ простымъ игуменомъ ничтожнаго монастыря,—Мотренинскаго. Монастырей въ Приднѣпровьѣ въ XVIII столѣтіи было довольно много, отъ Ржищева до Чигирина, на разстояніи какихъ нибудь трехсотъ верстъ, до пятнадцати. Монашество, православное и русское, было по крови и симпатіямъ, также и по своимъ интересамъ, во многихъ существенныхъ пунктахъ, тѣсно связано съ хлопствомъ; въ то же время въ стѣнахъ монастырей было гораздо привольнѣе вырабатываться сознанію, чѣмъ въ хатѣ хлопа. Мельхиседекъ Яворскій соединялъ энергію и цѣльность человѣка изъ народа съ виднымъ для своего времени образованіемъ, яснымъ представленіемъ о современномъ положеніи вещей и большимъ практическимъ смысломъ. Онъ видѣлъ, какъ унія медленно, но систематически поглощала православіе, между тѣмъ какъ народъ не находилъ другой формы для протеста, кромѣ гайдамачества, которое могло мѣшать работѣ противниковъ, но не могло остановить ее: за хорошо организованной уніей стояла еще вся страшная своей силой организаціи католическая церковь и панство, такъ что ея поступательное движеніе могло быть остановлено лишь крайне энергическимъ противодѣйствіемъ, а гайдамачество между тѣмъ слабѣло изъ году въ годъ. Отстоять же православіе значило отстоять одну изъ главнѣйшихъ поддержекъ того духа національной независимости, который былъ главной силой малорусскаго народа. Мельхиседекъ видѣлъ, что для православія въ Польшѣ необходима опора: онъ нашелъ ее въ возобновленіи старой, почти порванной іерархической связи польско-украинской православной церкви съ русскою. Первой его заботой было прочнѣе установить эту связь; онъ нашелъ себѣ въ этомъ дѣлѣ сочувствіе и поддержку въ русскомъ епископѣ переяславской епархіи, къ которой теперь и потянули украинскія церкви.

Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ началъ Мельхиседекъ закладывать фундаментъ своего дѣла, связывать украинскую церковь съ русскою. Не занимая никакого оффиціальнаго положенія, которое уполномочивало бы его дѣйствовать, онъ, тѣмъ не менѣе, своей личной энергіей довелъ дѣло до желаннаго результата. Въ 1765 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы заручиться для своего дѣла реальнымъ—несловеснымъ лишь—покровительствомъ русскаго правительства: къ этой поѣздкѣ относится та легенда о свиданіи его съ Екатериной, уполномочившей его будто бы волновать народъ, которую разсказываютъ польскіе историки, а за ними и русскіе. Въ слѣдующемъ году былъ онъ въ Варшавѣ, гдѣ раздобылъ привиллегію отъ короля,

обезпечивающую православнымъ исповѣданіе ихъ вѣры, и другіе документы, на которые онъ могъ опереться въ своей борьбѣ за православіе. Ближайшей цѣлью его хлопотъ было, конечно, удержать въ православіи то, что еще оставалось православнаго, и эта цѣль достаточно обезпечивалась присоединеніемъ православной церкви къ русской епархіи. Но за достиженіемъ этого ближайшаго, открывалась широкая перспектива, которая, естественно, его манила — возвратить къ православію все, что насильно было обращено и держалось подъ уніей. Задача была и легка для исполненія, и трудна: легка—потому, что народъ готовъ былъ по первому мановенію ринуться къ православію съ неудержимою силой; трудна—потому, что противники видѣли и имѣли формальное основаніе видѣть въ этомъ нарушеніе своего пріобрѣтеннаго уже права, и, конечно, не поступились бы безъ борьбы на жизнь и смерть плодами своихъ продолжительныхъ усилій. Что было дѣлать Мельхиседеку въ виду этой задачи? Долженъ ли былъ онъ, со всѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла, съ сознаніемъ, что есть для этого дѣла и внѣшняя поддержка въ лицѣ Россіи, заявлявшей себя защитницей православія, остановиться передъ тѣмъ лоскутомъ формальнаго права, который выставляли уніаты, прикрывая имъ явное насиліе надъ чувствомъ и совѣстью народа? Долженъ былъ или нѣтъ, но онъ не остановился. Онъ перешелъ Рубиконъ. Въ 1766 г. поднялось массовое движеніе, народа изъ уніи въ православіе, въ округахъ Смѣлы и Черкасъ, въ губерніяхъ Лисянской, Звенигородской, Корсунской и Каневской. Всюду сбирались громады, не слушаясь «ни двору панскаго, ни зверхности уніатской», сговаривались и клялись держаться православія до послѣдней капли крови, призывали священниковъ-уніатовъ и спрашивали ихъ согласія «на благочестіе», а если тѣ не соглашались, то отрѣшали ихъ отъ приходовъ, запирали церкви и отбирали ключи, чтобы не допустить уніатовъ. Всѣхъ поповъ, соглашавшихся «на благочестіе», везли въ Мотренинскій монастырь на обученіе и испытаніе, ѣхалъ туда народъ и по другимъ церковнымъ дѣламъ, такъ что монастырь сдѣлался центромъ и главой православнаго движенія Понятно, въ какой ужасъ пришло уніатское и католическое духовенство, когда увидало, какъ въ одинъ мигъ разсѣялись результаты его продолжительныхъ хлопотъ о спасеніи хлопскихъ душъ; большая часть панскихъ дворовъ раздѣляла эти чувства, немногіе оставались индифферентными. «Бунтъ», «мятежъ», «гайдамачина»,—такъ обзывали паны и польское духовенство это движеніе, на самомъ дѣлѣ безукоризненно спокойное и мирное. Что было дѣлать господамъ

края? Оставить такъ было немыслимо—эпидемія распространялась съ такою силой, что могла заразить весь край, заселенный малорусскимъ народомъ, погубить дѣло столѣтнихъ шляхетско-католическихъ усилій; раздражить народъ противодѣйствіемъ значило раздуть гайдамачество, когда нечѣмъ его тушить. Надо было обезопасить себѣ прежде всего такую защиту, сидя за спиной у которой можно бы было уже позаботиться о возстановленіи поруганныхъ дерзкою чернью правъ. Усиленное религіозное движеніе началось по веснѣ 1766 г.; а въ началѣ іюня уже вступили въ Смѣлянщину нѣсколько тысячъ регулярнаго войска украинской партіи съ региментаремъ Вороничемъ, призваннымъ наблюдать «за спокойствіемъ края». Началось это наблюденіе за спокойствіемъ тѣмъ, что безпокойный народъ въ самую рабочую пору, въ Петровъ постъ, согнали изъ мѣстечекъ и селъ Смѣлянскаго, Черкасскаго, Чигиринскаго округовъ въ обозъ подъ Ольшану, «и тамъ чрезъ чтири недѣли въ работѣ мучили, и дѣлали, по ихъ названію, обозъ, всѣмъ подобіемъ какъ бы городъ, дворы со всѣмъ строеніемъ съ избами, амбарами, конюшнями и прочимъ строеніемъ». Затѣмъ Вороничъ принялся за систематическое раззореніе народа непомѣрными поборами провіанту: «Все за благочестіе сердячись ляхи великѣ провенты дерли... провенты такіе безмѣрни, которыхъ отъ вѣку не давали и не слыхали... подачи такъ великіи и неумѣренніи, что иной бѣдный человѣкъ всѣмъ имуществомъ едва выстачить моглъ...» Уніаты соблазнили народъ обѣщаніями, «что котора громада пристанетъ на унію и подпишется, то зъ оной нѣ малаго провенту не возмутъ ляхи, такъ громады не подписывались та провентъ великій давали». За крѣпкой защитой войска и съ его содѣйствіемъ, уніатское духовенство принялось за возстановленіе своихъ поруганныхъ правъ. Открылись по странѣ, отъ прихода до прихода, священныя процессіи, во главѣ которыхъ двигались уніаты, а за ними слѣдовали надворные козаки съ панскими коммиссарами и жолнерскіе отряды. Тутъ былъ судъ, тутъ и расправа. Православныхъ священниковъ изгоняли изъ приходовъ, разоряли ихъ дома и грабили имущества, а въ церквахъ водворяли уніатовъ; тѣмъ изъ священниковъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, а попадали на уніатскій судъ, приходилось очень круто; стригли имъ волосы и бороду, забивали въ колодки и желѣза, жестоко били плетьми, розгами и т. п. Непокорныя громады, упорствующія въ схизмѣ, стращали разными ужасами, чуть не поголовнымъ истребленіемъ всего схизматическаго населенія. Разумѣется, это были пустыя угрозы, такъ какъ въ дѣйствія ихъ народа не было ничего, даже съ точки зрѣнія фор-

мальнаго права, что оправдывало бы примѣненіе какихъ-нибудь жестокихъ мѣръ. Но все-таки дѣло не обошлось пустыми угрозами. При грубости нравовъ, которая господствовала въ тѣ времена, когда страсти такъ разыгрались, а положеніе вещей было настолько смутно и тревожно, торжествующая партія не могла не перейти за тѣ границы, которыя она себѣ должна была бы поставить, если бы руководилась благоразумнымъ расчетомъ. Сдѣлано было много лишнихъ насилій, не оправдываемыхъ обстоятельствами. По Украинѣ и за ея предѣлы полетѣли, переходя изъ устъ въ уста, разсказы о томъ, какъ жолнеры въ Черкасахъ били народъ, мужественно говорившій уніатамъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ уніи», выворачивали руки и ноги, разрывали рты; какъ поляки глумились въ Жаботинѣ надъ православіемъ и дѣлали разныя притѣсненія и насилія жителямъ; какъ въ Корсунѣ уніаты били привезенныхъ туда православныхъ священниковъ до того, что кровь текла ручьями, а мясо отваливалось кусками, «который сколько можетъ стерпѣть, и били пока кто кричалъ, а какъ умолкнетъ, помертвѣетъ такъ, что только дрожитъ, то въ тѣ поры, водою обливъ, отводили», и т. д., и т. д.—безъ конца. Нѣкоторые изъ случаевъ этого рода сдѣлались достояніемъ и исторіи, и народной памяти: они подтверждаются и русскими актами, и польскими свидѣтельствами. Таковы, напр., сожженіе мліевскаго ктитора Данилы Кушнира и казнь жаботинскаго сотника Харька. Старикъ Данила Кушниръ, житель Мліева, по желанію другихъ прихожанъ, взялъ изъ церкви съ престола гробницу съ св. дарами и положилъ ее въ сундукъ, чтобы помѣшать служить въ своей церкви тамошнему уніатскому священнику, который не хотѣлъ согласиться на благочестіе, какъ ни уговаривали его прихожане. Уніатъ сдѣлалъ доносъ, будто Данила съ св. дарами ходилъ въ корчму и чашею пилъ горѣлку. Общее смятеніе и озлобленіе были настолько сильны, что не могли имѣть мѣсто правильное судебное разслѣдованіе. Старика схватили и заключили въ тюрьму. Тамъ его уговаривали пристать на унію; онъ не согласился. Тогда его доставили въ войсковой обозъ, который былъ подъ Ольшаной: тамъ должна была совершиться казнь, на страхъ прочимъ непокорнымъ хлопамъ и схизматикамъ. Старика вывели посреди обоза, обвертѣли ему пенькою руки, осмолили и подожгли. Обгорѣли руки; войсковая шляхта уговаривала уніатскаго декана, который являлся главнымъ обвинителемъ, удовольствоваться этимъ. Но тотъ настойчиво твердилъ, что «если ему не отсѣчете головы, то мнѣ отсѣкутъ», и требовалъ, чтобы казнь была доведена до конца; по его настоянію,

несчастному старику отрубили голову, которая была прибита на палю. Съ конца іюля до конца сентября торчала на палѣ эта голова. Потомъ была тайно унесена православными и перенесена въ Переяславль, гдѣ ее торжественно погребалъ тамошній епископъ. Сотникъ жаботинскій, Харько, котораго гг. Скальковскій и Мордовцевъ сдѣлали почему-то однимъ изъ главныхъ гайдамацкихъ дѣятелей 1750 г., былъ «воинъ храбростью благонадежный, рыцарскій мужъ и вѣрный сынъ православія», какъ выражаются о немъ русскіе акты. Поляки, сколько можно судить, не имѣли противъ него никакихъ обвиняющихъ фактовъ и преслѣдовали по подозрѣнію, какъ враждебнаго имъ и въ то же время вліятельнаго человѣка. О какомъ-то якобы возстаніи Харька подъ 1765 г., о которомъ говоритъ Максимовичъ, основываясь, между прочимъ, на словахъ народной пѣсни (можетъ быть, народъ смѣшиваетъ этого Харька съ извѣстнымъ ватажкомъ Харькомъ, который дѣйствовалъ въ 1736 г.), не можетъ быть и рѣчи. Поводомъ къ выдумкѣ о возстаніи Харька послужили, вѣроятно, волненія хлоповъ по зимѣ 1765 г. въ Телепинѣ, селѣ Смѣлянскаго округа, гдѣ громада прогнала собравшихся ее просвѣщать уніатскихъ миссіонеровъ. Тотъ полякъ, который сообщаетъ объ этомъ волненіи (въ книгѣ «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ»— Rolacya czyli narrativa zamieszania Ukrainskiego»), заканчиваетъ свое описаніе такъ: «Около часу спустя (послѣ того, какъ ксендзы убрались изъ Телепина), прибѣгъ съ своими козаками Харько, жаботинскій сотникъ, подговоренный Мельхиседекомъ, и, не заставши ксендзовъ, выговаривалъ публично хлопамъ, зачѣмъ они не удержали до его пріѣзда ксендзовъ, съ которыми бы ему хотѣлось поиграть по-козацки». Этотъ же Харько сопровождалъ разъ Мельхиседека за границу, охраняя его отъ враждебныхъ нападеній. Онъ былъ казненъ региментаремъ въ обозѣ подъ Бѣлой Церковью, казненъ тихонько, въ конюшнѣ, гдѣ и зарыли его трупъ. Самъ Мельхиседекъ былъ захваченъ уніатами и, послѣ множества оскорбленій и насилій, засаженъ въ тюрьму на Волыни откуда онъ, благодаря своимъ приверженцамъ, успѣлъ бѣжать въ Россію.

Всѣ эти насилія надъ мирнымъ населеніемъ, не оказывавшимъ никакого активнаго противодѣйствія, привели къ тому, что въ слѣдующемъ же, 1767 г., т. е. наканунѣ коліивщины, все было приведено въ старый порядокъ. Сношенія православнаго населенія съ заграничной эпархіальной властью были фактически прерваны: по проѣзжимъ дорогамъ разставлены солдаты, чтобы не пускать за-гра-

ницу «аки человѣка, аки жида», всѣ лодки на р. Роси уничтожены. Немногія громады изъ вновь обращенныхъ отъ уніатства къ православію твердо стояли на своемъ, оставались лишенными религіозныхъ требъ и терпѣли военную экзекуцію; остальные покорились уніи. Но возвращеніе къ старому порядку было только внѣшнее. На самомъ дѣлѣ была большая разница въ положеніи вещей,—разница въ самомъ существенномъ,—въ настроеніи народа. Пассивное терпѣніе народа, который отлагалъ весь свой запасъ недовольства въ гайдамачину и затѣмъ покорно подставлялъ голову подъ ярмо ненавистнаго statu quo, теперь смѣнилось повсемѣстнымъ глухимъ раздраженіемъ, искавшимъ себѣ выхода. Въ тишинѣ 1767 г. чуялась гроза; изъ запорожскихъ степей уже достигали до Украины первые, пока еще слабые, громовые раскаты.

Въ февралѣ 1767 г. пріѣхалъ въ Мотренинскій монастырь изъ Сѣчи, вмѣстѣ съ монахомъ, который ѣздилъ туда по монастырскимъ дѣламъ, какой-то козакъ Иванъ. Въ то время въ монастырѣ жило нѣсколько священниковъ, изгнанныхъ изъ приходовъ уніатами. Поживъ въ монастырѣ, козакъ явился къ священникамъ и сказалъ имъ: «доки вы, отцы, будете тутъ сыдиты и нужду чрезъ тыхъ проклятыхъ уніативъ терпиты? Когда-бъ вы мини написали листъ до Гарду, чтобъ голота тутъ прибула, то-бъ я ихъ до великодня повыгонявъ и вы-бъ на великдень паски святили». Священики отвѣчали: «нехай лишь, порадимось». Съ общаго согласія одинъ изъ священниковъ написалъ письмо въ Сѣчь; оно было и отправлено туда съ однимъ монахомъ. Затѣмъ козакъ Иванъ попросилъ написать воззванія къ жителямъ Жаботина, Медвѣдовки, Черкасъ и Чигирина. Изъ села въ село начала распространяться вѣсть о томъ, что готовится расплата. Вскорѣ появились въ монастырѣ первые волонтеры изъ хлоповъ и предлагали Ивану напасть на Жаботинъ, гдѣ была часть польскаго войска и много жидовъ. Иванъ, должно быть, изъ опытныхъ сѣчевиковъ, отвѣчалъ: «не наша сила; только уніативъ повыгоняймо».—Не колега-жъ ты намъ,—отвѣчали хлопы и ушли изъ монастыря. Къ вербному воскресенью народъ съ разныхъ концовъ хлынулъ въ монастырь, чего-то ожидая. Козакъ Иванъ просилъ у намѣстника монастыря позволенія «выкликать на затягъ», т. е. сдѣлать среди народа кличъ на охотниковъ. Намѣстникъ не согласился и велѣлъ Ивану уйти изъ монастыря. Иванъ ушелъ, собралъ себѣ купу изъ одиннадцати человѣкъ и принялся выгонять изъ окрестныхъ селъ уніатскихъ священниковъ. Нападалъ онъ ночью на села и очищалъ приходъ отъ уніатовъ, православные же свя-

щенники возвращались на свои мѣста. Наконецъ, на партію Ивана напалъ отрядъ поляковъ и разогналъ ее.

Эта попытка—о ней мы знаемъ изъ сохранившагося слѣдственнаго дѣла надъ однимъ изъ участвовавшихъ въ этой исторіи православныхъ священниковъ—хорошо рисуетъ то общественное настроеніе, которое породило коліивщину. Видимо, что уже въ 1767 г. украинское хлопство готово было въ вооруженной борьбѣ искать, если не измѣненія своего общественнаго положенія, то хоть выхода изъ того гнетущаго психическаго настроенія, какое навѣяно было на украинскій народъ событіями предыдущаго года; Запорожье же, съ своей стороны, уже приготовилось взять свою обычную роль вожака и организатора готовящагося хлопскаго взрыва. Но навѣрное можно сказать, что взрывъ никогда не былъ бы такъ ужасенъ, еслибъ поляки сами не приготовили тѣхъ условій, вслѣдствіе которыхъ онъ разразился съ такою силой и единодушіемъ. Создала эти условія, по обыкновенію, вѣчная анархія Рѣчи посполитой.

Въ началѣ 1768 года на Подоли возникла, въ качествѣ оппозиціи видамъ короля и Россіи, знаменитая барская конфедерація. Конфедерація тотчасъ же вызвала изъ Украйны на Подоль войска украинской партіи,—и такимъ образомъ, самой возбужденной и враждебно настроенной части малорусскаго хлопства, въ моментъ, наиболѣе благопріятный для движенія, весною, были развязаны руки. Въ то же время всюду по странѣ разсыпались, для вербовки себѣ сторонниковъ, мелкіе отряды конфедератовъ, производя всюду смятеніе и замѣшательство. Конечно, дѣло обошлось не безъ насилій, жертвой которыхъ чаще всего становились сторонники православія, въ которомъ конфедераты видѣли одного изъ главныхъ своихъ враговъ—въ ихъ лозунгѣ на первомъ планѣ стояла «вѣра», т. е. защита единой римско-католической вѣры отъ всякихъ постороннихъ притязаній. Воинствующіе конфедераты, съ угрозами и насиліемъ требующіе себѣ содѣйствія и помощи, разъѣзжающіе по странѣ, являлись въ глазахъ народа врагами, которые предупредили его, народъ, въ намѣреніи порѣшить дѣло вооруженной борьбой. Къ конфедераціи пристала почти вся шляхта, управляющая владѣльческими имѣніями. Въ то же время по странѣ разнесся слухъ, что на усмиреніе конфедератовъ,—а, слѣдовательно, для защиты тѣснимыхъ интересовъ православнаго населенія, какъ толковалъ народъ,—идутъ русскія войска. Обстоятельства сложились такъ, какъ еще ни разу не складывались въ цѣлое столѣтіе гайдамачины. Сила удара явилась въ правильномъ соотвѣтствіи съ силой вызвавшаго его толчка.

Запорожье уже давно было готово. Съ ранней весны,—до Коша еще въ апрѣлѣ дошли вѣсти объ этомъ,—множество запорожцевъ съ молодиками, наймитами и аргатами, въ небольшихъ купахъ, пѣхотою, хлынули къ Бугу. Бугогардовый полковникъ, по недостатку силъ, а можетъ быть и желанья, не могъ сдѣлать никакой попытки удержать это движеніе; ограничился только распросами и развѣдываніемъ. На вопросы объѣздной или пограничной старшины—куда идутъ?—вольница отвѣчала, какъ видно изъ донесеній старшины въ Кошъ, угрозами, насмѣшками, или, просто на просто, отрѣзывала на типическій хохлацкій манеръ, что не знаетъ сама: «мабуть въ Чуту, въ Черный лѣсъ, або що». Очаковскія лодки то и дѣло выгружали запорожскихъ гайдамакъ на турецкую сторону Буга, откуда они уже безъ всякихъ препятствій двигались въ Польшу, въ Уманскую ея волость. Опустѣли почти всѣ промысловые притоны даже по лиманамъ Днѣпровскому и Бугскому, уже не говоря объ остальныхъ, менѣе отдаленныхъ отъ польской границы.

И такъ, по веснѣ 1768 г. запорожцы вступили въ Польшу на всѣхъ обычныхъ пунктахъ, во множествѣ незначительныхъ купъ, такъ какъ въ степи уже было неудобно формироваться большимъ отрядамъ, за строгостью русскаго пограничнаго и кошевого начальства,—вступили разомъ и въ Брацлавское, и въ Кіевское воеводства. Но главнымъ пунктомъ, куда на этотъ разъ направлялось движеніе, были дѣйствительно Черный лѣсъ и Чута, откуда оно шло уже по направленію къ лѣсамъ мотренинскимъ и лебединскимъ. Староство чигиринское, волость смилянская привлекали къ себѣ гайдамацкія купы: оттуда началась, тамъ продолжалась борьба православія съ уніатствомъ; тамъ волновались православные, ожидая себѣ помощи отъ напастей, грозившихъ имъ съ разныхъ сторонъ; оттуда писали гонимые уніатами православные священники, разсказывая о бѣдствіяхъ, какимъ подвергался край за «благочестивую вѣру»; тамъ, наконецъ, появились, въ видѣ вооруженныхъ враговъ православія, конфедераты, насиліемъ и угрозами вымогая контрибуціи и содѣйствіе, не брезгая даже прямымъ грабежомъ: на самую Пасху былъ разграбленъ и Мотренинскій монастырь, на который привыкли смотрѣть съ такимъ уваженіемъ всѣ православные обыватели края. Недалеко отъ Мотренинскаго монастыря, верстахъ въ двухъ, надъ Холоднымъ оврагомъ, гайдамаки заложили себѣ кошъ—тамъ расположилась ватага атамана Шелеста, «для защиты онаго и прочихъ благочестивыхъ монастырей». Тутъ

появился изъ монастыря (кажется, Медвѣдовскаго) и Максимъ Ж
лѣзнякъ съ нѣсколькими товарищами.

Принималъ ли Мотренинскій монастырь какое-либо участіе
подготовленіи кровавой драмы, которая должна была такъ ск
разыграться? Трудно сказать. Вѣроятно, его роль была въ гл
ныхъ чертахъ та же, что и въ предыдущимъ году, когда яви
въ монастырѣ съ своими предложеніями козакъ Иванъ. Правосл
ные священники, которые скитались, прокармливаясь, по монас
рямъ, конечно, были всей душой рады возвратить себѣ, съ помо
гайдамакъ, свои грунты, своихъ воловъ, коровъ, овецъ и прихо
отнятые у нихъ уніатами; многіе изъ монаховъ тоже были не пр
посмотрѣть и послушать, какъ будутъ гайдамаки вымещать
уніатахъ все, чѣмъ они угощали православныхъ. Но монастыр
начальство едва ли бы рѣшилось взять на себя починъ въ в
открытаго благословенія народа, освященія ножей или чего-ни
подобнаго, въ чемъ поляки обвиняли монаховъ. Какъ бы то
было, одно несомнѣнно, что Мельхиседекъ Яворскій, на котор
сваливаютъ чуть не всю коліивщину, былъ въ ней рѣшительно
при чемъ. Онъ въ это время жилъ уже на лѣвомъ берегу Днѣ
и посылалъ оттуда увѣщанія народу не прибѣгать къ насилію.
своему активному, энергическому темпераменту,—темпераменту бо
а не монаха,—онъ могъ сочувствовать рѣзкому народному протесту
онъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе вещей, настроеніе и виды Ро
чтобы могъ надѣяться на удовлетворительный результатъ кровав
усилій народа; поэтому невозможно предположить, чтобы онъ
шился взять на свою совѣсть подтолкнуть на прямую и очевид
гибель народъ, отъ котораго онъ видѣлъ столько сочувствія и
держки. Да и была ли надобность въ какомъ-нибудь подталкива
Теперь, когда гайдамацкое движеніе уже достаточно выяснил
очевидно, что при извѣстномъ стеченіи условій, какое, наприм
имѣло мѣсто передъ коліивщиной, народъ невозможно было ни
талкивать, ни удерживать: въ расколыхавшейся стихіи безсл
исчезали усилія отдѣльнаго человѣка. Можетъ быть, можно по
вить Мельхиседеку въ вину его иллюзію — достигнуть чего-ни
въ Польшѣ путемъ легальнаго протеста, путемъ защиты пр
угнетеннаго на опорной точкѣ данныхъ государственныхъ и общест
ныхъ учрежденій, — иллюзіи, поднявшей нѣсколько настро
украинскаго народа? Въ польской республикѣ это оказалось т
же мало возможнымъ, какъ въ любомъ деспотическомъ государс
Тамъ, гдѣ онъ видѣлъ дорогу, ея не было, положеніе оказа

безвыходнымъ. Дѣйствительно, это была ошибка Мельхиседека, но ошибка такого рода, которую нельзя ставить въ вину человѣку, Есть натуры, одаренныя настолько требовательными общественными инстинктами, что ихъ неудержимо тянетъ толкаться не только въ закрытыя двери, но даже въ глухую стѣну—и Мельхиседекъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ. Но тамъ ошибка и для него, человѣка съ умомъ и пониманіемъ положенія, была возможна—то былъ, при данныхъ условіяхъ, первый опытъ, въ то же время такой опытъ, въ которомъ для себя было больше риску, чѣмъ для другихъ; относительно гайдамацкихъ движеній у него не могло быть такого заблужденія. Поэтому мы считаемъ вполнѣ убѣдительными тѣ свидѣтельства актовъ, изъ которыхъ видно, что Мельхиседекъ старался удержать народъ отъ насильственнаго образа дѣйствій, какъ отъ совершенно безплодной, при данныхъ условіяхъ, траты силъ.

И такъ, можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, что Мельхиседекъ Яворскій не получалъ никакихъ тайныхъ инструкцій отъ Екатерины, хотя и былъ ей разъ представленъ въ Невскомъ монастырѣ послѣ молебна, не писалъ золотой грамоты, не ѣздилъ ни въ Запорожье подговаривать на бунтъ кошевого, ни въ зимовникъ на Громоклеи просить стараго козака Желѣзняка отпустить на дѣло сына Максима, не воспламенялъ откровенными разговорами честолюбіе отважнаго запорожца, не освящалъ ножей, не произносилъ эффектныхъ рѣчей—однимъ словомъ, не совершалъ никакихъ ни трогательныхъ, умилительныхъ, торжественныхъ, ни хитрыхъ, пронырливыхъ, коварныхъ дѣйствій, которыми такъ щедро одѣляютъ его польскіе, а за ними и наши историки гайдамачины, съ той разницей, что поляки предпочитаютъ дѣйствія коварныя, а русскіе историки—умилительныя и торжественныя.

Но если исторія такъ разубрала скромную фигуру Мельхиседека, то и a priori можно было бы предположить, что она не пожалѣетъ мишуры и погремушекъ на гораздо болѣе эффектную фигуру Желѣзняка. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ надутъ и разукрашенъ, что изъ-за его фигуры коліивщина, въ ея изображеніяхъ и у польскихъ и у русскихъ ея историковъ, гг. Скальковскаго и Мордовцева, совершенно теряетъ типическія черты гайдамацкаго движенія, превращается въ какую-то своего рода пугачевщину съ ярко выраженнымъ центромъ, къ которому все пріурочивается. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Коліивщина произведена была множествомъ гайдамацкихъ купъ, изъ которыхъ однѣ, по обыкновенію, вышли изъ запорожскихъ степей и русскихъ владѣ-

ній, другія формировались на мѣстѣ: хлопство тѣхъ мѣстностей, которыя были возбуждены предыдущимъ религіознымъ движеніемъ и уніатскими насиліями, поднималось единодушнѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ общемъ движеніе оставалось тѣмъ же, чѣмъ оно было и въ предыдущіе годы, когда разыгрывалась гайдамачина; въ частности оно было интенсивнѣе обыкновеннаго въ опредѣленной мѣстности, гдѣ были спеціальныя причины для усиленнаго волненія. Такъ что можно сказать, что у колівщины былъ центръ, но не въ личности Желѣзняка, а въ мѣстномъ раздраженіи, которое производило болѣе усиленный притокъ гайдамацкихъ силъ къ опредѣленному пункту, т. е. въ староство Чигиринское и его окрестности, гдѣ разыгрывалась борьба между православіемъ и уніатствомъ. Въ этихъ наиболѣе возбужденныхъ мѣстностяхъ появились запорожскіе ватажки Шелестъ, Неживый, Желѣзнякъ, Бондаренко; были, конечно, и другіе, такъ какъ всегда при гайдамацкихъ движеніяхъ пограничное Чигиринское староство платилось больше другихъ мѣстностей. Главный лагерь гайдамакъ былъ, какъ мы уже сказали, около Мотренинскаго монастыря. Кругомъ, въ староствахъ Чигиринскомъ и Черкасскомъ, въ Смилянщинѣ и Жаботинщинѣ, всюду волновались хлопы. Надворныя козацкія милиціи, которыя были въ каждомъ изъ центровъ этихъ мѣстностей,—въ Чигиринѣ, Черкасахъ, Смилѣ и Жаботинѣ,—раздѣляли хлопское недовольство, такъ какъ уніатскія преслѣдованія затрогивали и ихъ. У всѣхъ недовольныхъ и готовящихся къ расплатѣ должно было господствовать общее представленіе, что ихъ намѣренія совпадаютъ съ намѣреніями Россіи, которая защищала до сихъ поръ православіе мирнымъ путемъ—черезъ короля и сеймъ (это могъ подтвердить подъ клятвой каждый православный священникъ и самъ Мельхиседекъ), а теперь, когда паны образовали вооруженное сопротивленіе видамъ Россіи, идетъ съ войскомъ противъ пановъ, враговъ благочестія. Ничего не могло быть яснѣе. Тѣмъ изъ запорожцевъ, волнующихся хлоповъ и надворныхъ козаковъ, которые группировались въ этихъ возбужденныхъ мѣстностяхъ, должно было легко придти соображеніе, что уже настало настоящее время поработать въ руку Россіи и на защиту православія. Отдѣльными разбросанными купами, конечно, не много сдѣлаешь путнаго: надо силамъ соединиться. Но соединенными силами должно управлять лицо, выше козацкихъ сотниковъ или гайдамацкихъ атамановъ, — необходимъ полковникъ. Въ то время въ Медвѣдовкѣ Чигиринскаго староства жилъ полковникъ надворной козацкой милиціи, польскій шляхтичъ Квасневскій. Одинъ изъ немно-

тихъ представителей панскихъ дворовъ, онъ защищалъ православіе отъ уніатскихъ преслѣдованій и еще недавно выпроводилъ изъ староства уніатскихъ миссіонеровъ. Ясно, что онъ долженъ былъ быть другомъ Россіи и врагомъ конфедератовъ,—и между польской шляхтой были друзья Россіи и враги конфедератовъ; этого, конечно, не могли не знать гайдамаки. Въ 1734 году полковникъ надворной волошской милиціи князей Любомірскихъ всталъ во главѣ народнаго движенія въ Брацлавщинѣ; отчего же не могъ полковникъ надворной козацкой милиціи князей Яблоновскихъ сдѣлать того же на Украинѣ въ 1768 г.? И вотъ Желѣзнякъ съ товарищами является съ такимъ предложеніемъ къ Квасневскому. Но шляхтичъ такъ испугался предстоящей ему чести, что убѣжалъ за р. Тясьминъ, въ русскіе предѣлы. Хотя этотъ эпизодъ передаетъ только одинъ изъ польскихъ писателей Липпоманъ, но онъ обставленъ такими доказательствами и самъ по себѣ настолько правдоподобенъ, что мы не усомнились принять его за доказанный фактъ. Къ удивленію, г. Мордовцевъ, котораго все сочиненіе о гайдамачинѣ представляетъ сплетеніе всякихъ противорѣчивыхъ фактовъ, не провѣренныхъ ни надлежащимъ сличеніемъ источникомъ ни продуманнымъ соображеніемъ, относится почему-то съ недовѣріемъ къ этому показанію Липпомана,—одному изъ тѣхъ немногихъ его показаній, къ которымъ можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь удѣлить мѣста необходимымъ критическимъ подробностямъ и потому принуждены ограничиться голословнымъ утвержденіемъ. Когда Квасневскій отказался, гайдамакамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ выбрать, по своему козацкому обычаю, полковника изъ среды себя. Въ томъ же кошѣ на Холодномъ оврагѣ былъ выбранъ полковникомъ Максимъ Желѣзнякъ, который уже назывался не полковникомъ его королевской милости, какъ старые правобережные козацкіе полковники, а полковникомъ Низоваго запорожскаго войска.

Почему былъ выбранъ именно Желѣзнякъ? Обусловливался ли этотъ выборъ его совершенно исключительными, выдающимися личными качествами, или онъ былъ результатомъ какого-нибудь стеченія обстоятельствъ, одной изъ безчисленнаго множества случайностей, которыя управляютъ такъ часто человѣческими дѣйствіями? Предоставляемъ г. Скальковскому обвинять Желѣзняка въ злодѣйскихъ и кровавыхъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые будто бы руководили его дѣйствіями, предоставляемъ г. Мордовцеву, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, одарять его всякими качествами не-

дюжиннаго характера, утверждать съ увѣренностью, что начальство надъ возстаніемъ «была завѣтная мечта Желѣзняка», что впереди у него блестѣла «обаятельная гетманская булава» и т. д. Мы, въ нашей скромной роли повѣствователя и немножко толкователя событій, должны признаться, что безусловно не знаемъ ничего положительнаго насчетъ личности Желѣзняка; мало того, всѣ обстоятельства, по скольку они достовѣрно извѣстны, не даютъ ни намъ, ни кому другому права рѣшительно ничего заключать на этотъ счетъ. Народныя преданія и пѣсни—единственный источникъ, откуда бы можно было что нибудь почерпнуть; но это еще очень большой и сложный вопросъ, какъ слѣдуетъ пользоваться народными преданіями и поэзіей въ качествѣ источниковъ исторіи—одно можно сказать съ достовѣрностью, что не такъ, какъ пользовался г. Мордовцевъ, совершенно невѣроятнымъ образомъ не дѣлающій различія между историческимъ фактомъ и народнымъ преданіемъ. Гдѣ выдвигается достовѣрный историческій фактъ, Желѣзнякъ скрывается. Мало того: даже вся эта масса кровавыхъ подвиговъ, которая взваливается на ополченіе, предводительствуемое Желѣзнякомъ,—выдумка, источникомъ которой было фальшивое представленіе о коливщинѣ, какъ о движеніи, произведенномъ по опредѣленному плану, съ опредѣленнымъ центромъ и главой и т. п. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти взятія Черкасъ, Канева, Богуслава, Лысянки, приступъ къ Бѣлой-Церкви и т. п.—съ разными болѣе или менѣе кровавыми подробностями—все это была, какъ обыкновенно въ гайдамацкихъ движеніяхъ, работа различныхъ гайдамацкихъ купъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы кое-что знаемъ, напр., количество ихъ, имена ватажковъ. Такъ, около Богуслава работалъ отаманъ Швачка съ нѣсколькими сотнями человѣкъ, около Бѣлой-Церкви Журба съ тремя стами, съ знаменами, пушками и гаковницами, около Чигирина и Канева—Неживый и т. д. Когда Желѣзнякъ былъ выбранъ полковникомъ, всѣ эти отаманы, по обычной козацкой военной дисциплинѣ, должны были считать себя ему подчиненными, хотя дѣйствовали сами собой, на свой страхъ и рискъ, по своимъ собственнымъ планамъ; а сколько должно было быть такихъ, болѣе отдаленныхъ отъ главнаго центра движенія, которые и совсѣмъ не слыхали о полковникѣ Желѣзнякѣ... Гайдамацкія купы, дѣйствовавшія въ Кіевской Украинѣ, были всѣ проникнуты однимъ религіознымъ настроеніемъ: онѣ всюду забирали уніатскихъ священниковъ, принуждая ихъ обращаться къ православію и изъявлять согласіе на подчиненіе переяславской епархіи; священники должны были немедленно отправляться

въ Переяславль, по настоянію гайдамакъ,—въ случаѣ отказа ихъ убивали. Рѣзня жидовъ и ляховъ шла своимъ порядкомъ.

Полчища (по выраженію историковъ гайдамачины) Желѣзняка были очень скромныхъ размѣровъ. Воейковъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, пишетъ кошевому насчетъ гайдамацкой шайки Желѣзняка: «Главный вождь помянутой гайдамацкой шайки сказывается полковникомъ войска запорожскаго, низового, и называется Максимъ Желѣзнякъ, при коемъ яко бы дѣйствительно до 100 человѣкъ запорожскихъ козаковъ находится...» Липпоманъ, со словъ Квасневскаго, передаетъ, что шайка Желѣзняка возросла до трехъ сотъ лишь тогда, когда онъ двинулся къ Смилѣ, постоянно все увеличиваясь хлопами, которые приставали къ ней съ разнымъ оружіемъ, а нѣкоторые, вмѣсто пикъ, съ обостренными на концахъ кольями; только тогда, когда онъ уже двигался къ Звенигородкѣ, направляясь на Умань, около него собралось больше тысячи человѣкъ. Даже подъ Уманью, по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, число гайдамакъ было всего тысячи двѣ. Конечно, на точность подобныхъ цифръ невозможно полагаться: но когда въ ихъ опредѣленіи сходятся современники—и друзья и враги, онѣ могутъ быть приняты за приблизительно вѣрныя. Разумѣется, на крупное дѣло, въ родѣ взятія Умани, должны были сходиться хлопы, которые опять расходились по домамъ—это не могло быть иначе.

Единственное видное дѣло ополченія Желѣзняка было взятіе Умани: до Умани мы не имѣемъ основаній ничего изъ дошедшихъ до насъ событій, болѣе или менѣе замѣтныхъ, отнести насчетъ Желѣзняка. Только взятіе Корсуня было, сколько можно судить, дѣломъ его ополченія. Корсунь долженъ былъ привлекать Желѣзняка съ его гайдамаками, какъ такой пунктъ, гдѣ былъ центръ мѣстнаго уніатства, гдѣ производились суды и расправа надъ православнымъ духовенствомъ. Но никакихъ достовѣрныхъ подробностей о взятіи Корсуня нѣтъ, кромѣ того, что въ корсуньскомъ замкѣ были забиты Желѣзнякомъ уніатскіе священники. Отсюда Желѣзнякъ чрезъ Звенигородку направился на Умань. Уманьская рѣзня, одна единственная, создала громкую извѣстность Желѣзняка, послуживъ ему пьедесталомъ, на который одни тащили его, чтобы удобнѣе заушать, какъ злодѣя, по мановенію руки котораго погибли тысячи жертвъ, другіе—чтобы удобнѣе кадить ему, какъ народному герою, который явился руководителемъ народа на пути осуществленія завѣтныхъ его стремленій и идеаловъ. Что злодѣйство Желѣзняка было ни при чемъ въ уманьской рѣзнѣ—это слишкомъ очевидно: народъ въ сходныхъ

обстоятельствахъ всегда самъ собою производилъ подобныя же повальныя избіенія жидовъ, шляхты и ксендзовъ. Что Желѣзнякъ не могъ быть и настоящимъ народнымъ вождемъ, который долженъ воплощать въ себѣ въ сознательной формѣ то, что бродитъ въ массахъ въ видѣ безсознательныхъ стремленій и инстинктовъ, это слишкомъ ясно обнаружилось его образомъ дѣйствій, или, точнѣе, бездѣйствія, послѣ уманьской рѣзни. Вырѣзать Умань для того, чтобы стоять подъ ней, дожидаться, пока придутъ русскіе, и въ буквальномъ смыслѣ слова, перевяжутъ руки—это было нѣчто, достаточно приличное для простого зауряднаго запорожскаго ватажка, хотя бы онъ носилъ и титулъ полковника, но совсѣмъ не подходящее для народнаго героя, выдающагося человѣка, съ безпокойной душой и великими, честолюбивыми замыслами, какъ его обыкновенно изображаютъ. Было ли у Желѣзняка даже искусство и предпріимчивость обыкновеннаго ватажка? Можетъ быть, да и почти навѣрное: трудно предположить, чтобы гайдамаки выбрали за вожака человѣка, стоящаго ниже средняго уровня по тѣмъ главнымъ качествамъ, которыя ими требовались и о которыхъ они, безспорно, могли судить съ увѣренностью. Но по фактамъ не видно и этого: Умань, взятіе которой было почти единственнымъ безспорнымъ предпріятіемъ его ополченія, была взята благодаря измѣнѣ Гонты и козацкой надворной уманьской милиціи. Страннымъ образомъ создаются историческіе взгляды и мнѣнія. Только потому, что въ Умани нашлись образованные монахи, что губернаторъ Младановичъ далъ своей дочери настолько порядочное образованіе, что она могла составить свои записки,—остается нѣсколько описаній уманьской рѣзни, описаній, сдѣланныхъ очевидцами, которые пишутъ подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ событія: потоки крови, горы труповъ, вопли жертвъ, свой собственный безумный страхъ,—все это припоминается пишущему и туманитъ ему голову. Событіе, само по себѣ крайне печальное, ужасное, выростаетъ подъ перомъ до чудовищныхъ размѣровъ, до какихъ хватаетъ воображеніе и искусство пишущаго. И вотъ передъ потомствомъ, на темномъ фонѣ, которымъ безмолвіе покрываетъ всю столѣтнюю связь событій, съ ихъ причинами и послѣдствіями, выдвигается кроваво-яркимъ пятномъ одна безобразная картина. Изъ-за уманьской рѣзни не видно ни коліивщины, ни даже гайдамачины. Но уже настала пора отвести этому событію его надлежащее мѣсто. Безспорно, что во всей исторіи гайдамачины не было такого большого по числу жертвъ истребленія жидовъ и поляковъ за одинъ разъ, такъ какъ никогда не попадалось ихъ столько въ руки гайдамакамъ, и притомъ все

самаго ненавистнаго разбора: барскіе конфедераты, шляхтичи-поссессоры, уніатскіе миссіонеры и т. п. Но писатели-очевидцы, должно быть, сильно преувеличиваютъ ихъ число. Что-то совершенно невѣроятное, чтобы двадцать тысячъ—около этого обыкновенно опредѣляютъ поляки число погибшихъ въ Умани—за стѣнами хорошо укрѣпленнаго замка, съ запасомъ всякаго оружія, пушекъ, пороху, позволили себя перерѣзать толпѣ желѣзняковыхъ гайдамакъ, если допустить даже, что она была усилена тысячей, двумя, нѣсколькими тысячами, если хотите, хлоповъ, вооруженныхъ, большею частію, одними кольями. Надо думать, что польская цифра страшно преувеличена, вѣроятно, въ нѣсколько разъ, хотя теперь уже невозможно возстановить истину. Интересно, что уманьскіе жители, которые пріѣхали для торговли въ Сѣчь и были допрашиваемы, какъ очевидцы, войсковой старшиной насчетъ уманьскихъ событій, опредѣлили число убитыхъ шляхтичей до 100 человѣкъ, а жидовъ до 300, всего на все 400. А они были такъ же мало заинтересованы въ томъ, чтобы уменьшать число убитыхъ, какъ поляки-очевидцы въ томъ, чтобы его увеличивать, т. е. не имѣли въ этомъ никакого личнаго интереса, хотя должны были имѣть нѣкоторый, такъ сказать, интересъ партіи, побуждающій человѣка выгораживать своихъ и валить на чужихъ.

Чѣмъ привлекала къ себѣ гайдамакъ Умань? Зачѣмъ они кинулись на нее и затѣмъ остановились, точно совершивъ какой-то великій подвигъ? Умань былъ богатый, торговый городъ и сильная пограничная крѣпость, зорко выглядывавшая на запорожскія степи; когда поднялось смятеніе на Украинѣ и отозвалось на Подоли, въ ней укрылась масса шляхты съ своими имуществами и евреевъ, которые буквально запрудили городъ. Все это, несомнѣнно, было очень соблазнительно. Въ Уманьской волости гайдамаки изъ Украины могли встрѣтить въ случаѣ надобности сильную поддержку отъ тѣхъ гайдамацкихъ купъ, которыя вступили въ Польшу черезъ Бугъ и турецкія владѣнія. И это могло входить въ расчеты, если они были. Но все-таки центръ тяжести долженъ былъ лежать не въ такихъ или подобныхъ расчетахъ и соображеніяхъ. Гайдамацкія купы съ хлопствомъ и надворными козаками соединились и выбрали себѣ полковника для достиженія одной опредѣленной цѣли—защиты православія отъ уніатскихъ и конфедератскихъ насилій. Конечно, къ этому присоединялись и обычныя завѣтныя мечты объ освобожденіи отъ панства, о превращеніи хлоповъ въ козаковъ, а польской Украины въ гетманщину, но главный толчокъ движенія исходилъ

изъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ послѣднихъ, совершенно еще свѣжихъ въ памяти, событій, и эти впечатлѣнія должны были господствовать надъ умами массы. Великою ревностью о вѣрѣ своего владѣльца Франца-Салезія Потоцкаго, Умань около эпохи коліивщины сдѣлалась настоящимъ разсадникомъ католической и уніатской пропаганды. Потоцкій и его главный губернаторъ Младановичъ изо всѣхъ силъ старались, чтобы въ Уманщину не занесенъ былъ духъ заразы благочестія, вторгнувшійся въ Смилянщину и др. окрестныя мѣста; мало того, чтобъ изъ Умани возсіялъ свѣтъ на всю слѣпую и мятущуюся въ своей слѣпотѣ Украину. Потоцкій учредилъ въ Умани уніатскую миссію и пригласилъ миссіонеровъ, подъ руководствомъ опытнаго и усерднаго миссіонера Ираклія Костецкаго, которому предстояло пасть въ Умани отъ руки гайдамакъ въ числѣ прочаго духовенства; устроилъ съ той же цѣлью школы, базиліанскій уніатскій монастырь, основалъ множество новыхъ церквей въ Уманьской волости и т. п. Понятно, почему гайдамаки, которые стояли кошемъ около Мотренинскаго монастыря и шли съ полковникомъ, только что вышедшимъ изъ монастырскихъ послушниковъ, должны были смотрѣть съ ненавистью на Умань и стремились къ ней, какъ къ своей главной цѣли. Тревожиться насчетъ послѣдствій своихъ поступковъ имъ не приходило и въ голову. Россія была достаточно сильна, чтобы защитить своихъ сторонниковъ, а русскія войска шли къ Бару, гдѣ заперлись враги православія—конфедераты. Можетъ быть, эту увѣренность поддерживалъ и царскій указъ, или золотая грамота, если только она не миѳъ, какъ указы 34 и 50 годовъ, а дѣйствительно была кѣмъ-нибудь написана, что не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ коліивщинѣ, несомнѣнно, сочувствовало православное духовенство, достаточно грамотное для того, чтобы написать какую-нибудь бумагу: вѣдь писало жъ оно въ 1767 году воззваніе къ жителямъ Жаботина, Черкасъ и т. д. Несомнѣнно одно, что золотая грамота, выдаваемая поляками за подлинную грамоту Екатерины, есть такая грубая и невѣжественная поддѣлка, какой не могъ сдѣлать ни одинъ православный попъ, ни козакъ, однимъ словомъ, никакой грамотный украинецъ.

Мы почти совсѣмъ не видимъ Желѣзняка ни при взятіи Умани, ни во время уманьской рѣзни; всѣ описывавшіе эти кровавыя событія едва-едва вскользь упоминаютъ его имя. За то другой герой коліивщины, знаменитый уманьскій сотникъ Гонта, не сходитъ, что называется, съ пера. Оно и понятно: для очевидцевъ, переживших

весь ужасъ этихъ кровавыхъ событій, Гонта, на котораго шляхетство Умани возлагало почему-то всѣ свои надежды и благодаря измѣнѣ котораго оно подверглось такой печальной участи, Гонта, естественно, былъ фокусомъ, поглощавшимъ все вниманіе. Но несмотря на относительно большое количество матеріала, исторія не только не выясняетъ личности Гонты, не выясняетъ даже мотивовъ его измѣны, единственнаго дѣйствія, благодаря которому имя его сдѣлалось историческимъ. Лишь только дѣло коснется Гонты, историки гайдамачины опять прибѣгаютъ къ тѣмъ же шаблонамъ—злодѣйству и неблагодарности, съ одной стороны, необузданному честолюбію—съ другой. Ни одинъ историкъ не остановился на слѣдующемъ показаніи неизвѣстнаго автора записокъ объ уманьской рѣзнѣ, очевидца ея, котораго считаютъ за Павла Младановича, сына уманьскаго губернатора и брата Вероники Кребсовой, урожденной Младановичъ, которая написала другія записки, очень извѣстныя. Записки Павла Младановича сравнительно плохо обработаны въ литературномъ отношеніи и, можетъ быть, потому онѣ такъ мало останавливаютъ на себѣ вниманіе историковъ по сравненію съ описаніями Кребсовой, Липпомана и Тучапскаго. А между тѣмъ въ нихъ много любопытнаго, чѣмъ можетъ воспользоваться историкъ коліивщины, разумѣется предварительно провѣривъ, насколько можно, его показанія. Насчетъ Гонты предполагаемый Павелъ Младановичъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «Обухъ (полковникъ надворной уманьской милиціи) доносилъ въ маѣ на Гонту, что онъ имѣетъ сношенія съ заграничными людьми, уходитъ ночью изъ лагеря въ свою деревню и тамъ съ кѣмъ-то держитъ совѣщанія. Урядъ принялъ этотъ доносъ, поручилъ Обуху самое старательное наблюденіе, но объяснилъ ему, что нельзя вѣшать неуличеннаго. Такъ какъ Гонту не допустили ни съ кѣмъ снестись и предупредить, то онъ не могъ предостеречь своевременно кіевскихъ поповъ насчетъ того, что ему запрещены сношенія, и они пришли въ лагерь, какъ люди подозрительные, были схвачены и отданы подъ строгій присмотръ. Однако же, въ письмахъ, которыя они принесли изъ Кіева, не было ничего, кромѣ заявленій отвращенія къ уніи, жалобъ на епископское запрещеніе ходить въ кіевскія святыя пещеры и на урядъ, который поддерживаетъ это запрещеніе... Послѣ этого съ Гонты взяли присягу, что если онъ останется при милиціи, то подъ страхомъ смерти прерветъ всякія сношенія съ кѣмъ бы то ни было». Этотъ эпизодъ—допустимъ его, такъ какъ онъ крайне правдоподобенъ, правдоподобнѣе многихъ другихъ, принимаемыхъ историками коліивщины

за достовѣрные факты—объясняетъ нѣсколько поступки Гонты. Онъ сочувствовалъ религіозному движенію, которое охватило всѣ окрестныя мѣстности; онъ не могъ относиться враждебно и къ тому гайдамацкому ополченію, которое заявляло себя, какъ активный представитель этого движенія. Его рѣшимости «измѣнить пану Потоцкому, который осыпалъ его благодѣяніями», какъ выражаются обыкновенно поляки, содѣйствовало, конечно, и смутное время, когда всѣ отношенія усложнялись и перепутывались такъ, что въ нихъ даже историку не легко разобраться, не то, что современнику, вынужденному обстоятельствами впутаться въ событія. Ополченіе Желѣзняка считало своимъ врагомъ конфедератовъ, съ которыми сливалось уже все католическое, уніатское и шляхетское, однимъ словомъ, все, что народъ издавна привыкъ считать себѣ враждебнымъ. Но вѣдь была и шляхта, которая шла тоже противъ конфедератовъ. Сама Умань почему-то удерживалась отъ того, чтобы дать требуемую конфедераціею помощь, между тѣмъ какъ всѣ окрестныя имѣнія (за исключеніемъ, конечно, имѣній Чарторижскихъ и ихъ партіи) поспѣшили дать эту помощь. Почему не давала ее Умань? Едва-ли уманьскій урядъ могъ это дѣлать, не справляясь съ политическими видами своего господина. Гонта могъ принимать въ соображеніе и это обстоятельство... Конечно, главный корень всему былъ въ томъ, что Гонта, хоть и не хлопъ, самъ чуть-чуть не шляхтичъ, владѣлецъ деревень, все-таки былъ малороссъ со всѣми завѣтными стремленіями своего народа, съ идеалами козачины и гетманщины, съ тайной надеждой на Россію.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности относительно взятія Умани и уманьской рѣзни—г. Мордовцевъ описалъ все это очень обстоятельно по Кребсовой и Тучапскому,—да и интереса, признаться, немного въ этихъ подробностяхъ. Какъ ни преувеличивали поляки ужасы своихъ описаній, все-таки дѣйствительность была возмутительна. «Дывысь, пане подстолій, якъ гуляють!» говорилъ Гонта уманьскому губернатору Младановичу. И, дѣйствительно, былъ ужасный разгулъ народныхъ страстей, родъ безумнаго и бѣшенаго, звѣрскаго экстаза, который овладѣваетъ массой, когда она вырывается на немногія минуты изъ-подъ гнета, именно на минуты—она, вѣроятно, инстинктивно чувствуетъ это,—и хватаетъ въ свои руки власть. «Вы не Младановичъ, мы Младановичи», кричали уманьскому губернатору гайдамаки. И оскорбленное общественное чувство, національное, религіозное, вѣками питавшееся ненавистью въ тайникахъ народной души, и давняя личная обида, и свѣжее

лкое оскорбленіе, все разомъ овладѣваетъ душой и съ неистовой адностью ищетъ удовлетворенія въ крови, въ стонѣ жертвъ, въ зобразномъ насиліи. Еще ни разу не доводилось гайдамацтву «по-лять» на такомъ просторѣ. Павелъ Младановичъ, который деся-лѣтнимъ мальчикомъ присутствовалъ при уманьской рѣзнѣ, въ оемъ скромномъ описаніи, лишенномъ притязаній на эффектъ, къ разсказываетъ о томъ, что видѣлъ: «Дорога уже была вы-лана трупами. Трупы всѣ были обнажены, даже безъ сорочекъ, ко-чество летало передъ глазами отъ одного конца до другого; крикъ, умъ, вопли производили въ головѣ помѣшательство, ужасъ. Дѣти, днятыя на копья, представляли ужасное и поражающее зрѣлище. ыбиваютъ окна, разваливаютъ печи, одни выгоняютъ людей изъ омовъ, другіе принимаютъ на копья выгнанныхъ, топчутъ конями едоколотыхъ... Черезъ рынокъ идти нужно было (мальчику съ хранявшимъ его козакомъ). Тутъ представилось ужасное зрѣлище. нъ уже былъ выстланъ трупами по всей своей площади. Лежали азно: одни—лицомъ къ землѣ, а затылкомъ къ небу, другіе—атылкомъ къ землѣ, а лицомъ къ небу. Окна во всѣхъ домахъ же были выбиты, книжки, перины повыбросаны на улицу, перины аспороты, перья разносились вѣтромъ и покрывали трупы. Надо ыло наступать на трупы, а когда выдавливались при этомъ вну-ренности: «о, не зважай», кричалъ козакъ, «соромныя то тила, е православноі виры!»

Несмотря на всю сумятицу, которую должно было производить ъ умахъ и настроеніяхъ участіе въ этой кровавой оргіи, главный отивъ, соединившій и двинувшій ополченіе Желѣзняка—«право-лавная вира» и мщеніе за нее—все-таки былъ на первомъ планѣ. амыя тяжелыя сцены группируются около костеловъ, школъ, всего, то напоминаетъ католичество и уніатство. Уніатскихъ священниковъ апрягали въ ярмо, приговаривая: «уніатскіе волы—не православные вященники». Восклицанія: «ото Богъ лядскій!» сопровождали разныя адруганія надъ католической святыней. Лядчину отъ нелядчины азличали по тому, умѣетъ ли человѣкъ прочесть молитву, умѣетъ и какъ слѣдуетъ перекреститься по православному. Но и этого ыло недостаточно; надо было еще имѣть «православное тило». «Много было такихъ несчастныхъ», разсказываетъ Младановичъ, «ко-орые умѣли все, что касается вѣры—и крестились какъ слѣдуетъ, молитву говорили, и пили хорошо (теплую горѣлку съ медомъ), какъ доходило до «покажи тило»—гинули, потому что не имѣли ернаго тѣла: и вѣрно, что въ ихъ лагерѣ у всѣхъ тѣла были

одного чернаго цвѣта». Конечно, дѣло не могло обойтись безъ расплаты и за соціальные грѣхи. Панство гибло съ жидами, которые, по обыкновенію, являлись козлищами отпущенія и за свои, и за чужія вины, съ имуществами, цѣликомъ преданными на разграбленіе и истребленіе разгулявшемуся гайдамацтву, съ документами и всякими бумагами, на которыя гайдамаки накидывались, какъ всегда. Младановичъ разсказываетъ, что когда онъ, свободно уже пущенный ходить по Умани, такъ какъ рѣзня утихла, зашелъ въ замокъ и забралъ съ другимъ полякомъ, своимъ учителемъ, нѣсколько бумагъ, то вслѣдъ за ними прискакали на коняхъ гайдамаки съ криками: «выдай, выдай письма лядскія, выдай заразъ!» Начали обыскивать мальчика и учителя, отобрали у нихъ свертокъ бумагъ, бросили его въ растопленую печь, а имъ запретили показываться въ замокъ.

Войско Желѣзняка и Гонты расположилось лагеремъ подъ Уманью. Все больше и больше хлоповъ прибывало туда. Уманьскія событія туманили голову. Разомъ, однимъ ударомъ, такъ сказать, почти безъ потерь и усилій, большой округъ совершенно освободился отъ своихъ господъ—эффектъ былъ поразительный. Гетманщина и козачина,—все, что до сихъ поръ рисовалось, какъ отдаленный идеалъ—вдругъ, подъ впечатлѣніемъ успѣха, должно было представляться такимъ близкимъ и легко осуществимымъ. Сходить еще на Волынь, на Подоль, на Полѣсье, снести тамъ лядчину, какъ снесли ее въ Уманьщинѣ, и все кончено. Да и теперь на Украинѣ развѣ не козачина? Шляхты нѣтъ, кто вырѣзанъ въ Умани, въ Лисянкѣ, въ другихъ городахъ, въ своихъ имѣніяхъ гайдамацкими купами и хлопскими громадами, кто бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Устроить козацкіе полки, провозгласить Желѣзняка гетманомъ, выбрать полковниковъ—все это такъ легко и просто... Масса оказалась легковѣрна и легкомысленна, какъ всегда; у ней не нашлось вождей, которые стояли бы выше ея. Не было Хмѣльницкаго, и движеніе осталось въ глазахъ современниковъ и исторіи гайдамацкимъ бунтомъ, а не народной войной, какой оно могло бы сдѣлаться при данной интенсивности народнаго настроенія.

Довольно извѣстно, какой бѣдой кончился гайдамацкій пиръ подъ Уманью. Когда до русскаго военнаго начальства, командующаго войсками, которыя сражались противъ конфедератовъ, дошла вѣсть о подвигахъ гайдамакъ, оно, по обыкновенію, сочло своею обязанностью доказать польскому панству, что русское правительство не имѣетъ ничего общаго съ мятежнымъ хлопствомъ, и какъ бы ни стояли международныя отношенія, всегда готово содѣйствовать водворенію надлежащаго порядка. Русскіе отряды двинулись къ Умани. Но къ

военной силѣ не пришлось даже и прибѣгать. Вѣчно легковѣрный, вѣчно ослѣпленный своими фикціями, народъ поддался на всѣ неособенно тонкія хитрости москалей и позволилъ себя переловить и перевязать голыми руками. Когда уже дѣло было сдѣлано, явился гетманъ Браницкій. Русское начальство передало ему всѣхъ мятежниковъ изъ польскихъ подданныхъ; русскіе подданные, главнымъ образомъ запорожцы, должны были судиться въ Россіи. Желѣзнякъ такъ же незамѣтно сошелъ съ исторической сцены, какъ и вступилъ на нее. Историки разсказываютъ разныя сказки объ его приключеніяхъ послѣ того, какъ онъ будто бы ускользнулъ изъ лагеря, примѣтивъ, что москали хотятъ «убрать въ шоры» гайдамакъ. Но подлинные акты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онъ не оказался хитроумнѣе своихъ товарищей: онъ былъ схваченъ подъ Уманью и отвезенъ въ Кіевъ для суда. Вѣроятно, въ Кіевѣ онъ заполучилъ кнута и отправился въ ссылку въ отдаленныя мѣста, въ родѣ Нерчинска, на каторжныя работы, какъ Колотнечъ, Чуприкъ и Саражинъ, которые были «знаменитѣе другихъ своею дерзостью и жестокостью». А можетъ быть, съ нимъ вышло что-нибудь и еще похуже за то, что онъ взялъ на себя великую продерзость чинить «ложныя разглашенія, простой во тьмѣ невѣжества погруженный народъ къ бунту противъ властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигать». Наказаніе должно было соотвѣтствовать винѣ. Остальныхъ гайдамакъ, которые попали въ руки русскихъ, поразсылали по внутреннимъ гарнизонамъ и въ Сибирь на поселеніе. Кстати, историческое примѣчаніе. Обыкновенно, историки гайдамачины приписываютъ генералу Кречетникову незавидную честь провести гайдамацкій лагерь съ его безхитростными предводителями. Сколько мы могли заключить изъ сличенія источниковъ, эту честь надо отнести на счетъ поручика Кологривова и полковника Гурьева (карабинеровъ); генералъ Кречетниковъ прибылъ съ донцами и гусарами уже позднѣе и въ качествѣ высшаго чина перехватилъ лучи славы, долженствовавшіе озарять чины низшіе.

Опять гайдамацкое движеніе лишилось начавшагося было формироваться центра, а, слѣдовательно, и надежды на правильное дальнѣйшее развитіе. Какъ ни всколыхалось народное море, оно должно было улечься—оно не могло не улечься даже безъ особенно сильнаго давленія со стороны внѣшней силы. При давленіи же оно не достигло, по широтѣ распространенія, даже тѣхъ предѣловъ, какихъ достигало въ 34 и 50 годахъ, едва вышло за границу собственно Украины. Но по интенсивности, сколько можно судить, не было ему равнаго. Уже послѣ того, какъ гайдамацкій лагерь

былъ разгромленъ подъ Уманью, и погибла, слѣдовательно, надежда на будущее, изъ степей все продолжали идти запорожцы съ своими ватагами «противъ конфедератовъ, на защиту людей греческаго исповѣданія»; даже куренные атаманы попадались въ числѣ предводителей ватагъ. Громады одна за другой вставали и расправлялись съ панами. Русскіе продолжали усмирять край; принялись за усмиреніе и польскіе войска во главѣ съ региментаремъ Стемпковскимъ. Вмѣстѣ съ усмиреніемъ они начали въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ практиковать устрашеніе. Великій коронный гетманъ Браницкій завезъ Гонту съ товарищами подъ Могилевъ на Днѣстрѣ, чтобы тамъ произвести судъ и расправу, не посмѣвъ сдѣлать этого подъ Уманью. Младановичъ разсказываетъ, что надъ Гонтой произнесенъ былъ приговоръ исполненія казни на четырнадцать дней. Первые десять дней—вырѣзываніе каждый день по одной полосѣ кожи. Одиннадцатаго дня—отсѣченіе обѣихъ ногъ; двѣнадцатаго—обѣихъ рукъ; тринадцатаго—вынутіе сердца; четырнадцатаго—отсѣченіе головы. Потомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины должно было быть разставлено четырнадцать висѣлицъ и на каждой изъ нихъ повѣшенъ одинъ изъ кусковъ тѣла Гонты. Два дня терпѣливо выдерживалъ Гонта казнь. На третій день заревѣлъ отъ боли, началъ вспоминать короля, говорить, что выполнялъ волю короля. Не могъ снести этихъ словъ Браницкій, но не могъ также и отступиться отъ приговора,—крикнулъ: «чтобъ больше не болталъ, пусть приговоръ выполняется на трупѣ». Сейчасъ же велѣлъ приготовить лошадей и выѣхалъ. Что смутило Браницкаго, если этотъ эпизодъ разсказанъ хоть приблизительно вѣрно? Не боялся ли онъ разоблаченій со стороны Гонты, которыя, можетъ быть, обнаружили бы какія-нибудь непріятныя для сильныхъ міра сего подробности? Или, можетъ быть, его смутила роль строгаго карателя измѣны, его, который только что изъ яраго конфедерата превратился въ ревностнаго приверженца королевско-русской партіи? Впрочемъ, послѣднее едва ли: польскіе паны не были никогда особенно щепетильны въ такихъ пустякахъ. Остальныхъ гайдамакъ Браницкій, для исполненія надъ ними смертныхъ приговоровъ, поразсылалъ по разнымъ городамъ,—во Львовъ, Броды, Винницу и т. д., чтобы вся земля, заселенная малорусскимъ хлопствомъ, видѣла, какъ панство наказываетъ измѣну. А между тѣмъ, креатура Браницкаго, Стемпковскій, разгромивъ нѣсколько гайдамацкихъ купъ, расположился лагеремъ подъ Кодней, чтобы тоже заняться устрашеніемъ. Если нервы Браницкаго оказались нѣсколько слабыми, зато

Стемпковскій превзошелъ всѣ ожиданія, произвелъ нѣчто грандіозное. Онъ имѣлъ дѣло не съ предводителями, а съ простой чернью, съ простыми мятежниками, хлопами,—потому ему не надо было заботиться объ особой утонченности истязанія. Передадимъ читателю, что дѣлалось подъ Кодней, пользуясь описаніемъ Dr. Antoni I. (Nowe Opowiadania Historyczne), который составилъ его по польскимъ источникамъ. Въ Кодню согнали огромную толпу мятежныхъ хлоповъ, чтобы казнить ее тамъ. Палачъ рубилъ головы и бросалъ въ нарочно выкопанную яму—надъ ямой; на удобномъ креслѣ, сидѣлъ панъ региментарь, съ безмятежнымъ спокойствіемъ покуривалъ свою трубку и считалъ головы. Нѣсколько дней присутствовалъ онъ при этой бойнѣ—столько дней, сколько она тянулась. Толпа, лишившаяся разсудка отъ голода и страха, выла въ ожиданіи казни, а въ толпѣ этой были старики, дѣти и женщины. Мѣнялись палачи, топоры тупились на хлопскихъ шеяхъ, а работа все продолжалась. Цифру убитыхъ такимъ образомъ хлоповъ опредѣляютъ различно: поляки отъ тысячи до двухъ, враги ихъ до четырехъ—можно принять среднюю цифру въ три тысячи. Остальныхъ Стемпковскій рѣшился оставить въ живыхъ, если смогутъ остаться, на страхъ и поученіе мятежному хлопству: имъ отрубали по рукѣ и ногѣ, правую руку и лѣвую ногу, или наоборотъ.

Гетманъ Браницкій, на совѣсть котораго относится до 700 смертныхъ приговоровъ, счелъ нужнымъ оправдываться передъ королемъ въ своей жестокости: «Всѣ сосѣди», писалъ онъ: «обыватели, жиды пріѣзжаютъ ко мнѣ: одинъ совѣтуетъ ихъ четвертовать, другой—жечь, сажать на палю, вѣшать безъ милосердія и т. д. Tolle, crucifige! Напрасно ихъ убѣждаешь, что часть тѣхъ разбойниковъ велю казнить, а часть поразсылаю по городамъ, крѣпостямъ, замкамъ на работы, но со всѣхъ сторонъ доносятъ на нихъ. Какъ могу, успокоиваю умы...» Стемпковскій же, который казнилъ тысячами, оправдывался, напротивъ, въ излишнемъ снисхожденіи къ виновнымъ, объясняя его просьбами шляхты, которая осаждала его въ лагерѣ, убѣждая воздержаться съ справедливымъ возмездіемъ, чтобы совсѣмъ не извести работника и чтобы имъ самимъ, гербовнымъ, не пришлось ходить за плугомъ...

Кромѣ Стемпковскаго, jus gladii дано было еще Дубровскому, богатому помѣщику и градскому судьѣ, можетъ быть, и еще кому-нибудь—Рѣчь посполитая не имѣла привычки стѣсняться въ такихъ вещахъ, когда дѣло шло о хлопахъ.

Но какъ ни были мягки и снисходительны Браницкій и Стемп-

ковскій, паническій страхъ овладѣлъ народомъ. Всѣ, кто могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ—въ Молдавію, Крымъ, въ Россію, на Донъ: рѣзались, вѣшались, топились, чтобы избѣгнуть рукъ правосудія. Заселенныя мѣста безлюдѣли, обращались въ пустыню. Изъ рукъ шляхты опять ускользали имущества. Еще-бы ей было не воздержаться, наконецъ, въ своемъ справедливомъ мщеніи... Сеймъ постановилъ амнистію.

«При объявленіи панщины», заканчиваетъ Младановичъ свое нехитрое повѣствованіе о хлопской революціи, «въ деревнѣ Бабонкѣ зарѣзалось два ткача».

Есть одинъ польскій документъ изъ относящихся къ колівщинѣ, — документъ въ высшей степени интересный. Отношеніе шляхты къ этому движенію, взглядъ ея на хлопа, вообще польско-шляхетская точка зрѣнія на положенія и событія, шляхетское общественное міросозерцаніе обрисовывается въ немъ съ такою наивной и беззастѣнчивой откровенностью, что, вѣроятно, исторія немного начтетъ у себя такихъ безцеремонныхъ документовъ. Дѣло въ томъ, что церемониться было не передъ кѣмъ: разсчитывалось только на хлопскую публику. Документъ этотъ—универсалъ помянутаго выше региментаря Стемпковскаго, обращенный къ украинскому крестьянскому сословію и данный 30 августа 1768 г. въ лагерѣ все подъ той же «святой» Кодней, о которой до сихъ поръ сохранилось въ народѣ проклятіе: «о, щобъ тебе святая Кодня не минула!» Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого прекраснаго документа, которымъ не пользовался еще ни одинъ русскій историкъ гайдамачины.

«Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, отъ монарха и до послѣдняго сословія, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, и васъ, подданные (крестьяне), создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души. Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ Его святую волю долженъ принимать съ покорностью; притомъ, о васъ установлены законы, и если вы не въ состояніи ихъ понимать, то должны бы были пріучиться изъ непрерывнаго опыта по вашимъ предкамъ, которые, родясь съ повинностями, съ ними жили и умирали, передавая потомству свойственныя ихъ сословію обязанности, которыя и вы должны были всосать съ материнскимъ молокомъ, т. е. вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ. Между тѣмъ вы, громады различныхъ городовъ, мѣстностей и деревень, въ особенности въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ, и бѣжавшіе изъ Волыни, вмѣсто того, чтобы исполнять ваши обязанности, даже въ

храмахъ Господнихъ надѣлали столько беззаконія. Родившись и воспитавшись въ римско-католической вѣрѣ греко-уніатскаго обряда, вы осмѣлились перемѣнить эту вѣру, тогда какъ, давъ обѣтъ при св. крещеніи, вы должны были сохранять ее нерушимо и въ ней стать передъ судъ Всевышняго Бога. Вы должны знать, что за переходъ изъ этой вѣры въ иную не только прежнія, но и новѣйшія постановленія назначили примѣрное наказаніе, какъ-то отнятіе и конфискацію имущества, или же изгнаніе изъ отечества, или же смерть, отъ чего не изъяты даже высшія въ государствѣ особы. Чего же вы заслуживаете за это преступленіе, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые, кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго? Затѣмъ, какая христіанская религія разрѣшаетъ наносить такія безчестія Господнимъ храмамъ, какія наносили вы?.. Я это самъ видѣлъ въ Лисянкѣ, преслѣдуя съ войскомъ бездѣльниковъ. При видѣ костела францисканов едва можно было вѣрить, что это храмъ... Если бы пришлось высчитывать всѣ способы, какими вы истязали ваши жертвы, то ихъ не сберетъ и память. Одно воспоминаніе наводитъ ужасъ... Гдѣ же заповѣдь Господня—не убій! Сколько вы совершили насилія, сколько принужденныхъ браковъ съ вашими владѣлицами! Судите же сами, чего вы за все это достойны? Посмотрите, сколько сотъ тысячъ шляхты сколько вашихъ управителей, коммиссаровъ, губернаторовъ, писарей, администраторовъ и другихъ лицъ, которымъ вы, платя дани и повинности, должны были повиноваться, пало отъ такой ничтожной руки! Не считалось также у васъ за грѣхъ умерщвленіе жидовъ, которые, живя по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ, держали отъ пановъ аренды, и такимъ образомъ вы нанесли панамъ вашимъ многоразличные убытки!.. Посмотри, необузданное и разъяренное подданство, на этотъ обѣтованный край: теперь онъ облитъ невинною кровью. Сколько разрушено оборонительныхъ замковъ, зданій, построенныхъ съ большими издержками, сколько городовъ, мѣстечекъ и деревень, не упоминая уже о костелахъ и церквахъ! Теперь все это уничтожено, разрушено и обращено въ прахъ,—едва слѣды остались. Разсудите же сами, какой отъ этого ущербъ въ панскихъ дѣлахъ, которыя вы, сознавая свое подданство, должны были бы поддерживать изъ обязательной вѣрности и привязанности къ панамъ. Поземельная плата, аренда, подати и прочіе налоги, и прежде вносимые небезнедоимочно, теперь совсѣмъ прекратились по причинѣ вашего сумасбродства и дерзости. Вы даже грабили казну его королевской милости....... говоря притомъ, что вы не

принадлежите къ его государству, къ Рѣчи посполитой! Мы, рожденные въ равенствѣ, благодаримъ Бога за возведеніе его на престолъ; вамъ же какая-то сумасшедшая голова внушаетъ, будто вы народъ не этого короля и не этого края! Умный и достойный человѣкъ не только не станетъ говорить вамъ этого, но даже и не свяжется съ вами; подобное заблужденіе вселилъ въ васъ, вѣроятно, какой-нибудь простолюдинъ, считавшій себя умнѣе васъ. Не думайте, что начальство и милостивѣйшій король съ цѣлымъ народомъ—ужъ не говоря о владѣльцахъ, панахъ вашихъ—не почувствовали великой потери, которую понесли во множествѣ погибшихъ васъ, бездѣльниковъ: такая гибель людей — общественное бѣдствіе; а во всемъ этомъ вы виноваты!.. Будьте же вѣрны и послушны своимъ владѣльцамъ и панамъ, взносите надлежащія подати имъ самимъ, или арендаторамъ, или ихъ приказчикамъ; не мѣшайте селиться жидамъ-арендарямъ и другимъ, проживающимъ съ разрѣшенія властей по деревнямъ, городамъ и мѣстечкамъ — словомъ, оставьте всякое безчинство, которое было до сихъ поръ. Въ противномъ же случаѣ... Я буду васъ преслѣдовать и поражать, какъ это было въ Лисянкѣ, у Ольхова и Литвянки, и такъ наказывать, какъ наказывалъ всѣхъ подобныхъ вамъ гайдамакъ,—и тѣлесными наказаніями и смертію...»

Украинѣ былъ нанесенъ и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи такой ударъ, отъ котораго ей нелегко было оправиться. Запорожскіе ватажки появились въ Украинѣ и въ слѣдующемъ году, но хлопство уже не могло отозваться на призывъ. Война Россіи съ Турціей, вслѣдствіе которой турки и татары, какъ союзники барскихъ конфедератовъ, раззоряли Украину, совсѣмъ придавила ее. А пока она оправлялась, русская сила нанесла окончательный ударъ гайдамачеству, уничтоживъ Запорожскую Сѣчь. Малороссійское хлопство Польскаго государства очутилось въ томъ положеніи, въ какомъ было въ началѣ столѣтія,—разрозненное, предоставленное самому себѣ, лишенное возможности организовать вооруженную борьбу. Можно сказать, что съ уничтоженіемъ Сѣчи уничтожается и гайдамачество.

Что сказать о 1789 годѣ? Готовилось ли тогда дѣйствительно что нибудь серьезное, какъ утверждаютъ одни, или весь тогдашній переполохъ, когда поляки метались, преслѣдуемые разными ужасными призраками, былъ лишь плодомъ ихъ живой и къ тому же крайне напуганной фантазіи, какъ полагаютъ другіе? Не будемъ вдаваться въ подробности, съ которыми читатель можетъ познако-

миться, если пожелаетъ, изъ статьи г. Костомарова: «Послѣдніе годы Рѣчи посполитой» («Вѣстникъ Европы» 1869 г., т. II). Но коснуться хоть коротко событій этого года мы считаемъ нелишнимъ, такъ какъ они очень интересны для общественной психологіи. Въ то время, какъ въ Варшавѣ собрался знаменитый четырехлѣтній сконфедерованный сеймъ, отъ котораго поляки ожидали разныхъ благодѣтельныхъ реформъ для своей разваливающейся монархической республики, изъ нѣдръ котораго должна была возникнуть еще болѣе знаменитая конституція, 3-го мая 1791 года, вдругъ отцы отечества поражены были вѣстью о томъ, что въ малорусскихъ областяхъ снова готовится что-то въ родѣ колівщины. Откуда шла эта вѣсть? Чѣмъ она была вызвана? Никто ничего не зналъ. Съ каждымъ днемъ слухи все росли и дѣлались болѣе опредѣленными: отъ дворянства угрожаемыхъ областей шли одна за другой вѣсти о близкой опасности. Теперь уже съ увѣренностью переходило изъ устъ въ уста, что изъ-за русской границы привезены транспорты ножей необыкновенной формы, съ особенными крючками для вытаскиванія внутренностей,—такіе ножи, вырѣзанные изъ бумаги, показывались всюду (къ сожалѣнію, какъ говоритъ современникъ, никто не видалъ желѣзныхъ); что по малорусскимъ областямъ ходятъ великорусскіе офени съ прокламаціями отъ русской императрицы и съ деньгами, которыя раздаютъ хлопамъ, чтобы готовились къ бунту; что всюду попы являются посредниками между русской властью и хлопами, подговариваютъ на бунтъ, вербуютъ шайки, раздаютъ деньги, ножи и т. п. Шляхтой малорусскихъ воеводствъ, Кіевскаго, Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго, овладѣла паника,—все бѣжало, скрывалось, съѣзжалось, чтобъ сговориться о защитѣ, взывало въ Варшаву о помощи. Нѣкоторыя воеводства устраивали милиціи, изъ Варшавы двинули въ Украину войска. Съ минуты на минуту ожидали, что разомъ откроется рѣзня. Былъ-ли реальный поводъ къ такому переполоху? И да, и нѣтъ. Двадцать лѣтъ прошло со времени колівщины. Поколѣніе хлоповъ, напуганное ужасами панскаго мщенія, придавленное нравственно и матеріально, отживало свой вѣкъ; на смѣну ему наросло новое, начиненное горючимъ матеріаломъ, создаваемымъ общественно-политическими условіями той среды, въ какую втиснула его судьба, и свободное отъ психическаго угнетенія. Между тѣмъ, Украина оправилась и экономически. Въ то же время православіе, благодаря энергическому образу дѣйствій со стороны Россіи, все выигрывало въ своихъ правахъ: къ 1789 г. снова началось большое движеніе изъ уніи въ правосла-

віе, теперь уже защищаемое сильною русскою властью. Конечно, это движеніе не могло обойтись безъ всякой попытки къ отпору со стороны польской шляхты. Все это вмѣстѣ снова подняло народное настроеніе. То тамъ, то сямъ стали слышаться намеки, угрозы, пошелъ слухъ про Гонтина сына, которому императрица дала разрѣшеніе начинать свое дѣло; въ одномъ мѣстѣ какой-нибудь пьяный дьякъ начнетъ скакать и приговаривать: «вотъ ужо какъ буду я рѣзать жидовъ и ляховъ!»; въ другомъ хлопъ, выведенный изъ себя какимъ-нибудь панскимъ безобразіемъ, скажетъ: «надо бы на васъ Гонтина сына, чтобъ научилъ по-людски обращаться съ людьми» и т. д. Создавалась грозовая общественная атмосфера. Но козачества уже не было, не было, значитъ, и того ядра, около котораго могло бы организоваться хлопское недовольство; не было на этотъ разъ и такихъ внѣшнихъ условій, въ родѣ междоусобной борьбы шляхты или вторженія русскихъ войскъ, которыя помогли бы этому недовольству вылиться въ болѣе или менѣе цѣльномъ и систематическомъ дѣйствіи. Напряженному состоянію общественной атмосферы было бы суждено отчасти разразиться мелкими, единичными, т. е. совершенно безполезными и безслѣдными, вспышками, отчасти разсѣяться само собой. Такъ бы оно и было. Но господа края не были расположены остаться въ роли простыхъ наблюдателей имѣющаго совершиться передъ ихъ глазами общественнаго процесса. Страхъ за свою шкуру раздувалъ опасность до грандіозныхъ размѣровъ. Требовалось немедленно уничтожить, не допустить, пресѣчь... Но чего не допустить, что уничтожить, когда опасность не приняла еще никакой реальной формы? А что дѣйствительно не приняла никакой реальной формы—это несомнѣнно: нигдѣ не было ни малѣйшей попытки что-нибудь организовать, не было даже отдѣльныхъ случаевъ насильственнаго протеста. Этого не было; но за то паны чувствовали психическую потребность что-нибудь создать для того, чтобы было что уничтожить и тѣмъ облегчить угнетенную страхомъ душу. Къ тому же и попугать не мѣшало, кого слѣдуетъ. Создать же фикцію, достаточно похожую на реальность, по крайней мѣрѣ въ глазахъ напуганныхъ современниковъ, конечно, было дѣло нетрудное: вѣдь въ ея созданіи былъ заинтересованъ цѣлый классъ людей, классъ господствующій. Къ тому же, въ головѣ у шляхты былъ готовый шаблонъ, по которому эта фикція должна была создаваться: русское правительство, попы, ножи и хлопы—все это засѣло крѣпко-на-крѣпко въ каждой шляхетской головѣ, и очень немного требовалось реальнаго матеріала, чтобы связать всѣ эти предметы

въ одинъ цѣльный и живой образъ. И вотъ сразу на всей обширной территоріи малорусскихъ воеводствъ появился миѳъ о маркитанахъ (офеняхъ) и филиппонахъ (раскольникахъ), которые разносятъ главнымъ образомъ попамъ указы Екатерины, ножи и деньги для предстоящей рѣзни; попы же, конечно, съ вѣдома, разрѣшенія, благословенія своего высшаго духовнаго начальства, или даже по его приказанію, берутся организовать дѣло. Для шляхты все это было просто и ясно какъ день: вѣдь великорусскіе офени несомнѣнно ходили—правда, они и всегда ходили, но что же изъ этого?—несомнѣнно останавливались, случалось, и у поповъ и даже чаще у поповъ, несомнѣнно имѣли въ своемъ товарѣ ножи—правда, они и всегда останавливались чаще у поповъ и всегда носили ножи, но, опять таки, что жъ изъ этого? Разумѣется, панская потребность облегчить душу не обошлась безъ послѣдствій для хлоповъ и несчастнаго духовенства, особенно сельскаго: въ Житомірѣ, Брацлавлѣ, Каменцѣ начался судъ и расправа. «Всѣ такъ усердно принялись искоренять бунтъ», говоритъ полякъ-современникъ, ничуть не пристрастный къ русскимъ и хлопамъ, «что по истинѣ много невинныхъ погибло отъ руки палача. Арестовывали за самую малость: сказалъ-ли кто въ пьяномъ видѣ подозрительное слово, погрозилъ-ли, обидѣлъ-ли эконома и не могъ заплатить за вину—всякаго обвиняли, судили и казнили. Впослѣдствіи открылось, что вся эта тревога была безосновательна...» Особенно отличалось на этотъ разъ волынское воеводство: тамошняя шляхта напустила такого туману своимъ рвеніемъ къ искорененію бунта, что иные историки даже принимаютъ какъ доказанный фактъ, что будто на Волыни уже готово было разразиться серьезное движеніе и только шляхетская энергія успѣла его предупредить. На самомъ дѣлѣ на Волыни было меньше основаній къ шляхетскимъ подозрѣніямъ, чѣмъ гдѣ-либо, и вся исторія, которая тамъ разыгралась и жертвой которой сдѣлалось много людей, рѣшительно ни въ чемъ невинныхъ, глубоко возмутительна, хотя и не лишена поучительности: она можетъ служить яркимъ образчикомъ того, какъ при ненормальныхъ общественныхъ условіяхъ создаются фиктивныя преступленія, и создаются не по злобѣ или другимъ личнымъ побужденіямъ, хотя и личные мотивы въ такихъ случаяхъ, когда разыгрываются человѣческія страсти, часто играютъ видную роль... Главная причина, почему исторія разыгралась на Волыни, была въ томъ, что въ Волынскомъ воеводствѣ было кому взять на себя заботу объ искорененіи бунта, а въ такихъ условіяхъ одного этого обстоятельства обыкновенно бываетъ достаточно, чтобъ произвести

же дальнѣйшее. Шляхетскимъ органомъ воеводства, который взялъ на себя трудъ спасти отечество, было ничто иное, какъ коммиссія, выбранная шляхтой воеводства для устройства дѣлъ между нею и русскимъ правительствомъ по снабженію фуражемъ русской арміи. Конечно, эта маленькая перемѣна ролей была нѣсколько странна, но съ чѣмъ не примиришься въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ? И вотъ, коммиссія, выбранная для того, чтобъ охранять интересы шляхетскихъ кармановъ, оказалась уполномоченной отъ сейма блюсти спокойствіе края. Но она не удовольствовалась этимъ и спокойно присвоила себѣ судебную власть съ правомъ жизни и смерти. Сеймъ умѣрилъ ея ревность и растолковалъ ей ея права послѣ того, какъ было уже казнено много народу, но такъ какъ казненные были хлопы и ихъ попы, то, разумѣется, никто не заявлялъ особенныхъ претензій на такое недоразумѣніе. Интересно то обстоятельство, что на этотъ разъ гибли отъ рукъ шляхты попы уніатскіе, такъ какъ на Волыни почти не было православныхъ. Никого другого, болѣе подходящаго, не случилось подъ рукой, надъ кѣмъ бы можно было отвести сердце, къ тому же, уніаты непростительно легко начали переходить въ православіе, когда оно крѣпче оперлось на Россію, и, наконецъ, многіе шляхтичи стали приходить къ убѣжденію, что отъ уніи мало толку и что слѣдуетъ ее совсѣмъ перевести, водворивъ на мѣсто ея католичество въ тѣхъ видахъ, что единство вѣры подкрѣпитъ шатающееся государство. Къ тому же, изъ разницы вѣръ происходятъ и большія практическія неудобства: «у пана пасха, а у слуги только масляница окончилась, у пана праздникъ—у слуги его нѣтъ, у пана постъ—у слуги или у дворни усяядница, и наоборотъ», замѣчаетъ, между прочимъ, «Голосъ обывателя», брошюра, выпущенная въ виду предстоящаго четырехлѣтняго сейма.

Духъ обывателя (помѣщика), замѣчаетъ иронически одинъ современникъ изъ уніатскаго духовенства, описывавшій событія 1789 г. на Волыни, «чрезвычайно проницателенъ и можетъ заглядывать въ отдаленнѣйшіе закоулки самыхъ скрытыхъ тайниковъ сердца; для своего убѣжденія, онъ не требуетъ никакихъ доказательствъ, но если они понадобятся для публики, онъ постарается и найдетъ самыя убѣдительныя...» Вотъ этимъ то духомъ прониклась коммиссія, а за ней и все волынское шляхетство. Ихъ страстное желаніе что-нибудь открыть начало мало-по-малу приводить къ кое-какимъ результатамъ. Правда, отъ хлоповъ ничѣмъ нельзя было поживиться—ихъ вѣшали, рубили головы, засѣкали палками, но дѣло не подвигалось. Но все начало настраиваться на ладъ, когда принялись за

поповъ. Отъ нихъ легко было добиться всего, чего хотѣлось. Дѣло завязалось такъ. До коммиссіи доходитъ слухъ, что у такого-то попа, Лукаевича, ночевалъ маркитанъ. Одинъ изъ членовъ коммиссіи ѣдетъ за попомъ. Попъ, невѣжественный, простакъ, крайне перепуганный проситъ у пана, не изволитъ ли ему сообщить, зачѣмъ онъ его везетъ. Членъ коммисіи грозно отвѣчаетъ: «Будешь, попъ, отвѣчать коммиссіи за то, что позволилъ ночевать маркитану». Еще болѣе перепуганный попъ проситъ научить, что ему отвѣчать коммисіи. Ловкій шляхтичъ начинаетъ утѣшать попа: «Не бойся, ничего тебѣ не будетъ дурного, если скажешь, что тебя маркитанъ подговаривалъ на бунтъ и показывалъ тебѣ письмо императрицы».—«Но вѣдь, пане, этого не было: правда, была между нами рѣчь о войнѣ, что Москва съ кѣмъ то бьется, и еще говорили, что и поляки собираютъ войска, можетъ, тоже собираются воевать, а больше ничего не говори...» «А развѣ тебѣ этого мало? вѣдь говорилъ же тебѣ маркитанъ, что Москва готовится на поляковъ, а ты ужъ и самъ долженъ бы былъ догадаться, что онъ хочетъ тебя подговаривать, чтобы бунтовалъ противъ насъ хлоповъ; ты ужъ лучше скажи передъ коммиссіей, что онъ тебя подговаривалъ и письмо показывалъ, а то погибнешь и семью погубишь... жаль мнѣ тебя...» Въ доказательство своей искренности, членъ коммиссіи суетъ попу два червонныхъ злотыхъ на издержки въ Луцкѣ, обѣщая, что дадутъ и еще, если все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Попъ валится въ ноги своему благодѣтелю и допрашиваетъ: «а буду ли я свободенъ, когда буду такъ показывать?» Панъ даетъ честное слово, что не только будетъ свободенъ, а еще и награду получитъ. Вотъ этотъ-то попъ показывалъ передъ коммиссіей въ Луцкѣ, къ большому ея торжеству «что у него ночевалъ маркитанъ и подговаривалъ взбунтовать хлоповъ своего прихода на поляковъ, показывалъ ему какую-то московскую бумагу, которую онъ, попъ, не могъ прочитать, а только на подписи разобралъ нѣсколько буквъ: Екат... увѣрялъ, что Императрица обѣщаетъ большую награду тому, кто сдѣлаетъ по ея волѣ». Помянутый членъ коммиссіи самъ расказывалъ о пріемахъ, какими онъ добился показаній отъ Лукаевича; несмотря на то, Лукаевича возили въ Варшаву, на показъ королю и сейму, какъ наглядное доказательство готовящихся ужасовъ и русскаго коварства, и ему, кромѣ денежной награды, была выдана медаль за вѣрность отечеству. Теперь уже съ большей увѣренностью можно было хватать направо и налѣво, и открытіе слѣдовало за открытіемъ. Одинъ попъ своимъ умомъ дойдетъ, что чѣмъ больше наговаривать, особенно въ

направленіи, желательномъ для поляковъ, на высшее русское духовенство и т. п., тѣмъ легче и скорѣе отпустятъ; другого уговоритъ адвокатъ, что только такимъ путемъ и можно вырваться на свободу. Создавалось то, что нужно было полякамъ, и увѣренность общества въ серьезности положенія росла. Появились, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, сыскные волонтеры; какой-нибудь прощалыга явится къ попу подъ видомъ, напр., поповича, гонимаго поляками, проситъ укрыть,—простякъ попъ, неопытный въ дѣлахъ такого рода, расчувствуется, укроетъ бѣдняка, накормитъ, напоитъ, да и самъ не упуститъ случая напиться, а напившись, разумѣется, наговоритъ разнаго пьянаго вздору, наводимый подходцами провокатора—и погибъ несчастный попъ; а то панъ подговоритъ слугу, чтобы на исповѣди покаялся попу, яко бы хочетъ пристать къ бунту—что дескать заговоритъ попъ? Не станетъ ли самъ подговаривать? Посыпались отовсюду доносы: тамъ-то спрятаны ножи, ищутъ и, разумѣется, ничего не находятъ; тамъ-то попъ въ молитвахъ поминалъ русскую царицу—оказывается, что поминалась дѣйствительно царица, только не русская, а небесная; тамъ тотъ сказалъ то-то, а другой это. Все благородное шляхетство малорусскихъ воеводствъ обратилось въ ищеекъ и гончихъ: положеніе несчастныхъ поповъ, бѣдныхъ, невѣжественныхъ, которые не могли искать печальнаго утѣшенія даже въ славныхъ традиціяхъ, крѣпко державшихся въ хлопскихъ головахъ, дѣйствительно было въ высшей степени печально. Такъ, Луцкая коммиссія хватаетъ и приговариваетъ къ повѣшенію попа за то, что онъ, при встрѣчѣ съ кѣмъ-то, разговаривая, тыкалъ ему пальцемъ въ животъ—явный намекъ на рѣзню, по мнѣнію остроумной шляхты; тамъ вѣшаютъ уже за то, что просто гулялъ съ хлопами въ корчмѣ, ругался и пилъ—вѣрно, что-нибудь и злоумышлялъ. Это было нѣчто нелѣпое, дикое, въ высшей степени возмутительное—шляхта одурѣла отъ страха за свою шкуру. Назначенные, разумѣется, шляхтою, дни для рѣзни проходили одинъ за другимъ, а рѣзни все не было. Въ Великую субботу, насчетъ которой было самымъ твердымъ образомъ рѣшено, что маркитаны съ попами и хлопами начнутъ рѣзать жидовъ и ляховъ, въ Луцкѣ даже отправился въ поле военный отрядъ отражать опасность. Современникъ-уніатъ, на котораго мы ссылались выше, не безъ ироніи разсказываетъ объ этомъ: «Великій предводитель милиціи, нашъ гродскій судья, панъ Загурскій возсѣдши на своего коня, во главѣ милиціонеровъ, выѣхалъ за Луцкъ въ поле противъ маркитанскаго войска. Боже! гдѣ же то войско? Кто его видѣлъ? съ которой стороны подойдетъ оно? По землѣ ли, или по воздуху? Но не затрудняются этими

соображеніями богатырскія сердца, которыя жаждутъ или поразить непріятеля въ открытомъ полѣ и съ тріумфомъ вернуться домой на великій праздникъ, или мужественно и славно положить свою жизнь на полѣ битвы, защищая своихъ соотечественниковъ... Ничего не видно въ полѣ, только вдали что-то мелькаетъ. Одинъ изъ милиціонеровъ, извѣстный отвагой, бывъ высланъ на развѣдки, донесъ предводителю, что нѣсколько бабъ идутъ изъ Луцка домой. Испугался непріятель—не показался, убѣжалъ въ неприступныя мѣста, чтобы не помѣшать нашимъ рыцарямъ весело воспѣть аллилуйя!» Все это, конечно, смѣшно; но не до смѣху было жертвамъ этой глупой исторіи. Благополучно прошла Пасха; рѣшили, что рѣзня отложена до Вознесенья. Прошло и Вознесенье—значитъ, отложили на Троицынъ день. Прошелъ и Троицынъ день, Духовъ, Петровъ день—шляхта начала понемногу успокоиваться. Мало по малу и совсѣмъ успокоилась, убѣдившись, что ничего нѣтъ; поумнѣе—пришли къ убѣжденію, что ничего и не было, поглупѣе—оставались на томъ, что шляхта спасла край своей энергіей. Взгляды на дѣло мѣнялись; но жертвы, какъ были, такъ и остались въ своихъ могилахъ.

Депутація, снаряженная сеймомъ для разслѣдованія этой исторіи, по обыкновенію, нашла интригу Россіи, которая заводила въ Польшѣ всякое замѣшательство и подготовляла бунтъ черезъ своего агента, слуцкаго архимандрита Садковскаго, которому было поручено блюсти интересы православія въ Украинѣ. Все это былъ чистый вздоръ; въ чемъ другомъ, но въ этомъ Россія была невинна передъ Польшей, невинна въ 1789 году, какъ и въ 1768 году и раньше. Да и Садковскій не былъ способенъ взять на себя роль народнаго вожака даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ, напр., Мельхиседекъ: онъ для этого былъ слишкомъ корыстный человѣкъ и слишкомъ русскій чиновникъ.

«Мы не знаемъ, какое государство на мѣстѣ Россіи не воспользовалось бы такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Всякое другое государство, вѣроятно, осталось бы, по крайней мѣрѣ, равнодушнымъ зрителемъ борьбы русскаго элемента съ польскимъ и дожидалось бы, пока русскій народъ обратится къ нему съ просьбою избавить отъ Польши и принять подъ свою защиту и власть. Такъ и поступала Россія во времена Алексѣя Михайловича и Хмѣльницкаго, и этотъ образъ дѣйствій вполнѣ оправданъ и исторіей, и современной жизнью... Но Екатерина поступила иначе. Она и все тогдашнее русское общество слишкомъ были удалены и отъ старыхъ

русскихъ преданій и отъ русскаго народа. Гайдамацкое движеніе было задавлено русскими войсками». Такъ говоритъ священникъ Кояловичъ въ предисловіи къ оффиціозному изданію: «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Но въ прошломъ столѣтіи правительство не могло взглянуть на гайдамацкое движеніе такимъ яснымъ и трезвымъ взглядомъ. Едва ли въ Петербургѣ даже представляли, въ чемъ суть дѣла. Правда, изъ лицъ правительственныхъ сферъ, ближе стоявшихъ къ дѣлу, современникъ коліивщины Румянцевъ, тогдашній правитель Малороссіи, отлично представлялъ себѣ это движеніе; но на взглядахъ петербургскаго двора не могло не отражаться то, что шло съ другой стороны, изъ Варшавы, отъ русскихъ пословъ, которые, какъ, напримѣръ, Рѣпнинъ, упорно смотрѣли на движеніе украинскаго народа глазами поляковъ. Но въ результатѣ было все равно, какъ ни смотрѣло русское правительство на эти волненія, какъ на разбои-ли и бунты, внушаемые духомъ строптивости и неповиновенія, или какъ на борьбу за независимость, національную, общественную, религіозную: русское правительство во всякомъ случаѣ не желало вступить въ союзъ съ хлопствомъ. Оно доказывало это полякамъ самымъ систематическимъ, самымъ искреннимъ образомъ, но видѣло со стороны поляковъ лишь неблагодарность. Поляки безусловно не вѣрили въ то, что русское правительство съ полной искренностью хлопочетъ объ уничтоженіи гайдамачества, хотя у каждаго на глазахъ были такіе убѣдительные факты, какъ смиреніе коліивщины; а сколько еще скрывается въ актахъ доказательствъ хлопотъ и усилій русскаго правительства, усилій, настолько искреннихъ, что правительство желало даже скрывать ихъ отъ поляковъ, чтобы не дать лишняго повода имъ привязаться съ ихъ непомѣрной притязательностью. Поляки очень могли, но не хотѣли понимать, что русское правительство, какъ и всякое другое, не всесильно: оно не могло, несмотря на все свое желаніе, предупредить участія Запорожья въ гайдамачинѣ иначе, какъ уничтоженіемъ Сѣчи; не могло сдѣлать такъ, чтобы жители другихъ пограничныхъ русскихъ владѣній не оказывали гайдамакамъ участія и поддержки; не могло разыскать каждаго хлопа, который убѣгалъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и возвратить полякамъ каждую вещь изъ гайдамацкой добычи, которая попала за русскую границу—и мало ли еще чего оно не могло сдѣлать, когда все пограничное русское населеніе готово было всѣми возможными средствами поддерживать гайдамачество. Корень этого слѣпого польскаго непониманія заключался въ томъ,

что поляки-паны никакъ не могли допустить мысли, чтобы хлопы сами по себѣ способны были къ чему-нибудь стремиться, кромѣ удовлетворенія своихъ грубыхъ матеріальныхъ потребностей. Хлопы въ Украинѣ волновались больше всего, а имъ было вдоволь чего ѣсть и пить, и барщина съ другими повинностями была относительно легка—ясно, что тутъ было не безъ посторонней интриги. Хотя въ универсалѣ Стемпковскаго и сказано, что Богъ не оставилъ въ хлопахъ ничего равнаго прочимъ, кромѣ души, но на самомъ дѣлѣ паны никакъ не могли думать серьезно, чтобы хлопы имѣли такую же душу, какъ и они. Чувство національной независимости... Какой нелѣпый вздоръ! Если у нихъ, пановъ, чувства національной независимости хватало лишь на то, чтобы торговать имъ направо и налѣво, оптомъ и въ розницу, то можно ли предположить, чтобы это высокое «благородное» чувство, — на счетъ котораго, навѣрное, у каждаго пана нашлась бы хвалебная цитата изъ какого-нибудь латинскаго классика,—могло бы имѣть мѣсто въ душѣ хлопа? Панская голова не могла вмѣстить такого представленія. Отсюда всеобщее панское убѣжденіе, что хлоповъ втихомолку волновала Россія, чтобы вредить своей сосѣдкѣ,—участіе въ гайдамачинѣ запорожцевъ, которые считались русскими подданными, давало внѣшнюю опорную точку внутреннему убѣжденію. Политическій элементъ гайдамачины поляки видѣли только въ мнимомъ тайномъ подстрекательствѣ Россіи; все остальное за этимъ было въ ихъ глазахъ лишь простымъ бунтомъ и разбоемъ, порождаемыми врожденною злобою—innata malitia хлопскихъ душъ. Но общество, которое не хочетъ понимать ненормальностей своего положенія и искать изъ него выхода, рано или поздно понесетъ расплату за это; поляки даже чересчуръ жестоко поплатились за свои соціальные грѣхи.

ДВѢНАДЦАТЬ ПУНКТОВЪ
ВЕЛЬЯМИНОВА.

3-го іюля 1722 года, въ Глуховѣ умеръ гетманъ Скоропадскій. Онъ не пережилъ послѣдняго удара, который нанесъ Петръ гетманской власти учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи.

Смерть избавила престарѣлаго гетмана отъ униженія состоять подъ командой бригадира Вельяминова и другихъ штабъ-офицеровъ Коллегіи.

Положеніе края было смутно и тяжело. Изъ соціальнаго хаоса, въ какой онъ былъ погруженъ въ половинѣ XVII-го вѣка, уже возникло общество; его элементы вышли изъ первоначальнаго броженія, но еще не окрѣпли, не пришли въ состояніе вполнѣ устойчиваго равновѣсія. А между тѣмъ уже новый страшный толчокъ потрясалъ до основанія это неокрѣпшее общество. Петръ, со всей своей страстной и всесокрушающей энергіей, втиснулъ и Малороссію въ ту общерусскую государственную тягу, которая обязательна была въ Великороссіи.

Уже не говоря о тягостныхъ, истощавшихъ край, постоянныхъ войнахъ, тысячи за тысячами лучшихъ силъ страны гибли на государственныхъ работахъ, при устройствѣ укрѣпленій и крѣпостей, рытьѣ каналовъ, какъ на сѣверѣ съ его суровымъ климатомъ, такъ и на югѣ, среди нездоровыхъ знойныхъ степей Каспійскаго прибрежья.

А въ то же время, независимо отъ всего этого, въ малорусскомъ обществѣ шла подпольная борьба. Поспольство чувствовало, что узы его зависимости отъ владѣльцевъ стягиваются все тѣснѣе, жмутъ все больнѣе и больнѣе. Оно не могло и не хотѣло прими-

риться съ такимъ положеніемъ и глухо волновалось. Всякая катастрофа или просто крупное измѣненіе наверху, на исторической сценѣ, отзывалось взрывомъ, хоть и частичнымъ, народнаго неудовольствія, направленнаго противъ владѣльцевъ. Такимъ взрывомъ сопровождалась и смерть Скоропадскаго.

Съ другой стороны, вновь народившееся изъ козацкой старшины, малорусское панство было цѣликомъ поглощено своимъ соціальнымъ вопросомъ, который былъ для него вопросомъ существованія, роковымъ вопросомъ о томъ, «быть или не быть» ему, какъ дворянству, какъ сословію привилегированному.

Все зависѣло отъ того, успѣетъ ли оно закрѣпить за собой народъ съ землей и трудомъ: только подъ этимъ условіемъ будущность его могла бы быть обезпечена; тогда оно могло бы разсчитывать на прочное общественное положеніе, соединенное съ правами наслѣдственнаго дворянства; въ противномъ случаѣ оно ничто, случайно поднявшійся гребень общественной волны, который спадетъ въ слѣдующій же моментъ по волѣ той или другой стихіи.

Понятно, что передъ этимъ вопросомъ блѣднѣли и стушевывались всѣ другіе вопросы—историческихъ или иныхъ правъ, политической или національной независимости и т. д. А главное, не могло же панство упустить хоть на одинъ моментъ изъ виду того, что въ случаѣ настоящаго, сильнаго народнаго взрыва, его спасеніе было возможно лишь подъ сѣнью русскаго оружія, и нигдѣ больше. Въ свою очередь и народъ былъ убѣжденъ, что только въ центральной правительственной власти онъ могъ найти поддержку противъ пановъ. Съ своей стороны, русское правительство дѣлало все, чтобъ поддерживать въ народѣ эту увѣренность: однимъ изъ первыхъ дѣйствій Малороссійской Коллегіи былъ разосланный по краю универсалъ, который высказывался въ этомъ смыслѣ вполнѣ откровенно [1]). Третье главное сословіе малорусскаго общества козачество, съ одной стороны, было до нельзя ослаблено государственными тяготами, которыя ложились почти исключительно на него; съ другой, разбито въ своихъ интересахъ, примыкая верхнимъ слоемъ къ панству, нижнимъ къ поспольству.

Слѣдствіемъ этихъ взаимныхъ отношеній между сословіями, а равно отношеній каждаго изъ нихъ къ русской власти было то, что край былъ переполненъ неудовольствіемъ; но оппозиціи по от-

---

[1]) Оговариваемся, что мы сами не знаемъ этого универсала, а пишемъ о немъ со словъ Костомарова (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. 14, ст. Павелъ Полуботокъ, стр. 231).

ношенію къ крутымъ мѣрамъ русскаго правительства, сознательнаго и организованнаго сопротивленія, ни даже стремленія, наклонности къ оппозиціи нигдѣ не было и тѣни. Петръ могъ дѣлать, что ему угодно. Малороссійская Коллегія такъ же спокойно водворилась и открыла свои засѣданія въ Глуховѣ, какъ могла бы это сдѣлать въ любомъ изъ городовъ Россійской Имперіи.

Но человѣчеству свойственно питаться иллюзіями... Традиціи старинныхъ правъ и вольностей были такъ привлекательны и еще такъ свѣжи; обѣщанія о не нарушеніи ихъ еще такъ недавни: а вѣдь это были обѣщанія никого иного, какъ Петра, обѣщанія человѣка страшной, исполинской силы, которая слишкомъ чувствовалась всѣми, силы, не нуждавшейся, какъ иная сила, во лжи и дипломатическихъ уловкахъ. Забывалось только или просто не понималось, что Петръ уже давно успѣлъ включить Малороссію въ свою идею «государства», которая безраздѣльно властвовала надъ его душой. Что были для него всѣ эти обѣщанія, вынужденныя когда то обстоятельствами? Можетъ быть, непріятная, но, во всякомъ случаѣ, ничтожная подробность. Петръ могъ припоминать въ иныя минуты, что люди называютъ это несправедливымъ, что кому то отъ этого больно, могъ искренно пожалѣть старика Скоропадскаго, но въ сущности все это были для него такіе пустяки, съ которыми совсѣмъ не стоило считаться. Вѣдь онъ, Петръ, хочетъ пріобщить и малорусскій народъ къ тому великому благу, которое онъ творитъ для своей родины, творитъ, не щадя ни себя, ни другихъ. Къ чему тутъ эта жалкая старшина съ ея какими-то жалкими правами?

Но старшина надѣялась, что Малороссійская Коллегія ограничится ролью высшей аппелляціонной инстанціи по отношенію къ генеральному суду. Однако бригадиръ Вельяминовъ не даромъ былъ выбранъ Петромъ въ президенты Коллегіи. Это былъ человѣкъ крутого нрава. «Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мной?» кричалъ Вельяминовъ Полуботку, наказному гетману: «Ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!» На замѣчаніе Полуботка о неприличіи такого его, бригадирскаго, поведенія при чтеніи высочайшаго указа—«я вамъ указъ!» было отвѣтомъ. И все это не была одна свойственная тогдашнимъ московскимъ людямъ грубость; дѣло шло за словомъ. Коллегія видимо хотѣла захватить въ свои руки всѣ главныя нити управленія краемъ и энергически принялась за дѣло. Старая войсковая организація скоро должна была сдѣлаться лишь ненужнымъ придаткомъ къ по-

вой власти, въ лучшемъ случаѣ—ея исполнительнымъ органомъ. Вельяминовъ олицетворялъ собою смертный приговоръ всему старому строю. Понятно, что генеральная старшина не могла остаться индифферентной. Бороться съ надеждой на успѣхъ она не могла; но не могла она также хоть чѣмъ-нибудь не проявить, что существуетъ. Все время, впрочемъ очень непродолжительное, отъ смерти Скоропадскаго и назначенія наказнымъ гетманомъ Полуботка до отъѣзда Полуботка въ Петербургъ (іюль 1722 г.—августъ 1723 г.) наполнено этой quasi-борьбой Полуботка съ Вельяминовымъ, генеральной старшины съ Малороссійской Коллегіей.

Разумѣется, ничего драматическаго въ этой борьбѣ не было; никакихъ коллизій, ни трагическихъ моментовъ или эффектныхъ положеній. Финалъ всей этой борьбы—вызовъ Полуботка въ Петербургъ со всѣми послѣдствіями, конечно, не лишенъ драматизма, но старые малорусскіе лѣтописцы и историки такъ испортили все, что было въ этомъ эпизодѣ истинно драматическаго, сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивымъ освѣщеніемъ, такъ поспѣшили задрапировать Полуботка въ тогу римскаго гражданина, что пока лучше оставить все это въ покоѣ. Борьба на самомъ дѣлѣ велась самымъ скучнымъ и прозаическимъ способомъ—канцелярской перепиской. Указы, доношенія, промеморіи шли изъ Малороссійской Коллегіи въ Генеральную Войсковую Канцелярію и обратно; шли въ полки, сотни и обратно; наконецъ—и что самое главное—бумаги изъ Малороссійской Коллегіи шли въ Петербургъ и тоже шли обратно.

Рѣшающее вліяніе во всей этой перепискѣ имѣли представленія отъ Малороссійской Коллегіи въ Петербургъ. Условія жизни сложились однако же такъ, что, какъ ни ясенъ былъ смыслъ всей этой канцелярской борьбы, какъ ни отчетливо читался онъ между строкъ, все-таки на поверхности стояли вопросы о сборахъ, о привлеченіи козаковъ въ посполитство и о пр. Всѣ эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для характеристики борьбы, если она только можетъ нуждаться въ характеристикѣ, но они имѣютъ значеніе для уясненія положенія дѣлъ въ краѣ, и съ этой точки зрѣнія очень не мѣшаетъ съ ними познакомиться.

Мы совершенно случайно натолкнулись среди листовъ дѣла, взятаго въ харьковскомъ архивѣ [1]), на одинъ интересный документъ. Документъ этотъ—двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ Вельяминовъ формулировалъ свои столкновенія съ генеральной старшиной.

[1]) Малороссійскій Архивъ при харьковскомъ университетѣ. Дѣло подъ № 995.

Повидимому, съ этими пунктами ѣздилъ Вельяминовъ въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, на нихъ отмѣчено: «поданы Его Императорскому Величеству» и т. д.; извѣстно, что за этой поѣздкой послѣдовалъ и вызовъ Полуботка. Этотъ документъ важный и интересный по содержанію, не былъ обнародованъ; поэтому мы и прилагаемъ его цѣликомъ. Здѣсь же разберемъ его постольку, поскольку онъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе Малороссіи.

Вельяминовскіе пункты обнимаютъ собою два главныхъ предмета, на которыхъ происходили по преимуществу столкновенія Малороссійской Коллегіи съ генеральной старшиной: это сборы и отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ, т. е. козацкой старшины къ козачеству и посполитству. Сборы, ихъ организація и все, до нихъ относящееся, естественно, было главнѣйшимъ предметомъ русскаго правительства, и понятно, почему половина пунктовъ относится именно сюда. Но въ данный моментъ другой вопросъ—объ отношеніяхъ козацкой старшины къ низшимъ классамъ выдвинулся по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ на первый планъ. Въ этомъ вопросѣ были такія нити, посредствомъ которыхъ русское правительство легко могло держать въ рукахъ всѣ общественные элементы края. Выше уже показано отчасти, въ чемъ тутъ было дѣло. Но здѣсь мы еще дадимъ нѣкоторыя объясненія.

Между владѣльцами и посполитствомъ происходила борьба, и это была уже не канцелярская борьба на бумагѣ, а борьба настоящая, съ энергичнымъ наступленіемъ и такимъ же сопротивленіемъ, если безъ смертоубійствъ, то, во всякомъ случаѣ, не безъ розогъ, канчуковъ, плетей. Владѣльцы дѣлали все, что могли, чтобъ обратить подданныхъ въ свою живую собственность; крестьяне дѣлали все, что могли, чтобъ отстоять свою недавнюю свободу, свой свободный трудъ, свою собственную землю; однако, они должны были отступать шагъ за шагомъ, такъ какъ противъ нихъ была вся организація мѣстнаго войскового управленія, спаянная круговой порукой насущнаго личнаго интереса. Закрѣпощеніе шло неизмѣнно и быстро впередъ, хотя и неровными шагами. Къ описываемому нами времени оно еще не успѣло уйти очень далеко: сколько можно судить по драгоцѣннымъ документамъ, приводимымъ г. Лазаревскимъ [1]), для описываемаго нами момента можно было принять за обычную норму повинностей посполитыхъ два дня въ недѣлю работизны и осенщину. Но нормы въ этихъ случаяхъ всегда оказываются растяжи-

[1]) Записки черниговскаго губ. стат. Комитета, 1866 г., книга первая, ст. „Малороссійскіе посполитые крестьяне“.

мыми, даже когда онѣ закрѣплены закономъ; здѣсь же не было никакого общаго правового закрѣпленія. Поэтому эластичность ихъ оказывалась чрезвычайной. Кромѣ того являлись возможными уже и исключенія въ такомъ родѣ, что владѣлецъ, напримѣръ, «могъ зъ кождого двора по человѣку съ конемъ высылать уставичне безъ перемѣны кождого дня на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ [1])»... А надо замѣтить, что исключенія этого рода имѣютъ постоянную коварную тенденцію какъ разъ обращаться въ правило, а затѣмъ и въ законъ. Къ этому же моменту относятся и жалобы крестьянъ, приводимыя тамъ же [2]) на пана Ѳедора Гречанаго, одного изъ трехъ малорусскихъ членовъ Малороссійской Коллегіи (назначенныхъ вслѣдъ за смертью Полуботка). Все это дѣло представляетъ картину крайне утѣсненнаго положенія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего могли ждать истцы, подавая просьбы такимъ лицамъ, къ корымъ отвѣтчикъ обращался «полецая себя» ихъ «непремѣнному братерскому назавше аффектови» [3]).

Смерть Скоропадскаго и нововведенія, которыми она сопровождалась, оживили надежды крестьянъ на улучшеніе ихъ участи. Вотъ чрезвычайно характерныя слова изъ одной владѣльческой жалобы, которыми обрисовывается положеніе: «Подданные наши, уже лѣтъ отъ сорока намъ въ послушенствѣ обрѣтающіеся, по мѣрѣ своей служили; а теперь, или съ чьихъ наговоровъ, или сами собой, въ развращеніе пришли и не хотятъ належитого своего отдавати послушенства; сами между собою бунтъ вчинаютъ до заводовъ, который сильнѣйшій, то убогого бьетъ, и нѣтъ средствъ какъ ихъ унять бо отказуютъ: не можетъ зъ насъ нихто теперь учинити справедливости, а державцѣ своего не боимося! И осторожно мы теперь съ ними обходимся, боясь, чтобъ отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьѣ не пострадать» [4]). Интересно, что подразумѣвалъ жалобщикъ подъ «чіими наговорами?» Не былъ ли это намекъ на дѣйствія великорусскаго правительства? Недаромъ же Полуботокъ и Чарнышъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, которое производилось надъ ними въ Петербургѣ, говорили, что Вельяминовъ разсылалъ офицеровъ внушать поспольству, чтобъ оно не боялось ни

---

1) Тамъ же, стр. 39.
2) Ib., стр. 55 и слѣд.
3) Ib., стр. 57.
4) Ib., стр. 67—68.

*

своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ [1]). Костомаровъ упоминаетъ также и объ универсалѣ, которымъ Коллегія, при самомъ своемъ учрежденіи, оповѣстила по всей Малороссіи, чтобы всѣ, «которые имѣютъ какое нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства, подавали жалобы въ Коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлью, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малорусскихъ властей [2]).

Какъ бы то ни было, поспольство волновалось. Въ іюлѣ Полуботокъ сдѣлался наказнымъ гетманомъ, а уже въ августѣ онъ разсылалъ въ полки универсалы, въ которыхъ были угрозы ослушному поспольству [3]). Но безпорядки продолжались. Въ декабрѣ Полуботокъ и генеральная старшина уже снова «требовали», какъ пишетъ Вельяминовъ въ 10-мъ изъ нижеприлагаемыхъ пунктовъ, «совѣту, чтобъ послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось, будто поспольство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащаго отдавать послушанія, и ежели гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность, такихъ брали въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали». Вельяминовъ объявилъ старшинѣ, «дабы они того не чинили, понеже, усмотря то, прочая старшина станутъ поспольству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины», а совѣтовалъ, «дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять». Полуботокъ и генеральная старшина не приняли этого совѣта и разослали свои универсалы. Изъ-за этого то и загорѣлся сыръ-боръ. Конечно, онъ не загорѣлся бы, еслибъ всѣми прочими условіями не былъ доведенъ до того, что достаточно было къ нему поднести малѣйшую искру, чтобъ онъ ярко вспыхнулъ. Тѣмъ не менѣе, любопытно все-таки, что именно эти универсалы были краеугольнымъ камнемъ обвиненія (на слѣдствіи въ Петербургѣ) противъ Полуботка и его товарищей [4]). Замѣтимъ притомъ, что въ указѣ, который представлялъ собою отвѣтъ на пункты Вельяминова, не упоминается объ этомъ, повидимому, такъ обострившемся и такъ интересовавшемъ правительство крестьянскомъ вопросѣ ни одного

---

1) Костомаровъ, стр. 234.
2) Ib. 231.
3) Лизар., стр. 68.
4) Костомар., стр. 233.

слова. Очевидно, что интересъ правительства къ этому вопросу былъ интересомъ не по существу дѣла, а лишь по временнымъ политическимъ соображеніямъ. Да и могло ли оно быть иначе? Вѣдь въ то же самое время въ Великой Россіи происходила первая ревизія, которая была существеннымъ шагомъ къ окончательному закрѣпощенію народа, какъ это отчетливо показываетъ Бѣляевъ [1]).

Въ самой тѣсной связи съ этимъ краеугольнымъ пунктомъ обвиненія противъ старшины стоитъ пунктъ 8-й. Здѣсь затрагивается вопросъ, который и потомъ долго возбуждалъ вниманіе правительства, вызвалъ нѣсколько спеціальныхъ указовъ, загромоздилъ архивы Малороссійской Коллегіи и Генеральной Канцеляріи массою дѣлъ: это переходъ козаковъ въ посполитые (дѣла «о посполитыхъ, ищущихъ козачества»). Вельяминовъ, на основаніи нѣкоторыхъ жалобъ, поданныхъ въ Малороссійскую Коллегію, обвинялъ старшину въ томъ, что она выключаетъ козаковъ изъ козацкой службы и беретъ ихъ насильно себѣ въ подданство; на генеральную же старшину и Полуботка набрасывалась тѣнь сознательнаго потворства и укрывательства всѣхъ такихъ злоупотребленій. Фактъ злоупотребленій былъ, по свидѣтельству Вельяминова, подтвержденъ розысками оберъ-офицеровъ, которые съ этой цѣлью высланы были Коллегіей. Но, повидимому, Вельяминовъ въ этомъ своемъ обвиненіи положилъ слишкомъ густыя краски на поведеніе старшины, и самъ это чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по недостаточно рѣшительному тону этого пункта. «А по розыскамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволи», пишетъ Вельяминовъ, отступая отъ своей обычной категоричности. Само петербургское слѣдствіе, сколько можно судить о немъ по статьѣ Костомарова, громоздившее всевозможныя вины на Полуботка и старшину, не подняло вопроса объ этомъ предметѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, оправдывалось ли подобное обвиненіе положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ такой рѣзкой и категорической его формѣ? Великороссу, человѣку незнакомому съ условіями мѣстной жизни, который натолкнулся бы на два-три факта обращенія козака въ посполитые при давленіи пана, напр. путемъ задолжанія, могло бы bona fide показаться, что онъ имѣетъ дѣло съ страш-

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 251 и слѣд.

нымъ злоупотребленіемъ. Но чтобы вѣрно судить объ этихъ фактахъ, надо не упускать изъ виду слѣдующаго соображенія. Конечно, съ великорусской, или вообще съ государственной точки зрѣнія между козакомъ и посполитымъ была огромная разница—это были два общественныхъ элемента съ совершенно различными функціями и значеніемъ; но дѣло въ томъ, что жизнь еще не успѣла отлить эти элементы въ прочныя, соотвѣтствующія ихъ функціямъ формы. Да и когда же было успѣть? Вѣдь все это начало осѣдать и кристаллизоваться изъ хаотическаго состоянія всего какихъ-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ тому назадъ. Двѣ эти общественныя группы, посполъство и козачество, обозначились тотчасъ же, – но обозначились какъ? «Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе осталися въ мужикахъ», вотъ какъ говорится объ этомъ въ одной тогдашней рукописи [1]). Кто имѣлъ возможность, по имущественному и семейному положенію, по наклонностямъ и энергіи, записываться въ козаки, записывался; кто не могъ, оставался въ мужикахъ. Этой первоначальной свободѣ не такъ то было легко положить конецъ, хоть она и шла совершенно въ разрѣзъ со всѣми цѣлями государственнаго благоустройства. Удержать не только личность, но даже землю при опредѣленной общественной функціи, оказывалось дѣломъ очень труднымъ: только съ 1739 г. вошелъ въ силу законъ о неотчуждаемости козачьей земли лицамъ некозачьяго сословія. До тѣхъ же поръ «за прежній давній обычай и по волностямъ грунта по куплѣ и иными образы отъ козаковъ въ посполитые, а отъ посполитыхъ въ козачіи руки отходили безпрепятственно, и не прежде землѣ утвержденія, гдѣ посполитая, а гдѣ козачая неположено» [2]). Понятно, что посполитый, еще лично свободный, покупая, получая въ приданое, въ даръ или по наслѣдству козачью землю, дѣлался или могъ дѣлаться козакомъ; понятно, что и козакъ, получая такимъ же образомъ землю посполитаго, дѣлался или могъ дѣлаться посполитымъ. Все это было дѣломъ доброй воли и желанія владѣльца земли, хотя, при извѣстномъ стеченіи условій, могло имъ и не быть: при благопріятномъ оборотѣ, можно было, пожалуй, освободить себя и отъ всѣхъ обязательствъ, при неблагопріятномъ—можно было быть вынужденнымъ принять тѣ или другія во что бы то ни стало, вынужденнымъ даже при помощи «вязення» или «кіевъ». Все это понятно для общества, еще не отлившагося въ прочныя формы. Если же при-

---

[1]) Лазар., 6.
[2]) Малор. Архивъ. Дѣло подъ № 2066.

нять все это въ соображеніе, то едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ о систематическихъ злоупотребленіяхъ со стороны старшины, о насильственномъ обращеніи ею козаковъ въ подданство. Конечно, злоупотребленія могли случаться и, по всей вѣроятности, случались, но въ нихъ не было никакой общей и настоятельной надобности; старшина могла дѣлать то же самое самымъ легальнѣйшимъ образомъ, тѣмъ же путемъ экономическаго давленія богатаго на бѣднаго, какой практикуется испоконъ вѣковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Козакъ могъ и продать свою землю пану, и заложить ее, и такимъ образомъ дать ему права надъ собой; могъ и просто, тяготясь козачьей службой, придти къ мысли о томъ, чтобъ укрыться отъ всего за широкой спиной властнаго и добраго пана. Однимъ словомъ, въ пунктѣ 8-мъ Вельяминовъ, обобщая свое обвиненіе, или задался сознательно намѣреніемъ очернить старшину во что бы то ни стало, или былъ самъ введенъ въ заблужденіе по незнанію мѣстныхъ условій.

Но все-таки большая часть пунктовъ была посвящена сборамъ и вопросамъ, къ нимъ относящимся. Государство, да къ тому же еще Петровское государство съ его страшными потребностями и донельзя стѣсненными средствами, не могло упускать изъ виду интересовъ фиска. До сихъ поръ Малороссія, можно сказать, не давала никакихъ прямыхъ доходовъ въ государственную казну (не считая консистентскихъ дачъ). Необходимо было измѣнить дѣло: съ одной стороны, надо было увеличить доходы, съ другой, организовать сборъ ихъ такъ, чтобъ они попадали въ государственную казну. Для всего этого уже приняты были нѣкоторыя предварительныя мѣры. Скоропадскій самъ подалъ поводъ къ вмѣшательству. При немъ, какъ извѣстно, войсковымъ скарбомъ завѣдывалъ его частный управляющій Иванъ Даровскій; понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи о строгомъ порядкѣ или отчетности. Его смертью русское правительство воспользовалось, чтобъ, такъ сказать, упорядочить сборы. Сбирать доходы продолжали еще «ихъ же малороссійскіе люди», урядники, войты, бурмистры, райцы, лавники и опредѣленные генеральной старшиной сборщики изъ «людей добрыхъ и пожиточныхъ», которые могли бы гарантировать сборы своимъ имуществомъ. Но сбирались сборы уже подъ строгимъ контролемъ Малороссійской Коллегіи и доставлялись ей. Любопытно, что Малороссійская Коллегія не брезгала даже такими сборами, какъ яица, гуси, капуста и т. д.: все это шло на гетманскую кухню (пунктъ 6). Въ этомъ направленіи оставался еще одинъ послѣдній шагъ—на-

значеніе фискальныхъ агентовъ самимъ правительствомъ: на необходимость этого шага и намекаетъ Вельяминовъ въ 9 пунктѣ. Не менѣе важно было увеличеніе сборовъ. До сихъ поръ дѣло сборовъ находилось въ такомъ положеніи. Сборы дѣлались на слѣдующія главнѣйшія надобности: на войско, бывшее при гетманѣ, на церкви и монастыри, на гетмана, на ратуши, на полковниковъ, сотниковъ, войтовъ и прочую старшину. Войско содержалось на доходы съ арендъ, хотя при Скоропадскомъ дѣлались также и сборы съ полковъ на сердюковъ и компанейцевъ. На содержаніе гетмана и старшины шли: индукта съ товаровъ, стація съ нѣкоторыхъ посполитыхъ людей, покуховное, показанщина, хлѣбъ отъ мельницъ съ войсковыхъ частей, поколющина и покабанщина, тютюнная десятина, десятина медовая и нѣк. др. Это были доходы войскового скарбу; а гетманскій дворъ имѣлъ еще и свои спеціальные доходы. Ратуши сами дѣлали свои сборы и распоряжались ими.

Отъ сборовъ въ войсковой скарбъ была свободна старшина и все знатное войсковое товарищество. Изъ пунктовъ Вельяминова видно, въ какомъ направленіи дѣлались первые шаги къ увеличенію доходовъ. Это было, прежде всего, уничтоженіе всѣхъ платежныхъ льготъ—мѣра, вызвавшая было даже противодѣйствіе со стороны сената; затѣмъ расширеніе покуховнаго, очень важнаго сбора въ виду распространенности винокуренія; далѣе, привлеченіе ратушныхъ доходовъ въ общій фискальный оборотъ (пункты 2, 4, 5). Нечего и распространяться о томъ, какъ задѣвало все это матеріальные интересы старшины. Но ей ничего не оставалось, кромѣ пассивнаго сопротивленія недоставленіемъ вѣдомостей, справокъ (пунктъ 11), безъ чего Коллегія, впрочемъ, умѣла обходиться. Недостатку свѣдѣній должна была помочь и ревизія, которая имѣла мѣсто въ томъ же 1723 г.

И такъ, нашъ обзоръ Вельяминовскихъ пунктовъ почти законченъ. Остаются не разсмотрѣнными только два пункта. О пунктѣ 7-мъ, касающемся содержащихся подъ карауломъ «поповъ и прочихъ чиновъ тамошнихъ малороссійскихъ обывателей, въ непристойныхъ словахъ касающихся чести Его Императорскаго Величества», сказать нечего: мы ничего не знаемъ объ этомъ дѣлѣ. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго 12-го пункта—о комендантахъ. Коменданты, какъ начальники мѣстныхъ гарнизоновъ, повидимому, были старымъ учрежденіемъ; но съ появленіемъ Малороссійской Коллегіи нѣкоторымъ изъ нихъ (въ г.г. Стародубѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ) поручена была новая важная

обязанность. Изъ нихъ образовано было что то въ родѣ военно-административной цензуры, обязанной слѣдить за сношеніями генеральной старшины съ полковыми управленіями. Установленъ былъ такой порядокъ дѣлопроизводства по важнымъ дѣламъ (важными дѣлами считались, на первомъ планѣ, наряды войска, денежные и хлѣбные сборы, публикованіе смертныхъ экзекуцій и наклады на посполъство, а затѣмъ и другіе). Всякій указъ или универсалъ съ такимъ содержаніемъ, посылаемый генеральной старшиной въ полки, долженъ былъ быть представляемымъ въ копіи въ Малороссійскую Коллегію. Коллегія пересылала эти копіи комендантамъ. Обязанность комендантовъ заключалась въ слѣдующемъ. Получая копіи съ универсаловъ изъ Малороссійской Коллегіи, коменданты должны были свѣрять ихъ съ подлинными документами, получаемыми мѣстной полковой старшиной. Если бы универсалы оказались несходны съ копіями, или еслибъ обнаружились универсалы безъ соотвѣтствующихъ копій, то коменданты обязаны были не допускать такіе универсалы къ исполненію. Сомнительные же подлинники коменданты должны были отбирать и держать при себѣ, посылая съ нихъ копіи въ Малороссійскую Коллегію и ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Коллегіи [1]).

Прилагаемъ въ подлинникѣ пункты Вельяминова и промеморію, заключающую въ себѣ распоряженія Петра по этимъ пунктамъ.

Пункты, поданные Его Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургѣ марта 31-го дня 1723 года.

1.

Въ Малой Россіи сборы, какъ было начаты собирать въ казну Вашего Величества съ сочиненія Коллегіи до полученія указу изъ Правительствующаго Сената, нынѣ оные попрежнему-ль собирать все въ казну Вашего Величества, а ежели собирать—все то такимъ образомъ, какъ сборщики показали, или сбирать во всѣхъ полкахъ и сотняхъ равнымъ образомъ, понеже помянутые сборщики показали, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ, сборы неравные.

2.

Покуховное, показанщина, пчельная, табачная десятины, съ мельницъ войсковая часть, такожь и прочіе сборы, какъ видно по сбор-

---

[1]) Малор. Арх. Дѣло подъ № 995.

щиковымъ вѣдомостямъ, прежде сего сбирали въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ, сотниковъ и прочую старшину съ козаковъ убогихъ и съ посполитыхъ людей, а старшина и знатные козаки и полковые товарищи, и монастырскіе и церковные владѣльцы, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, противъ помянутыхъ козаковъ и посполитыхъ надлежащихъ сборовъ не платили, а нынѣ оные со всѣхъ ли равнымъ образомъ сбирать.

3.

Оброчныя статьи, которыя прежде сего въ Малой Россіи были на откупѣ, нынѣ охочимъ людямъ, ежели кто пожелаетъ взять на откупъ съ торгу и съ наддачи, отдавать ли, понеже изъ малороссійскихъ обывателей и прежде сего въ Малороссійской Коллегіи объ отдачѣ имъ тѣхъ статей на откупъ требовали указу.

4.

Во всей Малой Россіи покуховное берется токмо съ шинкарей съ вышинкованныхъ куфъ, а малороссійскіе тамошніе обыватели многіе продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ куфъ по сту и по двѣсти и больше, а покуховнаго, какъ берется съ вышинкованной куфы, не платятъ, а платятъ токмо скатного по 6 алтынъ по 4 деньги и по 8 алтынъ по 2 деньги; а нынѣ съ такихъ продавцовъ или купцовъ противъ вышинкованной куфы покуховное равнымъ образомъ брать ли.

5.

Въ Кіевѣ до ратуши имѣютъ быть разнаго званія сборы, на которые той ратуши войтъ съ магистратомъ объявили въ Малороссійской Коллегіи Вашего Императорскаго Величества жалованныя грамоты, чтобъ того сбору для всякихъ ихъ отправленій быть при той ихъ ратушѣ; а нынѣ тѣ ихъ ратушскіе сборы противъ другихъ малороссійскихъ ратушъ въ казну Вашего Величества собирать ли.

6.

Съ гетманскихъ маетностей сбираны гетману на булаву и на кухню сборы, кромѣ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, шубы, сапоги, козлины, чулки, рукавицы, полотна, сани, телѣги, всякая пряжа, яйца, яловицы, бараны, гуси, утки, капуста и прочіе сборы тому же подобные, которые прежде сего употреблялись въ домъ гетманской

на его домовые расходы,—а нынѣ оное по смерти гетманской съ тѣхъ маетностей собирать ли, и ежели собирать, на какіе расходы употреблять, понеже скотину и птицъ ежели держать, то на кормъ онымъ птицамъ въ расходъ хлѣба употребляться будетъ немалое число, а ежели впредь онаго не собирать, то нынѣшнее собранное куда употребить.

7.

По поданнымъ въ Малороссійскую Коллегію доношеніямъ отъ малороссійскихъ обывателей, содержутся во оной Коллегіи подъ карауломъ изъ поповъ и изъ прочихъ чиновъ тамошніе малороссійскіе обыватели въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ Вашей Императорскаго Величества чести, по которымъ доношеніямъ во оной Коллегіи кѣмъ надлежитъ розыскивано, а по розыску оные за ними и явилось, и съ такими что чинить.

8.

Изъ малороссійскихъ посполитыхъ людей бьютъ челомъ въ Коллегіи на генеральную и прочую старшину и на другихъ владѣльцовъ, что дѣды и отцы ихъ, а изъ нѣкоторыхъ и они, челобитчики, многіе годы служили козацкую службу и были въ разныхъ походахъ, а старшина изъ той козацкой службы написали ихъ, а другихъ и по неволи взяли къ себѣ въ подданство. По которымъ ихъ прошеніямъ писано изъ Коллегіи къ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ Коллегію прислали извѣстіе, оные челобитчики, дѣды и отцы ихъ съ козаками по реестру написаны ль; на что они отвѣтствіемъ объявили: давнихъ де козацкихъ реестровъ у нихъ не сыскано, а которые есть реестры, и по тѣмъ имянъ ихъ, челобитчиковыхъ, нѣтъ. Чего ради въ тѣ села, гдѣ оные челобитчики жительство имѣютъ, для розъиску тамошними и сторонними старинными козаками и мужиками посыланы изъ Коллегіи оберъ-офицеры, а по розъискамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина-де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволѣ, и нынѣ оные челобитчики въ Коллегіи просятъ, дабы имъ по прежнему изъ подданства быть къ козацкой службѣ. И по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по розъискамъ оныхъ челобитчиковъ, также и впредь ежели будутъ такіе же по-

давать о томъ прошенія, изъ подданства по прежнему въ козацкую службу опредѣлять ли.

9.

По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго и на оное въ рѣшительныхъ въ 7-мъ пунктѣ показано въ городѣхъ быть урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе денежные и хлѣбные сбирать на Ваше Императорское Величество и отдавать въ казну тѣмъ людямъ, которые отъ Вашего Величества присланы будутъ, да тѣмъ же присланнымъ людямъ надъ тѣми сборщики смотрѣть, чтобъ дѣлали правду. А нынѣ по указу Вашего Величества изъ Малороссійской Коллегіи для сбора денегъ и хлѣба и прочего сборщики изъ ихъ же людей опредѣлены во всѣ малороссійскіе полки, а для усмотрѣнія надъ тѣми сборщики, чтобъ въ томъ сборѣ дѣлали правду, надлежитъ опредѣлить изъ какихъ чиновъ Ваше Величество изволите десять человѣкъ людей добрыхъ, чтобъ въ каждомъ полку было по одному человѣку, а безъ такихъ нарочно къ тому дѣлу опредѣленныхъ за тѣми сборщики Коллегіи усмотрѣть неможно, понеже многіе малороссійскіе городы отъ Глухова имѣютъ быть въ дальнемъ разстояніи.

10.

По указу Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената велѣно мнѣ съ черниговскимъ полковникомъ Полуботкомъ и генеральною старшиною во всѣхъ ихъ дѣлахъ присутствовать и смотрѣть, дабы ничего противнаго Вашего Величества интересу чинено не было, и буде что усмотрю, того имъ не позволять. А прошедшаго 722 года декабря 15-го дня оной полковникъ и генеральная старшина требовали отъ меня совѣту, чтобы послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось будто посполитство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащего отдавать послушанія, и ежели бъ гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность таких брали въ тюрмы и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали. Что я усмотря объявлялъ имъ, полковнику и генеральной старшинѣ, дабы они того не чинили, понеже усмотря то прочая старшина станутъ посполитству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины, а объявлялъ имъ, дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, и о такихъ бы прежде освидѣтельствовали, а по свидѣ-

тельству учинили таковымъ штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять; токмо онъ полковникъ и генеральная старшина, не принявъ того моего совѣту, оные универсалы въ Малую Россію послали. И ежели впредь оная старшина будутъ чинить такіе отправленія безъ моего совѣту, и въ томъ какимъ образомъ съ ними поступать.

11.

Въ Малороссійской Коллегіи надлежитъ для всякихъ отправленій имѣть обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, также къ расположенію квартиръ на драгунскіе полки о дворовомъ числѣ да имянные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малой Россіи, и о прочемъ, которые многократно требованы отъ полковника Полуботка и генеральной старшины, токмо они такихъ вѣдомостей въ Коллегію не дали, а нынѣ ежели прилучится изъ Малороссійской Коллегіи взять изъ котораго полку ко исправленію Вашего Величества дѣлъ какія вѣдомости или о чемъ справиться, и для того въ тѣ полки къ полковникамъ или къ кому надлежитъ указы изъ Малороссійской Коллегіи мимо генеральной старшины посылать ли.

12.

Указомъ Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената въ Малороссійскую Коллегію объявлено о бытіи въ малороссійскихъ полкахъ опредѣленнымъ изъ Сенату комендантомъ, а именно въ Стародубѣ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, Полтавѣ, которые въ тѣ полки и прибыли. А велѣно тѣмъ комендантамъ, будучи во оныхъ городѣхъ, присланные отъ полковника Полуботка и генеральной старшины къ тамошнимъ малороссійскимъ полковникомъ указы и универсалы съ присланными жь къ тѣмъ комендантамъ изъ Коллегіи съ такихъ же указовъ и универсаловъ копіями свидѣтельствовать, а по свидѣтельству ежели будутъ несходны то оныхъ до дѣйства не допущать. О чемъ я письменно предлагалъ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ тѣ полки къ полковникомъ послали отъ себя указы, чтобъ тѣ полковники онымъ комендантомъ присланные къ нимъ отъ нихъ, генеральной старшины, указы и универсалы объявляли. Токмо того онъ, полковникъ, не учинилъ, а объявилъ въ Коллегію промеморіею, что о объявленіи-де тѣмъ комендантомъ оныхъ универсаловъ указу Вашего Величества они у себя о томъ собственнаго не имѣютъ. Того ради дабы

указомъ Вашего Величества повелѣно было оному полковнику и генеральной старшинѣ объявить, дабы они впредь по предложенію отъ Малороссійской Коллегіи во отправленіи Вашего Величества дѣлъ имѣли отправленіе безо всякія отговорки, дабы затѣмъ во исправленіи положенныхъ на оную Коллегію дѣлъ не имѣло быть остановки.

Промеморія отъ 3-го іюня 1723 года.

Изъ Коллегіи Малороссійской въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

По именному его Императорскаго Величества указу, который во оной Коллегіи сего іюня 3 дня чрезъ г-на Бригадира Вельяминова полученъ за подписаніемъ Его Величества собственной руки, велѣно учинить слѣдующее: 1. Въ Малороссіи всякіе доходы, денежные и хлѣбные, о которыхъ показали сборщики, сбирать въ казну урядникамъ и войтамъ малороссійскаго народа такъ, какъ сбирано, и принимать у нихъ въ Малороссійскую Коллегію и изъ тѣхъ сборныхъ денегъ жалованье давать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. 2. Съ малороссійскихъ старшинъ и знатныхъ козаковъ и войсковыхъ товарищей и съ монастырскихъ и съ церковныхъ владѣльцевъ, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, съ такихъ со всѣхъ надлежащіе сборы брать равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого. 3. Съ малороссійскихъ же обывателей, которые продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ малымъ и великимъ числомъ куфъ, съ тѣхъ съ такого продажнаго вина въ отвозъ брать равно какъ и съ вышинкованныхъ куфъ. 4. Которые посполитые люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ быть въ козацкой службѣ попрежнему для того, что дѣды и отцы ихъ, а нѣкоторые и сами челобитчики прежде сего служили въ козакахъ многіе годы и были въ походахъ, а старшина и другіе владѣльцы написали ихъ, а иныхъ и по неволѣ къ себѣ взяли въ подданство,—того ради для подлинной о таковыхъ справкѣ изъ войсковой канцеляріи взять съ прежнихъ давнихъ и съ нынѣшнихъ козацкихъ реестровъ списки. А чтобъ оные присланы были конечно немедленно, о томъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Его Императорскаго Величества указъ посланъ изъ Малороссійской Коллегіи. Съ тѣми реестрами справливаться и изъ которыхъ дѣды

ı отцы и сами челобитчики въ козацкой службѣ прежде были написаны, тѣхъ по ихъ челобитью писать въ козаки по прежнему. А буде прежнихъ давнихъ реестровъ не сыщется, о такихъ свидѣтельствовать малороссійскими жителями, и ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козацкой службѣ были, тѣхъ по тому жъ писать въ козаки. 5. У полковника Полуботка и генеральной старшины взять обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, также къ расположенію квартиръ на полки о дворовомъ числѣ, именные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малороссіи, и о прочемъ; во умедленіи же оной или когда надобно будетъ въ Коллегію изъ котораго полку ко исправленію по указу дѣлъ такія вѣдомости или о чемъ справки, то посылать и мимо генеральной старшины. 6. Полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ посылаемые къ полковникамъ всѣ указы и универсалы, которые когда имѣютъ быть посланы о какомъ генеральномъ положеніи и публикованіи какихъ указовъ, о нарядахъ войска, о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ, о публикованіи смертныхъ экзекуцій и публичныхъ наказаній, о накладахъ на посполиство и о другихъ важныхъ дѣлахъ подписывать обще, а безъ коллежской подписи никуда никакихъ указовъ не посылать и по нимъ въ городѣхъ не дѣйствовать. А о прочихъ, которые не касаются до какого генеральнаго опредѣленія, но токмо въ ихъ партикулярныхъ дѣлахъ, оное имъ не воспрещается и безъ коллежской подписи. Того ради Войсковая Генеральная Канцелярія да благоволитъ о томъ вѣдать и о присылкѣ во оную Коллегію означенныхъ вѣдомостей и о прочемъ исполненіе учинить, какъ означенный Его Императорскаго Величества имянной указъ повелѣваетъ, и что учинено будетъ въ Коллегію Малороссійскую объявить промеморіею.

ТУРБАЕВСКАЯ КАТАСТРОФА[1].

I.

Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хорола въ Пселъ (теперешній Хорольскій уѣздъ, Полтавской губ.) было большое село Турбаи. Теперь вы не отыщете такого названія ни на какой картѣ, какъ не найдете и самаго села. Налетѣвшій общественный шквалъ снесъ его съ лица земли. Весь этотъ любопытный эпизодъ составляетъ содержаніе огромнаго дѣла, на тысячѣ слишкомъ листовъ, «О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убивство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану и сестрѣ ихъ дѣвицѣ Марьи Базилевскимъ», хранящемся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ. Но, конечно, самое любопытное въ этомъ дѣлѣ не убійство со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, бунтомъ, полнымъ разграбленіемъ помѣщичьяго имущества и т. п., а то, что турбаевскіе жители почти четыре года существовали, не признавая властей, пока не выселили ихъ, при содѣйствіи военной силы, «въ степныя мѣста». Сохранились ли у потомковъ турбаевцевъ воспоминанія о ихъ старой малорусской родинѣ, о хуторахъ, тонувшихъ въ зелени садковъ, о свѣтломъ Пслѣ съ его живописными берегами?

Смыслъ случившагося лежитъ, какъ это всегда бываетъ, позади разыгравшихся событій. Въ теченіе всего предшествующаго столѣтія въ малорусскомъ обществѣ происходило усиленное броженіе общественныхъ элементовъ. Броженіе это обусловливалось разложеніемъ первоначальнаго демократическаго равенства, водворившагося было на одинъ моментъ послѣ Хмельницкаго. Разложеніе вырази-

---

[1]) Кіевская Старина. 1891, № 3—4.

лось, прежде всего, выдѣленіемъ привилегированнаго класса. Козацкая старшина, сначала исключительно выборная, затѣмъ назначаемая, съ страстной энергіей устремилась на то, чтобъ упрочить за собой положеніе шляхетства, найти себѣ мѣсто въ рядахъ благороднаго россійскаго дворянства. Конечно, все это зависѣло въ концѣ концовъ отъ санкціи верховной власти, но можно было подготовить положеніе такъ, что санкція эта дѣлалась не только возможной, но и необходимой. Для этого надо было обезпечить за собой возможно больше земли и обязательнаго труда. Этой цѣли служили отчасти ранговыя маетности, т. е. населенныя земли, которыя давались козацкому уряду «на рангъ», вмѣсто жалованья, но этого, конечно, было мало, да къ тому же ранговыя маетности не имѣли характера собственности, хотя и обращались часто въ собственность. Помимо ранговыхъ маетностей, козацкая старшина начала пріобрѣтать землю всѣми правдами и неправдами: покупкой, свободной и насильственной, всякими видами захвата земли, какъ общественной (войсковой), такъ и принадлежавшей людямъ, которые по своему общественному положенію были слишкомъ слабы, чтобъ тягаться со старшиной, державшей въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Одновременно войсковая старшина, пользуясь своимъ положеніемъ, затягивала узы обязательнаго труда,—сначала крайне легкія,—которыя связывали ее съ населеніемъ, сидѣвшимъ на ея земляхъ. Во всемъ этомъ козацкая старшина проявляла удивительную энергію, которая производила результаты прямо чудесные. Въ какіе-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ, безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства, старшина проглотила всю войсковую землю, затѣмъ всю посполитскую землю и обратила такъ называемое свободное посполитство цѣликомъ въ такое состояніе, что знаменитый манифестъ Екатерины II, юридически прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, собственно не внесъ въ ихъ положеніе ничего новаго.

Но, кромѣ посполитыхъ, была и еще группа свободныхъ земледѣльцевъ, по общественному положенію своему вполнѣ зависимыхъ отъ старшины—козаки. Однако проглотить козаковъ значило бы для старшины проглотить въ концѣ концовъ и самое себя; къ тому же и Петербургъ усиленно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ козаки оставались козаками. А между тѣмъ, съ другой стороны, разыгравшимся аппетитамъ крайне трудно было удержаться отъ того, чтобъ не протянуть въ томъ или другомъ случаѣ руку къ козацкой собственности и личности, такъ соблазнительно предостав-

[illegible]

Въ исторіи Турбаевъ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отразилось то, что совершалось во всей Малороссіи.

Еще въ началѣ XVIII стол. «до прутской акціи», по выраженію документовъ, Турбаи были свободнымъ войсковымъ селомъ, въ которомъ на ряду съ свободными посполитыми жило и много козаковъ. Но село это имѣло несчастіе лежать на территоріи миргородскаго полка, полковникомъ котораго былъ Даніилъ Апостолъ. Апостолъ былъ хищникъ и пріобрѣтатель, къ тому же вліятельный полковникъ изъ породы тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ всегда выйти сухими изъ воды: въ теченіе 44 лѣтъ своего полковничества онъ успѣлъ таки пустить корни въ своемъ полку. Къ Турбаямъ онъ подобрался такъ. При селѣ, на рѣкѣ Хоролѣ, была загачена для переѣзда гребля; у гребли этой одинъ козакъ поставилъ мельницу. Апостолъ купилъ въ 1711 г. эту мельницу и плотину и такимъ образомъ запустилъ въ село руку. Во многихъ случаяхъ для сильнаго человѣка бывало достаточно такого ничтожнаго обстоятельства, чтобъ овладѣть совершенно территоріей и ея населеніемъ. Въ томъ же году турбаевскіе козаки двинулись въ прутскій походъ. Но Апостолъ, силой своей полковничьей власти, вернулъ ихъ съ дороги назадъ приказалъ гатить греблю. Съ той поры турбаевскіе козаки исчезаютъ изъ козацкихъ компутовъ, а нѣсколько позже Турбаи уже

мо появляются въ спискахъ маетностей полковника Апостола. ъ ни очевидно и грубо было насиліе, сдѣланное Апостоломъ ь турбаевскими козаками, но «о ихъ приверненіе во власть стола просить имъ было», по выраженію документа, «опасно»: бы не опасно, когда Апостолъ былъ и военный начальникъ, олномочный администраторъ, и судья въ своемъ полку. Конечно, менѣе опаснымъ стало это и тогда, когда миргородскій полковъ сдѣлался въ 1727 г. гетманомъ. Только смерть Апостола 1733 г. развязала руки турбаевцамъ. Правда, вдова гетмана насъ же послѣ смерти мужа выхлопотала царскую грамоту, утвервшую за нею и дѣтьми всѣ пріобрѣтенія Апостола, въ числѣ орыхъ упоминаются и Турбаи. Но тѣмъ не менѣе со смертью стола начинаются попытки турбаевцевъ возвратить себѣ отнясвободу. Имъ пришло на помощь такое обстоятельство. Новый городскій полковникъ Капнистъ былъ старинный недоброжелатель Апостоловъ. Поэтому онъ ничуть не затруднился, опять таки ю своей же полковничьей власти, снова внести въ 1738 г. баевцевъ въ козацкіе компуты. Отсюда и потянулась новая веща путаницы, которой были полны всѣ тогдашнія общенныя отношенія. Права Даніила Апостола на Турбаи шли къ его внуку Павлу, а отъ него къ дочери, Катеѣ Павловнѣ Битяговской. Это была слабая линія Апостолова. Павелъ Апостолъ умеръ молодымъ и оставилъ дочь всего ти недѣль. Когда она достигла полнаго возраста, ей, вѣроятно, о совсѣмъ не подъ силу «доходить» своихъ сомнительныхъ правъ, сивъ которыхъ были уже и давно истекшіе сроки земской давности. авалось одно средство, къ какому постоянно прибѣгали въ поыхъ случаяхъ,—передать свои шаткія права такому лицу, кое бы было въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сдѣлать кое твердымъ, сомнительное—несомнѣннымъ. Битяговская пере свои права на Турбаи, путемъ купчей, одному изъ Базилевскихъ.

Генеалогическое древо рода Базилевскихъ, какъ и огромнаго шинства южнорусскихъ дворянскихъ фамилій, не имѣло ни глуихъ корней, ни величественнаго вида. Базилевскіе происходили рядового козачества. За родоначальника ихъ надо признать илія Онисимовича, который въ началѣ прошлаго столѣтія имѣлъ енькій чинъ обозного миргородскаго полка, и былъ бѣденъ, безютенъ, и такъ мало значителенъ, что не имѣлъ даже за собой одной населенной маетности. Сынъ его былъ сотникомъ, и въ ихъ окруженія себя шляхетскимъ престижемъ, измѣнилъ свое на-

родное прозвище, слѣдовавшее ему по отцу, Василенка въ Базилевскаго. Два его сына, уже съ полонизированнымъ родовымъ прозвищемъ, были сотниками въ миргородскомъ полку, одинъ сотни остаповской (въ районъ которой входили Турбаи), другой—бѣлоцерковской, по сосѣдству. Они-то, повидимому, и положили основаніе тѣмъ большимъ богатствамъ, какими отличался родъ Базилевскихъ въ рядахъ войсковой старшины. Сотничій урядъ не былъ, конечно, важнымъ урядомъ въ тогдашней общественной іерархіи, но тѣмъ не менѣе онъ былъ урядомъ выгоднымъ. Для своей сотни сотникъ былъ тѣмъ же, что полковникъ для полка, и потому при беззастѣнчивости могъ многое выжимать изъ своей большой и сложной власти. Сотники нерѣдко наживали большія состоянія, конечно, главнымъ образомъ земельныя, скупая и иными способами пріобрѣтая земли и обязательный трудъ. Дѣти этихъ Базилевскихъ, хотя и были уже очень обезпеченные люди, продолжали тѣмъ не менѣе держаться малозамѣтныхъ, но выгодныхъ мѣстныхъ урядовъ, главн. образомъ сотничьяго. Съ наступленіемъ Екатерининскихъ реформъ, Базилевскіе устремились на государственную службу и, благодаря своимъ богатствамъ, легко выходили въ чины. Надо сказать, впрочемъ, что они, какъ и вообще малорусское панство, не пренебрегали образованіемъ: между прочимъ, и тѣ два Базилевскіе, которые сдѣлались жертвами катастрофы, учились въ геттингенскомъ университетѣ [1]).

Какъ энергично пріобрѣтали Базилевскіе землю, видно изъ того, что при одной турбаевской экономіи хранилось до пятидесяти купчихъ на однѣ только мѣстныя земли. Все это было скуплено еще до передачи Битяговской въ 1767 г. своихъ правъ Базилевскимъ. Скупали, главнымъ образомъ, отъ турбаевскихъ козаковъ (самое существованіе которыхъ Базилевскіе позже отвергали совершенно) сотникъ остаповскій Ѳедоръ Базилевскій, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и его вдова, родители пострадавшихъ братьевъ Базилевскихъ. Скупленныя земли заселялись переселенцами изъ другихъ мѣстностей, которые всѣ оказались послѣ Екатерининскаго манифеста крѣпостными Базилевскихъ. Но и кромѣ Турбаевъ у Базилевскихъ была масса земель. Къ моменту катастрофы, т. е. къ 1789 г., Базилевскимъ принадлежала въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, территорія, захватывавшая нѣсколько теперешнихъ волостей; да еще были земли и въ другихъ мѣстностяхъ, дававшія

---

1) Свѣдѣнія о родѣ Базилевскихъ заимствованы нами изъ ст. г. Лазаревскаго: Очерки малороссійскихъ фамилій (Русск. Архивъ, 1875 г. кн. 1-я).

имъ право числиться помѣщиками трехъ намѣстничествъ: кіевскаго, екатеринославскаго и харьковскаго.

Къ описываемому времени большія маетности Базилевскихъ были подѣлены между шестью братьями. Турбаи, вмѣстѣ съ Кринками, Зубанихой, Очеретоватымъ, достались на долю двухъ—Степана и Ивана Базилевскихъ. Эти Базилевскіе, относительно которыхъ выше было упомянуто, что они оба учились въ Геттингенѣ, сдѣлали Турбаи центромъ своихъ владѣній, центромъ хозяйственной единицы, очень сильной и очень благоустроенной, сколько можно судить по сохранившейся описи экономическихъ книгъ и другихъ хозяйственныхъ документовъ турбаевской экономіи. Многія современныя владѣльческія хозяйства могли бы позавидовать той строгой отчетности, какая заведена была Базилевскими. Надо сказать, что хозяйство ихъ было такъ обширно и сложно, что оно и не могло процвѣтать безъ правильнаго хозяйничанья. Это было большое владѣльческое хозяйство патріархальнаго типа. Наряду съ земледѣліемъ, которое велось въ очень большихъ размѣрахъ благодаря обязательному труду, имѣло мѣсто и обширное скотоводство. Оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ очеретоватской экономіи: здѣсь были заводы—конскій, товарячій и овечій. Но кромѣ того, черезъ крестьянъ скупались волы на выпасъ, какъ это дѣлается и теперь на югѣ всюду, гдѣ есть свободныя пастбища. Массу получаемаго сырья старались обрабатывать внутри хозяйства. Зерно обращалось въ вино, солодъ, муку, крупу, льняное и конопляное сѣмя—въ масло; волокно—въ прядиво и холстъ. Шерсть перерабатывалась въ сукно; выдѣлывались кожи, въ большихъ размѣрахъ заготовлялись сыръ и масло, въ собственныхъ, а частью и покупаемыхъ лѣсахъ гнался деготь. Винокурня, солодовня, олѣйница, мельницы, фалюши—все это, по преимуществу, сосредоточивалось въ главной экономіи, турбаевской. Но Базилевскіе не пренебрегали и торговыми операціями: продавали и раздавали «на боргъ» своимъ подданнымъ хлѣбъ и иные продукты своего хозяйства; покупали въ Крыму соль, а въ Кіевѣ желѣзо и перепродавали имъ же. На всей территоріи во владѣльческихъ шинкахъ шинкари, большею частью евреи, продавали, вмѣстѣ съ владѣльческой горѣлкой, вишневкой, пивомъ и т. п. напитками, также владѣльческій деготь, соль, табакъ. Не брезгали владѣльцы даже и раздачей своимъ подданнымъ денегъ въ ростъ. Подданные, кромѣ обработки панской земли и уборки сѣна, обязывались еще ко многимъ другимъ работамъ: имъ раздавалась конопля для мочки, ленъ и конопля для

[illegible]

Но подъ это цвѣтущее благосостояніе была подведена мина. Миной этой были турбаевскіе козаки или «турбаевскіе жители, присвоивающіе себѣ [illegible] званіе козачее, а присужденные всѣми правительствами быть мужиками», по выраженію одного оффиціальнаго документа. Но что турбаевскіе жители лишь мечтательно присвоиваютъ себѣ козачье званіе, такъ смотрѣли на дѣло только низшія, мѣстныя «правительства»; высшія же, петербургскія, наоборотъ, склонны были видѣть правоту въ притязаніяхъ турбаевцевъ. Получивъ отъ Битяговской ея сомнительныя права, Базилевскіе сумѣли ихъ осуществить. У нихъ хватило силы на то, чтобъ отобрать у козаковъ документы съ доказательствами ихъ козачьихъ правъ и заставить ихъ отбывать подданническія повинности. До поры до времени козаки протестовали только побѣгами, но не считали все-таки себя побѣжденными окончательно. Они успѣли какъ то найти себѣ повѣренныхъ и ходатаевъ, которые вели

отъ ихъ имени искъ въ Сенатѣ. Дѣло шло медленно, но принимало оборотъ благопріятный. Въ іюнѣ 1788 г., ровно за годъ до катастрофы, состоялось рѣшеніе Сената, которымъ признавались козачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ козачьи компуты. Отъ рѣшенія до его осуществленія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, на какой надѣялись и какого ожидали турбаевцы, было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было, рѣшеніе состоялось, и объ немъ скоро прослышали какъ Базилевскіе, такъ и турбаевцы. Однако оффиціально объявлено было мѣстными властями о состоявшемся рѣшеніи только въ январѣ: при этомъ власти увѣщевали турбаевцевъ оставаться въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, пока не явится судъ привести указъ въ исполненіе. Но турбаевцы не хотѣли видѣть въ этихъ увѣщаніяхъ ничего, кромѣ угодничества властей передъ Базилевскими; Базилевскіе же своими дѣйствіями подливали масла въ огонь. Они встали прямо на военное положеніе: отнимали скотъ у своихъ враговъ, принуждали къ самымъ тяжелымъ работамъ, запирая ихъ, какъ рабовъ, на ночь въ амбары—въ холодные амбары, зимой, что уже имѣло видъ истязательства, и т. п.

Только въ іюнѣ появился въ Турбаяхъ, подъ прикрытіемъ воинской команды, нижній голтвянскій земскій судъ съ совѣтникомъ кіевскаго намѣстническаго правленія Корбе, чтобъ привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената.

II.

Роковымъ днемъ для Базилевскихъ было 8 іюня 1789 г. Это былъ день, назначенный судомъ для объявленія указа турбаевской громадѣ и для начала дѣла о приведеніи его въ исполненіе.

Настроеніе турбаевцевъ было самое тревожное. Ничего не было похожаго на то, что они ожидаютъ радостнаго для себя событія. Наоборотъ, чувствовалось, что наступаетъ самый важный моментъ, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свои права. Еще наканунѣ, какъ только разослана была повѣстка насчетъ явки въ судъ, всѣ турбаевцы собрались въ домѣ атамана Цапка. Настроеніе выразилось въ общемъ единодушномъ рѣшеніи: не поддаваться до самой послѣдней крайности.

Положеніе дѣлъ объясняло и оправдывало такое настроеніе турбаевскихъ жителей.

Законныя власти съ первыхъ же своихъ шаговъ на турбаевской территоріи заявили себя рѣшительными сторонниками Базилевскихъ. Совѣтникъ Корбе, представлявшій собою лицо губернатора, который не явился самъ, хотя и долженъ былъ явиться въ силу предписанія изъ Петербурга, поселился въ домѣ Базилевскихъ: турбаевцы могли знать то, что знаемъ мы теперь изъ описи векселей, т. е. что онъ былъ у Базилевскихъ въ числѣ крупныхъ должниковъ. Съ нимъ поселился стряпчій и нѣкоторыя другія изъ должностныхъ лицъ. Члены земскаго суда были помѣщены въ домахъ безспорныхъ подданныхъ Базилевскихъ и пользовались содержаніемъ отъ владѣльцевъ. За то воинская команда расквартирована была исключительно въ домахъ ищущихъ козачества. Подъ двойнымъ прикрытіемъ могучихъ Базилевскихъ и воинской команды, представители власти и правосудія не стѣснялись высказываться громко, въ очень враждебномъ для турбаевцевъ смыслѣ. Они подсмѣивались открыто надъ смятеніемъ, царствовавшимъ въ Турбаяхъ. Исправникъ Клименко даже прямо сказалъ турбаевцамъ, что если кого-нибудь изъ нихъ и отберутъ, въ силу указа, отъ Базилевскихъ, то и это будетъ лишь на самое короткое время. Разумѣется, такое поведеніе властей, граничившее съ беззастѣнчивой наглостью, не могло способствовать успокоенію умовъ.

Къ несчастью, самый сенатскій указъ былъ составленъ такъ, что давалъ большой просторъ произволу мѣстныхъ властей. Сенатъ признавалъ козачьи права за 76 родами, внесенными Капнистомъ въ компуты. Но дѣло это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ могли теперешніе турбаевцы доказать связь съ этими родами? Письменные документы, у кого они случились, были отобраны Базилевскими, и судъ не предпринялъ ничего, чтобъ ихъ возвратить, а во многихъ случаяхъ ихъ, конечно, и вовсе не было. Родовыя прозвища? Но вѣдь извѣстно, что въ народѣ они никогда не бываютъ постоянными, мѣняются почти съ каждымъ поколѣніемъ. Одно и то же лицо, даже и теперь, часто называется Григоренкомъ по отцу, Савченкомъ по дѣду, Золотаренкомъ—по оффиціальному, Постригаиомъ—по уличному. Конечно, пятьдесятъ лѣтъ не такой срокъ, чтобъ нельзя было возстановить истины по показаніямъ старожиловъ, церковнымъ записямъ и т. п. Но вѣдь это въ томъ лишь случаѣ, еслибъ власти были заинтересованы въ раскрытіи истины; а если онѣ были заинтересованы какъ разъ въ обратномъ?

Безъ сомнѣнія турбаевцы отлично понимали, что они нахо-

дятся вполнѣ въ рукахъ мѣстныхъ властей! Судъ могъ признать, для отвода глазъ, козачьи права за отдѣльными единицами, которымъ посчастливилось удержать какія-нибудь несомнѣнныя юридическія доказательства своего козачества, а насчетъ массы остальныхъ ограничиться отпиской: никакихъ, молъ, больше потомковъ старыхъ козацкихъ родовъ въ Турбаяхъ не оказывается. Поди тогда доказывай каждый въ отдѣльности—безъ документовъ, сидя въ подданствѣ у Базилевскихъ,—свои права въ сенатѣ: какъ ихъ доказывать тогда, когда ужъ и теперь власти не даютъ билетовъ на выѣздъ изъ Турбаевъ?

Не трудно себѣ представить, съ какими чувствами шли турбаевцы въ судейскую избу 8 іюня. До отхода они еще разъ дали другъ другу обѣщаніе «не поддаваться». Шло ихъ пятьдесятъ человѣкъ: но триста слѣдовало сзади на всякій случай. Другая часть громады оставалась на дворѣ у атамана. Лишь только судъ приступилъ къ разбору правъ, какъ турбаевцы единодушно отказались отвѣчать на какіе-либо относящіеся сюда вопросы, заявляя, что они всѣ козаки. Очевидно, они боялись дать какими-либо своими отвѣтами новое орудіе въ руки враждебной имъ власти. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не случилось обстоятельство, которымъ разрѣшилась безвыходная напряженность положенія. Внезапно по селу пробѣжали роковыя слова: «занимаютъ череду!»—и тотчасъ же достигли какъ до судейской избы, такъ и до двора атамана. «Занимаютъ череду», т. е. забираютъ стадо. Никто, ни тогда, ни послѣ, не могъ дать отчета, откуда взялись эти роковыя слова и какое для нихъ было основаніе. Объясняли при позднѣйшемъ судебномъ разбирательствѣ, что видѣли около череды, одни—какихъ то незнакомыхъ людей, другіе—козаковъ, третьи—неизвѣстную повозку и т. д. Но, очевидно, дѣло было просто въ томъ, что въ крайне возбужденной турбаевской атмосферѣ было такое рѣзкое единодушное ощущеніе грозящаго насилія, что крики «занимаютъ череду!» явились воплощеніемъ того, что жило въ каждой турбаевской душѣ.

Въ одинъ моментъ волненіе охватило село. Воинская команда, зашевелившаяся было при видѣ поднимающейся бури, была тотчасъ же разбросана и обезоружена: впрочемъ, сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ оружіе ея самымъ мирнымъ образомъ было сложено въ клунѣ. Всякій захватывалъ, въ качествѣ орудія, что попадалось подъ руку. Для чего? Опять таки никто не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣроятно, и тотъ кто крикнулъ первый: «въ господскій домъ!» не сознавалъ, что онъ сдѣлалъ. Но слово было выговорено,

и страшно возбужденная толпа, вооруженная пиками, дрюками, косами, кольями, дубинами, съ дикими криками кинулась къ усадьбѣ. Часть турбаевцевъ задержалась около судейской избы.

Вѣроятно, вѣсть о происходящемъ—какъ ни быстро все это дѣлалось—достигла до усадьбы раньше, чѣмъ прибѣжалъ народъ; по крайней мѣрѣ, двери были уже заперты. А можетъ быть, Базилевскіе, живя по-пански, еще спали, такъ какъ былъ всего только десятый часъ утра. Но что могло задержать этотъ страшный людской потокъ, весь насыщенный мстительной злобой? Онъ ворвался черезъ окна, черезъ выбитыя двери, и въ одинъ моментъ затопилъ, раздавилъ, разнесъ это уютное богатое гнѣздо... Несчастные владѣльцы и ихъ сестра, всѣ трое были — мало сказать—убиты, а заколочены до смерти. Ни о защитѣ ни о сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Марія умоляла о пощадѣ; но что могла слышать эта обезумѣвшая толпа? Кто-то ударилъ ее по головѣ и, схвативши за волосы, бросилъ на землю. Кровавое дѣло было начато. Вслѣдъ за тѣмъ ее видѣли уже всю облитую кровью, съ выступившими на лобъ глазами... Съ ней было кончено быстро. Братья Базилевскіе спрятались подъ кровать; ихъ открыли, и вытащили. Били ихъ долго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, били ногами, кольями, дубинами, били, когда они лежали уже безъ признаковъ жизни. Нѣсколько времени спустя, когда комнаты уже опустѣли, Степанъ Базилевскій приподнялся. Одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ атаманомъ къ дому, увидалъ это черезъ окно и, войдя, еще разъ ударилъ его бичемъ, но, кажется, только лишь для очистки совѣсти. Всѣ счеты съ міромъ были уже порѣшены Базилевскими. Три истерзанныхъ трупа въ лужахъ запекшейся крови лежало въ опустошенныхъ комнатахъ.

Въ господскомъ домѣ находился въ это время совѣтникъ Корбе съ стряпчимъ, земскимъ исправникомъ и другими должностными лицами. Корбе вышелъ къ толпѣ и умолялъ пощадить его жизнь, обѣщая сдѣлать все, что отъ него потребуютъ. И его, и другихъ осыпали бранью, угрозами, не обошлось и безъ побоевъ: на Корбе видѣли окровавленный халатъ, у кого то была перебита рука. Но ни убійствъ, ни истязаній не было больше, хотя побили еще и нѣкоторыхъ слугъ Базилевскихъ; все озлобленіе излилось на пановъ.

Судейской избы смятеніе достигло еще прежде, чѣмъ барской усадьбы. Но и здѣсь оно также не разрѣшилось ничѣмъ кровавымъ. Кажется, никто изъ «судейскихъ чиновъ» не ушелъ безъ

рошаго «памятнаго»; но этимъ и удовлетворилось народное вство.

Конечно, не могли не знать турбаевцы, что ихъ поступки не танутся безъ тяжелыхъ для нихъ послѣдствій. Но однако въ ихъ едѣ не воцарился хаосъ или прострація, по теперешнему выраенію, а наоборотъ обнаружился духъ организаціи и порядка. Вещи, азбросанныя и разнесенныя изъ господской усадьбы, турбаевская омада собрала и къ вещамъ этимъ, какъ и вообще къ имущеву, приставила караулъ. Изъ судейской избы турбаевцы также зяли зерцало и судейскія бумаги. На основаніи правила, что утро чера мудренѣе, всѣхъ должностныхъ лицъ взяли подъ арестъ. ъ утру же былъ готовъ для властей такой ультиматумъ. Они лжны были выдать турбаевской громадѣ такіе документы: судебе постановленіе о признаніи ихъ всѣхъ, за небольшимъ исклюніемъ несомнѣнныхъ подданныхъ Базилевскихъ, козаками; бланкъ опускного билета въ Кіевъ, чтобъ ѣхать туда выборнымъ хлотать по своимъ дѣламъ; удостовѣреніе въ томъ, что все это выется добровольно. Наивная вѣра въ силу оффиціальной бумаги... онечно, въ такихъ обстоятельствахъ судъ съ величайшей готовстью подписалъ бы постановленіе о собственной своей ссылкѣ ь вѣчную каторгу. Затѣмъ турбаевцы потребовали, чтобъ судъ риложилъ свои печати ко всему богатому имуществу, оставшемуся ослѣ Базилевскихъ. Какъ только все было написано, подписано, рипечатано, предоставили властямъ ѣхать на всѣ четыре стороны.

Въ тотъ же день тѣла убитыхъ переданы были дворовымъ людямъ, чтобъ тѣ отвезли ихъ въ Остапье, гдѣ, по всей вѣроятности, аходилось фамильное кладбище.

III.

Помѣщики были убиты, начальство выпровожено: турбаевцы стались сами по себѣ. Теперь первою ихъ заботою было предуредить высшія власти о событіяхъ, чтобъ склонить ихъ, по мѣѣ силъ и возможности, на свою сторону. Тотчасъ же были выраны и отправлены къ Потемкину ходоки, которые, кстати скать, несмотря на вынужденный у суда «бланкетъ», никуда не доли, потому что были схвачены и арестованы на дорогѣ.

Потемкину, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, ринадлежитъ значительная роль въ турбаевской исторіи. Не

позже какъ черезъ мѣсяцъ Екатерина узнала объ этомъ выдающемся событіи и передала руководительство дѣломъ Потемкину. Тотъ, со свойственной ему быстротой, рѣшилъ устроить выкупъ подданныхъ у Базилевскихъ-наслѣдниковъ, братьевъ убитыхъ, и выкупленныхъ крестьянъ, также и козаковъ, переселить на свои заднѣпровскія земли. Въ этомъ смыслѣ уже и состоялось его распоряженіе Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества. Но прежде чѣмъ могла быть приведена въ исполненіе какая-нибудь мѣра въ этомъ родѣ, необходимо было удовлетворить правосудіе. Надо было разыскать и наказать «убійцовъ, разбойниковъ, пролившихъ кровь, которая вопіетъ къ небу о мщеніи», какъ краснорѣчиво писали въ многочисленныхъ прошеніяхъ и жалобахъ оставшіеся въ живыхъ четыре брата Базилевскіе.

Казалось бы, какія могли быть особенныя затрудненія разыскать преступниковъ, когда преступленіе было совершено среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей и суда. А между тѣмъ затрудненія оказывались непреодолимыми. Обусловливались эти затрудненія прежде всего тѣмъ, что масса присутствовавшаго народа была не только свидѣтелемъ, но и вольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ преступленія, а затѣмъ и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что турбаевская громада твердо установилась на своей своеобразной политикѣ, которую можно назвать политикой пассивнаго сопротивленія. Она не причиняла никакого зла то и дѣло наѣзжавшимъ въ Турбаи властямъ, но рѣшительно не исполняла никакихъ ихъ требованій и предписаній. Притомъ турбаевцы имѣли видъ настолько подозрительный, что власти, повидимому, съ крайнею неохотой появлялись въ Турбаи, и при первой же возможности спѣшили оттуда выбраться. Чего хотѣли добиться турбаевцы своимъ образомъ дѣйствій—трудно сказать: очевидно одно, они были твердо убѣждены, что «высшія правительства», до которыхъ надо добраться, окажутъ имъ снисхожденіе и правосудіе, а всѣ низшія, которыя къ нимъ наѣзжаютъ, ихъ злые враги, сплошь подкупленные и готовые утопить ихъ въ ложкѣ воды.

А между тѣмъ, происходили измѣненія и внутри турбаевской громады, перемѣщеніе силъ и настроеній. Болѣе умѣренный элементъ, желавшій придерживаться, елико возможно, духа легальности и порядка, уступилъ мѣсто крайнему. Усиленію буйства и крайностей способствовало то обстоятельство, что въ Турбаяхъ появился, пользуясь смутой, какой то Красноглазовъ, казенный откупщикъ

несмотря на то, что юридически село все-таки было помѣщичьимъ, завелъ три шинковыхъ дома и спаивалъ народъ. «Триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ», по свидѣтельству властей, наѣзжавшихъ въ Турбаи, «провожаютъ все время въ непрестанномъ пьянствѣ и чрезъ то не имѣя никакого здраваго разсудка, каковъ долженъ имѣть трезвой человѣкъ, готовы всегда поступить и на самоважнѣйшія неистовства, и въ селѣ Турбаяхъ не видно даже ночью нигдѣ ни самомалѣйшаго благочинія и тишины, но во всякое время жители тамошніе мужчины и женщины со взрослыми дѣтьми, собравшись партіями, ходятъ по тремъ шинковымъ домамъ, и обращаясь въ пьянствѣ, производятъ междуусобную брань и драку».

Все это было преувеличено, но въ основаніи вѣрно. «Триста освирѣпѣвшихъ» изъ двухтысячнаго населенія Турбаевъ управляли теперь теченіемъ турбаевскихъ дѣлъ, и это не замедлило отразиться такими послѣдствіями. Богатое имущество Базилевскихъ послѣ катастрофы было, по требованію самой турбаевской громады, запечатано судомъ и турбаевцы приставили къ нему караулъ. А между тѣмъ триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ, взявши преобладаніе, начали высказывать такія мнѣнія: Чье же это добро? развѣ оно не наше? развѣ не нашими трудами нажили себѣ все это Базилевскіе? Вѣдь девять лѣтъ мы работали на нихъ неправильно, терпѣли всяческое угнетеніе и порабощеніе... Живо припоминался забранный Базилевскими при обращеніи ихъ, козаковъ, въ подданные скотъ, порубленный лѣсъ, покошенное сѣно, ихъ общественныя церковныя деньги, взятыя Базилевскими у ктитора и т. д. и т. д. При данныхъ обстоятельствахъ немного надо было, чтобъ притти отъ мнѣнія къ дѣйствію. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А деньги нужны были прежде всего, чтобъ подмазывать себѣ пути къ власть имущимъ, отъ которыхъ зависѣло дать такой или иной оборотъ всему дѣлу.

Началось расхищеніе имущества, прежде всего съ погреба, гдѣ хранились напитки, и съ винокуреннаго амбара. Затѣмъ атаманъ съ громадой, еще въ теченіе 1790 г., раза два доставалъ изъ кладовыхъ деньги. Но легче было встать на эту наклонную плоскость, чѣмъ на ней удержаться. Стали и отдѣльныя лица доставать себѣ потихоньку, подкапываясь подъ стѣнки, ломая замки, то одно, то другое, кто кусокъ сала, кто штуку сукна, кто денегъ. Въ августѣ 1791 г., т.-е. черезъ два года послѣ убійства, атаманъ забралъ ...альныя деньги и документы, а затѣмъ имущество предоставлено ... громадѣ «на потокъ и разграбленіе». Цѣлыхъ шесть дней ...о разграбленіе. Нѣкій корнетъ Шкурка, случайно про-

ѣзжавшій черезъ Турбаи въ это время, такъ описываетъ то, что онъ тамъ видѣлъ: «Ѣдучи дорогою, лежащею мимо дома убіенныхъ господъ надворныхъ совѣтниковъ Базилевскихъ, видѣлъ въ ономъ дворѣ и около двора толпу народа, скопившуюся во множественномъ числѣ людей, тамошнихъ турбаевскихъ жителей, во образѣ бунта кричащихъ и грабящихъ тотъ домъ, несущихъ съ онаго за дворъ въ домы ихъ или куда-то въ другое мѣсто разное движимое имѣніе, какъ то шубы, платье, полотна, разную посуду, деньги и пр.». Его увидали и повели въ одинъ дворъ, «гдѣ также было множество турбаевскихъ жителей пьяныхъ и пившихъ горячее вино, начали оным его потчивать и принуждать пить, угрожая, если воли ихъ исполнять не будетъ, боемъ, почему онъ, бывъ въ великомъ страхѣ, принужденъ былъ выпить поднесенные ему три румки, далѣе же когда пить отказался, то вдарили его большою палкою», а затѣмъ отпустили. На самомъ концѣ селенія онъ нагналъ двухъ мальчиковъ, несущихъ двѣ книги во французскомъ переплетѣ, и на его спросъ они согласились ихъ продать за двѣ копѣйки. Хлопотало надъ разнесеніемъ панскаго имущества все село, мужчины, женщины и болѣе взрослыя дѣти. Разбили всѣ кладовыя, коморы, каретные, хлѣбные и иные амбары. Все, что оставалось еще «изъ денегъ, платья, столовой каменной, серебряной и золотой посуды, хлѣба, напитковъ, припасовъ и иныхъ вещей», все было разнесено «до послѣдка»; забрали всѣ, какіе оставались, документы. Оборвали со строеній полы, потолки, ставни, двери, желѣзныя оковки. Чего не разсудили брать, изъ колясокъ, каретъ и др. повозокъ, оборвавши желѣза и обойки, плисовыя, суконныя и другія, кареты и коляски перебили, словомъ все разорили и истребили. Даже самыя стѣны нѣкоторыхъ строеній были пробиты насквозь. Библіотека расхищена, а многія книги порваны въ куски. Разломали ограду около сада, «заведеннаго на аглицкій манеръ», и пустили туда свой скотъ. Однимъ словомъ, какъ Базилевскіе-наслѣдники старались о томъ, чтобъ «снести съ лица земли самое имя Турбаевъ», съ такимъ же усердіемъ турбаевцы стремились уничтожить всѣ слѣды пребыванія Базилевскихъ на турбаевской землѣ.

Теперь турбаевцы почувствовали себя уже вполнѣ господами. Они начали распоряжаться всякими хозяйственными матеріалами и запасами, которые были скоплены въ экономіи Базилевскихъ; хозяйничали въ ихъ лѣсахъ и т. п. Мало того. Земли Турбаевъ находились въ черезполосномъ владѣніи съ землями Кринокъ и Останья: слобода Кринки принадлежала убитымъ, мѣстечко Остапье—другимъ

братьямъ Базилевскимъ. Турбаевцы, пользуясь близостью, «разсѣяли возмущеніе» и въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что населеніе и здѣсь начало «производить разныя буянства и управителей угрожаетъ убивать». Въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Турбаями находилось населеніе Кринокъ: оно частью было склонено турбаевцами на свою сторону и собиралось съ ними «во единое скопище», частью терроризировано турбаевской дерзостью. Турбаевцы ловили рыбу въ тамошнемъ владѣльческомъ ставу, выводили, по приговору своей громады, нѣкоторыхъ кринковскихъ подданныхъ въ Турбаи, какъ своихъ козаковъ, и вообще распоряжались тамъ безпрепятственно. Въ то же время турбаевцы всюду открыто заявляли, даже и передъ судомъ, что они намѣрены истребить всѣхъ Базилевскихъ. Базилевскіе не смѣли показаться не только въ Турбаяхъ, но и въ другихъ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ. «Оставивъ домы свои, скитаемся мы по чуждымъ, а нынѣ убѣжища и мѣста не находимъ, гдѣ бы могли себя обезопасить и не безпокоиться, и принуждены въ отдаленнѣйшія мѣста удалиться», пишутъ Базилевскіе. Но и туда доходили до нихъ слухи, что турбаевскіе жители хотятъ, «раздѣлившись на части, итти и предать ихъ насильственной смерти». Серьезны или нѣтъ были угрозы турбаевцевъ, но напуганы то ими Базилевскіе были серьезно.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, турбаевская исторія все усложнялась. Къ уголовному дѣлу присоединился гражданскій искъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ надо было привести къ концу три сложныхъ дѣла. Разыскать преступниковъ, чтобъ удовлетворить правосудіе; разыскать и возвратить разграбленное имущество Базилевскихъ; переселить турбаевцевъ, согласно предположенію Потемкина, утвержденному Екатериной.

А между тѣмъ и внѣшнія обстоятельства тормозили движеніе. Потемкинъ тѣмъ временемъ умеръ. Произошло новое разграниченіе, и Турбаи отошли отъ кіевскаго намѣстничества къ екатеринославскому. Такимъ образомъ это сложное дѣло должно было перейти въ совсѣмъ новыя руки. Именнымъ указомъ руководительство турбаевской исторіей передано было Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества; первой же инстанціей былъ теперь градижскій нижній земскій судъ.

Но что было дѣлать новому начальству съ этими людьми, которые «во мѣсто раскаянія приходятъ все въ большое неистовство отъ праздности, въ коей они пребываютъ, отъ безначалія, къ которому они съ начала бунта, ими предпринятаго, обыкли, не по-

винуясь ни закону, ни мѣстамъ, ни особамъ, отъ разврата, отъ пьянства и всѣхъ онаго послѣдствій?»

Все это были, правда, выраженія Базилевскихъ, очень преувеличенныя; но тѣмъ не менѣе положеніе начальства было не изъ легкихъ.

По поводу выдачи преступниковъ—убійцъ и зачинщиковъ бунта, турбаевцы твердили одно и суду, и спеціально командировавшимся чинамъ, и Коховскому, который рѣшился лично съѣздить въ Турбаи, «что въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны»: все это они подтверждали «иные клятвою, а иные плачемъ, отдаваясь всѣ равнодушно сужденію строгости законовъ».

Масса разграбленнаго имущества находилась по рукамъ и расходилась на стороны. Но все-таки значительная его часть, въ видѣ денегъ и векселей, хранилась въ турбаевской съѣзжей избѣ. Однако турбаевцы рѣшительно отказывались не только разыскивать разграбленныя вещи, но и выдать то, что находилось на лицо. «Съ дерзостью» говорили суду, что «ничего не отдадутъ, покуда помѣщики Базилевскіе не удовольствуютъ ихъ за девятилѣтнее отправленіе имъ подданнической повинности и за какіе то грабежи ихъ имѣній».

О переселеніи пока начальство и не заикалось.

IV.

Если бы администраторы разсматриваемаго нами времени сплошь представляли собою прототипы героевъ «Исторіи одного города», турбаевское дѣло должно было бы имѣть самый трагическій конецъ. Но, благодаря Коховскому, оно распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, наряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія «мѣстъ и особъ», ведшихъ турбаевское дѣло. И все это имѣя, съ одной стороны, «дерзкую закоснѣлость», съ какой турбаевцы отталкивали даже то, что дѣлалось въ ихъ прямыхъ интересахъ, съ другой, сутяжничество наслѣдниковъ Базилевскихъ, осаждавшихъ всѣ «правительства» до наивысшихъ просьбами и жалобами на свои бѣдствія и на бездѣйствіе властей,

потворствующихъ турбаевскимъ злодѣямъ. Видимо большія усилія приложилъ Коховскій къ тому, чтобъ устранить все, что могло сдѣлать «окончаніе дѣла сего какъ затруднительнымъ и нескорымъ, такъ сомнительнымъ и опаснымъ», какъ выражается онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Коховскій самъ ѣздилъ въ Турбаи, посылалъ туда лицъ, видимо хорошо ему извѣстныхъ, какъ напр. ассесора Гладкого; добился того, чтобъ турбаевская громада выслала къ нему выборныхъ, хотя и не въ томъ количествѣ, какого онъ желалъ—очевидно, съ цѣлью повліять на ихъ настроеніе. Старанія его привели къ тому, что въ Турбаяхъ опять начали успливаться люди, желавшіе найти какой-нибудь выходъ изъ своего положенія на пути законности и порядка. Появились отдѣльныя единицы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ, которыя соглашались сознаться въ своей винѣ передъ закономъ, какъ ни отговаривали ихъ болѣе крайніе: «зачѣмъ де ты самъ лѣзешь въ огонь?» Девять человѣкъ преступниковъ сами пришли къ Коховскому «безъ всякой стражи въ пути и при двухъ только турбаевскихъ жителяхъ». Вѣроятно, турбаевская громада думала очиститься въ убійствѣ при посредствѣ этихъ искупительныхъ жертвъ; къ нимъ въ дополненіе преподносились еще Ѳемидѣ тѣ изъ участниковъ, которые, опасаясь послѣдствій, успѣли выбраться изъ Турбаевъ въ разныя отдаленныя заднѣпровскія, черноморскія и иныя мѣста: такихъ было не мало, тоже человѣкъ около десяти. Конечно, этимъ десяти «убійцамъ и зачинщикамъ», которые такъ спокойно препровождали себя въ руки правосудія, громада дала на прощанье обстоятельныя наставленія, какъ имъ вести себя, главное же «никого ни въ чемъ не оговаривать». Но тѣмъ не менѣе дѣло приняло такой оборотъ, какого турбаевцы, конечно, не ожидали, хотя оно и не могло быть иначе. Если даже въ числѣ этихъ девяти и не было малодушныхъ, готовыхъ, при малѣйшемъ затрудненіи, поступиться своимъ ближнимъ, то трудно предположить, чтобъ не проговорился наивный турбаевецъ, выступившій изъ-за плечъ своей громады и поставленный лицемъ къ лицу съ судьей, болѣе или менѣе опытнымъ въ судейскихъ подходахъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ судебнаго слѣдствія было пятьдесятъ девять оговоренныхъ, «въ числѣ которыхъ оказываются многіе изъ почетнѣйшихъ турбаевскихъ жителей», а въ дальнѣйшемъ открывалась не совсѣмъ то и для начальства пріятная перспектива, что эти «оговоренные нынѣ 59 человѣкъ могутъ оговорить еще столько же и болѣе», какъ опасливо выражается гуманный и осторожный Коховскій.

Но тутъ очнулись и сами турбаевцы, и устроили такое, чего трудно было ожидать и отъ турбаевской «отчаянности». Подсудимые турбаевцы сидѣли въ тюрьмѣ въ Градижскѣ. Правда, тюрьма была не важная «и вовсе къ содержанію въ оной преступниковъ опасная», такъ какъ, «будучи крайне обветшалою въ стѣнахъ, совсѣмъ начала разваливаться, и стѣны удержаны однѣми только подпорами». Но тюрьма есть тюрьма. Турбаевская же громада, ничто же сумняшеся, рѣшилась освободить изъ нея своихъ. Градижскъ находился верстахъ въ пятидесяти отъ Турбаевъ. Турбаевцы какъ то устроили тайныя сношенія съ градижской тюрьмой и уговаривали заключенныхъ бѣжать, обѣщая доставить изъ Турбаевъ отважныхъ людей, которые нападутъ ночью на караулъ и освободятъ ихъ изъ тюрьмы. Въ ночь на 2 февраля 1793 г. заключенные турбаевцы, подговоривъ и прочихъ арестантовъ, потушили огонь въ тюрьмѣ, напали на часовыхъ, прибили тяжело унтеръ-офицера, разломали двери и окна и, отбивши у часовыхъ пики, бѣжали.

Но тутъ уже и Коховскій увидалъ, что безъ содѣйствія военной силы ему не обойтись. Онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Екатеринѣ. Отъ 16 апрѣля 1793 г. состоялся высочайшій указъ о введеніи въ Турбаи воинской команды.

Однако ни Коховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ козаковъ, видимо совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобъ все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами «съ пристойною обывателямъ ласкою». У Коховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности незамѣтно, вожаковъ «огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣтамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ». Нѣкоторые изъ этихъ вожаковъ были настроены въ высшей степени враждебно по отношенію ко всѣмъ примирительнымъ мѣрамъ и компромиссамъ, или, по выраженію одного донесенія, находились «въ крайнѣйшемъ чувствованіи претерпѣннаго ими огорченія, отъ коего вкоренившаяся въ нихъ отчаянность и довѣренность къ нимъ жителей могла бы многихъ вовлечь въ несчастіе».

Нелегко все было сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ Коховскій, но

секундъ-майоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ «потребовалъ его съ ласковостью» въ лагерь будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими «и разными подобными симъ предлогами» онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Коховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-майоръ Карповъ «своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили», т.-е. новый взрывъ турбаевской отчаянности. Революціонная турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились. Жители стали «приходить въ раскаяніе въ оказанномъ ими невѣжествѣ, въ неповиновеніи судамъ». 11 іюля 1793 г. въ Турбаяхъ появились уѣздный и нижній земскій судъ и нижняя расправа градижскаго уѣзда и безпрепятственно «вступила въ производство дѣла». «Благодарю Всевышняго, что благословилъ приступить къ начальному производству дѣла въ тишинѣ и кротости», пишетъ одинъ изъ руководителей турбаевскаго дѣла: «молю нынѣ Его да спасетъ мя и дѣтокъ моихъ отъ напасти по случаю иска помѣщиковъ Базилевскихъ на жителяхъ турбаевскихъ. Страшусь сего, испытывая, какъ безъ вины можно быть виновату». Да, всю жизнь вѣрно помнили и разсказывали дѣтямъ и внукамъ участвовавшіе въ разборѣ турбаевскаго дѣла о той опасности, изъ какой имъ удалось вынести себя цѣлыми и невредимыми.

Теперь уже главнымъ затрудненіемъ для начальства было не дѣло объ убійствѣ, для котораго такъ или иначе, хорошо или худо, да уже были собраны кое-какіе необходимые для правосудія «зачинщики и убійцы». Затрудненіе было въ гражданскомъ искѣ Базилевскихъ, въ возвращеніи разграбленнаго имущества. То, что хранилось въ турбаевской съѣзжей избѣ, возвратить было не трудно: тамъ были документы въ числѣ 731 №№, векселя на 58,000 р., наличными деньгами больше 6,000 р. (впрочемъ, часть этихъ денегъ, 1,000 руб., была истрачена турбаевцами на ходоковъ въ Петербургъ) и двѣнадцать сундуковъ съ разными цѣнными вещами, серебромъ, разной иной посудой, платьемъ, мѣхами, бѣльемъ, дорогой бакалеей и пр. Но какъ было отбирать, а главное разыски-

вать вещи, находившіяся по рукамъ? Не значило ли это опять идти на явную опасность поголовно раздражить населеніе? Власти, сидя въ Турбаяхъ, конечно, понимали это отлично и очень охотно замяли бы все это. Но у нихъ на шеѣ сидѣли Базилевскіе, которые не желали поступиться ничѣмъ. Они жаловались на то, что турбаевцы продаютъ принадлежащія имъ вещи на сторону, обвиняли разныхъ лицъ въ передержательствѣ вещей и требовали привлеченія ихъ къ отвѣтственности, просили о томъ, чтобъ былъ наложенъ секвестръ на имущество турбаевцевъ въ цѣляхъ обезпеченія иска и т. п. Все это усложняло и тормозило дѣло, и безъ того очень сложное, а главное требовало такихъ дѣйствій со стороны властей, которыя могли снова сдѣлать окончаніе дѣла «сомнительнымъ и опаснымъ». Коховскій, видимо, былъ крайне раздраженъ безтактнымъ поведеніемъ Базилевскихъ, и раздраженіе проглядываетъ даже въ оффиціальномъ тонѣ его дѣловыхъ бумагъ. Когда Базилевскіе прислали ему, при пріѣздѣ его въ Турбаи, вина и столовые припасы, онъ отвѣтилъ на этотъ простой актъ вѣжливости, который считался въ тѣ времена обязательнымъ даже и по отношенію къ незнакомому проѣзжему своего общества, что «онъ получаетъ на свое содержаніе жалованье».

Однако не могъ же судъ отказать въ признаніи юридической правоты за требованіями Базилевскихъ и долженъ былъ что-нибудь дѣлать для ихъ удовлетворенія. Начали турбаевцы возвращать кое-что, какъ пишутъ Базилевскіе: «изъ каретъ аглицкихъ, колясокъ и др. экипажей доставлена ось желѣзная, два рессора, да ступица съ колеса обрубленная; мѣсто серебра, въ нѣсколькихъ пудахъ расхищеннаго, возвращено ничего не значущее количество; мѣсто брильянтовъ и другихъ дорогихъ вещей ни одного камушка не явилося». По дальнѣйшимъ розыскамъ и настояніямъ властей, снесено было довольно много вещей, такъ что составился порядочный ихъ списокъ; но содержаніе этого списка все было сплошь такое: «канапе совсѣмъ оборванное, двери горничныя разламанныя, столикъ побитой, кровать ломанная, съ кареты кусокъ кожи сгнилой, кафтанъ нѣмецкій бархату рытого совсѣмъ сгнилой, полотна голландскаго измоченнаго, вымараннаго и сгнилого кусокъ, сабля подъ серебряною оправою съ позолотою спорченная, кожъ овчинныхъ старыхъ, молью поѣденныхъ» и т. д., и т. д. Еслибъ мы не знали, что турбаевцамъ и начальству было въ это время не до шутокъ, то могли бъ подумать, что все это простая насмѣшка надъ претензіями Базилевскихъ. Коховскій сдѣлалъ для удовлетворенія Бази-

левскихъ все, что онъ считалъ возможнымъ: отдалъ строгій приказъ и распубликовалъ его по всему уѣзду, чтобъ никто, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не смѣлъ покупать у турбаевцевъ никакого имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; но терроризировать населеніе (а безъ того нельзя было добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ претензій Базилевскихъ) онъ не хотѣлъ. Но такъ какъ эти претензіи угрожали затянуть турбаевское дѣло въ безконечность, то онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе не задерживать его движенія искомъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ, искъ этотъ, съ переселеніемъ турбаевцевъ, прекратился самъ собою.

31 января 1794 г. общее присутствіе градижскаго уѣзднаго суда и нижней расправы изрекло приговоръ надъ жителями турбаевскими, обвинявшимися въ убійствѣ помѣщиковъ Базилевскихъ и въ прочемъ: приговорено къ смертной казни—7, къ наказанію кнутомъ—42, плетьми—134, освобождено отъ суда—228 душъ. Смертные приговоры всѣ были отмѣнены; наказанія смягчены. Но турбаевцевъ ждало еще общее наказаніе, которому подверглись наравнѣ съ виновными и совсѣмъ невинные. Кровь Базилевскихъ не была, конечно, кровью невинныхъ, но она тѣмъ не менѣе упала не только «на васъ», но «и на чада ваша».

V.

Проектъ Потемкина насчетъ переселенія турбаевцевъ въ Заднѣпровье былъ утвержденъ Екатериной. Тогда же, т.-е. еще въ самомъ началѣ турбаевскаго дѣла, въ 1790 г., были выяснены основанія, на коихъ должно было совершиться это переселеніе. Базилевскіе, съ большой и понятной готовностью, отдавали на выкупъ казнѣ всѣхъ своихъ турбаевскихъ крестьянъ: просили за мужескую душу 50 руб., но соглашались и на низшую оцѣнку, согласны были и расчетъ отъ казны получить не деньгами, а солью таврической, лишь бы «не имѣть сихъ людей передъ своими глазами и не опасаться отъ нихъ злыхъ послѣдствій». Оставался еще вопросъ насчетъ «спорныхъ мужиковъ», т.-е. ищущихъ козачества. Дѣйствія суда по разбору козацкихъ правъ турбаевскихъ жителей были прерваны катастрофой. Но тѣмъ не менѣе какъ то состоялось постановленіе, чуть ли не заднимъ числомъ помѣченное

(по крайней мѣрѣ такъ утверждали турбаевцы въ одномъ своемъ прошеніи), такъ какъ на немъ стояла дата роковаго дня 8 іюня 1789 г. Вникать во все это теперь уже было некому и не для чего, такъ какъ послѣдующія событія совсѣмъ заслонили эту сторону. Упомянутымъ постановленіемъ признаны были козачьи права за 259 турбаевскими жителями. Земли этихъ спорныхъ мужиковъ Базилевскіе соглашались принять по сдѣланной казною оцѣнкѣ, съ вычетомъ стоимости этихъ земель изъ того, что имъ будетъ причитаться за выкупленныхъ казною крестьянъ.

Такимъ образомъ, все было улажено. Потемкинъ разсчитывалъ, что весной 1791 г. состоится и переселеніе. Но все это разсчитывалось безъ турбаевцевъ, а въ нихъ то и было дѣло. Когда духъ крайней оппозиціи завладѣлъ Турбаями, начальство не рѣшалось не только предпринимать что-нибудь въ видахъ ихъ переселенія, но даже и заговаривать съ ними объ этомъ предметѣ. И немудрено. «Видя самъ село Турбаи и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ будетъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія», пишетъ Коховскій. «Объявилъ я нынѣ турбаевцамъ, что они въ казну покупаются, но о переселеніи ихъ возвѣщать воздержуся», продолжаетъ онъ. Это письмо относится къ времени его личнаго посѣщенія Турбаевъ въ мартѣ 1792 г. Онъ поручилъ другому лицу «предложить турбаевцамъ съ кротостью о переселеніи». Но тѣ отвѣчали просьбой о разрѣшеніи послать ходоковъ къ государынѣ, заявляя, что до полученія отвѣта они никуда выселяться изъ Турбаевъ не намѣрены, и «готовы хоть бы и смертью пострадать въ Турбаяхъ». Послѣ того власти уже не заводили больше и рѣчей о переселеніи до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турбаи не были окончательно усмирены.

Но теперь выступаетъ вопросъ: куда же переселиться? Потемкинъ проектировалъ поселить турбаевцевъ на своихъ собственныхъ заднѣпровскихъ земляхъ; но онъ умеръ, а наслѣдники его были для казны простые частные владѣльцы, на земляхъ которыхъ не было смысла селить казенныхъ крестьянъ, какими были теперь турбаевцы. Началась переписка насчетъ отысканія подходящихъ казенныхъ мѣстъ. Рѣшено было при выселеніи совсѣмъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ. Къ веснѣ 1794 г. мѣста были отысканы. Крестьяне должны были переселиться въ таврическую область, гдѣ имъ было отведено для поселенія четыре мѣста по сю сторону Перекопа: на двухъ

большихъ дорогахъ, бериславской—въ Черной Долинѣ и Чаплынкѣ, и херсонской—при урочищѣ Буркутъ и въ Каланчакѣ. Козаковъ переселяли за Бугъ, «къ рѣкѣ Днѣстру въ пріобрѣтенную отъ порты оттоманской область», въ селенія Яски и Бѣляевку.

Переселеніе должно было состояться весной 1794 г., лишь тридцати семьямъ разрѣшено было остаться для уборки засѣяннаго хлѣба. Подъ Турбаями былъ расположенъ лагерь воинской команды, подъ наблюденіемъ и конвоемъ которой должно было совершиться переселеніе.

Духъ сопротивленія былъ сломанъ. Но легко ли было все-таки турбаевцамъ покинуть «свои дома, сады и рощи» для того, чтобъ итти въ неизвѣстныя «степныя» мѣста? И вотъ они, какъ утопающій за соломинку, хватаются за всякіе предлоги и отговорки, чтобъ хоть отодвинуть тяжелую минуту. То они представляютъ начальству, что пятьдесятъ подсудимыхъ турбаевцевъ находятся въ Екатеринославѣ до конца дѣла, и что неизвѣстно какъ быть съ ихъ женами и дѣтьми, «которыя могутъ претерпѣть въ семъ переселеніи крайнюю нужду»; то указываютъ на разныя незаконченныя ими дѣла между собой и съ сосѣдями, на необходимость распорядиться имуществомъ; то оказывается, что до 30 человѣкъ турбаевцевъ нѣтъ на мѣстахъ, разошлись въ наймы по разнымъ селеніямъ, а то и вовсе пропали безвѣстно. Но власти не отступали ни на шагъ ни передъ какими доводами и настоятельно внушали турбаевцамъ, «что ежели они будутъ упорствовать, то наведутъ на себя по всей строгости законовъ жесточайшее наказаніе, а сверхъ того и переселеніе имъ учинено будетъ непремѣнно». Характеренъ одинъ эпизодъ. Начальство, какъ уже сказано было, согласилось оставить на мѣстѣ до осени для уборки хлѣба, тридцать семей по выбору громады, пятнадцать козацкихъ, пятнадцать крестьянскихъ. Но никто не соглашался добровольно оставаться, воображая, что оставляютъ въ подданство Базилевскимъ: даже всѣ ужасы переселенія не могли примирить съ мыслью снова попасть подъ панскую власть. Едва-едва удалось суду разсѣять недоразумѣніе.

Назначаемъ былъ срокъ за срокомъ для выступленія; а турбаевцы все не были готовы. Прошелъ и послѣдній срокъ—17 мая 1794 г., турбаевцы не двигались. Тогда въ село вступило войско. Солдаты разведены были по домамъ, чтобъ понуждать жителей къ выступленію. Такимъ образомъ турбаевцы выведены были съ имуществомъ, женами и дѣтьми на дорогу. Здѣсь сдѣлана была имъ повѣрка, и турбаевцы попрощались на вѣки съ

родиной и другъ съ другомъ: одна часть двинулась въ таврическую губ. на Александровскъ, другая къ Днѣстру—каждая подъ прикрытіемъ роты егерскаго баталіона и донскихъ козаковъ.

Легко представить себѣ, что дорога нашимъ переселенцамъ не лежала скатертью. Вѣдь ихъ было въ одномъ отрядѣ мужескихъ душъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, 560, въ другомъ 468; сверхъ того, солдаты. По нашимъ извѣстнымъ русскимъ обыкновеніямъ, никто нигдѣ не былъ ни къ чему готовъ, несмотря на строгіе приказы отъ начальства. Напр., въ Александровскѣ не оказалось ротмистра, который былъ командированъ, чтобъ принять переселенцевъ; не оказалось солдатъ для конвоя на смѣну старому конвою и т. д. Разумѣется отъ всего происходила для переселенцевъ «остановка, а въ пропитаніи, равно и въ кормѣ скота отягощеніе и крайнее разореніе». Не лучше было и на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ первое время. Насчетъ козаковъ, выселенныхъ къ Днѣстру, мѣстное начальство доноситъ: «по нынѣшнему неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣба заработать на первый случай не могутъ, и тѣмъ претерпѣваютъ крайнѣйшую нужду, такъ что иные питаются испрошеніемъ милостыни по народу». И это только что разставшись съ своимъ турбаевскимъ «въ совершенствѣ устроеннымъ домоводствомъ...» Наконецъ таки искупили турбаевцы свои многоразличныя вины.

«Селенія Турбаи даже и названіе истребить и не быть болѣе тамъ никакому жилищу по извѣстной причинѣ обагренія онаго кровію», такъ просили Базилевскіе, и просьба ихъ была исполнена.

Дополненіе къ «Турбаевской катастрофѣ».

Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ Полтавской губ. въ іюлѣ 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла,—«О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Остапьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьеръ-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го».

Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Остапья, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распросъ и другіе сверхъ человѣчества утѣсненія и тиранства». Атаманъ обязанъ былъ вступиться за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Остапьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились». Но даже тогдашній судъ, подкупной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній голтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія, сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣпку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Остапье никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику остаповскому съ урядомъ же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ остаповскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обознаго полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жъ и самимъ имъ сотникомъ остаповскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Императорскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Волбасовкѣ имѣющихся свидѣтельствуетъ, просилъ разсмотрѣнія о надачѣ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за

показанныя службы вышеписанныхъ въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, еденъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ кадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оные имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Остапья и деревни Болбасовки съ принадлежащими грунтами и угодьи. Съ доношенія-жъ онаго значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особь самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компанѣяхъ, въ предосторожности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линѣи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респектуя на оные многіе отправленные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, опредѣляемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Остапьи оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодьи и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтамъ и угодіи препятствія не чинилъ. А войтъ и оные оставшіеся отъ раздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; козаки-жъ того мѣстечка Остапья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утвержденіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и національною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопоталъ о предоставленіи ему посполитыхъ Остапья въ вѣчное и потомственное

владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользованіе. Чѣмъ разрѣшилось это затѣянное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробкѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.».

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробкѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, которыя мало выяснены въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кириллъ Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогалъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣреннымъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Капнистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли

издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію оныхъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ—Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г. уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казнію, каковы зловредныя ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе подданные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадяхъ заторы, не сдавъ ни отчету, ни того, что въ чьемъ вѣдѣніи было, и захватя, что кто могъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ скопище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ». Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ беззаконное свое скопище коммиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ коммиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись и что всѣ приступившіе въ ихъ скопище изъ-за Базилевскихъ въ свою бунтовщичью ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями напитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ праздной и безначальственной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими коммиссіею, и взыскиваютъ, смотря по имѣнію человѣка, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводя тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, взносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстатченій не платятъ и многіе платить уже не въ состояніи»...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбаи еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полнаго броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣрнѣе, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ вполнѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ бить кнутомъ; но самая безсмысленность этого утвержденія заставляетъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленнѣе всего, и повидимому правдивѣе, показанія насчетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему линтваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ расчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицомъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, ки-

нулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показуетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не успѣвалъ и къ таковому добронравію привернуть не моглъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣлс не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетьми на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательствъ Коробки.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОДАРОКЪ[1].

Что человѣкъ рабъ привычки—старая истина. Но несмотря на то, что она стара, а можетъ быть именно потому, что она стара, надо не мало воображенія, чтобъ представить себѣ всю глубину и значеніе этого, повидимому избитаго, общаго мѣста. Привычка, какъ бы гипнотизируя человѣка постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній, извращаетъ то, что мы привыкли считать связаннымъ съ основными свойствами и законами человѣческой природы. Умный, подъ вліяніемъ привычки, перестаетъ замѣчать логическія противорѣчія, ясныя какъ дважды два, понятныя даже ребенку; одаренный чувствомъ справедливаго не возмущается вопіющими несправедливостями, добрый и сострадательный равнодушно смотритъ на отвратительныя жестокости и т. д. и т. д. Конечно, каждый изъ насъ множество разъ поражался этими противорѣчіями издали. Но какъ трудно усмотрѣть ихъ въ окружающей средѣ, непосредственно на насъ вліяющей, и сколько для этого надо исключительныхъ условій, заключающихся будь то въ выдающемся умѣ, въ большихъ и разностороннихъ знаніяхъ, въ особенной обстановкѣ или положеніи и т. д. Неудивительно поэтому, что лишь очень немногіе могутъ возвыситься до объективнаго или критическаго взгляда на окружающее, да и эти немногіе, большею частью, страдаютъ притупленной воспріимчивостью; притупленная же воспріимчивость выражается въ апатіи, неспособности что-нибудь предпринять въ смыслѣ воздѣйствія на окружающее.

Кому, напр., въ настоящее время не ясно, какъ Божій день, что крѣпостное право есть учрежденіе, противное и Божескимъ законамъ и естественнымъ, вложеннымъ, казалось бы, въ душу каждаго человѣка; и нужны ли, чтобы это понимать и чувствовать,

[1]) Кіевская Старина. 1888., № 12.

какія-нибудь особенныя высокія качества ума или сердца? А вотъ загляните въ только что появившееся въ свѣтъ собраніе сочиненій Квитки-Основьяненка, въ статейку: «Лысты до любезныхъ землякивъ» и прочитайте, что пишетъ о крѣпостномъ правѣ этотъ мягкій, искренній, добрый человѣкъ, человѣкъ, который любилъ и понималъ свой народъ, какъ немногіе до или послѣ него. Вотъ его слова: «Панськи жъ люды, що зовутця и по кныгамъ пышутця помищиччи крестяны, такъ тымы завидують, управляются и порядокъ дають сами паны, усякъ у своій державы. Якъ надъ казенными справныкъ або становый порядкуе..., такъ надъ своимъ пидданнымъ усякъ помищыкъ убываетця, подушне роспредиля, порядокъ дае и защища ихъ видъ усякыхъ обыдъ чы по сусидству, чы видъ чого бъ то не було; некрутъ дае по своій воли кого и скилки слидуе и усяке таке, яке е у своему господарстви. За те воны повынни помищыку своему робыты, слухаты его у усякимъ дили и якъ отця и начальныка почытуваты; а черезъ те облегченые е начальству: вже имъ нема хлопотъ прямо зъ мужыками: прямо пышуть до пана, що отъ то и то треба зробыты, стилки пидвидъ пидъ военну команду выслаты, отъ таку дорогу або мистъ справыты; отъ помищыкъ и роспорядытця, щобъ не у тягость було людямъ и зъ порядкомъ зроблено. Отъ такъ и йде усе гараздъ.» Что это такое? Сознательная ложь «страха ради іудейска», гнусное лицемѣріе или еще что-нибудь похуже? Ни то, ни другое: это просто состояніе душевной притупленности, психическаго гипноза. А вотъ и еще маленькая иллюстрація къ той же большой темѣ, извлеченная уже изъ архивнаго матеріала, иллюстрація не Богъ знаетъ какая яркая, но не лишенная интереса. Матеріалъ нашъ называется: «дѣло о ищущей свободы изъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матронѣ Бубинской». Дѣйствующія лица нашего маленькаго повѣствованія, которыя заварили всю эту длинную по времени, краткую для передачи исторію, были: первый архіерей слободско-украинской епархіи Христофоръ Сулима и протоіерей Могилевскій, харьковскіе дѣятели первой половины настоящаго вѣка. Епископъ Сулима происходилъ изъ очень интеллигентнаго шляхетскаго южнорусскаго рода Сулимъ [1]). Протоіерей Аѳанасій Могилевскій былъ профессоръ харьковскаго университета и «разсудительный и занимательный», по выраженію Филарета [2]), духовный писатель. Значитъ, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, принадлежащими къ духовной интеллигенціи, которая

[1]) «Кіевская Старина». 1884 г. октябрь, стр, 332—6.
[2]) Обзоръ духовной литературы, преосв. Филарета, ст. Аѳанасій Могилевскій.

ъ тѣ времена еще далеко не такъ была оттѣснена свѣтской, какъ теперь. Конечно, люди эти должны были представлять собою хоть в нѣкоторой степени и умъ, и знанія, и высшую нравственность своей эпохи. Дѣло происходило въ началѣ настоящаго столѣтія. Преосвященный Сулима, по какому то неизвѣстному намъ поводу, подарилъ протоіерею Могилевскому малолѣтнюю «дѣвку», вывезенную имъ изъ Черниговской губерніи, изъ своего родового имѣнія Пашковки, Нѣжинскаго повѣта, и умеръ. Дѣвка выросла у протоіерея на чужой сторонѣ, безъ роду, безъ племени, не помня ни родины, ни родныхъ, не зная даже, кто были ея родители, не зная, какъ она очутилась у протоіерея... Прошло двѣнадцать лѣтъ, и протоіерейская дѣвка уже достигла двадцатилѣтняго возраста. Тутъ, какъ пишетъ она въ своемъ прошеніи, начала она отъ своего господина и его семьи «претерпѣвать разныя изнуренія, какъ то безвинные побои и прочее». Т.-е. это собственно говоря не слѣдуетъ понимать буквально: претерпѣвала она дѣйствительно изнуренія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы они свалились на нее такъ вдругъ. Секретъ не въ изнуреніяхъ, а въ томъ, что «дѣвка» узнала, что «въ прошломъ 1823 г. послѣдовалъ указъ, воспрещающій разночинцамъ и другого званія людямъ имѣть въ услуженіи дворовыхъ людей и крестьянъ по вѣрющимъ письмамъ отъ помѣщиковъ, и таковымъ крестьянамъ дарована свобода». Извѣстно, какъ чутокъ народъ ко всѣмъ подобнымъ распоряженіямъ высшей власти, и даже, къ сожалѣнію, наклоненъ толковать ихъ не въ мѣру льготно: а въ то время въ Малороссіи онъ еще, къ тому же, и не успѣлъ совсѣмъ притерпѣться къ крѣпостной неволѣ.

Итакъ, дѣвка узнала объ указѣ, узнала, что протоіерей Могилевскій не имѣетъ на нее крѣпостнаго акта, хотя и не знала главнаго: что протоіерей, не происходя изъ лицъ шляхетскаго званія, изъ какихъ происходилъ преосвященный Сулима, вовсе не имѣлъ права ею владѣть. Она ушла отъ Могилевскаго и начала искъ о свободѣ. Протоіерей Могилевскій, конечно, былъ человѣкъ достаточно образованный для того, чтобы знать, что онъ не имѣетъ права владѣть крѣпостными. Но тѣмъ не менѣе онъ не только не уступаетъ, а напротивъ энергично поддерживаетъ свое мнимое право, ссылаясь на какое то постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся будто бы въ его пользу десять лѣтъ тому назадъ, когда эту живую собственность требовалъ себѣ назадъ прямой наслѣдникъ преосвященнаго Сулимы, племянникъ покойнаго. Чрезвычайно характерны слова въ отвѣтѣ протоіерея на запросъ, вызванный жа-

лобой Матрены Бубинской, которыми протоіерей объясняетъ мотивы этой жалобы... «сіе произошло не отъ притѣсненій или побоевъ, но единственно по развратности ея поведенія и *по безразсудному намѣренію искать себѣ вольности и жить въ независимости*»... Потянулось это замысловатое дѣло, которое протоіерею въ концѣ концовъ суждено было проиграть, такъ какъ ему уже совсѣмъ не на чемъ было обосновать свои притязанія. Но тянулось оно восемь съ лишнимъ лѣтъ! Конечно, можно сказать, что это еще не Богъ знаетъ что. Мало ли въ судебной практикѣ можно насчитать дѣлъ, которыя тянулись не только восемь, но и дважды и трижды восемь лѣтъ. Это такъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ особенными обстоятельствами, которыя опять таки кидаютъ кой-какой свѣтъ на блаженное старое время и его порядки. Началось дѣло 24 января 1824 года жалобой Матрены Бубинской и отвѣтомъ протоіерея на запросъ полиціи, вызванный этою жалобой. Все пошло обычнымъ порядкомъ, отъ прокурора въ губернское правленіе, изъ губернскаго правленія въ уѣздный судъ. Дѣло было, повидимому, просто и ясно; ничто постороннее его не осложняло, такъ что можно было разсчитывать на такой или иной, но во всякомъ случаѣ скорый его исходъ. Не тутъ то было. Бѣдное правосудіе неожиданно зацѣпилось за невозможную по своей ничтожности преграду—и стало пнемъ. Вотъ какое вышло затрудненіе. Протоіерей, какъ сказано выше, основывалъ свои права на состоявшемся будто бы въ его пользу, десять лѣтъ тому назадъ, постановленіи губернскаго правленія. Уѣздный судъ, при разбирательствѣ дѣла, нашелъ необходимымъ навести справку въ губернскомъ правленіи, дѣйствительно ли было тамъ такое дѣло и состоялось постановленіе въ пользу протоіерея. И вотъ на этой то справкѣ и застряло дѣло. Уѣздный судъ послалъ въ губернское правленіе за справкой въ октябрѣ того же 1824 года. Губернское правленіе справки не доставляетъ. Прошелъ весь слѣдующій годъ—справки нѣтъ. Въ 1826 г. уѣздный судъ снова проситъ губернское правленіе о справкѣ—по прежнему ни гласа, ни послушанія. Въ слѣдующемъ году снова тотъ же результатъ. Такъ идетъ изъ года въ годъ до 1830 г., когда уѣздный судъ, вышедши изъ терпѣнія, доноситъ губернатору о бездѣятельности губернскаго правленія. Судъ продолжаетъ обстрѣливать губернское правленіе просьбами о справкѣ; къ нему присоединяется теперь и тяжелая артиллерія въ лицѣ губернатора, который предложилъ губернскому правленію «учинить немедленно распоряженіе къ поспѣшнѣйшему доставленію справки». Но губернское правленіе оказалось такимъ броненосцемъ, который не такъ то легко было пронять. Гу-

бернаторъ черезъ каждые два-три мѣсяца, наконецъ даже—недѣли, энергически требуетъ отъ губернскаго правленія исполненія просьбы уѣзднаго суда. Но только въ слѣдующемъ 1831 г. губернское правленіе затребовало у своего архиваріуса выправку: восемь лѣтъ надо было его толкать на этотъ подвигъ, надо было пустить для этого 22 бумаги отъ уѣзднаго суда и губернатора! По выправкѣ оказалось, что никакого такого дѣла въ губернскомъ правленіи нѣтъ и никакого постановленія въ пользу протоіерея Могилевскаго дѣлаемо не было, какъ и слѣдовало ожидать. Уѣздный судъ получилъ, что желалъ. Но тутъ новый сюрпризъ. Уѣздный судъ открываетъ неожиданно, что дѣло ему неподсудно, такъ какъ Могилевскій не дворянинъ: вещь, которую онъ обязанъ былъ знать ровно восемь лѣтъ тому назадъ до начала всякихъ справокъ. Да и узнавать то ему было незачѣмъ, такъ какъ въ судѣ было другое дѣло о протоіереѣ, изъ котораго судъ долженъ былъ знать, что протоіерей происходитъ изъ духовнаго званія, слѣдовательно, это дѣло уѣздному суду неподсудно. Дѣло снова поступаетъ въ губернское правленіе. Зная порядки губернскаго правленія, можно было думать, что дѣло забудется окончательно, но къ удивленію этого не случилось. Уже въ апрѣлѣ 1832 г. состоялось постановленіе губернскаго правленія, въ которомъ было сказано, что такъ какъ дѣло просто и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, то дѣвкѣ и должна быть дарована свобода. Мытарства бѣдной дѣвки кончились. Но восемь лѣтъ висѣть между небомъ и землей только потому, что несмазываемое правосудіе губернскаго правленія не удосуживалось сдѣлать выправку у своего собственнаго архиваріуса...

Но что случилось съ губернскимъ правленіемъ, что оно вдругъ обнаружило такую сверхъестественную энергію: всего какой-нибудь годъ, да и того меньше, какъ дѣло поступило изъ уѣзднаго суда, и оно уже рѣшено. А случилось вотъ что. Не успѣло дѣло поступить изъ уѣзднаго суда, какъ губернскимъ правленіемъ полученъ былъ указъ изъ сената, вызванный жалобой прокурора съ требованіемъ дать «безъ малѣйшаго замедленія» объясненіе по дѣлу объ ищущей свободы дѣвкѣ Матренѣ Бубинской. Однако и сенатъ успѣлъ таки два раза повторить свое строжайшее требованіе, прежде чѣмъ губернское правленіе собралось разсмотрѣть дѣло и постановить рѣшеніе.

Строгость же сената объясняется тѣмъ, что губернское правленіе накопило нѣсколько такихъ, однородныхъ, дѣлъ (объ ищущихъ свободы) и цѣлые годы не давало имъ никакого движенія. Надо думать, что тутъ было не безъ вліянія отсутствія смазыванія, на которое едва ли можно было разсчитывать со стороны истцовъ,

ищущихъ свободы, а можетъ быть и хорошая смазка со стороны отвѣтчиковъ. Конечно, и личныя симпатіи губернскаго правленія были цѣликомъ на сторонѣ отвѣтчиковъ. Вѣдь отвѣтчики были по соціальному положенію близкіе, чиновники, купцы и т. п. низшіе пласты привилегированнаго класса, желавшіе распространить на себя пріятное право владѣнія живой человѣческой собственностью. Но допуская даже продажу крестьянъ «по вольнымъ цѣнамъ» (съ публичнаго торгу), правительство тѣмъ не менѣе твердо стояло на томъ, чтобы сдѣлать право крѣпостного владѣнія исключительной прерогативой дворянскаго сословія. Указы въ этомъ случаѣ слѣдовали за указами; нарушители подвергались тяжелой отвѣтственности; центральные органы строго слѣдили за примѣненіемъ закона органами областными. Мы сказали, строго слѣдили, но точнѣе было бы сказать: проявляли стремленіе строго слѣдить. На самомъ же дѣлѣ, такова была всеобъемлющая сила патріархальныхъ привычекъ, что и самъ сенатъ не могъ примѣнить своей большой власти къ тому, чтобъ дать дѣламъ желаемое движеніе. Онъ въ теченіе шести лѣтъ долженъ былъ понуждать губернское правленіе и уѣздный судъ покончить четыре залежавшихся дѣла объ ищущихъ свободы отъ крестьянства и выпустилъ для понужденія семь указовъ. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ такой героической мѣрѣ, которая наконецъ и подѣйствовала,—къ угрозѣ выслать на счетъ виновныхъ въ проволочкѣ курьера изъ Петербурга.

Просто это дѣло объ ищущей свободы дѣвкѣ, но въ немъ какъ солнце въ малой каплѣ воды, отражаются кое-какія характерныя черты эпохи. Передъ нами представители высшей духовной іерархіи, интеллигентные люди своего времени, которые не гнушаются тѣмъ не менѣе дарить и принимать въ даръ живого человѣка, беззастѣнчиво отрывая его отъ родины, родныхъ, всѣхъ привычныхъ условій жизни. Мало того, ученый протоіерей рѣшается поддерживать свое право, даже зная, что оно не опирается на твердую почву закона: конечно, онъ глубоко убѣжденъ, что если онъ не правъ формально, то правъ по существу, и что дѣвка лишь по «развратности и безразсудству» хочетъ нарушить его право, созданное архіерейскимъ дареніемъ. Передъ нами судебно-административныя учрежденія того дореформеннаго типа, который являлся представителемъ идеи, что не учрежденія существуютъ для общества, а общество для нихъ, для наполненія безконечно глубокихъ кармановъ ихъ служителей.

Рабство необходимо, по приведенному выше мнѣнію Квитки, для порядка; но не имѣемъ ли мы здѣсь случая убѣдиться, что оно является спутникомъ возмутительнаго безпорядка?

ДВА НАМѢСТНИКА[1].

Академикъ Зуевъ путешествовалъ въ 1781—1782 гг. съ чеными цѣлями по южной Россіи. Случилось ему проѣзжать черезъ Харьковъ. Здѣсь вышла съ нимъ нѣкоторая непріятность. Почтенный академикъ повздорилъ съ почтосодержателемъ изъ-за лошадей пошелъ жаловаться губернатору. Тотъ его грубо оборвалъ и велѣлъ отвести къ намѣстнику. Намѣстникъ приказалъ посадить бѣдаго ученаго, будто бы за невѣжливость по отношенію къ губерратору, на ночь на гауптвахту, а на другое утро велѣлъ двумъ усарамъ тащить его къ себѣ. Тутъ вышла слѣдующая милая ценка, какъ ее описываетъ самъ Зуевъ.—«Что, братецъ, куда ты аѣхалъ?» началъ намѣстникъ: «или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: ля чего ты такъ неучтиво поступаешь?.. Конечно, васъ вѣжлиости въ академіи не учатъ: такъ я ужъ много вашу братью училъ теперь тебя учить стану». Намѣстникъ поставилъ академика у орога, велѣлъ смотрѣть на себя и началъ показывать, какъ тотъ олженъ передъ нимъ, намѣстникомъ и генералъ-аншефомъ, держать уки, какъ стоять, какъ кланяться, какъ говорить. Зуевъ былъ редупрежденъ офицеромъ, чтобы ни въ чемъ не прекословить наѣстнику: «иначе сила его велика и власть страшна»; онъ и не рекословилъ. Продѣлавши все по артикулу, бѣдный академикъ ылъ милостиво отпущенъ съ такимъ напутствіемъ: «Мы въ тебѣ ужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя наетъ (не знать этого намѣстникъ не могъ, имѣя всѣ необходиыя бумаги), поѣзжай!»—«Дошла очередь и до меня»—пишетъ уевъ въ академію, «сравняться бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеыми людьми, которые, путешествуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣ-

[1]) Кіевская Старина. 1889, № 7.

лались извѣстными несчастіемъ... все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случалось; я внутри моего отечества, въ Харьковѣ, захваченъ, посаженъ подъ караулъ, обезчещенъ... Я чувствую теперь ослабленіе силъ тѣла и духа; не чаю, будучи въ безпрестанномъ страхѣ, впредь въ дальнѣйшемъ пути, великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія безполезнѣйшая моя жизнь безопасностью своею однако будетъ для меня сноснѣе» [1]).

Намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, задавшій такого страху бѣдному ученому, былъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ; онъ былъ первымъ намѣстникомъ вновь образовавшихся въ 1780 году двухъ намѣстничествъ, харьковскаго и воронежскаго. Прошло пятнадцать лѣтъ. Постъ намѣстника харьковскаго и воронежскаго, вмѣсто Щербинина, занимаетъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ. У насъ нѣтъ матеріала ни для какой сцены, которая бы пошла въ pendant къ предыдущей; но за то есть нѣсколько распоряженій, которыя достаточно рисуютъ административную личность намѣстника. Во главѣ всего—его первое распоряженіе, родъ манифеста къ жителямъ ввѣреннаго ему края, манифеста, обнародованнаго тотчасъ по принятіи въ руки браздовъ намѣстническаго управленія. Не желая портить характернаго оригинала переложеніемъ, мы не поскупимся на выдержки, въ полной увѣренности, что читатель на насъ за нихъ не посѣтуетъ. Документъ этотъ носитъ оффиціальное названіе «Предложеніе воронежскому намѣстническому правленію». Намѣстникъ прежде всего излагаетъ въ немъ взглядъ на свои обязанности. Вотъ этотъ взглядъ: «Долгъ служенія и обязанность требуетъ моего попеченія, дабы въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ народъ и всѣ обитатели въ нихъ, блаженствуя, наслаждались покоемъ и не были безъ вины утѣсняемы сильными, заступать таковыхъ утѣсненныхъ и находить способы къ удовлетворенію каждаго законнымъ образомъ, что пріемля съ удовольствіемъ, не щажу я себя быть всегда въ сихъ заботахъ на службу отечеству и на выполненіе Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей моей Государыни высочайшихъ учрежденій и ея законовъ. И какъ рвеніе мое требуетъ поспѣшить на самомъ дѣлѣ показать мое усердіе и соболѣзнованіе къ отягощеннымъ жребіемъ людямъ, и по сему я готовъ каждому помогать, имѣющимъ во мнѣ надобность».

[1]) К. Щелкова. Харьковъ, историко-статистическій опытъ. 1880 г.

Такъ смотритъ генералъ-губернаторъ на свои обязанности. Теперешнее его предложеніе намѣстническому правленію именно и имѣетъ цѣлью оповѣщеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, что «если кто по коимъ обстоятельствамъ отъ кого утѣсняется или терпитъ отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ притѣсненіе и по дѣламъ проволочку, то всѣ бы таковые являлись ко мнѣ, требуя моего заступленія и удовлетворенія, подтвердивъ наистрожайше, чтобы никто изъ чиновниковъ не заграждалъ обидимымъ свободнаго пути къ моему прибѣжищу». Въ заключеніе намѣстникъ высказываетъ, какихъ результатовъ онъ ждетъ отъ проведенія своихъ взглядовъ и системы: «Я надѣюсь и ожидаю благовременнаго прекращенія всѣхъ непорядковъ, законамъ противныхъ, гдѣ бы оные оказаться могли, такожъ сохраненія въ ненарушимости всякаго рода благонравія, мира и тишины».

Но, можетъ быть, намѣстникъ харьковскій и воронежскій Андрей Яковлевичъ Леванидовъ былъ просто на просто поэтъ въ душѣ, который чувствовалъ самоуслажденіе, представляя въ яркихъ и красивыхъ краскахъ свои обязанности и звучно о нихъ расписывая. Такіе поэты въ душѣ очень часто встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ; чувство нравственнаго долга по отношенію къ этимъ своимъ обязанностямъ можетъ у нихъ отсутствовать всецѣло. Но, повидимому, здѣсь было не то. Кромѣ приведеннаго выше документа съ общимъ характеромъ, сохранились и еще распоряженія Леванидова по детальнымъ вопросамъ управленія, показывающія, что намѣстникъ вникалъ въ подробности и желалъ внести въ нихъ серьезныя улучшенія. Прежде и больше всего, его вниманіе было обращено на городничихъ,—этотъ главный уѣздный органъ тогдашняго административнаго управленія. Тогдашніе городничіе не только не стояли на высотѣ своего призванія, какъ его понималъ намѣстникъ, а просто были, что говорится, ниже всякой критики. Вотъ какъ ихъ описываетъ Леванидовъ въ одной оффиціальной бумагѣ: «Господа городничіе подъ предлогомъ разныхъ невозможностей по своимъ должностямъ удерживаютъ просителей по дѣламъ долговременно и отнимаютъ время по хозяйству, да и медленность отъ сего по ихъ дѣламъ происходитъ. И какъ я самъ опытомъ сіе дозналъ, что городничіе покоиться обыкли, такъ по утрамъ, какъ и втеченіи дня, и что скоропроѣзжающимъ ихъ видѣть трудно. А есть таковые, что на хуторахъ проживаютъ, оставляя городъ, и пріѣзжимъ отговариваются болѣзнями, и часто

бываетъ, что и офицера при командѣ въ городѣ нѣтъ, а должно дѣло имѣть съ унтеръ-офицеромъ только или капраломъ статной команды, людьми развратившимися, часто пьяными или съ похмѣлья едва говорящими, къ стыду и нарѣканію начальникамъ губерніи и единственно только отъ лѣности, праздности и нераченія о своей должности господъ городничихъ... Ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ, а о исправности мостовыхъ по улицамъ и мостахъ черезъ рѣки и о умноженіи строеній въ городахъ черезъ ласковое обхожденіе съ жителями, пріохочивая ихъ къ оному, никогда и въ мысль имъ не входитъ, чтобы имѣть о семъ попеченіе»...

Самъ же Леванидовъ понималъ обязанности городничихъ довольно широко. «Даю вамъ знать», пишетъ онъ бѣловодскому городничему: «чтобы вы оправдали свой выборъ порученіемъ столь важной должности, какова городническая, отличнымъ собственно вашимъ и примѣрнымъ въ жизни поведеніемъ, стараніемъ ежечаснымъ о устройствѣ города, о приведеніи ласкою обывателей къ скорому и хорошему исправленію строеній, дѣланію мостовыхъ въ городѣ»...

Въ обязанность городничаго, кромѣ «приведенія ласкою обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ», онъ включаетъ слѣдующее. Прежде всего наблюденіе за тѣмъ, чтобы «люди, торгующіе съѣстными припасами, особливо пріѣзжіе хлѣбопашцы и другіе купцы, были неутѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ, какъ и жители города не обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы»; городничіе должны были слѣдить «за мѣрою и вѣсами, продажею мяса, также хлѣба или булки, чтобы были выпечены хорошо и въ полномъ вѣсѣ продаваемы». Затѣмъ на обязанность городничихъ возлагалось, «яко хозяевъ городовъ, имъ порученныхъ, вездѣ самолично быть, каждаго пріѣзжаго или проѣзжающаго видѣть, особамъ чиновнымъ (первыхъ пяти классовъ) услуги свои предлагать, дѣлая по чести должныя и, словомъ, всегда на все въ городѣ имѣть примѣчаніе». Наконецъ, городничіе же должны были доставлять намѣстнику свѣдѣнія о томъ, «какія случатся важныя и примѣчанія достойныя происшествія»: они должны были рапорты о такихъ происшествіяхъ «съ аккуратнѣйшимъ всего случившагося описаніемъ доставлять съ нарочными драгунами». Это относительно важныхъ происшествій; о неважныхъ же всѣхъ также нужно было сообщить, только уже не черезъ нарочныхъ, а «черезъ семь дней посредствомъ учрежденной для возки писемъ почты»

ıѣстѣ съ рапортами о благосостояніи города и воинской штатной)манды, свѣдѣніями о торговыхъ и справочныхъ цѣнахъ на хлѣбъ фуражъ и о проѣзжающихъ первыхъ классовъ знатныхъ особахъ. идимо, Леванидовъ чувствовалъ себя серьезно заинтересованнымъ томъ, чтобы быть au courant всего, совершающагося въ его мѣстничествѣ.

Серьезнымъ бѣдствіемъ старинной общественной жизни было ѣдленное дѣлопроизводство, главнымъ образомъ судебное; бѣдствіе о было особенно ощутительно для людей «отягченныхъ жребіемъ», ѣдовательно неимѣющихъ возможности подмазывать колесницу Ѳеиды и тѣмъ облегчать ея тяжелый ходъ. Леванидовъ, видимо, ржалъ въ головѣ это обстоятельство еще въ то время, когда ісалъ свой манифестъ. А затѣмъ изъ письма его воронежскому бернскому прокурору видно, что онъ принималъ съ своей стороны ѣры къ тому, чтобы ускорить движеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, тобы господа присутствующіе, секретари и всѣ, вообще, нижніе)иказные служители всегда приходы и выходы изъ своихъ мѣстъ іѣли въ установленное время, нимало никуда отнюдь безъ позвонія и увольненія начальства ни на какое время изъ города не лучаясь, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло, что «уѣздныхъ іжнихъ земскихъ судовъ, такъ и расправъ нижнихъ вообще судьи, ѣзжая въ дома свои, живутъ почти безвыѣздно и рѣдко когда соıраются». Требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ накопилось много нерѣшенıхъ дѣлъ, судьи засѣдали и послѣ полудня и т. д. За неисполненіе іихъ требованій, за проволочки, за самовольныя отлучки онъ грожалъ строгими карами закона.

Послѣдній пунктъ, на который была обращена административная ѣятельность Леванидова, поскольку мы можемъ судить о ней при)мощи дошедшихъ до насъ документовъ, это была беззащитность)естьянъ (государственныхъ), ихъ неумѣнье организовать себѣ су)бную защиту и всѣ послѣдствія такого неумѣнья. Леванидовъ зображаетъ все это въ очень рѣзкихъ краскахъ, особенно напирая крестьянскихъ повѣренныхъ, или ходоковъ. «Поселяне казеннаго ѣдомства, такъ пишетъ онъ, для хожденія за дѣлами до цѣлаго хъ общества касающимися, какъ то: о раздѣлѣ состоящихъ въ)сѣдствѣ или черезполосныхъ съ кѣмъ либо владѣній земель, о)ичиненныхъ имъ разнаго званія людьми вырубленіемъ собственныхъ хъ лѣсовъ, выкошеніемъ травы и другихъ сему подобныхъ обидахъ, ıряжаютъ изъ собратіи своей повѣренными людей такихъ, кои ли вовсе безграмотные, или же, зная нѣсколько оной, невоздержной

жизни, которые неточію могутъ изобразить на словахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ наносимыя обществу ихъ обиды, но и при написаніи прошеній пересказываютъ, смѣшавъ матерію, совсѣмъ не то, о чемъ имъ довѣрено отъ жителей; часто бываютъ сіи повѣренные нерадивые общей пользѣ и не хотятъ помыслить сыскивать для написанія прошеній людей, прямо знающихъ, а сами, обращаясь всегда въ пьянствѣ, не только, чтобы канцелярскій обрядъ были знающіе, но и писать не научившіеся и отъ невоздержанности и ежедневнаго въ пьянствѣ и невѣжествѣ обращенія всегда мысли имѣютъ отягченныя, составляютъ свои просьбы такія, какъ ему разсудится, уклоняясь совсѣмъ отъ настоящаго дѣла и довѣрія общественнаго». Такимъ образомъ появляются крестьянскія прошенія съ рукоприкладствомъ просителей, о которыхъ рукоприкладчики не имѣютъ «никакого понятія, ниже свѣдѣній, что въ нихъ помѣщено». Понятно, что отъ этого должны были происходить безчисленныя затрудненія и безполезная трата времени, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, которыя съ ними имѣли дѣло. Намѣстникъ хотѣлъ помочь злу оповѣщеніемъ крестьянъ черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, «чтобы они, если случится о чемъ либо принесть въ общественныхъ дѣлахъ ихъ начальству или какому либо другому присутственному мѣсту жалобы, то бы для подачи оныхъ и хожденія за дѣломъ избирали изъ собратіи своей людей трезваго поведенія и всякаго вѣроятія заслуживающихъ, и не одного, а двухъ, снабдивъ ихъ достаточными и закону соотвѣтствующими довѣріями, дозволили бы вступить въ просьбы». Затѣмъ эти повѣренные должны были предварительно представлять всѣ документы на разсмотрѣніе уѣздныхъ стряпчихъ, которые должны были удостовѣряться, что въ бумагахъ нѣтъ ничего «посторонняго и закону противнаго». Дѣло должно было имѣть движеніе лишь послѣ такой предварительной цензуры уѣздныхъ стряпчихъ.

Вотъ и все немногое, что мы могли извлечь изъ нашихъ актовъ о дѣятельности харьковскаго и воронежскаго намѣстника Андрея Яковлевича Леванидова. Итакъ, передъ нами двѣ фигуры двухъ харьковскихъ намѣстниковъ конца прошлаго вѣка, т.-е., собственно, не фигуры, а ихъ контуры, и даже не контуры, а кусочки контуровъ, но кусочки настолько характерные, что по нимъ легко реставрировать цѣлое. Все въ первой фигурѣ дышетъ неукоснительностью щедринскаго градоначальника, который готовъ самимъ стихіямъ предъявлять свое грозное: «зачѣмъ сіе?» и «не допущу!»

Все во второй благоухаетъ эс-букетомъ гуманности, немножко

сантиментальной на нашъ взглядъ, пожалуй слащавой, той специфической гуманности, которая характеризуетъ собою восемнадцатый вѣкъ. И вотъ эти фигуры, такъ непохожія, противоположныя, можно сказать исключающія одна другую, стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же общественномъ положеніи, на одной и той же территоріи, раздѣленныя незначительнымъ промежуткомъ времени. «Сила ихъ велика и власть страшна», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой и очень не малой степени. Ну, и что жъ? Успѣлъ ли Щербининъ, со всей силой своей страшной намѣстнической власти, обратить харьковскую губернію въ казарму и обучить слободскихъ обывателей артикулу? Нѣтъ, сколько можно судить; по крайней мѣрѣ они и до сихъ поръ сохранили наивность своихъ исконныхъ привычекъ. Но академика Зуева онъ несомнѣнно выпроводилъ и несомнѣнно отвадилъ его отъ поползновеній производить научныя изслѣдованія на территоріи, ввѣренной его, Щербинина, намѣстническому попеченію. Успѣлъ ли Леванидовъ насадить въ харьковской губерніи рай, въ которомъ бы «народъ и всѣ обитатели, блаженствуя, наслаждались покоемъ»? Нѣтъ, повидимому: по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно никакихъ слѣдовъ или остатковъ райскихъ наслажденій, и едва ли можно надѣяться, что ихъ откроетъ самое тщательнѣйшее разслѣдованіе. Но, можетъ быть, не успѣвъ устроить рая, онъ все-таки успѣлъ пересоздать, въ духѣ своихъ гуманныхъ принциповъ, какую нибудь частичку ввѣреннаго ему огромнаго дѣла? Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить да или нѣтъ на этотъ вопросъ. Но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній. У насъ приведено достаточно подлинныхъ выписокъ изъ распоряженій Леванидова, чтобы читатель могъ, буде это покажется ему интереснымъ, самъ слѣдить за нашими соображеніями и провѣрять ихъ. Не найдете ли вы, читатель, вмѣстѣ съ нами, что эти распоряженія, блещущія столь яркой гуманностью, на самомъ дѣлѣ полны противорѣчій и нецѣлесообразностей, уничтожающихъ ихъ реальный смыслъ? «Городничіе», по словамъ Леванидова, «покоиться обыкли по утрамъ, такъ и втеченіи дня, и ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ». Такъ. Но гдѣ же черпаютъ городничіе средства для роскоши, отъ которой ослабѣла ихъ мысль и тѣло? Неужели въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ рублей ассигнаціями годового жалованія, которые они получали? Не могъ же Леванидовъ не знать ничего о взяточничествѣ, коренномъ злѣ, кото-

рое подтачивало всѣ тогдашнія общественныя отношенія; отчего же онъ не заикается объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя и подходитъ вплотную? Далѣе: намѣстникъ желаетъ, чтобы городничіе «ласкою приводили обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ по улицамъ и мостовъ чрезъ рѣки», «къ умноженію строеній». Но какъ стоитъ бѣлый свѣтъ, люди улучшали постройки или устраивали мостовыя лишь по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствовали въ этомъ потребность и имѣли необходимыя средства, или потому, что были вынуждаемы къ этому внѣшней силой. Конечно, ни одинъ мостикъ ни чрезъ малѣйшую рѣчку не воздвигся изъ любви обывателей къ ласковому начальству. А какъ трудно обходиться въ данномъ случаѣ лаской, можетъ служить яркимъ доказательствомъ самъ глашатай этихъ гуманныхъ принциповъ. Вотъ что пишетъ Ярославскій въ своихъ запискахъ [1]): «Господинъ генералъ-губернаторъ (никто иной, какъ Леванидовъ) захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хоть фашинникомъ, и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ г. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра. Но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и вскорѣ умеръ». Вотъ тебѣ и примѣръ «ласковаго обхожденія съ жителями!» Наконецъ, намѣстникъ требовалъ отъ городничихъ наблюденія за тѣмъ, чтобы «люди торгующіе съѣстными припасами, особливо хлѣбопашцы и другіе купцы были не утѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ», и въ то же время, «чтобы жители города не были обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы». Но если предоставить пріѣзжимъ торговцамъ полную свободу, то какъ сдѣлать, чтобы они никогда не обременяли жителей возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы? Если же жители никогда не должны быть обременены, то какъ обезпечить торговцамъ полную свободу? «Свобода, такъ—не порядокъ; порядокъ, такъ—не свобода».

Что же остается затѣмъ изъ всѣхъ намѣстническихъ попеченій о го-

---

[1]) Харьковскій Сборникъ (приложеніе къ Харьковскому календарю на 1887 г.).

родничихъ? Предписаніе объ «отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи», о встрѣчѣ особъ первыхъ пяти классовъ, да о доставленіи свѣдѣній намѣстнику. Два послѣдніе пункта городничіе, конечно, держали и безъ всякихъ напоминаній крѣпко въ головѣ, памятуя, что именно здѣсь, а не въ иныхъ направленіяхъ «путь къ похвалѣ и награжденію».

Предписанія же объ «отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи», конечно, никогда не были и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только реторическимъ украшеніемъ начальническихъ обращеній къ подчиненнымъ.

Тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, а слѣдовательно тѣмъ же безплодіемъ, поражено все, чѣмъ Леванидовъ думалъ исправлять тягостную медленность тогдашняго судопроизводства. Ни для кого самаго наивнѣйшаго изъ современниковъ не было тайной, что уже гдѣ-гдѣ, а въ судѣ то непремѣнно все держится подмазываніемъ, и хоть собирайся судьи аккуратно, хоть не собирайся, а все-таки скорость дѣла будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству даяній, если только не нарушитъ этотъ соціальный законъ вліяніе какого-либо сильнаго лица. А что могли сдѣлать распоряженія Леванидова для крестьянскаго благосостоянія—объ этомъ, право, даже и говорить совѣстно. Конечно, если крестьяне временъ Леванидова были такъ глупы, что не понимали, что необходимо вручить защиту своихъ интересовъ толковымъ и порядочнымъ людямъ, то едва ли земскіе исправники могли имъ втолковать эту истину, тѣсно связанную съ практическимъ умѣньемъ отличать толковаго человѣка отъ безтолковаго и порядочнаго отъ безпорядочнаго. Уѣздный же стряпчій, въ качествѣ посредника и цензора, былъ только лишнимъ крючкомъ, цѣплявшимся за просительскіе карманы. Итакъ, если о гуманной дѣятельности Леванидова можно судить по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дошли до насъ, — а пожалуй, что мы и въ правѣ это дѣлать, то едва ли можно приписать ей какую либо дѣйствительную, объективную цѣнность: субъективная же сторона, оцѣнка его побужденій, конечно, сама по себѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Не въ личности ли Леванидова, недостаточно цѣльной и сильной, чтобы идти напрямикъ съ проведеніемъ своихъ гуманныхъ принциповъ? Есть основаніе думать, что можетъ быть отчасти и такъ.

Ярославскій пишетъ о Леванидовѣ слѣдующее: «Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фаво-

риту Зубову и черезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генералъ-губернаторство»... Но уже во всякомъ случаѣ, гораздо больше чѣмъ въ личности, въ самихъ условіяхъ, не только ставившихъ непреодолимыя преграды для дѣятельности, но заполонявшихъ и самую личность со всѣми ея гуманными принципами. Напр., въ его же собственномъ намѣстничествѣ, въ воронежской губерніи, гдѣ была казенная продажа водки, цѣловальникамъ ставилось казенной палатой постоянно на видъ, если они продавали въ извѣстный періодъ водки меньше, чѣмъ въ предыдущій. Къ чему могли тутъ привести заботы о народной нравственности?

Въ чемъ же мораль басни, буде басня нуждается въ морали? А мораль незамысловатая. Щербинину ничего не стоило выгнать изъ своего намѣстничества Зуева, казалось бы совершенно гарантированнаго своимъ званіемъ академика по крайней мѣрѣ хоть отъ выправки по артикулу. Леванидову же едва ли удалось добиться и того, чтобы въ районѣ его владѣній булки были выпечены какъ слѣдуетъ. Ergo: разрушать легче, чѣмъ созидать [1]).

---

[1]) Дѣло изъ Малороссійскаго Архива: распоряженія намѣстника харьковскаго и воронежскаго Леванидова.

СТАРИННАЯ ОДЕЖДА

И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ДОМАШНЯГО БЫТА СЛОБОЖАНЪ [1]).

Историческій южно-русскій Архивъ, хранящійся при Харьковскомъ университетѣ, заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго матеріала и ля внѣшней исторіи и, вѣроятно, еще болѣе — для внутренняго ыта Украины, вообще, а въ частности и Слободской Украины.)нъ, можно сказать, еще не тронутъ и ждетъ работниковъ. Настощая замѣтка можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія деальныя подробности внутренняго быта могутъ быть возстановлены о дѣламъ, заключающимся въ архивѣ. Мы взяли дѣло (начавіееся въ 1705 г.) о конфискованныхъ вещахъ, составлявшихъ вижимое имущество ахтырскихъ полковниковъ Ивана и сына его Ļанила Перекрестовыхъ, и на основаніи его хотимъ представить, акъ одѣвались, а частью также и какъ обставляли себя въ своемъ омашнемъ быту Слобожане начала XVIII, а слѣдовательно и конца ⟨VII вв. Конечно, описаніе, составленное на основаніи лишь такого іатеріала, какъ голый перечень вещей, не можетъ не страдать отывочностью и сухостью; но за то оно составлено на основаніи іатеріала, относящагося къ первой эпохѣ существованія Слободской 'краины, хотя, какъ надо думать, имѣетъ силу и для послѣдующаго времени вплоть до учрежденія намѣстничества, когда произоіелъ крутой переломъ въ нравахъ и была оставлена, между проимъ, и старинная одежда. Но, скажутъ, можетъ быть, можно ли ринять обстановку человѣка, находящагося въ такомъ исключительомъ положеніи, какъ богатый полковникъ, за характерную для анной эпохи? Конечно, можно, отвѣчаемъ мы съ увѣренностью, акъ какъ разница въ обстановкѣ между исключительно поставлен-

---

[1]) Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Вып. I.

нымъ и среднимъ человѣкомъ того времени могла быть только количественная, но не качественная. Наоборотъ, обстановка богатаго имѣетъ для изученія тѣ преимущества, что представляетъ полноту типа, идеалъ, къ осуществленію котораго стремилось все ниже стоящее на ступеняхъ общественной лѣстницы. Вліяніе же личнаго настроенія, индивидуальнаго вкуса, моды и т. п. также мало отражалось на принадлежностяхъ домашняго быта полковника Перекрестова, какъ и послѣдняго козака или подданнаго мужика. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ полномъ правѣ брать обстановку полковника Перекрестова, какъ она выступаетъ изъ перечня движимаго имущества, за типичную. Въ нѣкоторую помощь себѣ, воспользуемся маленькой замѣткой Квитки объ одеждѣ Слобожанъ, помѣщенной въ «Современникѣ» за 1841 г. (№ 1, ст. «Украинцы», стр. 79).

Приступая къ изложенію, сдѣлаемъ прежде всего слѣдующее ограничивающее замѣчаніе. Перечень вещей—нашъ основной матеріалъ—несмотря на свою кажущуюся полноту, очень односторонен. Очевидно, въ него вошли только вещи, имѣвшія «денежную», «рыночную» стоимость въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. пріобрѣтенныя за деньги. Вся масса вещей, производившихся въ домашнемъ хозяйствѣ и потреблявшаяся, конечно, внутри этого хозяйства,—не вошла въ этотъ перечень вовсе. А масса этихъ вещей, при тогдашнихъ патріархальныхъ условіяхъ экономическаго быта, должна была быть чрезвычайно значительна и по объему и по цѣнности. Бѣлье, разумѣется, шилось изъ полотна, которое ткалось работницами подъ личнымъ наблюденіемъ пани-полковницы; сама пани-полковница, конечно, не брезгала одѣваться въ плахты, которыя производились искусными мастерицами тутъ же, у нея, въ домѣ. Такъ, полковникъ носилъ въ будни шапку изъ смушекъ своего стада и домашней выдѣлки; въ горницахъ персидскими коврами покрывались лавки, сдѣланныя изъ своего лѣса собственными мастерами въ своей домашней мастерской и т. д. и т. д. Понятно, какой пробѣлъ въ представленіи о домашнемъ обиходѣ долженъ вытекать, когда исключить изъ его принадлежностей всю эту массу вещей, оставивъ лишь то, что, по понятіямъ того времени, единственно представляло собою денежную цѣнность. Но мы даемъ, что можемъ, т.-е. то, что намъ самимъ дастъ матеріалъ.

Прежде всего, самый существенный, самый главный и цѣнный предметъ бытовой обстановки—одежда. Сначала скажемъ о мужской одеждѣ, затѣмъ о женской.

Верхняя одежда Слобожанъ, какъ и вообще малорусскаго коза-
ства тѣхъ временъ, состояла изъ слѣдующихъ главныхъ состав-
хъ частей: широкихъ шароваръ, нижняго полукафтанья и верхней
жды, черкесски съ откидными рукавами, на красотѣ которой,
жется, сосредоточивались главнѣйшія попеченія. Эти двѣ главныя
ставныя части мужской одежды въ перечнѣ вещей полк. Пере-
естова всюду окрещены посадскими воронежскими людьми,—вѣ-
ятно, великороссами,—общимъ именемъ кафтана. Такъ и мы бу-
мъ ихъ называть. Кафтаны эти мы находимъ въ огромномъ оби-
і и разнообразіи. Прежде всего они дѣлятся на теплые, т.-е.
ховые, и холодные. Теплые были сравнительно проще, такъ какъ
имѣли никакихъ украшеній, лишь изрѣдка полы опушались «огон-
ми» (хвостами). Мѣха подъ эти кафтаны клались собольи,—
астинчатые, пупчатые или лапчатые,—лисьи,—черевьи или хреб-
вые, красныхъ лисицъ,—и, наконецъ, бѣльи хребтовые. Крылись
и мѣха: собольи краснымъ, зеленымъ бархатомъ или сукномъ,
тальные—сукномъ, краснымъ, васильковымъ, коричневымъ, ма-
вымъ или лимоннымъ съ искрою, свѣтло-лимоннымъ, а также
мкою, дымчатою, песочною, коричневою, васильковою, осиновою.
олодные кафтаны имѣли болѣе нарядный видъ. Для покрышки ихъ
пускались ткани болѣе блестящія и нарядныя. Ткань эта кла-
сь на простую подкладку; но за то такой кафтанъ долженъ былъ
обходимо имѣть «подпушекъ», т.-е. быть обложенъ какой-нибудь
угой тканью, иного цвѣта и тоже болѣе или менѣе цѣнной. Кромѣ
го, на этихъ кафтанахъ бывали серебряныя пуговицы, «мелкія»,
частыя», какъ объ нихъ часто говорится въ перечнѣ, и иногда
обѣихъ полахъ по драгоцѣнной «запонкѣ» съ изумрудами, «крас-
ыми каменьями», и т. п. Кафтаны эти дѣлались изъ объяри,
бабереку», вишневые, золотые, или жаркіе, темнолимонные,—все
о съ золотыми и серебряными травами, затѣмъ изъ бархату, крас-
ые и желтые, наконецъ, болѣе простые и больше всего изъ камки
мыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: коричневые, васильковые, зеленые,
асные, осиновые, малиновые, дымчатые; также иногда и изъ
кна. Камчатные кафтаны бывали иногда тоже и съ серебряными
авками. «Подпушекъ» непремѣнно долженъ былъ быть другого
ѣта, чѣмъ покрышка: такъ красный кафтанъ имѣлъ желтый,—
зоревый подпушекъ, дымчатый кафтанъ — зеленый подпушекъ и
д. Достоинство подпушка было въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ
крышки кафтана: объяринный, бархатный кафтанъ подпушался
ыкновенно «тафтой», иногда даже атласомъ или объярью, кам-

чатный обыкновенно тоже камкой, изрѣдка тафтой. Для подпушка выбирались яркія матеріи, часто съ травками серебряными или золотыми. Подкладка дѣлалась обыкновено изъ кумачу; для болѣе цѣнныхъ кафтановъ брался иногда киндякъ.

На изображеніяхъ малорусскихъ полковниковъ, въ ихъ полномъ уборѣ, всегда видимъ накинутую на плечи сверхъ всего мантію. И, дѣйствительно, въ числѣ вещей полк. Перекрестова находимъ «епанчу», темнозеленую суконную.

Полукафтанье непремѣнно подпоясывалось, и на достоинство пояса обращалось большое вниманіе. Не мудрено поэтому, что въ перечнѣ мы находимъ значительное количество болѣе или менѣе цѣнныхъ кушаковъ. Все это кушаки турецкіе, или «простые шелковые», или «съ золотомъ», или «съ золотомъ и серебромъ». Они были разныхъ размѣровъ, «большей руки» и «меньшей руки». Преобладающій цвѣтъ кушаковъ—красный, также зеленый.

Шапки мы находимъ въ перечнѣ только бархатные собольи; упоминается о красномъ цвѣтѣ. Про нѣкоторыя сказано, что у нихъ исподъ бѣличьяго мѣху.

Кстати теперь было бы сказать нѣсколько словъ и о саблѣ, этой необходимой принадлежности полнаго козачьяго наряда. Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду дальше поговорить объ оружіи, то оставляемъ пока и саблю, чтобы перейти къ женской одеждѣ.

Въ перечнѣ женской одежды на первомъ мѣстѣ стоитъ также самая верхняя одежда, по терминологіи воронежскихъ посадскихъ людей кафтаны, по мѣстной кунтуши. Кунтушъ имѣлъ талію и рукава въ обтяжку—только назади, въ таліи, были маленькіе сборы,—лежачій воротникъ, откидные отвороты на груди и обшлага на рукавахъ. На груди онъ былъ открытъ и только на таліи схватывался крючкомъ, безъ пояса. Эти женскіе кафтаны такъ же, какъ и мужскіе, были или теплые или холодные. По количеству матерій, употреблявшихся на покрышку подпушекъ, подкладку, по цвѣтамъ этихъ матерій они совсѣмъ приближались къ мужскимъ; главное различіе было въ украшеніяхъ. Въ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживается больше притязаній на красоту, или по крайней мѣрѣ на блескъ, чѣмъ въ мужскихъ. Матеріи тѣ же самыя: объярь, бархатъ, баберекъ, сукно, камка. Но прежде всего, замѣтно, что женщины, для болѣе нарядныхъ кафтановъ, предпочитаютъ объярь и баберекъ съ золотыми и серебряными травками бархату. Затѣмъ видно было, что онѣ обращали большое вниманіе на подпушекъ своихъ кафтановъ, который являлся въ видѣ отложныхъ воротника,

отворотовъ и обшлаговъ. Подпушекъ былъ, конечно, другого цвѣта и цѣнной матеріи. Чаще всего на него шла тафта желтая, простая или струйчатая, жаркая, рудожелтая, алая, также объярь. Старались, чтобъ подпушекъ былъ не только не хуже покрышки по достоинству, но даже лучше: напр., камчатный рудожелтый кунтушъ подпушался лазоревой объярью и т. п. Но подпушкомъ не ограничивалось украшеніе кунтуша. Онъ, какъ теплый, такъ и холодный, непремѣнно обшивался «нѣмецкимъ кружевомъ», или хоть узенькимъ кружевомъ, золотымъ, серебрянымъ, «съ городами». Кружево иногда замѣнялъ галунъ золотой или золотой съ серебромъ. Случалось, что и кружево и галунъ шли вмѣстѣ. Лишь самые простые суконные теплые кунтуши, вѣроятно, старушечьи — обкладывались простымъ шнуркомъ. Женскіе кафтаны, какъ и мужскіе, клались на подкладку; только бархатные могли обходиться безъ нея. Подкладкой служилъ тотъ же кумачъ, рѣже киндякъ; болѣе простые клались и на крашенину. Это — холодные кунтуши. Теплые были двухъ родовъ: или мѣховые или стеганные на ватѣ. Стеганные на ватѣ — это были болѣе простые кунтуши, обыкновенно камчатные. Но на мѣху дѣлались и нарядные кунтуши, не только камчатные, но объяренные и бабереновые со всѣми употребительными украшеніями. Только, надо сказать, что подъ женскіе кафтаны меньше клались цѣнные мѣха, чѣмъ подъ мужскіе. Чаще всего встрѣчается мѣхъ бѣлій, черевій или хребтовый, рѣже лисій, черевій, красныхъ лисицъ, и еще рѣже соболій и рысій; полы нарядныхъ кунтушей опушались иногда огонками собольими и другими. Цвѣта женскихъ кафтановъ тѣ же, что и мужскихъ, только, можетъ быть, нѣсколько чаще, чѣмъ въ мужскихъ, встрѣчается цвѣтъ жаркій, рудожелтый, зеленый, васильковый, вишневый, темномалиновый, лазоревый и сравнительно рѣже коричневый, дикій.

Но женская цѣнная одежда не ограничивается, какъ мужская, кафтаномъ. Кромѣ него находимъ еще саяны и бостроги, хотя надо сказать, что того и другого было по счету гораздо меньше, чѣмъ кунтушей. Саяны—это юбки или, по мѣстному, спідныци. Онѣ дѣлались изъ тѣхъ же матерій, что и кунтуши: серебряной, зеленой, и т. п. объяри съ золотыми и серебряными цвѣтами, цвѣтной камки; также обкладывались нѣмецкимъ кружевомъ «золото съ серебромъ» и клались на кумачную подкладку. Необходимую принадлежность саяна составлялъ бострогъ или корсетъ, безъ рукавовъ; онъ иногда пришивался къ саяну, но чаще надѣвался отдѣльно. Бострогъ, подходя подъ горло, былъ виденъ изъ подъ кунтуша,

который имѣлъ, какъ уже сказано выше, отвороты на груди: оттого и бострогъ также дѣлался изъ цѣнныхъ и блестящихъ матерій: объяри и камки, иногда бархату. Подъ нимъ обыкновенно не было подкладки; украшался онъ тѣми же нѣмецкими кружевами и галуномъ. Чтобъ дать понятіе о вкусѣ тогдашнихъ щеголихъ, проявлявшемся въ такомъ или иномъ соединеніи саяна съ бострогомъ, приведемъ два-три примѣра: «саянъ, объярь серебрянная, по осиновой землѣ травы золотыя, кружево нѣмецкое золото съ серебромъ съ городами,—у него бострогъ объяринной жаркой съ травки золотыми, кружево золото съ серебромъ», или: «саянъ объяринной зеленой, на немъ травки золотыя, кружево нѣмецкое съ городами золото съ серебромъ—у него бострогъ камчатой красной, кружево золото съ серебромъ», или еще: «саянъ камчатой цвѣтной кружево золото съ серебромъ...—у него бострогъ камчатой вишневой кружево золото съ серебромъ» и т. д.

Ни женскихъ шапокъ, ни корабликовъ, ни очипковъ, однимъ словомъ, никакихъ головныхъ уборовъ нѣтъ въ числѣ вещей, вѣроятно, какъ слишкомъ ничтожныхъ по цѣнности.

Можетъ быть, слѣдуетъ причислить къ принадлежностямъ одежды платы и платки, которыхъ упоминается довольно много: бархатные, шитые по угламъ и вкругъ золотомъ и серебромъ, суконные, тоже шитые, наконецъ, турецкіе съ золотомъ и серебромъ; но платы употреблялись и для другихъ надобностей, напр. для покрыванія сѣделъ и т. п.

Неизвѣстно, почему въ числѣ вещей не упоминается монета, которая тогда, конечно—какъ и теперь, составляла одну изъ самыхъ цѣнныхъ принадлежностей малорусскаго женскаго наряда. Нѣтъ ни кораловъ, ни янтарей, ни гранатъ, ни золотыхъ или серебряныхъ крестовъ, ничего, кромѣ одного «червонного, что называется отдукатъ» съ золотою цѣпочкою. Вмѣсто всего этого упоминается только жемчугъ, но зато въ большомъ количествѣ. Изъ остальныхъ драгоцѣнныхъ украшеній находимъ только золотые перстни, большею частью женскіе, хотя упоминаются и мужскіе. Перстни эти были съ алмазами и алмазными искрами, яхонтами, обыкновенными и лазоревыми, изумрудами, лалами.

Если женщины украшали себя перстнями, жемчугомъ и т. п., то главнымъ украшеніемъ мужского наряда было оружіе. Красивое и цѣнное оружіе по крайней мѣрѣ столько же служило для своихъ спеціальныхъ цѣлей, какъ и для удовлетворенія потребностей вкуса, стремленій къ изящному. Разумѣется, не всякое оружіе было оди-

наково пригодно для этой цѣли, а то, по преимуществу, которое могло быть надѣваемо на себя. На первомъ планѣ между этимъ оружіемъ стояла сабля (также палашъ), которая составляла необходимую принадлежность полнаго казачьяго наряда. Самыя цѣнныя сабли это были сабли турецкія. Цѣнныя сабли имѣли золотыя насѣчки, серебряныя вызолоченныя оправы съ червчатыми яхонтами, съ бирюзами и др. драгоцѣнными камнями; черены были яшмовые, черепаховые, рыбьей кости (моржевые), у болѣе простыхъ сабель—буйволовые; ножны хозовыя оправлялись серебромъ, золотились иногда, украшались также цѣнными каменьями, покрывались краснымъ бархатомъ, ножны болѣе простыхъ сабель оправлялись посеребренной мѣдью. Изъ остального холоднаго ручного оружія упоминается лишь обушекъ желѣзной съ насѣчкою, но тоже въ серебряной оправѣ. Огнестрѣльное оружіе обыкновенно оставлялось безъ украшеній; но все-таки щеголяли пистолетными ольстрами (кобурами), отвороты которыхъ шились по сафьяну или сукну золотомъ и серебромъ. Кстати упомяну, что огнестрѣльное ручное оружіе состояло изъ пистолетовъ нѣмецкой работы и пищалей турецкихъ, а также тульскаго и нѣмецкаго дѣла. Турецкія пищали украшались серебряными бляхами. Остальныя принадлежности огнестрѣльнаго оружія были: рога, лядунки и борошни (вѣроятно мѣшки подъ пули). Нарядныя лядунки и борошни также шились золотомъ и серебромъ; рога были буйволовые или простые, накрытые хозомъ, и оправлялись въ серебро. Но все-таки огнестрѣльное оружіе далеко не было такъ удобно для щегольства, какъ его предшественникъ—лукъ съ принадлежностями: хотя въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, луки уже, вѣроятно, не имѣли практическаго значенія, но они упоминаются еще въ числѣ вещей полк. Перекрестова. Упоминаются луки двухъ родовъ: крымскіе и сайдашные. Украшались собственно не луки, а «лубья съ колчанами и стрѣлами». Къ нимъ, прежде всего, требовались сайдачные пояса, которые оправлялись въ вызолоченное серебро; затѣмъ «луби съ колчаны» дѣлались сафьянные и допускали украшенія въ видѣ серебряныхъ и вызолоченныхъ оправъ. Какъ луки, такъ, конечно, и панцыри, мисюрки, наручи были въ началѣ прошлаго столѣтія уже нѣкотораго рода анахронизмомъ, но тѣмъ не менѣе мы находимъ ихъ, и притомъ въ такомъ видѣ, что легко можно представить, какое широкое поле для щегольства представляли они, когда были въ общемъ употребленіи. Панцыри—турецкіе «съ серебряными приправами». Къ панцырямъ добавлялись наладонки съ наручами; наручи дѣлались серебряные.

Мисюрки были тоже серебряныя, мѣстами вызолоченныя—лишь подкладывались желѣзомъ. Иногда желѣзныя мисюрки украшались золотыми насѣчками.

Кстати будетъ здѣсь сказать еще два слова о булавахъ: хоть это и не украшеніе и не оружіе, но ближе все-таки къ этимъ вещамъ, чѣмъ къ принадлежностямъ домашняго обихода, о которыхъ пойдетъ рѣчь дальше. Собственно знаки полковничьяго достоинства назывались не булавами, а перначами, но мы удерживаемъ то названіе, которое встрѣчаемъ въ перечнѣ. Булавы «вѣшались» на деревѣ и были серебряныя вызолоченныя, иногда по черни, и украшались бирюзою. Въ заключеніе этого отдѣла необходимо поговорить о принадлежностяхъ верховой ѣзды, которыя составляли для мужчинъ предметъ заботъ, пожалуй неменьшихъ, чѣмъ и оружіе. Главныя заботы сосредоточивались на самой сложной изъ этихъ принадлежностей, на сѣдлахъ. Сѣдла были или польскія, или черкасскія, или русскія (орчаки). Самое сѣдло могло быть или вовсе безъ оправы, или писано по дереву золотомъ, или крыто ящуромъ, оправлено серебромъ, или серебромъ съ бирюзой, или украшено вызолоченными серебряными штуками съ черныю и т. п. Сѣдельная подушка крылась краснымъ, зеленымъ, гвоздишнымъ бархатомъ, сафьяномъ, сукномъ, шитыми золотомъ и серебромъ; сѣдельныя крыльца того же матеріала и той же отдѣлки, какъ и подушки. Сѣдельные войлоки также покрывались сафьяномъ или бархатомъ, вышивались по угламъ серебромъ, а случалось, даже обкладывались нѣмецкимъ кружевомъ—золото съ серебромъ. Для покрыванія сѣделъ употреблялись также суконные платы, шитые по угламъ золотомъ и серебромъ.

Затѣмъ—узды. Узды были «оправные серебрянныя», вызолоченныя, «болванчатыя», съ похвями и съ наперстями. Упоминается еще «муштучекъ турецкій съ наперсью узенькою, оправа легкая», и сѣдельные тебеньки, простые и крымскіе. Употреблялись и попоны: между прочимъ есть въ числѣ вещей попона «красная, греческая» и попоны «черкасскія, что называются коцы». Этимъ мы заканчиваемъ описаніе одежды и вооруженія слобожанъ, чтобъ перейти къ принадлежностямъ ихъ домашняго быта, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если для одежды и вооруженія есть въ нашемъ перечнѣ сравнительно цѣльный матеріалъ, хотя не лишенный значительныхъ пробѣловъ, причины которыхъ указаны выше, то для того предмета, къ которому переходимъ, мы находимъ, такъ сказать, лишь от-

рывки, намеки. Но читатель не будетъ требовать отъ насъ больше того, что мы можемъ ему дать по добросовѣстномъ знакомствѣ съ матеріаломъ. Все-таки и предлагаемое нами немногое можетъ нѣсколько помочь составить представленіе о степени домашняго комфорта, какимъ пользовались зажиточнѣйшіе изъ нашихъ не слишкомъ отдаленныхъ предковъ.

Вотъ передъ нами спальня богатаго слобожанина. Въ перечнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ рѣчи ни о перинахъ, ни о подушкахъ, которыя, конечно, были роскошны, такъ какъ черпали свой матеріалъ изъ обильныхъ домашнихъ запасовъ. Нѣтъ рѣчи и о постельномъ бѣльѣ, по той же причинѣ, по какой нѣтъ рѣчи ни о какомъ бѣльѣ. Но зато можно составить себѣ понятіе объ одѣялахъ, наволокахъ, по крайней мѣрѣ, нарядныхъ, пологахъ.

Одѣяла были теплыя и холодныя. Теплыя одѣяла подкладывались мѣхомъ или стегались на ватѣ. Употребительный мѣхъ подъ одѣяла—лисій, черевій или хребтовый, красныхъ лисицъ. Одѣяла, кромѣ покрышки, имѣли еще опушку, иногда одного цвѣта сверху, другого—снизу, и подкладку. Болѣе цѣнныя одѣяла крылись камкой, самыя нарядныя—объярью, мѣховыя также и сукномъ. Объяринныя одѣяла опушались также объярью сверху, снизу тафта, напр. такъ: объяринное осиновое одѣяло имѣло опушку изъ красной объяри съ травками золотыми, а снизу подпушено рудо-желтою тафтою. Камчатное одѣяло опушалось камкой непремѣнно другого цвѣта: зеленое—красною камкой, лазоревое—желтою, васильковое—брусничною и т. д. На подкладку этихъ одѣялъ употреблялся кумачъ. Болѣе простыя одѣяла были выбойчатыя, опушались кумачемъ и подкладывались крашенинами. Нарядныя наволоки дѣлались или изъ камки разныхъ цвѣтовъ или изъ атласу, кажется, чаще краснаго; вышивались золотомъ или украшались нѣмецкимъ кружевомъ золото съ серебромъ. На нарядные пологи шла чаще всего тафта, одноцвѣтная или полосатая, также и другія шелковыя легкія ткани. Иногда пологъ дѣлался изъ двухъ тафтъ, напр. рудожелтой и лазоревой и т. п. Простые пологи были выбойчатые, пестрядинные.

Отъ спальныхъ переходимъ къ другимъ комнатнымъ принадлежностямъ или украшеніямъ. Вмѣстѣ съ пологами встрѣчаются завѣсы. Что драпировалось ими? также ли кровати? или окна, двери? на что мы не можемъ дать отвѣта. Только можно сказать, что завѣсы дѣлались тяжелѣе, чѣмъ пологи: кромѣ того, что матеріи для нихъ брались болѣе плотныя, онѣ еще клались на подкладку и

опушались. Онѣ были изъ бархату, атласа, тафты, камки разныхъ цвѣтовъ, непремѣнно съ золотыми травками, на подкладку тоже бралась матерія не изъ простыхъ: тафта, киндякъ, кутня (сукно?). Опушка, замѣнявшая позднѣйшія бахромы, придумывалась иногда очень замысловато: такъ, у краснаго атласнаго завѣса находимъ опушку изъ чернаго бархата съ золотыми и шелковыми травами и изъ краснаго съ личинами и золотыми травами. Завѣсы прикрѣплялись на серебряныхъ кольцахъ.

Стѣны комнатъ обивались цвѣтнымъ трипомъ, золочеными кожами, польскими килимами (ковры). Вообще, ковровъ было много, простыхъ, польскихъ, турецкихъ, персидскихъ. Вѣроятно, болѣе цѣнными покрывалась мебель (упоминаются столовые ковры), менѣе цѣнными—полъ. Впрочемъ, для столовъ мы встрѣчаемъ еще зеленое сукно, а также спеціальныя скатерти: напр., упоминается турецкая красная шелковая скатерть съ серебряными травками и золотыми полосками. Лавки обивались зеленымъ сукномъ или покрывались «палавошниками», цвѣтными, съ серебряными и золотыми травками. Цѣнной мебели мы встрѣчаемъ очень мало: въ числѣ вещей нѣсколько стульевъ, обитыхъ золочеными кожами, да рѣзная золоченая кровать—вотъ и все. Очевидно, почти вся мебель была простой домашней работы и лишь покрывалась разными цѣнными покрышками. Но все-таки комнаты не были лишены украшеній, напротивъ, имѣли ихъ даже въ большомъ изобиліи, и притомъ такихъ, которыя обнаруживали большія склонности къ изящному. Прежде всего, находимъ множество картинъ: разумѣется, мы ничего не знаемъ ни о ихъ сюжетахъ, ни о достоинствахъ ихъ выполненія—ничего, кромѣ того, что онѣ были большого и малаго формата и писаны, большею частью, на холстѣ, а нѣкоторыя также на камкѣ и даже тафтѣ и объяри. Но все-таки любопытенъ самъ по себѣ фактъ того исключительнаго интереса, который заставлялъ пріобрѣтать картины цѣлыми десятками. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и большой вкусъ къ музыкѣ, который побуждалъ пріобрѣтать разнообразные органы, «сундушные», «самоигрательные», «съ шпинетами» большіе и малые, золоченые, съ часами наверху и т. п. Однимъ словомъ, картины и органы—это главнѣйшія принадлежности комнатныхъ украшеній. За ними слѣдуютъ часы «боевые въ ящикѣ», «стѣнные», «стѣнные нѣмецкіе мѣдные»; затѣмъ зеркала также нѣмецкія стѣнныя. Думаемъ, что мы въ правѣ причислить къ комнатнымъ украшеніямъ и иконы: ихъ искусное письмо, богатые оклады, рѣзные золоченые иконостасы составляли многое въ

общемъ эффектѣ комнатнаго убранства. Но, къ сожалѣнію, при перечисленіи ихъ не упоминается подробностей; узнаемъ только, что у богатыхъ людей того времени, какъ полковники Перекрестовы, кромѣ простыхъ иконъ, были иконы, писанныя на кипарисѣ и на бѣломъ желѣзѣ.

Въ числѣ принадлежностей, украшавшихъ покои ахтырскихъ полковниковъ, упоминается еще «рѣзной бѣлой поставецъ». Поставецъ этотъ былъ, конечно, уставленъ той цѣнной серебряной и хрустальной посудой, которая такою массой перечисляется въ перечнѣ. Эта посуда, удовлетворяя своему спеціальному назначенію, служила въ то же время и большимъ украшеніемъ для комнатъ; къ ней-то мы теперь и переходимъ.

Столовую серебряную посуду мы находимъ въ большомъ количествѣ и разнообразіи. Тутъ есть блюда, тарелки, четвертины, судки, кружки, стаканы и стаканцы, кубки и кубочки, чарки, рюмки, братиночка и горшечекъ, чашки, стопы, ковши, солонки, ложки. Въ число посуды попала даже одна турецкая чернильница. По способу ея выдѣлки, посуда называлась «чеканною», «рѣзною», «лощатою». Она дѣлалась или гладкою, или чешуйчатою, грановитою. Иногда она украшалась сканымъ серебромъ съ финифтью, иногда какими-нибудь фигурами. Серебряная посуда обильно золотилась, и снаружи, и извнутри. Наружная позолота была или полная, или только «мѣстами»; довольно часто серебро покрывалось чернью. Между столовой серебряной посудой первое мѣсто по обилію, разнообразію и даже изысканности украшеній, принадлежало сосудамъ для питья. Прежде всего стаканы. Стаканы были простые и «конфаренные», иногда съ «личинами», въ видѣ украшеній, на ножкахъ и съ «кровлею», на которой тоже допускалось украшеніе вродѣ какого-нибудь «древца». Кубки были или обыкновенныхъ размѣровъ или высокіе, съ крышками, хотя случалось и безъ крышекъ; но замѣтно, что какъ для стакана «кровля» являлась исключеніемъ, такъ для кубка она была общимъ правиломъ. Также обязательно дѣлались съ кровлями и кружки. Это, кажется, былъ самый затѣйливый изъ сосудовъ: по крайней мѣрѣ, мы на кружкахъ чаще всего встрѣчаемъ украшенія, въ видѣ оленя, орла, яблока и т. п. Чарокъ и рюмокъ очень немного, видно, что это не была распространенная посуда; чарки упоминаются «винныя» и «большія раковыя». Въ видѣ исключенія, встрѣчается братиночка, какъ-нибудь случайно забредшая сюда со своей сѣверной родины. Такимъ же исключеніемъ является ковшъ и стопы. Но четвертины

(кварты) видимо принадлежали къ числу очень употребительной посуды. Чашки дѣлались съ ручками и съ крышкою. Изъ остальной столовой серебряной посуды, на первомъ планѣ, стоятъ тарелки; ихъ украшенія ограничивались тѣмъ, что онѣ мѣстами золотились. Блюда были или продолговатыя или круглыя, «съ вызолоченными наконешниками», или мѣстами золоченыя, или вовсе безъ золота. Остальную необходимую для сервировки стола посуду, какъ то солонки, судки, встрѣчаемъ лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ; только ложекъ довольно много, больше четырехъ дюжинъ. Между солонками упоминается одна «тройная, сдѣланная тюмпанцами».

Въ числѣ хрустальной посуды больше всего опять-таки стакановъ, большихъ, среднихъ и малыхъ; затѣмъ рюмокъ; упоминаются еще хрустальныя толстыя чашки и такая же сулейка.

Простая столовая посуда дѣлалась главнымъ образомъ изъ олова. Оловянныя блюда, плоскія и глубокія, подблюдники, тарелки, большія и малыя, кружки и четвертины были въ большомъ количествѣ, особенно тарелки и блюда. Кувшины и четвертины дѣлались также и изъ вылуженной красной мѣди.

Наше описаніе столовой посуды будетъ неполно, если мы не скажемъ еще о посудѣ дорожной. Въ козацкомъ обиходѣ, съ ихъ постоянными военными походами, всѣ дорожныя приспособленія должны были играть большую роль, въ томъ числѣ и посуда. Отсюда эти многочисленные погребцы и «дорожныя шкатулы». Погребцы заключали въ себѣ обыкновенно «хрустальныя скляницы», простыя же или «черкасскія и съ граненными травками»; скляницы эти были или съ оловянными «тисками» или безъ нихъ. Были погребцы и съ оловянною посудою, блюдами и тарелками. Дорожная шкатула, обитая бѣлымъ желѣзомъ, заключала въ себѣ блюда, тарелки, ложки, четвертины изъ бѣлаго желѣза. Эта жестяная посуда должна была имѣть преимущество передъ оловянной по своей легкости, но оловянная все-таки была употребительнѣе. Полная совокупность столовыхъ оловянныхъ вещей для похода носила особое названіе «полеваго стола». Чтобъ сохранять лѣтомъ напитки въ дорогѣ употреблялось «мѣдное пуздро», въ которое клался ледъ и вставлялись фляжки. Для перевозки напитковъ служили также круглыя мѣдныя «бани» нѣмецкой работы. Очевидно, полковники очень заботились о томъ, чтобъ не обходиться въ своихъ походахъ безъ привычныхъ напитковъ.

Объ остальныхъ принадлежностяхъ домашняго комфорта можно извлечь изъ нашего перечня только лишь кой-какія крохи. Узнаемъ

ы, что для освѣщенія служили мѣдные шандалы; болѣе нарядные еребрились. Чтобъ складывать мелкія и цѣнныя вещи—для этого лужили ларчики и скрыночки, которые сами бывали тоже затѣйливые, изъ каменныхъ дощечекъ и даже серебряные, позолоченные. Теперь нѣсколько словъ насчетъ туалетныхъ приспособленій. Для мыванья мы находимъ лишь простые оловянные рукомойники и увшины, да мѣдные лохани и тазы—красной и зеленой мѣди. Но ато гребенки и гребешки имѣютъ «ногалища» бархатныя красныя, итыя золотомъ и серебромъ. Интересно, что въ числѣ туалетныхъ ринадлежностей находимъ даже костяную зубочистку.

Въ числѣ кухонной посуды на первомъ мѣстѣ стоятъ котлы и отлики, которые дѣлались изъ красной мѣди. Были еще и другіе отлы, входившіе въ составъ такъ называемой черной поваренной осуды: въ число ея, кромѣ котловъ, входили сковородки и кубы ъ желѣзными ножками, ручками и дужками. Затѣмъ къ кухонной осудѣ относятся мѣдныя жаровни и рѣшетки, подблюдники, иготь; юда же частью входили и всѣ же вышеупомянутые мѣдные и ловянные блюда, кувшины, кружки, четвертины, лохани, кубанцы и т. д.

Для храненія денегъ служили такъ называемыя «передачи», оторыя дѣлались изъ зеленой или красной мѣди.

Ахтырскіе полковники уже имѣли для своихъ выѣздовъ кареты, ыдваны, коляски нѣмецкой работы, городовыя сани. Кареты украпались гарусными бахромами, или махрами, и обивались какой-нибудь матеріей и гвоздями съ мѣдными шляпами. Изъ принадлежностей упряжи упоминаются нѣмецкія шоры съ мѣдными наборами шоры простыя. Хомутныя крышки были сафьянныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Для поклажи служили кожаныя сумки. Дорога свѣщалась слюдяными фонарями.

Къ дорожнымъ, точнѣе къ походнымъ принадлежностямъ относится наметъ: упоминается большой крашенинный осиновый наметъ ъ полами и большой полстью, что постилается въ наметѣ.

Вотъ все, что мы извлекли изъ перечня вещей полковниковъ Перекрестовыхъ, что могло бы служить для характеристики ихъ бытовой обстановки, слѣдовательно, для характеристики бытовой обстановки богатаго слобожанина начала прошлаго вѣка. Но если читатель сдѣлаетъ изъ сказаннаго такой выводъ, что вещи Ахтырскихъ полковниковъ ограничивались тѣми предметами, о которыхъ мы упомянули, то онъ очень ошибется. Необходимо еще принять во вниманіе огромное количество запаснаго матеріала въ

видѣ всевозможныхъ тканей, мѣховъ, кожъ и т. п. Люди того времени жили такъ, что при всякой новой надобности обращались не въ лавку, а въ свою кладовую, и зато уже если имъ случалось имѣть дѣло съ торговымъ человѣкомъ, то они не срамили себя бездѣлицей, а закупали обстоятельно, имѣя въ виду не текущій моментъ, а цѣлые годы, не себя только, а и своихъ дѣтей и внуковъ. Деньги имѣли для нихъ только мѣновую стоимость, и чѣмъ скорѣе и успѣшнѣе обращались онѣ въ вещи, тѣмъ лучше. Неудивительно поэтому что у полковника Перекрестова, при такой массѣ вещей, упоминается наличными деньгами только: чеховъ на 85 руб., осмаковъ на 6 руб., 5 ефимковъ да 105 червонныхъ. Запасы же являются въ такихъ, можно сказать, грандіозныхъ размѣрахъ. Прежде всего мы находимъ запасъ золота и серебра для подѣлокъ, но къ сожалѣнію не умѣемъ перевести его на современныя мѣры. Золота (литорнаго) упоминается 22 четвертки да кромѣ того еще 4 литры; затѣмъ 1 литра да 4 цевки золота пряденаго нѣмецкаго. Серебра—3 литры и 4 цевки да литорнаго серебра 17 четвертокъ. Сверхъ того 2 литры серебра и золота польскаго, 12 пучковъ серебряныхъ снурковъ, серебряныхъ и золотыхъ, и еще 2 снурка вѣсомъ 10 золотниковъ. Запасъ галуновъ и нѣмецкихъ кружевъ золото съ серебромъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той большой роли, какую играли эти украшенія въ женскомъ костюмѣ; ихъ было въ сундукахъ полковника Перекрестова около пуда. Запасныхъ парчей, камокъ, суконъ было столько, что ихъ хватило бы на наряды еще многимъ полковничьимъ дочерямъ и сыновьямъ. Парчей и камокъ около 20 кусковъ, больше 300 аршинъ; все это парчи и камки съ золотыми травками, красныя, лазоревыя, зеленыя, васильковыя и жаркія. Сукна находимъ въ большомъ числѣ небольшихъ кусковъ, разныхъ цвѣтовъ, около 200 аршинъ. Зеленаго и краснаго бархату—50 арш.; бѣлаго атласа—10 арш.; тафтъ разныхъ цвѣтовъ—252 арш. да двѣ пестряди тафтяныхъ персидскихъ по 13 арш. каждая; лудановъ, разныхъ цвѣтовъ, 9 косяковъ; кумачей, красныхъ, зеленыхъ и вишневыхъ—18, киндяковъ—17, ценделей—15, выбоекъ—5, трипу—4 штуки, или кусковъ. Кромѣ того, 30 аршинъ полосатой китайской кутни да 117 аршинъ обы крымской. Въ значительномъ количествѣ находимъ въ полковничьихъ сундукахъ также всевозможные мѣха. Собольихъ $2^1/_2$ мѣха да лоскутъ; лисьихъ—$5^1/_2$ мѣховъ да еще 4 лисицы красныхъ да 62 пары лисьихъ душекъ; $1^1/_2$ мѣха рысьихъ; хвостовъ, которыми отдѣлывалась зимняя одежда, собольихъ—56, куньихъ—24, да пупковъ, куньихъ,—27; 3 куницы съ хвостами; выдѣланный боберъ; бѣльихъ

гѣховъ, хребтовыхъ и черевьихъ, больше 50; мѣхъ волчій лапчатой а 2 волка; 4 медвѣдицы, черныхъ и бѣлыхъ. Къ мѣхамъ же надо тнести 82 овчины бараньихъ. Для обуви и разныхъ подѣлокъ находимъ порядочный запасъ выдѣланныхъ тонкихъ цвѣтныхъ кожъ: 0 замшей, вишневыхъ и красныхъ, 70 сафьяновъ и 30 козлинъ селтыхъ и красныхъ, 10 черныхъ хозовъ. Для отдѣлки одежды, ромѣ упомянутыхъ выше кружевъ и галуновъ, есть 12 штучекъ лнитовъ нѣмецкихъ разныхъ цвѣтовъ» и 1200 арш. всевозможнаго шелковаго снурка. Объ остальныхъ запасахъ, въ видѣ дощатой мѣди, аретныхъ гвоздей, подошвенныхъ кожъ и т. д. не будемъ распространяться.

Но зачѣмъ мы такъ остановились на запасахъ, приводя даже хъ подлинныя цифры? Мы имѣли при этомъ двѣ цѣли; во-первыхъ, ать понятіе о томъ, какое значеніе имѣли запасы въ общей суммѣ озяйственныхъ вещей; во-вторыхъ, при помощи цифровыхъ данныхъ оказать, въ чемъ состояло богатство тогдашняго состоятельнаго еловѣка. Но для этой второй цѣли необходимо еще привести такія се цифровыя данныя о количествѣ готовыхъ вещей, входившихъ въ мущество полк. Перекрестова. Мы и приведемъ ихъ въ возможно окращенномъ видѣ. Всего серебра въ посудѣ насчитывается больше -хъ пудовъ, да въ сайдачныхъ и поясныхъ оправахъ, наручкахъ мисюркахъ, кромѣ булавъ, около $^1/_2$ пуда, итого $4^1/_2$ пуда; лова въ посудѣ кромѣ 24 блюдъ и столькихъ же тарелокъ, въ огребцѣ, 30 пуд. Мѣди, красной и зеленой, въ разнообразной посудѣ, столовой, дорожной, кухонной, около 25 пуд. Погребцовъ и орожныхъ шкатулъ съ хрустальною, оловянной и жестяною посудою, ромѣ пуздра и бань, 9. Разныхъ хрустальныхъ вещей больше 00 штукъ. Изъ драгоцѣнностей, въ настоящемъ смыслѣ этого слова еречисляется 15 перстней и около 2 фунтовъ жемчугу. Сюда-же тносятся булавы—ихъ всего счетомъ 3—и сабли: сабель, украшенныхъ драгоц. камнями, 5, всего сабель и палашей 12. Остальное ружіе и военныя принадлежности, больш. частью съ цѣнной отдѣлкой украшеніями, въ такомъ количествѣ: мисюрекъ—7, лубьевъ съ олчанами—16, луковъ—6, панцырей—9, пищалей—26, пистоетовъ—6 паръ, также и олстръ, кромѣ отдѣльныхъ олстровыхъ творотовъ, роговъ—9, борошней—21, лядунокъ—8. Сѣделъ 12, ромѣ 19 простыхъ *людскихъ*, неоклеенныхъ арчаковъ, да еще тдѣльныя сѣдельныя подушки, крыльца, войлоки, платы; около 20 уздъ. Нарядной одежды мы находимъ: мужскихъ кафтановъ—45, женскихъ афтановъ—53, саяновъ—5, бостроговъ—8. Затѣмъ одѣялъ—25,

наволокъ—6, завѣсъ и пологовъ—8, ковровъ съ килимами—34. Иконъ и крестовъ—19, органъ съ шпинетами—6, часовъ—5, экипажей—10. Вотъ почти и всѣ цифры цѣнныхъ вещей, составлявшихъ имущество ахтырскихъ полковниковъ Перекрестовыхъ; пропустили мы лишь кой-какія мелочи—платки, упряжныя принадлежности, картины, также не особенно цѣнныя вещи, попадавшіяся въ перечнѣ единично.

Но зачѣмъ мы здѣсь нагромоздили столько подробностей, не остановившись даже передъ числовымъ перечнемъ, всегда, естественно, такъ непривлекательнымъ для читателя? Изъ уваженія ли къ исторической детальности, которая спѣшитъ регистрировать всякій фактъ въ надеждѣ, что онъ найдетъ свое приложеніе въ будущемъ творчествѣ научнаго труда, или «умыселъ другой тутъ былъ»? Признаться, именно другой, хотя мы и не знаемъ, вышло ли что изъ этого умысла. Намъ хотѣлось дать читателю возможно больше конкретныхъ данныхъ, которыя могли бы ему представить, что такое былъ домашній обиходъ тогдашняго пана и сравнить его съ современнымъ строемъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ ахтырскую полковницу, у которой лежитъ въ сундукахъ 50 нарядныхъ кафтановъ, которые она получила отъ своей бабушки и передаетъ внучкѣ, да еще въ запасѣ матерій на столько же,—и современную даму соотвѣтственнаго соціальнаго положенія, которая шьетъ, при помощи магазина и модистки, нѣсколько платьевъ въ годъ, чтобъ бросить ихъ на слѣдующій. Разница огромная. Разница эта прежде всего, конечно, обусловливается тѣмъ, что называютъ различіемъ въ нравахъ и обычаяхъ. Но нигдѣ такъ отчетливо, какъ въ этой сферѣ, не выступаетъ связь между обычаемъ общества и его экономическимъ строемъ. Всѣ эти сундуки съ безчисленными кафтанами, саблями, кусками матерій и т. п. есть яркіе симптомы того хозяйственнаго строя, который принято называть патріархальнымъ. Отдѣльное хозяйство есть законченная экономическая единица, которая производитъ для собственнаго потребленія, а избытокъ обращаетъ въ предметы роскоши. Деньги цѣнятся почти столько же, сколько и всякій другой предметъ, составляющій богатство, и понятно стремленіе поскорѣе обращать ихъ въ вещи: онѣ еще не выросли въ капиталъ, своимъ ростомъ и оборотомъ постоянно создающій новыя и новыя цѣнности. Ахтырскому полковнику пріятнѣе видѣть на полкѣ въ своей горницѣ лишній десятокъ драгоцѣнныхъ кубковъ, чѣмъ знать, что въ мѣдной «передачѣ», запертой въ его кладовой, лежитъ лишняя сотня червонцевъ: богатство въ такой формѣ доставляетъ ему несравненно больше удовольствія, пользы,

даже уваженія. Неподвижность обычая, крѣпко защищеннаго отъ вліяній капризной и скоропреходящей моды, неподвижность, которая была результатомъ патріархальнаго экономическаго строя, поддерживала его въ свою очередь: всякій спѣшилъ обращать деньги въ вещи, между прочимъ и потому, что вещамъ не угрожало обезцѣненіе, вслѣдствіе измѣнившихся требованій вкуса. Ахтырскій полковникъ былъ увѣренъ, что сабля, снятая его дѣдомъ съ польскаго шляхтича въ битвѣ при Збаражѣ, будетъ точно также украшать нарядный кафтанъ его внука. Увы, онъ не предчувствовалъ, какъ близки иныя времена: внуки выломали драгоцѣнные каменья изъ эфесовъ, чтобъ украсить ими пряжки своихъ французскихъ башмаковъ, перелили серебряную посуду, побросали парчевые кунтуши—въ лучшемъ случаѣ пожертвовали ихъ въ церковь на ризы и др. украшенія. Медленными, но неотразимыми шагами надвигался иной экономическій строй, и въ то же время вторгались иные обычаи, нравы, вкусы, моды, для которыхъ мѣняющіяся экономическія условія все болѣе и болѣе расчищали почву. И вотъ уже и любитель старины, составитель археологической коллекціи, съ трудомъ отыщетъ какую-нибудь вещь изъ полковничьихъ сундуковъ, и только архивъ вѣрно хранитъ свою запись.

МАЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ [1]).

Необходимо, чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не просто наложена на нее сверху.

Бреаль.

Въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ наша общественная жизнь, особенно въ провинціи, запуталась въ цѣлой, страшно широкой, страшно сложной сѣти недоразумѣній. При малѣйшемъ шевеленіи—а вѣдь не можетъ же живой организмъ не оказывать какого-нибудь, хоть непроизвольнаго, шевеленія—шевелящееся тѣло плотно охватывалось петлями этой роковой, невидимой сѣти. Сѣть все запутывалась, все усложнялась, уплотнялась, изъ одной ячейки выростало по нѣсколько новыхъ, пока... пока не явилось нѣкоторой возможности для общества и литературы приняться за обратную работу, за распутываніе этой сѣти. Работа медленная, трудная и неблагодарная, работа вродѣ той, какую нѣкогда взялъ на себя Геркулесъ, когда принялся за очистку извѣстныхъ учрежденій царя Авгія.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не одно сплошное и печальное недоразумѣніе хоть бы, напримѣръ, вопросъ о преподаваніи въ южнорусской народной школѣ на мѣстномъ нарѣчіи? Развѣ не очисткой его отъ грязныхъ наносныхъ наслоеній надо прежде всего заняться всякому, кому близки и дороги интересы народа?

Какимъ образомъ, съ какой стати невиннѣйшій педагогическій вопросъ перенесся у насъ въ совсѣмъ неподходящую для него политическую сферу? Все это—одно достаточно-таки длинное и достаточно скучное qui pro quo, отъ котораго тѣмъ не менѣе страдаютъ, и чувствительно, насущнѣйшіе интересы видной части русскаго народа. Мы понимаемъ, что бываютъ историческіе моменты, когда

1) Слово. 1881. № 1. Писано въ 1880 году.

дна нація, въ интересахъ своего существованія, можетъ считать эбя вынужденной навязывать другой свой языкъ, свою культуру т. п.,—справедливо или несправедливо, вопросъ до насъ не кающійся. Но тутъ есть положеніе, которымъ такъ или иначе правдываются принудительныя дѣйствія. Кто же изъ друзей, враговъ и объективныхъ наблюдателей южно-русской половины русской родности—одной и той же народности, не чужой, не враждебной—мотъ сказать, сознательно и bona fide, что былъ хоть одинъ монтъ, когда южно-русскій народъ могъ вынудить своего сѣвернаго ата встать къ нему въ угрожающее положеніе? Никто не посмѣетъ зать ничего подобнаго, такъ какъ это была бы наглая и до эвидности ясная ложь. Но тогда къ чему бы и городить всѣ эти возможные охранительные огороды? Къ чему? Въ томъ то и остросе нашего положенія, что къ нему никакъ нельзя подойти съ юстымъ вопросомъ, такъ какъ невозможно получить на него отвѣтъ. сколько лишнихъ петлей въ безконечной сѣти недоразумѣній, ъ и все.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ литература лишь съ большой торожностью и разными обходами и подходами касается всего отноцагося до малорусской народности. Конечно, эта осторожность не ла съ ея стороны капризомъ или прихотью. О допущеніи украинго нарѣчія въ народной школѣ не могло быть рѣчи еще и пому, что до послѣдняго времени всякіе разговоры о школѣ могли ть лишь пустыми сотрясеніями воздуха посредствомъ звуковъ, такъ къ министерство гр. Толстого безусловно не интересовалось никими мнѣніями. Министерство г. Сабурова, наоборотъ, повидимому лаетъ знать, что думаетъ общество о положеніи школы. Какъ зультатъ этой-то перемѣны, начали въ литературѣ появляться заленія и о спеціальныхъ потребностяхъ южно-русской народной колы вродѣ того, которое было напечатано въ Педагогической роникѣ «Семьи и Школы» въ № 21, подъ названіемъ «Народя школа на югѣ Россіи», и которое вызвало реплику въ 208 № Кіевлянина». Но что это за жалкія, робкія заявленія! Хоть бы, напр., , которое напечатано въ Педагогической Хроникѣ. Можно думать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ подводитъ мины подъ какой-щекотливѣйшій вопросъ государственной важности. А между тѣмъ ло идетъ всего-на-все о томъ, что необходимо устроить такъ, обы хохлята, на правахъ прочихъ разумныхъ Божіихъ созданій, нимали, поступая въ школу, то, съ чѣмъ къ нимъ обращаются. тся, достаточно просто и невинно.

Мы хотимъ сдѣлать попытку очистить этотъ простой, чист
дагогическій, вопросъ отъ той грязи, которою его закидал
послѣдніе годы до потери всякаго образа и подобія. Конечно,
не передѣлаешь того, что дѣлалось долгимъ рядомъ лѣтъ, но
же когда-нибудь начать. Въ качествѣ исконнаго великору
человѣка, лишь недавно заброшеннаго судьбой на Украйн
считаемъ себя обладающими тѣмъ преимуществомъ, которое
цаютъ у коренныхъ обитателей южной Руси—необходимым
пристрастіемъ.

Какъ все на свѣтѣ, и вопросы имѣютъ судьбу. Вопрос
обученіи на малорусскомъ языкѣ тоже имѣлъ свою, и, на
знаться, крайне для себя неблагопріятную. Онъ попалъ въ
зрительную компанію съ разными другими болѣе или менѣе
ными вопросами, и вмѣстѣ съ ними, безъ всякаго повода с
стороны, очутился подъ запретомъ. Въ пользу его собствен
винности достаточно краснорѣчиво говоритъ то обстоятельс
ни одинъ изъ самыхъ яростныхъ его враговъ, собственно,
не отрицалъ его невинности, т.-е. чисто педагогическаго, а
литическаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были дер
ѣздники катковскаго охранительнаго эскадрона и ихъ вольн
слѣдователи, ни у кого, сколько намъ извѣстно, не хватал
лости поставить вопросъ на почву политическую: нельзя, д
разрѣшить обученія въ южно-русской школѣ на малорусском
чіи, потому что изъ сего имѣютъ быть такія то вредныя
ствія для государства, для государственнаго единства и т.
противъ, всѣ всегда упорно держались на чисто педагог
точкѣ зрѣнія, т.-е. точкѣ зрѣнія удобства или выгоды самой
незачѣмъ, молъ, отвлекать дѣтей отъ прямого пути къ ура
премудрости, т.-е. общерусской грамоты, тратить время
такъ какъ хохлы отлично понимаютъ по-русски, да и родит
всѣмъ не хотятъ ничего подобнаго и т. д. Правда, со втор
ловины шестидесятыхъ годовъ охранители, московскіе или
щенные, заводя рѣчь о малорусской школѣ и языкѣ, всегд
зовались случаемъ, чтобъ кивнуть при этомъ на людей, не
ляющихъ этихъ взглядовъ, какъ на злоумышленниковъ, пр
ненныхъ кознями сепаратизма: якобы только такіе злоумыш
и могутъ говорить о малорусскомъ языкѣ. Но уже на то
охранители.

Оставимъ пока въ сторонѣ всякія препирательства, для
рыхъ будетъ мѣсто впереди. Перенесемся на минутку на

ѣръ, въ царство новгородскихъ говоровъ,—въ Архангельскую рнію, въ одну изъ ея очень немногочисленныхъ народныхъ ъ, близко знакомыхъ автору. Учительница школы—мѣстная енка и потому бкаетъ такъ же, какъ и ея ученицы; впрочемъ, олько конфузится этого обстоятельства и старается, сколько мо-, говорить «по-московски». Въ качествѣ туземки она хорошо маетъ, когда ученица, напримѣръ, на вопросъ, отчего не была школѣ, отвѣчаетъ: «вишь татка-то порàто не можетъ» (отецъ ь боленъ) или «мамка не спустила—погода шла» (не отпу- мать—была мятель), или, когда обращается къ ней съ раз-рами въ родѣ: «ужь и перепалась же я въ утряхъ: оболо-ь, а тутотка, чую, въ опечкѣ що-то ворушится да пишшитъ аково» (ужь и испугалась же я сегодня утромъ: одѣваюсь, а , слышу, подъ печкой что-то шевелится, да такъ-то пищитъ) п. Искренно преданная своей бѣдной школѣ, отъ души же-цая чему-нибудь научить своихъ дѣвочекъ, но въ то же время лненная сознаніемъ своего образованія, вскормленнаго литера-ымъ языкомъ,—учительница объявляетъ войну отвратительному is (хоть онъ и ея родной, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ школы кажется ей достойнымъ лишь презрѣнія), на которомъ гово- ея ученицы. Научить говорить «по-человѣчески»—не первая ея обязанность? Начинается отчаянное ломаніе языковъ. Ма-и, только что являющіяся въ школу, сейчасъ же встрѣчаются ю, въ которой онѣ очень мало чего понимаютъ. Онѣ глубоко ачиваются тѣмъ, что каждое слово ихъ вызываетъ поправки со оны учительницы, случается, и насмѣшки со стороны старшихъ, е двинувшихся въ усвоеніи книжнаго языка. Какъ ни добра ельница, какъ ни располагаетъ къ себѣ школьная обстановка, таки на маленькія души не можетъ не вліять въ высшей сте- неблагопріятно то обстоятельство, что онѣ не могутъ выска-ться свободно, безъ рефлекса. А затѣмъ, сколько усложненій, а дѣло переходитъ къ обученію! Первыя слова, которыя дѣти такимъ трудомъ складываютъ или царапаютъ на своихъ дощеч-, первыя фразы, которыя удается имъ не безъ большихъ усп- прочесть въ книжкѣ, звучатъ имъ на три четверти дико, тре-ъ перевода на ихъ patois. Можетъ ли быть тутъ мѣсто тому ному впечатлѣнію дѣтскаго восторга, когда ребенокъ впервые итъ воплощенной во внѣшней формѣ частицу своего внутрен- содержанія! А вѣдь на этомъ первомъ впечатлѣніи основы-ся въ значительной степени и дальнѣйшее отношеніе ребенка

къ книгѣ, къ грамотѣ. Но неужели учительница, если она не сов глупа и дѣйствительно любитъ дѣло свое и дѣтей, не можетъ нять всего вреда, какой заключается въ такомъ приступѣ къ нію,—не можетъ понять, сколько во всемъ этомъ запугиваю отталкивающаго и притупляющаго ребенка? О, она понимае но не видитъ выхода—зло, но зло, которое кажется ей неиз нымъ. Она очень усвоила педагогическую аксіому, что надо извѣстнаго переходитъ къ неизвѣстному, отъ близкаго къ дале отъ родного къ чужому. Но какъ ее приложить въ данномъ чаѣ? Ей не приходитъ въ голову простая мысль, что для дос ства школы не будетъ никакого ущерба, если она вмѣсто кни слова мотылекъ напишетъ на классной доскѣ липка, в ловлю—имàю, вмѣсто красиво—бàско и т. д. Не можетъ пр потому что она глубоко проникнута убѣжденіемъ, что patoi дится лишь для того, чтобы его изгонять изо всѣхъ закоул въ душѣ ея съ ея роднымъ говоромъ тѣсно сплелось представ о тьмѣ и невѣжествѣ, обо всемъ, къ чему можно относиться сверху внизъ, съ отрицаніемъ и даже презрѣніемъ. То же от ніе, со всей ревностью прозелита, пытается она привить юнымъ душамъ, ввѣреннымъ ея попеченію. Если бы въ ней зародиться предчувствіе того, какой грѣхъ она дѣлаетъ, когда рается—конечно, безсознательно—порвать нравственную связь м ученицами своими и окружающей ихъ средой, когда пытается вить—конечно, тоже безсознательно—въ своихъ ученицахъ, вм съ презрѣніемъ къ языку, презрѣніе ко всему душевному міру торымъ живетъ ихъ близкое, когда создаетъ или стремится со нравственную пропасть между дѣтьми и родителями, которую е чѣмъ, нечѣмъ наполнить!...

Но пусть бы учительница какимъ-нибудь путемъ и пришл убѣжденію, что ничего кромѣ пользы не выйдетъ изъ того, она при обученіи грамотѣ будетъ пользоваться своимъ родным воромъ, что можно устроить постепенный и естественный пере отъ patois къ языку литературному, и всѣ интересы могутъ соблюдены: ребенокъ не запугается ученіемъ, очутившись сраз области незнакомой рѣчи, и не привыкнетъ относиться съ пр ніемъ къ языку своихъ родителей, такъ какъ и его авторите школа и учитель—не брезгаетъ этимъ языкомъ; съ другой стор и усвоеніе литературнаго языка врядъ ли что потеряетъ, если него окунутъ не сразу, а будутъ погружать постепенно. Мо быть, если patois не будетъ изгоняться на старый, рѣшител

анеръ, что-нибудь изъ него и будетъ оставаться даже въ литерарномъ языкѣ учениковъ,—но что же за бѣда? На что нужна сальная чистота языка, да и въ чемъ она заключается? Не вводтся ли въ литературный языкъ незамѣтно, но тѣмъ не менѣе стоянно цѣлая масса словъ и оборотовъ изъ нашихъ многочиенныхъ patois? Итакъ допустимъ, что учительница пришла какъ-нибудь путемъ къ такимъ благоразумнымъ заключеніямъ. Но жетъ ли она осуществить ихъ на практикѣ? Едва ли. Она хоно помнитъ, какъ наморщилось чело начальства, осматривавшаго олу, когда ученица, вмѣсто ель—дерево, сказала: елка—лѣсина. чальство непремѣнно хочетъ, чтобъ «лѣсина» была изгнана, а жду тѣмъ для ребенка это слово такъ и трепещетъ жизнью: лѣа—живой организмъ, часть лѣса, а дерево—это мертвый маіалъ, и ребенокъ такъ свыкся съ этимъ различіемъ. Мало того, альство не только ревностно изгоняетъ мѣстные слова и обороты, еще, къ великому горю учительницы, непремѣнно хочетъ, чтобы ницы не окали по-мѣстному, но акали по-московски, говорили высока», какъ обзываютъ мѣстные жители московскій говоръ. А жду тѣмъ, въ глазахъ обывателей «свысока» невольно ассоціитея съ тѣмъ цивилизованнымъ лоскомъ столичныхъ трактировъ, орый заносятъ, вмѣстѣ съ «пинжакомъ», папиросой, резиновыми ошами, отхожіе туземцы, возвращающіеся на лоно своей родины. нятно, что на дѣвочку, которая попыталась бы выполнять наьственные завѣты, посыпались бы со всѣхъ сторонъ насмѣшки; жалуй, досталась бы и волосянка отъ отца или матери изъ болѣе бученныхъ тѣмъ, чтобы «дѣвка» ихъ держалась прилично, какъ ди. Но благоразумная дѣвка и пробовать не станетъ говорить высока» при отцѣ съ матерью; развѣ гдѣ-нибудь въ своемъ жкѣ щегольнетъ своей новой наукой.

Но пусть школа будетъ не на почтовомъ трактѣ, и потому осительно свободна отъ начальственныхъ воздѣйствій и мѣроятій. Все-таки для нашей учительницы, въ ея предполагаемомъ аніи не изгонять patois, а пользоваться имъ для воспитательхъ цѣлей вообще, для постепеннаго, систематическаго пріученія литературному языку въ частности, встрѣтится непреодолимое пятствіе въ отсутствіи книги. Всѣ учебники написаны, конечно, литературномъ языкѣ; лучшіе изъ нихъ дѣлаютъ произвольныя курсіи въ области мѣстныхъ говоровъ, что лишь затрудняетъ о. Всѣ литературныя выраженія по крайней мѣрѣ понятны учиьницѣ, а слѣдовательно можно ихъ объяснить и ученицамъ. Но

къ книгѣ, къ грамотѣ. Но неужели учительница, если она не совсѣмъ глупа и дѣйствительно любитъ дѣло свое и дѣтей, не можетъ понять всего вреда, какой заключается въ такомъ приступѣ къ ученію,—не можетъ понять, сколько во всемъ этомъ запугивающаго, отталкивающаго и притупляющаго ребенка? О, она понимаетъ—но не видитъ выхода—зло, но зло, которое кажется ей неизбѣжнымъ. Она очень усвоила педагогическую аксіому, что надо отъ извѣстнаго переходитъ къ неизвѣстному, отъ близкаго къ далекому, отъ родного къ чужому. Но какъ ее приложить въ данномъ случаѣ? Ей не приходитъ въ голову простая мысль, что для достоинства школы не будетъ никакого ущерба, если она вмѣсто книжнаго слова мотылекъ напишетъ на классной доскѣ липка, вмѣсто ловлю—имàю, вмѣсто красиво—бàско и т. д. Не можетъ придти, потому что она глубоко проникнута убѣжденіемъ, что patois годится лишь для того, чтобы его изгонять изо всѣхъ закоулковъ; въ душѣ ея съ ея роднымъ говоромъ тѣсно сплелось представленіе о тьмѣ и невѣжествѣ, обо всемъ, къ чему можно относиться лишь сверху внизъ, съ отрицаніемъ и даже презрѣніемъ. То же отношеніе, со всей ревностью прозелита, пытается она привить и къ юнымъ душамъ, ввѣреннымъ ея попеченію. Если бы въ ней могло зародиться предчувствіе того, какой грѣхъ она дѣлаетъ, когда старается—конечно, безсознательно—порвать нравственную связь между ученицами своими и окружающей ихъ средой, когда пытается привить—конечно, тоже безсознательно—въ своихъ ученицахъ, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ языку, презрѣніе ко всему душевному міру, которымъ живетъ ихъ близкое, когда создаетъ или стремится создать нравственную пропасть между дѣтьми и родителями, которую ей нечѣмъ, нечѣмъ наполнить!...

Но пусть бы учительница какимъ-нибудь путемъ и пришла къ убѣжденію, что ничего кромѣ пользы не выйдетъ изъ того, если она при обученіи грамотѣ будетъ пользоваться своимъ роднымъ говоромъ, что можно устроить постепенный и естественный переходъ отъ patois къ языку литературному, и всѣ интересы могутъ быть соблюдены: ребенокъ не запугается ученіемъ, очутившись сразу въ области незнакомой рѣчи, и не привыкнетъ относиться съ презрѣніемъ къ языку своихъ родителей, такъ какъ и его авторитетъ—школа и учитель—не брезгаетъ этимъ языкомъ; съ другой стороны, и усвоеніе литературнаго языка врядъ ли что потеряетъ, если въ него окунутъ не сразу, а будутъ погружать постепенно. Можетъ быть, если patois не будетъ изгоняться на старый, рѣшительный

манеръ, что-нибудь изъ него и будетъ оставаться даже въ литературномъ языкѣ учениковъ,—но что же за бѣда? На что нужна идеальная чистота языка, да и въ чемъ она заключается? Не вводится ли въ литературный языкъ незамѣтно, но тѣмъ не менѣе постоянно цѣлая масса словъ и оборотовъ изъ нашихъ многочисленныхъ patois? Итакъ допустимъ, что учительница пришла какимъ-нибудь путемъ къ такимъ благоразумнымъ заключеніямъ. Но можетъ ли она осуществить ихъ на практикѣ? Едва ли. Она хорошо помнитъ, какъ наморщилось чело начальства, осматривавшаго школу, когда ученица, вмѣсто ель—дерево, сказала: елка—лѣсина. Начальство непремѣнно хочетъ, чтобъ «лѣсина» была изгнана, а между тѣмъ для ребенка это слово такъ и трепещетъ жизнью: лѣсина—живой организмъ, часть лѣса, а дерево—это мертвый матеріалъ, и ребенокъ такъ свыкся съ этимъ различіемъ. Мало того, начальство не только ревностно изгоняетъ мѣстные слова и обороты, но еще, къ великому горю учительницы, непремѣнно хочетъ, чтобы ученицы не окали по-мѣстному, но акали по-московски, говорили «свысока», какъ обзываютъ мѣстные жители московскій говоръ. А между тѣмъ, въ глазахъ обывателей «свысока» невольно ассоціируется съ тѣмъ цивилизованнымъ лоскомъ столичныхъ трактировъ, который заносятъ, вмѣстѣ съ «пинжакомъ», папиросой, резиновыми калошами, отхожіе туземцы, возвращающіеся на лоно своей родины. Понятно, что на дѣвочку, которая попыталась бы выполнять начальственные завѣты, посыпались бы со всѣхъ сторонъ насмѣшки; пожалуй, досталась бы и волосянка отъ отца или матери изъ болѣе озабоченныхъ тѣмъ, чтобы «дѣвка» ихъ держалась прилично, какъ люди. Но благоразумная дѣвка и пробовать не станетъ говорить «свысока» при отцѣ съ матерью; развѣ гдѣ-нибудь въ своемъ кружкѣ щегольнетъ своей новой наукой.

Но пусть школа будетъ не на почтовомъ трактѣ, и потому относительно свободна отъ начальственныхъ воздѣйствій и мѣропріятій. Все-таки для нашей учительницы, въ ея предполагаемомъ желаніи не изгонять patois, а пользоваться имъ для воспитательныхъ цѣлей вообще, для постепеннаго, систематическаго пріученія къ литературному языку въ частности, встрѣтится непреодолимое препятствіе въ отсутствіи книги. Всѣ учебники написаны, конечно, на литературномъ языкѣ; лучшіе изъ нихъ дѣлаютъ произвольныя экскурсіи въ области мѣстныхъ говоровъ, что лишь затрудняетъ дѣло. Всѣ литературныя выраженія по крайней мѣрѣ понятны учительницѣ, а слѣдовательно можно ихъ объяснить и ученицамъ. Но

вотъ въ «Родномъ Словѣ» учительница встрѣчаетъ выраженія: рало, рядно, тхоръ, кожанъ, веснянка и т. п. Что они значатъ и гдѣ искать объясненія? Вѣдь нельзя же предполагать въ каждомъ захолустьѣ академическіе словари или Областной Словарь-Даля,—да, впрочемъ, и тамъ этихъ выраженій можетъ не быть, такъ какъ они взяты изъ нарѣчій малорусскаго языка. Приходится прибѣгать по догадкѣ къ вольнымъ толкованіямъ.

И вотъ выступаетъ на сцену новое зло—полнѣйшее отсутствіе учебной книги, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ; ужъ не то, чтобы написанной на patois—гдѣ тамъ мечтать объ этомъ при нашей всяческой скудости—а хоть бы сколько-нибудь приноровленной къ спеціальнымъ педагогическимъ требованіямъ мѣстности. Послѣ «Друга Дѣтей» Максимовича, которымъ угощались дѣти за отсутствіемъ другой пищи, наша учительница съ восторгомъ беретъ въ руки «Родное Слово» Ушинскаго. Ей кажется, что сбылись ея мечтанія: она имѣетъ книгу, гдѣ, дѣйствительно, соблюденъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, гдѣ предлагается дѣтямъ то, что можетъ истинно и плодотворно интересовать ребенка, какъ привязывающееся психологическими нитями къ его душевному содержанію. Но, увы, вскорѣ наступаетъ разочарованіе!.. Преобладающіе мотивы сказокъ, пѣсенъ не тѣ, которые обращаются между дѣтворой сѣвера: поговорки, присказки, загадки, скороговорки—все не то, все не то. Нельзя сказать, чтобы не встрѣчалось ничего знакомаго и родного; но за то сколько и чужого, непонятнаго, ничего не говорящаго. Вотъ вамъ пословица: «у него и на вербѣ груши растутъ»—пословица сама по себѣ довольно выразительная. Но что она можетъ сказать сѣверному ребенку, который не имѣетъ никакого понятія ни о вербѣ, ни о грушѣ—пускай себѣ растутъ на здоровье: вотъ если бы было написано «у него и на елкѣ морошка растетъ», о, это другое дѣло! Перечисляются цвѣты, деревья, птицы звѣри,—все незнакомые, на половину, на три четверти! А вѣдь это—для самыхъ маленькихъ, только что начинающихъ дѣтей, для которыхъ все, что они читаютъ, должно быть знакомо, свое. «Яблоня, слива, вишня»—не такъ же ли дико звучатъ для ребенка описываемой нами школы, какъ «кипарисъ, пальма, кактусъ»? Природа и людская жизнь, въ которую авторъ вводитъ ребенка, какъ въ свою родную, возбуждаютъ въ нашихъ дѣтяхъ, большею частью, лишь недоумѣнія. «Въ февралѣ дороги широки», «въ мартѣ курица напьется изъ лужицы», въ «апрѣлѣ земля прѣетъ»... «декабрь годъ кончаетъ, зиму начинаетъ»,—не переворачиваетъ ли это у сѣвернаго ребенка

всѣхъ его представленій о природѣ, основанныхъ на опытѣ? Отдѣлъ изъ Дѣтскихъ Воспоминаній, расчитанный на то, чтобъ возбудить дѣтскую душу самыми близкими и яркими изъ ея впечатлѣній, оставляетъ нашихъ дѣтей опять-таки холодными и недоумѣвающими. Наканунѣ Рождества, по дневнику, появляется кутья и узваръ со своей обстановкой; колядованье и пр. тѣмъ менѣе можетъ заинтересовать сѣвернаго ребенка, что учительница не въ состояніи даже сдѣлать сколько-нибудь выразительнаго описанія этихъ рождественскихъ обрядовъ—гдѣ жъ ей ихъ знать? и почему наканунѣ Рождества появляется кутья, которой, по архангельскимъ представленіямъ, мѣсто лишь на поминкахъ; «чистый понедѣльникъ—въ воздухѣ пахнетъ весной, въ саду показываются проталинки» и т. д. Боже мой, можетъ ли чистый понедѣльникъ хоть отдаленнымъ образомъ ассоціироваться съ весной у дѣтей нашей школы? Всего прочнѣе связывается у нашихъ дѣтей чистый понедѣльникъ съ ледяной горой, которая стоитъ себѣ, какъ стояла, во всемъ своемъ холодномъ и соблазнительномъ величіи, но на которой не позволяютъ старшіе кататься съ этого дня, угрожая какой-то миѳической смолой, куда имѣетъ закатиться преступающій запретъ. «Страстная суббота: Ахъ, какая радость—ледъ на рѣкѣ тронулся и т. д..... Радоница: бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестеръ на кладбище...» Увы! никогда не можетъ у насъ ледоплавъ приключиться въ страстную субботу; ни ученики, ни учительница не имѣютъ представленія о томъ, что такое радоница, и т. д. и т. д. Конечно, дѣти нашей школы могутъ заинтересоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что у какихъ-то счастливыхъ дѣтей въ Ѳомино воскресенье «проглядываютъ желтые одуванчики, длинныя космы плакучихъ березъ будто осыпаны зеленымъ пухомъ, пташки принялись вить гнѣзда», точно такъ же, какъ заинтересуются, когда учительница разскажетъ имъ о природѣ Индіи, о Сахарѣ, о тѣхъ странахъ, «wo die Zitronen blühen»... Но это очевидно не то, на что расчитывалъ педагогъ. И такъ черезъ всю книгу: на каждомъ шагу учительница должна объяснить, что это, конечно, все бываетъ такъ, какъ въ книжкѣ написано, но не у насъ, а у людей. Вотъ вамъ и переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ родного къ чужому.....

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ общественнымъ и литературнымъ оживленіемъ, оживилась и педагогика. Она отзывалась на запросы жизни, и жизнь интересовалась ею. Появились талантливые педагоги, осмысленныя жизненнымъ содержаніемъ работы, плодотворныя идеи. Между прочимъ выступилъ на сцену и

вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ обученіи. Извѣстный педагогъ г. Вессель, въ обстоятельной статьѣ («Учитель», 1862 г.), развивая мысль, что общее образованіе непремѣнно должно опираться на мѣстный элементъ, категорически высказывалъ, что «одна книга для чтенія, какъ бы она ни была хорошо составлена, не можетъ быть пригодною для всѣхъ совершенно разнохарактерныхъ мѣстностей нашего необъятнаго отечества; какъ первый шагъ къ практическому осуществленію своихъ взглядовъ, онъ предлагалъ разбить на восемь частей премію учебнаго комитета на составленіе читальника для народной школы, чтобы такимъ образомъ появились мѣстные читальники для восьми районовъ. Даровитѣйшіе изъ нашихъ педагогическихъ писателей, Ушинскій и Водовозовъ, высказывались въ томъ же направленіи. Плодотворная идея, глубоко затрогивающая самые насущные интересы народной школы, была брошена въ общественное сознаніе. Казалось, свѣтлому будущему принадлежали ея разработка и осуществленіе. Но слово было сказано «не въ надлежащемъ мѣстѣ и не въ надлежащее время». Вскорѣ подули холодные вѣтры и общественная температура вдругъ упала. Точно по манію волшебнаго жезла, педагогическая нива покрылась терніемъ и разными дикими злаками; на мѣстѣ святѣ водворилась мерзость запустѣнія. Педагогика сдѣлалась синонимомъ отсутствія жизни, тупого педантизма, мертвой рутины. Заглохла работа педагогической мысли, питающейся жизненными соками; прекратилась и педагогическая производительность. Около двадцати лѣтъ первоначальная школа почти исключительно живетъ лишь «Роднымъ Словомъ». «Родное Слово»—трудъ, носящій на себѣ несомнѣнные слѣды выдающейся педагогической даровитости, задуманный подъ сильнымъ давленіемъ стремленія связать школу съ жизнью, съ почвой, съ народнымъ духомъ; но трудъ, выполненный кабинетнымъ педагогомъ и потому неизбѣжно очутившійся между двухъ стульевъ. Идеи автора «Родного Слова», которыя онъ такъ увлекательно развивалъ въ теоріи и такъ неудачно примѣнялъ на практикѣ, не только не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, пришли въ такое полное забвеніе, что педагогическая литература, если только она выйдетъ когда-нибудь изъ своей оцѣпенѣлости, должна будетъ начинать разработку вопроса съ начала, съ азовъ.

Всѣ упомянутые нами педагоги, которымъ обязана русская общественная мысль возбужденіемъ въ высшей степени важнаго вопроса о введеніи мѣстнаго элемента въ обученіе, всегда останавливались на малорусской народной школѣ. Это было совершенно естественно. Нигдѣ областное различіе не выступаетъ ярче, нигдѣ, слѣдовательно,

настоятельная надобность въ обученіи, проникнутомъ мѣстнымъ элементомъ, не чувствуется рѣзче. Прежде всего педагогъ наталкивается на языкъ, настолько отличный отъ книжнаго русскаго, что не принимать его въ расчетъ при обученіи становится до очевидности яснымъ педагогическимъ промахомъ. Вессель—исходя изъ положеній, что не обучать народъ его родному языку значитъ не доставлять возможности развиваться его мысли, его духовнымъ силамъ, а обучать его на неродномъ языкѣ, хотя бы и самомъ близкомъ и сродномъ, значитъ извращать самостоятельное умственное развитіе народа, извращать всю его духовную природу,—настаивалъ на томъ, что для малорусской народной школы необходима книга для чтенія на малорусскомъ языкѣ. Ушинскій развилъ тѣ же положенія въ яркой картинѣ отрицательныхъ результатовъ, какіе даетъ по отношенію къ малорусскому ребенку, а съ нимъ и народу, школа, устроенная на общій ладъ. Ребенокъ, попадая въ школу, гдѣ онъ ничего не понимаетъ, прежде всего запугивается: она ему представляется дикимъ и страннымъ мѣстомъ, единственнымъ въ цѣломъ селѣ, гдѣ говорятъ на непонятномъ языкѣ. Мало-по-малу онъ научается ломать языкъ на великорусскій ладъ, пріучается къ тому отвратительному жаргону, на которомъ говорятъ понюхавшіе образованія малороссы, когда стараются говорить по-великорусски. Результатомъ его школьной науки остается нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которыя, конечно, забываются, когда ребенокъ возвращается въ свою среду, вмѣстѣ съ понятіями, привязанными къ этимъ словамъ,—въ лучшемъ случаѣ кое-какая грамотность, которая можетъ пригодиться къ тому, чтобъ написать на полурусскомъ нарѣчіи какую-нибудь грамоту. Въ концѣ концовъ такая школа въ умственномъ отношеніи можетъ лишь задержать естественное развитіе ребенка, въ нравственномъ—испортить душу будущаго человѣка. Къ такимъ поражающимъ своею рѣзкостью выводамъ приходилъ почтенный педагогъ. Въ чемъ же причина того, что подобная школа можетъ давать лишь такіе отрицательные результаты? Онъ резюмировалъ свои разсужденія по этому поводу такъ: «Во-первыхъ, такая школа гораздо ниже народа: что значитъ она, со своей сотней плохо заученныхъ словъ, передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы

совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу».

Но не одни столичные педагоги-теоретики высказывались въ пользу мѣстнаго элемента въ южно-русской школѣ. Высказывались и мѣстные педагоги-практики, когда они могли это дѣлать. Въ «Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ 1862 г.» можно видѣть, что педагоги кіевскаго учебнаго округа почти цѣликомъ оказались за то, чтобъ ввести преподаваніе въ народной школѣ для малорусскаго населенія на малорусскомъ языкѣ. Совѣтъ второй кіевской гимназіи прямо высказалъ, что считаетъ невозможною для малорусской школы разумную постановку элементарнаго обученія безъ посредства мѣстнаго языка. Директоръ житомирской гимназіи, г. Пристюкъ, не ограничился общимъ положеніемъ, что малорусскій ребенокъ долженъ обучаться, по крайней мѣрѣ, первый годъ своего пребыванія въ школѣ, на томъ языкѣ, «на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету и получилъ первыя человѣческія понятія»,—онъ проектировалъ и мѣстные читальники для народной школы.

Казалось, важный народно-педагогическій вопросъ становился на твердую почву. Но это только казалось. Съ измѣненіемъ погоды, все измѣнилось. Общая идея о мѣстномъ элементѣ въ обученіи народа затерлась такъ, какъ будто никогда и не бывала въ общественномъ сознаніи. Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ южно-русской школѣ—частное примѣненіе этой общей педагогической идеи—не затерся, но съ нимъ приключилось нѣчто еще худшее. Оторванный отъ своего педагогическаго стебля, онъ остался, вслѣдствіе стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, на виду и сдѣлался предметомъ заушеній и оплеваній. На него накинулась цѣлая клика отчасти заправскихъ охранителей, отчасти разныхъ проходимцевъ, имѣющихъ повадку лаять въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ. Никто и думать не думалъ о томъ, что вопросъ этотъ имѣетъ подъ собой широкую принципіальную почву, и что на ней, и только на ней, можно бороться противъ него, не роняя достоинства печатнаго слова. Литературная почва начала очень быстро уходить изъ-подъ злосчастнаго вопроса...

На что же опирались доводы противниковъ малорусскаго языка въ южно-русской школѣ? Общей педагогической основы, въ которой коренится потребность въ мѣстномъ языкѣ, для этихъ лицъ, какъ мы уже сказали, не существуетъ вовсе. Отсюда главнымъ центромъ

ихъ незамысловатой аргументаціи всегда было, есть, да, вѣроятно, и будетъ одно положеніе, которое они варьируютъ на всѣ лады и за которое держатся, какъ за каменную стѣну: что въ мѣстномъ языкѣ нѣтъ совсѣмъ никакой надобности. Почему? Потому, во-первыхъ, что языкъ малорусскаго населенія не есть самостоятельный языкъ, а есть только нарѣчіе, или поднарѣчіе, или говоръ общерусскаго языка, однимъ словомъ patois, и, какъ таковое, не имѣетъ правъ на самостоятельное существованіе, а слѣдовательно и на употребленіе въ школѣ—доказательство отъ науки; во-вторыхъ, потому, что хохлы отлично понимаютъ общерусскій языкъ, слѣдовательно, нечего даромъ тратить время на переходъ къ общему языку, когда можно приступать къ нему прямо—доказательство отъ практики. Откуда же взялся вопросъ, если онъ не имѣетъ подъ собой никакой реальной подкладки? Очень просто: его выдумали злоумышленные люди. Эти злоумышленные люди, вѣроятно, мечтаютъ въ будущемъ о сепаратизмѣ, а пока выдумываютъ разный вздоръ, подталкиваемые тѣмъ злымъ общеславянскимъ демономъ, который никакъ не даетъ славянству создать политическое единство, единую культуру, великій единый литературный языкъ, какъ все это устроили у себя передовыя европейскія націи: французская и германская; конечно, при этомъ удобномъ случаѣ злоумышленные люди не прочь и деньгу зашибить, издавая буквари для народа, или, по крайней мѣрѣ, раздобыться извѣстностью въ своемъ муравейникѣ.

Та часть доводовъ противъ допущенія въ малорусскую школу мѣстнаго языка, которая не держится на почвѣ донесенія по начальству, можетъ быть совершенно разбита и изъ чисто педагогическихъ основаній. Но такъ какъ противники не хотятъ знать этихъ основаній, то попробуемъ взглянуть на дѣло съ ихъ точки зрѣнія. Какъ ни непріятно все это, но надо же, наконецъ, разобраться; тѣмъ болѣе, что они, имѣвшіе возможность разговаривать о предметѣ много и долго, оказывали извѣстное давленіе на взгляды той части русскаго общества, которая не знаетъ положенія дѣла, и потому можетъ принять кое-что на вѣру.

Прежде всего приходится сдѣлать маленькую экскурсію въ область науки. Говорятъ: малорусскій языкъ не есть самостоятельный языкъ, а говоръ языка общерусскаго. Что такое общерусскій, или просто русскій языкъ? Въ бѣглой рѣчи, ради удобства, можно употреблять, конечно, это выраженіе; но нельзя забывать того, что это въ сущности условный терминъ, не имѣющій конкретнаго содержанія. У насъ нѣтъ вообще русскаго языка, а есть языкъ русскій литера-

[illegible] Можетъ быть, это неточ- [illegible], можетъ быть, выдумки зло- [illegible] пускающихъ грузъ своихъ [illegible] стремленій? Ничуть не бывало. [illegible] которые находятъ различіе между [illegible], что считаютъ возможнымъ при- [illegible] языковъ.

[illegible]ритеты, нѣмецкіе, славянскіе и русскіе, [illegible] рѣзко насчетъ степени отличія вели- [illegible] нарѣчій. Напр., нѣмецкій филологъ [illegible] «Малорусскій (рутенскій, русинскій) [illegible] какъ разновидность русскаго, но какъ [illegible] въ такомъ же отношеніи, какъ и къ [illegible] нарѣчіямъ». Извѣстный авторитетъ по сла- [illegible] Миклошичъ, также высказываетъ слѣ- [illegible] малорусскій долженъ быть разсматриваемъ [illegible] языкъ, а не какъ поднарѣчіе вели- [illegible] которыя не могутъ быть заподозри- [illegible] Но несмотря на авторитетность приве- [illegible], въ нашихъ глазахъ еще большее [illegible] русскаго филолога, спеціалиста [illegible] П. Лавровскаго,—ученаго, съ откры- [illegible] по всему, что имѣетъ въ жизни [illegible] малорусскую окраску. Вотъ какъ резю- [illegible] своихъ сравнительныхъ изслѣдо- [illegible] малорусскаго нарѣчія «есть много та-

тельныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями»—не указываетъ ли на отношеніе автора къ своему предмету? Даже г. Катковъ, въ извѣстной диссертаціи своихъ молодыхъ лѣтъ, «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (Москва, 1845 г.), выставлялъ рѣзкое фактическое различіе «малорусскаго и великорусскаго нарѣчій», не находя возможнымъ смѣшать «малорусское нарѣчіе» съ какимъ-нибудь «новгородскимъ или рязанскимъ разнорѣчіями».

Малорусскіе ученые и у насъ и въ Галиціи уже давно занимаются разработкой своего языка. Еще въ началѣ XIX вѣка появилась у насъ малорусская грамматика. Въ Галиціи уже существуетъ небольшая филологическая литература, учебная и ученая. Но дальше, какъ въ настоящемъ году, появилось новое изслѣдованіе малорусскаго языка, сдѣланное галицкимъ ученымъ г. Огоновскимъ: «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg», 1880. Авторъ задался цѣлью указать особенности этого языка и его отношеніе къ такъ-называемому языку русскому. «Удивительно,—замѣчаетъ г. Огоновскій во введеніи къ своему труду,—что языкъ, который цѣлыя столѣтія разсматривался какъ самостоятельный, теперь, изъ-за основаній большею частью политическаго характера, или совершенно игнорируется, или выставляется поднарѣчіемъ русскаго, иногда даже польскаго... Однако, всякому мыслящему изслѣдователю языка ясно до очевидности, что русинскій языкъ, несмотря на кажущееся тождество въ названіи, ни въ какомъ случаѣ не есть поднарѣчіе русскаго языка, а языкъ, стоящій къ этому послѣднему въ совершенно самостоятельномъ отношеніи». Наши малорусскіе ученые съ особымъ вниманіемъ останавливались на исторіи своего языка: назовемъ Максимовича и г. Житецкаго. Замѣчательно, что эти ученые въ своихъ трудахъ не проявляютъ и отдаленныхъ слѣдовъ какой-нибудь тенденціи отрознить сѣверно-русскій языкъ и національность отъ южнорусскихъ, рѣшительно отвергая всякія гипотезы въ родѣ великорусской погодинской, выводившей малороссовъ изъ-за Карпатъ около XIV вѣка. Всюду съ глубокимъ убѣжденіемъ высказываются они за существованіе общаго русскаго праязыка, отъ котораго пошли обѣ вѣтви (великорусская и малорусская). Вопросъ о томъ, когда произошло раздѣленіе—вопросъ спорный, который трактуется разными учеными разно и въ который намъ незачѣмъ погружаться. Замѣтимъ только съ своей стороны, что съ XIV вѣка обозначается въ южной половинѣ русскаго міра особый литературный языкъ, конечно, искусственный,

какъ и въ сѣверной половинѣ, но явно питающійся уже стоящими подъ нимъ народными малорусскими говорами. Такимъ образомъ, съ этой эпохи Великая и Малая Россія имѣютъ по особому литературному языку, и подъ каждымъ изъ этихъ двухъ языковъ стоитъ цѣлая большая группа народныхъ говоровъ.

Изъ всего изложеннаго выше видно, какъ мало основательны увѣренія развязныхъ наѣздниковъ въ публицистикѣ, что малорусскій языкъ есть ничто иное, какъ областной говоръ, patois, и, какъ таковое, не имѣетъ, якобы, какихъ-то правъ на самостоятельное существованіе. Но они говорятъ еще и другое: они говорятъ, что южно-русская школа совсѣмъ не нуждается ни въ какомъ мѣстномъ языкѣ на томъ основаніи, что хохлы отлично понимаютъ по-русски. Что отвѣчать на это? Корреспонденты разсказывали, что наши солдаты и болгарскіе обыватели отлично понимали другъ друга; несомнѣнно, что малороссы и поляки, искони живущіе бокъ-о-бокъ въ юго-западномъ краѣ, тоже отлично понимаютъ другъ-друга; недаромъ же поляки и вывели заключеніе, что малорусскій языкъ есть областной говоръ польскаго. Въ одной чешской книжкѣ мы прочли такой разсказъ. Словакъ-разносчикъ, изъ южной Венгріи, зашелъ разъ съ своимъ товаромъ въ Галицію, гдѣ торговалъ между поляками и малороссами, а оттуда забрелъ и въ Великороссію, видѣлъ Петербургъ и Москву, добрался даже до Чернаго моря. Когда воротился домой, стали его земляки спрашивать, какъ онъ рѣшился пуститься въ такое путешествіе, не зная никакого языка, кромѣ своего, и какъ объяснялся съ покупателями. «Да я же все говорилъ по-своему, по-словацки», отвѣчалъ тотъ. «А развѣ тамъ люди говорятъ тоже по-словацки?» спрашиваютъ земляки. «Да, все же по-словацки», отвѣчаетъ онъ: «только не такъ хорошо, какъ говоримъ мы здѣсь, подъ нашими Татрами».

Пониманіе пониманію рознь. Если словакъ понималъ поляка, великоросса, малоросса, то, разумѣется, съ достаточнымъ основаніемъ можно сказать, что малороссы съ великороссами отлично понимаютъ другъ друга. Конечно, нельзя забывать того, что это отличное пониманіе не исключаетъ случаевъ большихъ недоразумѣній, особенно между простыми хохлами и великорусской интеллигенціей. Вѣроятно, не станетъ очень настаивать на этомъ взаимномъ пониманіи, напр., та сестра милосердія Краснаго Креста, которая подверглась освидѣтельствованію отъ миргородскихъ бабъ вслѣдствіе того, что на вопросъ «кто она?» не безъ достоинства отвѣчала: «человѣкъ» (чоловикъ—по-хохлацки мужъ, мужчина)—печальный

фактъ изъ не менѣе печальныхъ лѣтописей прошлогодней дѣятельности Краснаго Креста по уничтоженію дифтерита въ Полтавской губ. Это, само собой разумѣется, очень исключительный случай, такъ какъ пострадавшимъ отъ недоразумѣнія оказалось интеллигентное лицо, а не мужикъ-хохолъ. Обратныхъ случаевъ, конечно, горадо больше, только нѣтъ лѣтописей, куда бы они заносились. Мужицкія спины, мужицкіе гроши, мужицкія землишки и животишки,— для нихъ пока еще не заведены лѣтописи. Если разобраться поближе, напр., хоть въ различныхъ «прискорбныхъ случаяхъ», «деревенскихъ исторіяхъ», дифтеритныхъ, лѣсныхъ, земельныхъ, межевыхъ и т. д., которыми такъ богатъ нашъ Югъ, присмотрѣться поближе къ тому пресловутому хохлацкому упрямству, недовѣрчивости, подозрительности, настойчиво пятящимися передъ вещами самой элементарнѣйшей простоты и очевиднѣйшей полезности,—можетъ быть, тогда бы мы не утверждали съ такой увѣренностью, что хохлы отлично понимаютъ по-русски. Но пусть будетъ и такъ; пусть хохлы, вслѣдствіе постояннаго общенія съ великороссами, дѣйствительно изловчились понимать великорусскій говоръ такъ хорошо, какъ только можно этого желать. Но вѣдь это взрослые; а дѣти? Не можетъ же знаніе великорусскаго говора передаваться по наслѣдству. Ребенокъ въ своей хатѣ отъ матери и отца—допустимъ, отлично понимающихъ по-русски—слышитъ все-таки только малорусскій говоръ и съ нимъ приходитъ въ школу. Дѣтей же школьнаго возраста, не знающихъ никакого говора кромѣ родного,—а таково огромное большинство сельскихъ дѣтей,—будетъ смущать всякая особенность выговора: то же слово, но съ другимъ удареніемъ, уже будетъ звучать имъ дико. И такъ дико, уже въ силу одного выговора, будетъ звучать имъ по крайней мѣрѣ три четверти словъ литературнаго языка. А сколько словъ или прямо непонятныхъ или, что въ педагогическомъ смыслѣ еще хуже, такихъ, которыя при внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ имѣютъ различное значеніе... Чтобъ не подвергнуться упреку въ голословности, приведемъ примѣры. Развернемъ наудачу сборникъ малорусскихъ дѣтскихъ пѣсенъ, сказокъ, и загадокъ (Дитьски писни, казкы и загадки. Кыивъ, 1876) и читаемъ:

Два ведмеди, два ведмеди
Горохъ молотылы;
Два пивныка, два пивныка
До млына носылы.
А горобчыкъ, гарный хлопчыкъ
На скрыпочку грайе;
Гороблычка, гарна птычка,

Хатку замитайе.
А вороны, добри жоны,
Пишлы танцюваты;
Злетивъ крюкъ, вхопывъ дрюкъ,
Пишовъ пидганяты.

Всего въ этой пѣсенкѣ тридцать семь словъ. Изъ нихъ слѣдующія въ переводѣ на такъ называемый русскій языкъ, т.-е. литературный, звучатъ совсѣмъ иначе: ведмидь, пивныкъ, до млына, горобчыкъ, гарный, гарна, хлопчыкъ, гороблычка, хатка, крюкъ, вхопывъ, дрюкъ; слѣдующія звучатъ сходно, но не близко сходно: грайе, замитайе, пишлы, злетивъ, пишовъ, пидганяты; слѣдующія звучатъ близко сходно, но не тождественно: горохъ, добри, молотылы, носылы, на скрыпочку, птычка, танцюваты; наконецъ, слѣдующія звучатъ тождественно лишь съ свойственнымъ малорусскому выговору умягченіемъ конечной буквы въ существительныхъ: два, а, на, вороны, жоны (въ общемъ смыслѣ—женщины). Надѣемся, никто не заподозритъ въ томъ, что мы умышленно выбирали отрывокъ, заключающій большую пропорцію словъ и оборотовъ, отличающихъ великорусскій языкъ отъ малорусскаго. Итакъ, словъ, совершенно иначе звучащихъ по-русски, будетъ въ этой пѣсенкѣ 15 изъ 37, т.-е. 40%; звучащихъ болѣе или менѣе сходно—35%, и лишь остальное звучитъ совсѣмъ или почти тождественно.

Вотъ грубая цифровая схема, выражающая степень затемнѣнія головы хохлацкаго ребенка, поступающаго въ школу, гдѣ къ нему обращаются на общерусскомъ языкѣ. Около половины словъ совсѣмъ непонятныхъ, не имѣющихъ съ соотвѣтственными словами языка книжнаго звукового сходства,—кажется, пропорція достаточно внушительная. А сколько подбавляютъ къ затемнѣнію головы ребенка тѣ слова, которыя звучатъ на томъ и на другомъ языкѣ одинаково, но имѣютъ разные смыслы. Въ приведенномъ нами отрывкѣ встрѣчается только два случая подобнаго рода: «до млина», что по-русски никакъ не можетъ быть переведено «до мельницы», но «на мельницу», и «крюкъ» (воронъ). Но въ развернутой передъ нами книжкѣ рядомъ съ выписанной пѣсенкой стоитъ другая:

Ой у поли могыла,
Край могылы долына,
Край долыны ставочокъ,
Край ставочка гребелька,
Край гребелькы млыночокъ,
Край млыночка кладочка,
Край кладочкы лужечокъ.

Въ этой пѣсенкѣ на двадцать словъ десять разъ повторяются

лова, звучащія одинаково съ русскими, но имѣющія другой смыслъ: (въ), край (около, возлѣ), могыла (курганъ), лужечокъ (лѣсочекъ а низинѣ). Въ педагогическомъ смыслѣ подобныя слова—настоящіе одводные камни: обманчивая тождественность звука неизбѣжно приодитъ къ непоправимой путаницѣ понятій. Возможно ли разумное азвитіе ребенка, когда такъ попираются самыя элементарныя педаогическія требованія?

Мы указали лишь на самыя простыя и очевидныя педагогическія еудобства и необходимости, вытекающія изъ того, что малорусскаго ебенка начинаютъ въ школѣ учить не на его языкѣ, но на книжомъ или общерусскомъ. Но развѣ все исчерпывается этимъ? А оригинальность мысли и чувства, которая находится въ тѣснѣйей и непосредственной связи съ языкомъ народа, съ тѣмъ, что азываютъ неопредѣленнымъ терминомъ духа языка? Живая связь, оторую сохранилъ еще языкъ народа, между звукомъ и обозначаымъ имъ предметомъ, точнѣе, впечатлѣніемъ отъ него, при переачѣ на чужой языкъ—исчезаетъ; всѣ ассоціаціи, которыя родные вуки возбуждаютъ съ цѣлымъ неистощимымъ запасомъ народнаго ворчества—исчезаютъ, и т. д. и т. д. Глубокой правдой звучатъ риведенныя выше слова Весселя: «обучать на не-родномъ языкѣ, отъ бы и самомъ близкомъ и сродномъ, значитъ извращать самоюятельное умственное развитіе народа, извращать всю его духовную рироду».

Но если бы противники малорусскаго языка ограничивались лишь озраженіями—это было бы еще пол-бѣды. Цѣлая бѣда въ томъ, то они приправляютъ свои возраженія острымъ соусомъ опасеній и аущеній. Чего они опасаются сами и чего наущаютъ опасаться ругихъ?—трудно сказать съ опредѣленностью. Слово «сепаратизмъ» ишь въ минуты увлеченія срывалось съ ихъ перьевъ, и то больше ъ смыслѣ гадательнаго будущаго, чѣмъ положительнаго настоящаго. ъ самомъ дѣлѣ, это было бы уже слишкомъ. Однако, они подпускали разные экивоки насчетъ государственнаго единства. Что же грожало этому единству? Неужто это единство—единство внутри усскихъ областей—до такой жалости непрочно, что для него будетъ паснымъ и то, если ребятишки въ школахъ будутъ начинать обученіе рамотѣ на ихъ областныхъ нарѣчіяхъ? Нѣтъ, дѣло, конечно, не ъ этомъ, скажутъ намъ противники,—а въ томъ, что кроется за тимъ... Да что же, однако, кроется?

Съ половины XVII вѣка, южнорусскій народъ добровольно присоединился къ сѣвернорусскому. Вскорѣ послѣ присоединенія были

попытки отдѣльныхъ лицъ и политическихъ партій верхняго малорусскаго общественнаго слоя—козацкой старшины—разорвать возникшій союзъ: всѣ эти попытки разбивались объ активное или пассивное сопротивленіе народной массы. Присоединеніе это дало Малороссіи внѣшнюю безопасность, но оно не обошлось для нея безъ жертвъ. Можетъ быть, масса и не особенно цѣнила политическую автономію; но она не могла не цѣнить независимости въ ближайшихъ своихъ дѣлахъ, въ выборѣ священника для своего прихода, въ устройствѣ школы и т. п.; наконецъ, не могла же не цѣнить своей личной свободы, а и той пришлось лишиться при введеніи Екатериной крѣпостного права. И, однако, масса эта все-таки не дѣлала и тѣни какой-нибудь попытки разорвать союзъ. Отчего?—отъ апатіи, отъ косности? Однако, косность не мѣшала народу въ то же самое время на правой сторонѣ Днѣпра продолжать вести съ польскимъ государствомъ своеобразную гайдамацкую борьбу, которая стоила народу большихъ жертвъ и прекратилась лишь съ существованіемъ Польши. А вѣдь Сибирь не была страшнѣй Кодни и кнутъ не страшнѣй тѣхъ человѣческихъ гекатомбъ, которыя устраивали поляки, торжествовавшіе свои побѣды въ періодически наступавшіе моменты обостренія гайдамачины. Не зная ни этнографіи, сближающей южно русскій народъ съ сѣверно русскимъ, ни древняго періода совмѣстной исторіи, о которомъ не сохранилось воспоминаній въ народной малорусской исторической поэзіи,—малорусскій народъ, руководясь какимъ-то чутьемъ, избралъ слитіе съ великой Россіей за самый лучшій изъ представлявшихся ему выходовъ и, разъ установившись на этомъ, не сдѣлалъ ни разу ни малѣйшей попытки измѣнить свое рѣшеніе. И вдругъ ни съ того ни съ сего бьютъ тревогу объ опасности за государственное единство! И когда же? Когда политическая психологія малорусскаго крестьянина вѣковымъ процессомъ уже успѣла совершенно отлиться въ тѣ же общерусскія формы народной мужичьей политической психологіи, какими живетъ все крестьянство... Не страннѣй было бы, если бы вдругъ съ какой-нибудь литературной каланчи возвѣстилось, что новгородскій мужикъ вспомнилъ о своемъ вѣчевомъ колоколѣ и требуетъ его отъ Москвы обратно.

Впрочемъ, къ чести здраваго смысла нашихъ охранителей, надо сказать, что въ своихъ экивокахъ насчетъ государственнаго единства они никогда прямо не затрогивали народа. Дѣло, видите-ли, не въ немъ, а во вредно настроенныхъ людяхъ изъ малорусской интеллигенціи, которые замышляютъ сепаратизмы и угрожаютъ государственному единству...

Но, говорятъ ученые люди, всякій миѳъ, самый фантастическій, всегда имѣетъ въ основѣ хоть сколько-нибудь, хоть какое-нибудь зернышко реальнаго характера. Гдѣ же это зернышко въ охранительномъ миѳѣ о малорусскомъ сепаратизмѣ? Сами охранители могли бы, конечно, сдѣлать наиточнѣйшій анализъ своего миѳа; мы же должны ограничиться лишь догадками. Вотъ одна изъ нихъ. Въ Малороссіи ходятъ темныя преданія о нѣкіихъ, существовавшихъ во времена оны, фрондирующихъ барахъ, обрушенныхъ шляхтичахъ или ошляхетченныхъ русскихъ дворянахъ, которые мечтали якобы о какихъ-то бунчукахъ и булавахъ. Отчего они не печатали своихъ мечтаній на страницахъ «Русскаго Вѣстника?» Можетъ быть, потому, что «Русскій Вѣстникъ» не открылъ бы имъ объятій, памятуя государственное единство еще тверже, чѣмъ аристократическіе принципы; а можетъ быть и потому, что «Русскаго Вѣстника» еще и на свѣтѣ въ то время не было. Какъ бы то ни было они мечтали лишь про себя, въ тиши своихъ болѣе или менѣе роскошныхъ усадебъ, никакими звуками, ни движеніями не выдавая своихъ мечтаній, и потомъ повымирали себѣ такъ же мирно и безмятежно, какъ жили. Остался послѣ нихъ лишь темный слухъ о ихъ существованіи, который пошелъ бродить по свѣту и невѣдомыми путями забрелъ въ охранительныя редакціи; встрѣтивъ тамъ тучную почву, онъ пустилъ корни, разросся до предѣловъ такого громаднаго призрака, что изъ-за него начали охранители взывать даже къ экстреннымъ государственнымъ мѣрамъ. Впрочемъ, все это наша догадка, на которой мы не настаиваемъ особенно. Стоимъ мы твердо лишь на томъ фактѣ, что для малорусской школы малорусскій языкъ нимало не вреденъ.

Мы знаемъ, что въ верхнемъ слоѣ южнорусскаго, какъ и всякаго другого русскаго общества, есть группа людей, желающихъ укрѣпить свои общественные идеалы на народной почвѣ и стремящихся дѣйствовать въ интересахъ народа. Группа эта по всей Россіи еще не строго опредѣленная партія, такъ какъ «интересы народа» еще не достаточно выяснившійся терминъ...

Но тѣмъ не менѣе, этотъ еще не вполнѣ выяснившійся лозунгъ, сбираетъ около себя все, что есть въ русской землѣ живого и честнаго, даже изъ лицъ противоположныхъ лагерей, сбираетъ, если не на полѣ дѣйствія, то на полѣ сочувствія. Какъ интересы южнорусскаго народа въ главныхъ и существенныхъ чертахъ не отличаются отъ интересовъ сѣвернорусскаго, такъ не отличаются и интересы тѣхъ группъ изъ верхнихъ слоевъ сѣверно и южнорусской интеллигенціи, которыя хотятъ созидать свои общественные идеалы

*

на почвѣ народныхъ желаній и потребностей. Однако нельзя сказать, чтобъ малорусская интеллигентная группа, о которой мы говоримъ, не отличалась совсѣмъ отъ соотвѣтствующей группы великорусской. Есть нѣкоторая разница, коренящаяся въ особенностяхъ общественной психологіи обѣихъ половинъ русской народности. Въ малороссѣ, какъ крестьянинѣ, такъ и интеллигентномъ человѣкѣ, по сравненію съ великороссомъ, гораздо живѣе чувство любви къ родинѣ, къ тому углу, съ которымъ связываются его первыя непосредственныя дѣтскія впечатлѣнія. Великороссъ по преимуществу скиталецъ, у котораго есть отечество, но нѣтъ родины; малороссъ—человѣкъ земли, угла, своего хутора. Это необходимо отражается и на міросозерцаніи интеллигентнаго человѣка той и другой половины русскаго міра. Интеллигентный малороссъ болѣе склоненъ сливать свои теоретическія симпатіи къ народу—съ конкретнымъ образомъ мужика-хохла съ его волами, съ его хатой, со всей его хохлацкой обстановкой; интеллигентный великороссъ больше тяготѣетъ къ отвлеченному мужику, къ обще-мужику, У послѣдняго нѣтъ такой психологической потребности воплощать свой мужицкій культъ въ образѣ опредѣленнаго мужика, съ такимъ или инымъ говоромъ, въ лаптяхъ или чоботахъ, съ сохой или плугомъ, съ православнымъ чумакомъ или жидомъ, запускающимъ руку въ его тощій карманъ. На чьей сторонѣ преимущество, да и можетъ ли быть тутъ вообще рѣчь о преимуществѣ,—этого мы не беремся рѣшать; да и не въ этомъ дѣло. Но мы должны указать на то, что изъ этой разницы выходитъ вотъ какое слѣдствіе. Малорусскій интеллигентный человѣкъ обнаруживаетъ менѣе наклонности увлекаться широкими теоретическими построеніями и больше способности становиться на реальную почву конкретныхъ потребностей своего мужика.

Слѣдовательно, съ этой стороны нимало, конечно, не угрожаетъ государственному единству то чисто педагогическое соображеніе, что въ южно-русской народной школѣ слѣдуетъ пользоваться языкомъ мѣстнаго населенія, какъ необходимымъ подспорьемъ при первоначальномъ обученіи, какъ ступенью для правильнаго перехода къ языку общерусскому, или литературному. Вопросъ о таковомъ педагогическомъ употребленіи областныхъ нарѣчій не нами, русскими, начался, не нами и кончится. Германія и Франція—передовыя изъ европейскихъ странъ по развитію въ нихъ объединительнаго государственнаго принципа, и на нихъ, обыкновенно, указываютъ охранители, какъ на поучительный примѣръ того, до какихъ блестящихъ результатовъ доводитъ объединеніе языка и куль-

туры. Но примѣръ оказывается, дѣйствительно, поучительнымъ, да только на-изнанку.

Германія, классическая страна педагогики, обладаетъ цѣлой богатой литературой, касающейся вопроса о введеніи въ народную школу преподаванія на областныхъ нарѣчіяхъ. Тамъ этотъ вопросъ возбудился особымъ, чисто нѣмецкимъ способомъ, при посредствѣ ученыхъ филологовъ. Гриммъ и другіе изслѣдователи нѣмецкаго языка, въ его развѣтвленіяхъ, измѣнили господствовавшій до тѣхъ поръ въ общественномъ сознаніи взглядъ на отношеніе литературнаго верхне-нѣмецкаго языка къ областнымъ нарѣчіямъ. Благодаря ихъ работамъ, сдѣлалось уже невозможнымъ дальше смотрѣть на областные говоры, какъ на порчу чистаго языка: оказалось, что областные говоры питаютъ собою литературный языкъ, который безъ нихъ закаменѣлъ бы въ мертвыхъ формахъ; что лишь при помощи ихъ возможно возстановить правильную картину жизни языка во всемъ его разнообразіи и ростѣ и т. д.; что, слѣдовательно, прямой интересъ—не уничтожать нарѣчій, буде бы это оказалось возможнымъ, а оберегать, изслѣдовать, заботиться о нихъ. Однимъ словомъ, оказалось кое-что неожиданное для науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оно обыкновенно бываетъ, и для жизненной практики. Педагоги пошли навстрѣчу измѣнившимся взглядамъ на языкъ. Они не могли не пойти, такъ какъ ихъ неизбѣжно толкали на этотъ путь самыя основныя положенія ихъ педагогическихъ теорій. Могъ ли уклониться отъ этого пути, напримѣръ, Дистервегъ, который утверждаетъ, что «новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго,—другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны» и, что «привязать человѣка къ родинѣ (въ смыслѣ мѣстномъ, областномъ), научить его не только познавать эту родину, но и воодушевить его любовью къ ней, ея свойствамъ и особенностямъ—вовсе не значитъ покровительствовать провинціальной узости, а, напротивъ, укрѣпить корни его силы, корни, которые заключаются въ почвѣ его родины, въ особенностяхъ его земляковъ, въ ихъ исторіи»? Исходя изъ такихъ положеній, Дистервегъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ тому, что «учитель долженъ обращать вниманіе на языки, которыми объясняются ученики при вступленіи въ школу»; но онъ не рѣшался взять на себя выясненіе того, въ какой формѣ должно выражаться это вниманіе, предоставляя этотъ вопросъ рѣшить учителямъ-практикамъ.

Интересно, что еще раньше другой знаменитый педагогъ, Пе-

сталоцци, утверждая, что «рѣчь есть отраженіе всякаго впечатлѣнія, производимаго на насъ природой», самъ употреблялъ въ «Лингардѣ и Гертрудѣ» областныя выраженія, тамъ, гдѣ находилъ для себя недостаточнымъ литературнаго языка.

Практическая разработка такого вопроса, какъ введеніе мѣстнаго нарѣчія въ школу, конечно, должна была возбудить массу затрудненій и недоразумѣній. Ясно, что нарѣчіями надо пользоваться въ первые школьные годы, когда ребенокъ не усвоилъ еще себѣ литературнаго языка; ясно, что изученіе книжнаго языка должно идти путемъ сравненія съ нарѣчіемъ, такъ какъ такимъ путемъ изученіе формъ книжнаго языка—всего того, что въ школахъ извѣстно подъ отталкивающимъ именемъ грамматики—выигрываетъ въ интересѣ, сознательности, а слѣдовательно, прочности и плодотворности. Но этихъ ясныхъ положеній еще недостаточно, чтобъ съ помощью лишь ихъ однихъ точно опредѣлить то мѣсто, какое должны занимать нарѣчія въ школѣ. Отсюда разнорѣчія между педагогами. Одни требуютъ, чтобъ учитель самъ вначалѣ говорилъ на нарѣчіи и чтобы нѣкоторые школьные предметы преподавались лишь на нарѣчіи: такъ, ожидаютъ хорошихъ результатовъ отъ того, если законъ Божій будетъ всецѣло идти на мѣстномъ, а не на общемъ языкѣ. Другіе, какъ напримѣръ, довольно извѣстный въ нѣмецкой учено-педагогической литературѣ Альбертъ Рихтеръ, авторъ книги: «Преподаваніе на родномъ языкѣ и его народное значеніе», находятъ, что не слѣдуетъ отводить нарѣчіямъ такого большого и прочнаго мѣста. Достаточно, если учитель постепенно будетъ замѣнять нарѣчіе литературнымъ языкомъ, если онъ будетъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы обращать вниманіе учениковъ на особенности ихъ нарѣчія, на законность и красоту этихъ особенностей, если онъ пріучитъ учениковъ относиться съ уваженіемъ къ своему говору, не выдавая его за неправильный и испорченный по отношенію къ литературному языку. Педагоги эти, такъ сказать, болѣе умѣренные въ своихъ требованіяхъ относительно роли нарѣчій въ школѣ, главнымъ образомъ руководствуются соображеніями тѣхъ непреодолимыхъ трудностей, какія представятся учителю при иной постановкѣ дѣла, такъ какъ нарѣчія въ большинствѣ случаевъ не разработаны научнымъ образомъ, а учителя не имѣютъ достаточно солиднаго филологическаго образованія. Этотъ представитель болѣе умѣренной фракціи педагоговъ, Рихтеръ, требуетъ широкаго примѣненія мѣстнаго элемента въ книгѣ для чтенія. Каждый районъ типическаго очертанія долженъ имѣть свой читальникъ, который не

можетъ имѣть иного значенія, какъ провинціальное. Это, конечно, не исключаетъ общаго ствола, пригоднаго для читальниковъ всѣхъ мѣстностей. Но мѣстный характеръ долженъ быть строго выдержанъ. Въ читальникѣ «необходимо должны найти себѣ мѣсто сказанія и пословицы соотвѣтственной мѣстности—сколько возможно на діалектѣ. Далѣе—картины изъ жизни природы и людей, насколько эта мѣстность представляетъ собою что-либо особенное, отличительное. Гдѣ имѣются поэтическія воспроизведенія какой-либо мѣстности, на нихъ должно быть обращено вниманіе. Прославленіе тѣсной родины чрезвычайно важно. Подобно тому, какъ мы научаемся уважать въ собственномъ народѣ всѣ народы, въ отечествѣ—всѣ страны, такъ точно и тутъ уваженіе къ небольшой части производитъ свое вліяніе на возбужденіе уваженія къ цѣлому».

Такого же рода педагогическіе вопросы подняты были во Франціи г. Бреалемъ, парижскимъ профессоромъ сравнительнаго языкознанія, въ книгѣ: «Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи». Уже не говоря объ уваженіи къ провинціальнымъ языкамъ, стоящимъ независимо отъ французскаго, какъ напр., языкъ Бретани или страны Басковъ, онъ требуетъ, какъ во имя филологической науки, такъ и во имя здравой педагогики, признанія за всѣми французскими нарѣчіями ихъ правъ на участіе въ образованіи ребенка. Его глубоко возмущаетъ то установившееся отношеніе къ провинціальнымъ нарѣчіямъ, которое понимаетъ ихъ лишь какъ каррикатуру и искаженіе языка господствующаго. Онъ съ разныхъ пунктовъ доказываетъ, какъ выиграли бы теорія и практика воспитанія, если бы онѣ взяли на себя борьбу съ господствующимъ предразсудкомъ, а не слѣпое потворство ему. «Не первое ли это изъ благъ, если у васъ не отнимаютъ вашего собственнаго языка, для того, чтобы заставить васъ усвоить языкъ Парижа? Если, по счастію, провинція ваша имѣетъ нѣсколько авторовъ, такихъ какъ Жасменъ, Руманиль или Мистраль (провансальскіе поэты), читайте эти книги наряду съ французскими. Дитя будетъ гордиться своей провинціей и только еще больше будетъ любить Францію. Духовенство хорошо знаетъ эту силу родного діалекта и умѣетъ при случаѣ пользоваться имъ: ваша же культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно, чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не только просто сверху положена на нее... Пусть не боятся, что авторитетность оффиціальнаго языка будетъ поколеблена,—этой опасности нѣтъ; достаточно литературы, публицистики и администраціи для того, чтобъ напомнить во-время о необходимости его».

Выше мы указали на то, какъ хорошо былъ поставленъ и у насъ вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ обученіи, мѣстныхъ нарѣчіяхъ вообще и малорусскомъ въ частности, даровитѣйшими представителями нашей педагогической литературы; указали и на то, какъ неожиданно перешелъ онъ изъ сферы педагогической литературы въ сферу литературы охранительной. Но, помимо этихъ спеціальныхъ литературныхъ вѣдомствъ, этотъ вопросъ не могъ быть обойденъ и общей литературой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не затрогивалъ онъ одного изъ насущнѣйшихъ интересовъ народа? Но литература наша, надо сказать правду, не погрѣшила относительно него излишнимъ вниманіемъ. Послѣднее десятилѣтіе она, можно сказать, почти совсѣмъ его не касалась (исключеніе—Вѣстникъ Европы, въ которомъ, въ 1874 г., появилась обстоятельная статья: «Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи»—мы воспользовались изъ нея многими фактами, особенно относительно Франціи и Германіи); отчасти это объясняется положеніемъ дѣлъ, такъ какъ при министерствѣ гр. Толстого толковать объ этихъ вещахъ практически было совсѣмъ лишнимъ. Въ шестидесятыхъ же годахъ, особенно въ началѣ ихъ, когда просвѣтительные вопросы были въ полномъ ходу и эта сторона дѣла была рѣзко поставлена и ярко освѣщена, главнымъ образомъ, южнорусскими дѣятелями, литература не могла совсѣмъ обойти поднимающагося движенія. Но не обошла именно только потому, что не могла обойти ради, такъ сказать, литературныхъ приличій. На самомъ же дѣлѣ видно было, что ей, собственно говоря, все равно; что вопросъ ее мало интересуетъ, что онъ имѣетъ для нея лишь второстепенное, частное, мѣстное значеніе. Ни одинъ литературный органъ не удостоилъ разобрать этотъ вопросъ по существу, по его дѣйствительному отношенію къ народнымъ интересамъ и потребностямъ; всѣ ограничивались тѣмъ, что изрекали ему приговоры, исходя изъ своихъ общихъ представленій, а то иногда и Богъ знаетъ изъ чего. Изъ общихъ представленій исходили обыкновенно блѣдные, такъ называемые, либеральные органы, которые, выдерживая свои либеральные принципы, всегда снисходительно разрѣшали и мѣстнымъ элементамъ существовать, сколько имъ пожелается; странныя и совсѣмъ неожиданныя сужденія появлялись въ органахъ болѣе цвѣтной окраски. Извѣстно, что почвенные органы Достоевскихъ «Время» и «Эпоха», совершенно въ духѣ своего общаго міровоззрѣнія, взяли подъ защиту гр. Толстого и его педагогическіе принципы; но въ то же самое время, уже совершенно неизвѣстно въ какомъ духѣ, заявили себя противниками употребленія малорус-

скаго языка въ южнорусской народной школѣ—тульскій-де мужикъ имѣетъ право на почву, а у полтавскаго еще носъ не доросъ. Это было уже совсѣмъ несообразно. Славянофилы, представителемъ которыхъ былъ въ тѣ времена «День», по своему обыкновенію, сидѣли между двухъ стульевъ, народности и государственности, областности и централизаціи, и потому не могли обойтись безъ компромиссовъ. Они вымудрили себѣ относительно малорусскаго языка такое рѣшеніе, что онъ, дескать, можетъ быть допущенъ «для домашняго обихода». Надо думать, что народная школа должна была входить въ домашній обиходъ. Спасибо и за то, такъ какъ, собственно, ни о чемъ другомъ, кромѣ домашняго обихода, какъ слѣдуетъ понимаемаго, и рѣчи не заводилось.

Но въ то же самое время, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ одинъ литературный органъ, который не только усвоилъ себѣ въ теоріи положеніе о необходимости мѣстнаго элемента въ народномъ обученіи, но и разработывалъ его практически, примѣнительно къ той мѣстности, интересы которой онъ взялся представлять. Это была «Основа»—органъ южнорусской интеллигенціи, т.-е. той ея части, которая пришла къ сознанію всего зла, происходящаго отъ разрыва ея съ народомъ, и которая, исходя изъ этого сознанія, рѣшилась дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію, для наполненія этого разрыва, для слитія съ народомъ. Она понимала тогда это слитіе такъ. Одно теченіе должно было идти снизу вверхъ, отъ народа къ интеллигенціи, должно было оживить мысль и чувство культурнаго человѣка элементами народной мысли и чувства, именно: интеллигенція должна была взять отъ народа его богатый, живой языкъ, должна была изучать духъ народа, поскольку онъ проявляется въ его исторіи, въ его преданіяхъ, поэзіи, міросозерцаніи и формахъ жизни... Другое теченіе должно было идти отъ интеллигенціи къ народу, именно: интеллигенція должна была дѣлиться съ народомъ плодами своихъ знаній и высшей культуры, ничего не навязывая народу, а лишь сообщая удовлетворяющее той или другой сознанной и выясненной народной потребности. Понятно, какое вниманіе должно было удѣлять съ этой точки зрѣнія народной школѣ. А между тѣмъ и оживившаяся педагогика изъ общихъ педагогическихъ основаній развивала тѣ же принципы, къ которымъ южнорусская интеллигенція подходила съ другой стороны. Все это возбудило на Югѣ необычайное общественное вниманіе къ вопросамъ народнаго обученія, вниманіе, литературнымъ выразителемъ котораго явилась «Основа».

На Югѣ впервые появились воскресныя школы и быстро распро-

странились по всѣмъ южнорусскимъ городамъ и городишкамъ; по селамъ всюду помѣщики одинъ передъ другимъ заводили школы. «Основа» самымъ внимательнымъ образомъ слѣдила за этимъ движеніемъ, посвящая ему постоянно обстоятельныя хроники. Но изъ факта этого движенія необходимо вытекалъ вопросъ—какъ и чему учить? Общимъ міровоззрѣніемъ «Основы» обусловливались два положенія: учить слѣдуетъ непремѣнно на народномъ языкѣ и учить тому, чему желаетъ учиться народъ, лишь постепенно и послѣдовательно расширяя кругъ его воззрѣній. Но для ученья нужны подходящія учебныя книги, а ихъ нѣтъ. И вотъ на созданіе то учебной литературы для народа и направилось главное вниманіе «Основы», т.-е. той части южнорусской интеллигенціи, которую она представляла. Одна за другой начали появляться азбуки на малорусскомъ языкѣ, болѣе или менѣе приноровленныя къ народу и вообще спеціальнымъ требованіямъ южно-русской народной школы; больше другихъ имѣла успѣха граматка г. Кулиша, которая быстро разошлась, хотя была издана въ большомъ количествѣ экземпляровъ. За азбуками появились на народномъ языкѣ ариѳметики и другія необходимыя для школы книги. Со всѣхъ концовъ южнорусскаго края стали появляться извѣстія, что обученіе на родномъ языкѣ идетъ очень успѣшно, что народъ быстро освоивается съ новой школой, что школьное дѣло становится на твердую почву, возбуждая къ себѣ общія народныя симпатіи. Дѣло развивалось. Однѣхъ граматокъ, ариѳметикъ съ небольшимъ количествомъ поэтическихъ и беллетристическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ казалось уже недостаточнымъ. «Основа» разрабатываетъ мысль о томъ, что необходимо дальше двигаться въ созданіи учебной литературы для школы и народа: необходимы разнообразныя книги и—нравственнаго содержанія, какъ питающія нравственныя основы народнаго характера, и такія, которыя должны знакомить съ природой и ея законами, и такія, которыя должны помогать народу оріентироваться въ его общественномъ положеніи. Журналъ обращается къ южнорусскому обществу за содѣйствіемъ трудомъ и матеріальными средствами. Общество энергично откликается на призывъ. Отдѣльныя лица, кружки, студенты кіевскаго университета начинаютъ работать надъ составленіемъ малорусскихъ книжекъ для народа по заявленной «Основой» программѣ; въ редакцію «Основы» стекаются съ разныхъ сторонъ пожертвованія на изданіе этихъ книжекъ. Казалось, малорусскому Югу суждено было явить примѣръ того, какъ можетъ и должна служить интеллигенція своему народу и интересамъ мирнаго общественнаго прогресса. Но наступившая

реакція въ зародышѣ прервала начавшееся движеніе: послѣ всего лишь двухъ лѣтъ существованія, «Основа» прекратилась; издательская дѣятельность для народа подверглась стѣсненіямъ; воскресныя школы закрыты; мѣстный языкъ безусловно изгнанъ изъ школъ. Мало того: въ заботахъ о народной школѣ начали выступать на первый планъ не соображенія педагогическаго значенія мѣстнаго ли или какого-либо другого элемента, а соображенія и интересы политики и полицейскаго надзора.

Но южнорусская интеллигенція, несмотря на всю массу внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, не оставляла мысли работать для народа въ намѣченномъ ею направленіи. Когда около половины семидесятыхъ годовъ реакція временно ослабла, въ Кіевѣ появилось множество книгъ для народа на малорусскомъ языкѣ, самаго разнообразнаго содержанія: и нравственнаго, и историческаго, и естественно-историческаго, и практическаго. Мы не говоримъ о замѣчательныхъ научныхъ изданіяхъ изъ области народной словесности. Теперь и введеніе народнаго языка въ школу не встрѣтило бы недостатка въ книжныхъ пособіяхъ. Правда, до сихъ поръ еще не были возобновлены мѣстныя изданія собственно педагогическаго характера, т.-е. азбуки и мѣстные читальники, но, нѣтъ сомнѣнія, они появились бы тотчасъ же, какъ жизнь предъявила бы на нихъ запросъ.

Мы читали, что одно изъ южнорусскихъ земствъ (уѣздное черниговское) постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о допущеніи малорусскаго языка въ мѣстную народную школу. Вѣроятно, за этимъ ходатайствомъ послѣдуютъ и другія.

ФИЛОСОФЪ ИЗЪ НАРОДА [1].

Въ наступившемъ году, въ октябрѣ, минетъ сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, и нѣтъ сомнѣнія, что харьковскій университетъ почтитъ его память юбилеемъ.

«Сковорода, университетъ, юбилей... чтó-бы сей сонъ значилъ?» подумаетъ, вѣроятно, каждый великорусскій читатель; но южнорусскій навѣрно отнесется иначе: «А, Сковорода! Вѣдь его портретъ висѣлъ у отца въ кабинетѣ!»—«Большой чудакъ былъ покойникъ, должно быть! Помню, дѣдушка разсказывалъ, что онъ нерѣдко живалъ у нихъ на пасѣкѣ»...—«Да, да, сковородинскіе псальмы поютъ слѣпцы, и въ «Наталкѣ Полтавкѣ»: «Всякому городу нравъ и права»—тоже сковородинское»...—«Экая жалость! Еще недавно въ кладовой валялась книжонка сочиненій Сковороды: взглянулъ-бы теперь, а ее какъ нарочно мыши изгрызли!»—«Слыхалъ я, что у сосѣдняго батюшки было много тетрадей—рукописей Сковороды, да матушкѣ понадобилась какъ-то бумага на оклейку, она и порѣзала все» и т. д. и т. д.

Но хотя южноруссъ, особенно лѣвобережный, и не поразится этимъ страннымъ и вульгарнымъ именемъ, тѣмъ не менѣе у него въ сознаніи не будетъ яснѣе,—кто такой былъ Сковорода, почему его будутъ чтить, въ чемъ его заслуги передъ современниками или потомствомъ?

Не будетъ удивленъ развѣ только читатель изъ духовныхъ, который можетъ припомнить, что въ исторіи философіи архимандрита Гавріила упоминается и Сковорода, помѣщенный между архіепископомъ бѣлорусскимъ Георгіемъ Конисскимъ и митрополитомъ московскимъ Платономъ Левшинымъ; да еще записной философъ, который знаетъ, что и въ приложеніи къ переводу знаменитаго сочиненія Ибервега «Исторія новой философіи», сдѣланному г. Колубовскимъ,

---

[1]) Книжки „Недѣли". 1894. № 1.

сказано: «Мистикъ Сковорода можетъ считаться первымъ русскимъ философомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова». Да и то въ его признаніе, основанное на слѣпой вѣрѣ, вкрадется недоразумѣніе: можно или нѣтъ считать Сковороду первымъ русскимъ настоящимъ философомъ, а тѣмъ болѣе—можно-ли считать его мистикомъ?

А юбилей въ Харьковѣ все-таки будетъ. Та территорія, которую Сковорода исходилъ вдоль и поперекъ собственными ногами, разнося какъ по панскимъ дворамъ, такъ и по крестьянскимъ хатамъ свѣтъ своей «новой славы», слишкомъ тѣсно связана съ нимъ духовными нитями, присутствіе которыхъ хотя сознается и смутно, но тѣмъ не менѣе чувствуется. Юбилей будетъ, и надо надѣяться, освѣтитъ болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно высокодаровитую и чрезвычайно оригинальную фигуру, такъ сильно поражавшую мысли и чувства не только современниковъ, но и ближайшаго потомства. Прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни; но это не даетъ намъ права быть неблагодарными, тѣмъ болѣе, что Сковорода несъ на алтарь своего служенія не избытки отъ своихъ душевныхъ богатствъ, а самую душу, кровь своего сердца. Тѣмъ не менѣе культурные люди края успѣли забыть его довольно основательно. За то его помнитъ народъ. Въ разныхъ мѣстахъ существуютъ о немъ разсказы и легенды, а главное, вездѣ знаютъ и поютъ его духовные стихи, которые вошли въ циклъ произведеній народнаго пѣсеннаго творчества на полныхъ правахъ гражданства. А такая память стóитъ юбилейныхъ торжествъ...

I.

Несомнѣнно, природа слѣпила Сковороду изъ того драгоцѣннаго матеріала, который она хранитъ въ скудномъ запасѣ для людей «дѣлающихъ эпохи». Но тѣмъ не менѣе Сковорода никакой эпохи не сдѣлалъ, и въ этомъ-то заключается, вѣроятно, объясненіе того страннаго обстоятельства, что мы какъ-бы и помнимъ, а съ другой стороны, какъ-бы и совсѣмъ забыли Сковороду; отчетливо чувствуемъ, что надо чтить его память, и неясно сознаемъ, за что мы его должны чтить. Очевидно, природа сдѣлала по отношенію къ Сковородѣ ошибку: онъ явился не въ надлежащее время и не въ надлежащемъ мѣстѣ.

Сковорода родился въ 1722 году, въ с. Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи; умеръ въ селѣ Панъ-Ивановкѣ, Харьковскаго уѣзда, въ октябрѣ 1794 года; лѣвобережная Малороссія съ Слободской Украйной—вотъ та территоріальная арена, на которой дѣйствовалъ Сковорода.

18-й вѣкъ для лѣвобережной Малороссіи былъ эпохой съ своеобразной окраской. Снаружи все было тихо: никакихъ яркихъ событій, бурь, переворотовъ. Казалось, жизнь края, еще такъ недавно бурлившая внѣ всякаго русла, вошла окончательно въ берега и еле-еле движетъ свои мутныя и сонныя струи. Но на самомъ дѣлѣ эта мутная рябь верхняго теченія укрывала собою очень дѣятельную работу перемѣщенія и новой формировки общественныхъ элементовъ. Волею Петра Малороссія была накрѣпко припряжена къ русскому государственному тяглу, но исполнять свое новое назначеніе какъ слѣдуетъ она могла лишь произведя крупныя измѣненія въ формахъ и условіяхъ своего общественнаго строя. Эти измѣненія при данномъ положеніи были фатально неизбѣжны, и произошли они съ чрезвычайной быстротой. Козачество, еще недавно центральный элементъ строя, перешло на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣборобовъ и чумаковъ, безъ всякихъ притязаній на какое бы то ни было политическое значеніе; козацкая старшина образовала новое дворянское сословіе; всѣ свободные сельскіе люди какъ земельные собственники, не вошедшіе въ козацкіе компуты, такъ и безземельные, очутились въ крѣпостной зависимости у новыхъ дворянъ. И все это произошло на глазахъ какихъ-нибудь двухъ поколѣній.

Понятно, какая усиленная работа переформировки и приспособленія шла въ этомъ обществѣ; понятно, какую плохую почву представляло это общество для той страстной проповѣди личной раціоналистической нравственности, какую преподносилъ ему Сковорода. Онъ проповѣдывалъ разумно-нравственное а въ условіяхъ жизни все, происходило совсѣмъ иначе, и ужъ, конечно, не тѣ люди, которые извлекали выгоды изъ измѣненія условій, могли активно прислушиваться къ его словамъ; тѣ же, которые явились жертвами условій, прислушивались несомнѣнно и кое-что запоминали такъ твердо, что помнятъ и до сихъ поръ. Но эти послѣдніе не могли оцѣнить Сковородинской учености: они были глухи къ аргументамъ отъ Сенеки, Платона или нѣмецкой философіи. Тѣ же, кто могъ взвѣшивать ученые аргументы, предпочитали классикамъ и нѣмецкимъ философамъ французскій языкъ и французскихъ писателей, знаніе которыхъ, сообщая блескъ образованности, обезпечивало вмѣстѣ съ тѣмъ

успѣхи на жизненномъ поприщѣ. Тѣмъ не менѣе Сковороду слушали всѣ, слушали и тѣ, противъ кого онъ направлялъ свое страстное обличительное краснорѣчіе, полное злыхъ сарказмовъ,—и это большое доказательство его выдающейся силы.

Повидимому, необходимымъ аттрибутомъ всякой выдающейся силы надо считать ея стремленіе къ самоопредѣленію. Сковорода съ этой точки зрѣнія необыкновенно типиченъ. Правда, обстоятельства его жизни мало извѣстны; хотя свѣдѣній о немъ сохранилось порядочное количество, но все это скорѣе передача впечатлѣній отъ его личности, чѣмъ объективный біографическій матеріалъ. Вѣроятно, Сковорода не любилъ занимать другихъ своей особой, и потому его друзья и знакомые такъ мало могли передать о немъ точныхъ фактовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, изъ всего дошедшаго до насъ ясно, что этотъ человѣкъ самъ въ себѣ носилъ свой идеалъ жизни и творилъ жизнь по этому идеалу, не зная, что такое среда съ ея заѣдающими вліяніями, что такое сдѣлка, приспособленіе.

Сковорода съ ранняго дѣтства обнаруживалъ большую склонность къ ученью и музыкальность. Способныя козацкія дѣти въ Малороссіи часто поступали въ кіевскую академію: родители расчитывали вдвинуть ихъ черезъ образованіе въ ряды старшины или духовенства. Очутился въ академіи и Сковорода. Но, благодаря прекрасному голосу и музыкальнымъ способностямъ, онъ былъ взятъ изъ академіи для пѣвческой капеллы при дворѣ Елизаветы Петровны. Это все, что мы знаемъ относительно дѣтства и ранней юности Сковороды. 22-хъ лѣтъ онъ вернулся на родину, въ Кіевъ, и, повидимому, опять поступилъ въ академію. По крайней мѣрѣ, существуетъ разсказъ о томъ, какъ кіевскій архіерей хотѣлъ посвятить его въ священники, и онъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь, притворился психически больнымъ, началъ заикаться, такъ что его оставили въ покоѣ. Ясно одно, что онъ очень много учился, такъ какъ успѣлъ пріобрѣсти большія познанія даже и внѣ круга академическихъ наукъ. Въ такихъ душевныхъ организаціяхъ жажда знанія ненасытима: онѣ ищутъ въ знаніяхъ внутренняго свѣта, безъ котораго существованіе представляется имъ немыслимымъ. Но гдѣ взять этихъ знаній и этого свѣта?. Конечно, за границей. Малороссовъ никогда не пугала Европа; но не каждый рѣшился бы знакомиться съ нею при такихъ

---

[1]) Кто заинтересовался бы ближе личностью Сковороды, укажемъ на біографію, составленную Г. П. Данилевскимъ въ журналѣ „Основа" за 1861 годъ (или въ книгѣ „Украинская Старина"), и записки Коваленскаго въ „Кіевской Старинѣ" 1886 года, кн. IX.

условіяхъ, какъ Сковорода. Онъ пристроился было къ свитѣ генералъ-маіора Вишневскаго, отправлявшагося «къ токайскимъ садамъ», то-есть для закупки къ двору Елизаветы токайскихъ винъ; былъ нѣкоторое время дьячкомъ при православной церкви въ Офенѣ, а потомъ отправился странствовать по Европѣ. Почти безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукѣ обошелъ онъ Венгрію, Польшу, Германію и Италію. Благодаря тому, что Сковорода хорошо зналъ языки греческій, латинскій, а также и нѣмецкій, онъ могъ заводить знакомства и сношенія съ учеными людьми, долженъ былъ дѣлать это и дѣлалъ, по словамъ его біографовъ; но опять-таки мы рѣшительно ничего не знаемъ, что это были за ученые люди, въ какихъ умственныхъ центрахъ или умственныхъ теченіяхъ искалъ онъ удовлетворенія своихъ стремленій, нашелъ ли онъ хотя отчасти то, чего искалъ, и если нашелъ, то гдѣ и въ чемъ.

Какъ бы то ни было, Сковорода вернулся на родину, въ восточную Малороссію, сложившимся человѣкомъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но, благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Тѣмъ не менѣе Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры и міровоззрѣнія, не такъ-то легко было извлечь изъ своихъ талантовъ даже и тѣ ничтожныя средства къ жизни, въ какихъ онъ нуждался. Единственное оффиціальное положеніе, съ которымъ онъ въ идеѣ и мирился, было педагогическое; но при всякой попыткѣ устроиться онъ неизбѣжно наталкивался на подводные камни.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-заграницы онъ былъ приглашенъ на мѣсто учителя поэзіи въ Переяславскую семинарію. Въ семинаріи господствовалъ еще Симеонъ Полоцкій. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новые взгляды на предметъ и написалъ «Руководство о поэзіи.» Однако епископъ требовалъ, чтобы преподаваніе шло по-старинѣ. Сковорода, конечно, не могъ подчиниться такому требованію, ссылался на авторитеты и свое письменное объясненіе епископу усилилъ изреченіемъ: «alia res spectrum, alia plectrum» (одно дѣло пастырскій жезлъ, другое пастушья свирѣль). Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: «Не живяше посреди дому моего творяй гордыню». И Сковорода былъ изгнанъ.

Потомъ мы видимъ, какъ онъ пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ, беретъ мѣсто наставника сына одного богатаго и вельможнаго землевладѣльца Тамары. Воспитанникъ привязался

воспитателю, и Сковорода терпѣливо сносилъ панскую спесь, ко-
рая не позволяла пану даже разговаривать съ воспитателемъ сво-
 сына,—сносилъ тѣмъ болѣе терпѣливо, что было заключено
довое обязательство. Но тутъ вышелъ такой случай. Бесѣдуя разъ
 своимъ воспитанникомъ, Сковорода спросилъ его мнѣніе о ка-
мъ-то предметѣ и на его неподходящій отвѣтъ замѣтилъ, что
къ можетъ думать только свиная голова... Кто-то слышалъ эти
ова, донесено было матери, которая сочла это оскорбленіемъ шля-
тскаго достоинства своего сына, и Сковорода снова былъ изгнанъ.
арикъ Тамара, который былъ, несмотря на свое чванство, чело-
къ умный и образованный, употреблялъ потомъ большія усилія,
обы вернуть Сковороду, и его удалось хитростью, соннымъ, за-
зти въ домъ, гдѣ и уговорили его остаться; но онъ рѣшительно
казался на дальнѣйшее время отъ всякихъ обязательствъ и
ловій.

Въ 1759 г. Сковорода поступаетъ учителемъ поэзіи въ Харь-
вскій духовный коллегіумъ, но черезъ годъ опять уходитъ, такъ
къ между нимъ и епископомъ Бѣлгородскимъ, доставившимъ ему
о мѣсто, возникли холодныя отношенія изъ-за отказа Сковороды
инять монашество. Черезъ нѣкоторое время мы видимъ, что онъ
ова преподаетъ въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. Но
естящій финалъ его оффиціальной дѣятельности былъ впереди.
ъ 1766 г. въ харьковскихъ училищахъ устроены были прибa-
чные классы, гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго
юшества нѣкоторые новые предметы, и, между прочимъ, должны
ли преподаваться правила благонравія. Сковорода назначенъ былъ
еподавателемъ этого благонравія. Конечно, преподавать благонравіе
 то, что преподавать греческій языкъ, и Сковорода теперь до-
игъ того, къ чему, по особенностямъ своей психологіи, долженъ
лъ страстно стремиться—возможности свободно и открыто, съ ка-
дры, проповѣдывать то, что было близко его сердцу. И онъ вос-
льзовался этой возможностью со всей прямотой, какая вытекала
ъ его цѣльнаго характера. «Весь міръ спитъ», говорилъ онъ въ
оей вступительной лекціи: «спитъ глубоко, протянувшись, будто
шибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще по-
лаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее—чего опа-
ться!» Волненіе, произведенное рѣзкимъ характеромъ этой лекціи,
мо по себѣ не имѣло бы дальнѣйшихъ послѣдствій, если бъ не по-
вилась вскорѣ рукопись «Начальная дверь къ христіанскому добро-
равію для молодого шляхетства Харьковской губерніи», предста-

ные жить людской помощью; но за эту помощь они ніями и жизненнымъ опытомъ, которые пріобрѣтали въ нствованіяхъ. Вотъ именно такую «простую, безпечную ьную» роль старца и выбралъ себѣ Сковорода, съ той гъ простого старца, что онъ представлялъ собой для по выраженію современниковъ, цѣлую «бродячую акачто для него распахивались настежь двери не только мухатъ, но и панскихъ дворцовъ. Выраженіе «выбралъ нечно, не совсѣмъ удачно, такъ какъ оно неправильно отоложеніе. Сковорода, дѣлаясь старцемъ, не актерствовалъ: естественный выходъ, открывавшійся нравами и обычаями ической среды, въ которой онъ жилъ. Дѣло въ томъ, Малороссія—очень простая и демократическая по строю—трѣла на образованіе по-просту, не считая его привиюго-нибудь званія или состоянія, и распространеніе всякой какъ школьной, такъ и житейской, по образу пѣшаго старцами и кобзарями, мандрованными дьяками и эпетено самымъ обычнымъ дѣломъ. Но, разумѣется, только Скогъ избрать такой выходъ, разъ передъ нимъ было сколько ыхъ выходовъ, несравненно болѣе привлекательныхъ въ ъ смыслѣ. Къ его времени уже слишкомъ рѣзко пролегла онная линія между старымъ однородно-демократическимъ и новой панско-бюрократическо-европейской надстройкой. до было самобытной силы, чтобы личность могла удержаться, Сковородѣ, на этой границѣ.

тельно оригинальную фигуру представлялъ собою этотъ и ученый съ его простонародной внѣшностью, изъ-подъ се-таки проглядывала та складка, которую наложило когданое образованіе. Простонародность была для Сковороды, сына и бурсака, съ одной стороны естественнымъ проявле- симпатій, съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ любилъ природу Малороссіи, ея языкъ, пѣсни, обычаи, акъ, что не могъ надолго разставаться съ родиной; но по къ народу эта любовь являлась и въ освѣщеніи сознаыслью. «Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ науки, которые жрутъ и пресыщаются,—писалъ онъ комувоихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, тъ правду сказать: и я человѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, кдо!» Что онъ подразумѣвалъ подъ словомъ народъ,—ясно

изъ всей его жизни: онъ постоянно училъ всюду, гдѣ могъ—въ хатѣ, на дорогѣ, на ярмаркѣ. Да и въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ онъ не разъ высказывается на этотъ счетъ очень опредѣленно. «Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная... Какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа? Мудрствуютъ: простой народъ спитъ; пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ—тотъ не мертвечина и трупище околѣвшее». «Надо мной позоруются (насмѣхаются—по поводу его учительства въ простомъ народѣ), пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу передъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа; пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе».

Такъ и бродилъ по Украйнѣ не одинъ десятокъ лѣтъ этотъ своеобразный простонародный философъ. Всѣ его знали или желали знать, любили или ненавидѣли, хвалили или злословили, но, главное, всѣ имъ интересовались, и всѣ двери были для него раскрыты настежь. Складывалось понемногу повѣрье, что онъ приноситъ благословеніе тому дому, гдѣ останавливается. Онъ предпочиталъ всему уединенныя пасѣки, но живалъ и въ домахъ сельскихъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ панскихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, обыкновенно спалъ или въ саду или въ конюшнѣ. Сѣрая свита и чоботы, палка въ рукахъ и торба съ нѣсколькими книгами и рукописями за спиной—вотъ все его имущество; никогда ни отъ кого не принималъ онъ ничего, кромѣ самаго насущно-необходимаго. «Давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня», говорилъ онъ обыкновенно, если ему что-нибудь предлагали. Потребности его были до-нельзя ограничены: ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не ѣлъ вовсе, изъ-за чего потерпѣлъ даже разъ обвиненіе въ манихейской ереси [1]). Спалъ всего четыре часа. Но въ то же время это совсѣмъ не былъ аскетъ. Для этого онъ слишкомъ любилъ природу, любилъ музыку: онъ никогда не разставался со своей флейтой, и сочиненные имъ «сковородинскіе» напѣвы духовныхъ пѣсенъ извѣстны на югѣ до сихъ поръ въ средѣ мѣстнаго духовенства. Онъ не уклонялся отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже и приправлялась, какъ это обык-

[1]) Гоненіе воздвигнуто было на него послѣ вышеупомянутаго дебюта въ качествѣ преподавателя благонравія. Его, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что онъ называетъ вредными золото, серебро и проч. драгоцѣнныя вещи, созданныя Богомъ, и что, слѣдовательно, онъ богохульникъ.

ɜвенно водилось, малороссійской наливкой, если только люди сами о себѣ не были ему непріятны.

Да и философія его никогда не была философіей самоотреченія скорби, но философіей разума и счастія.

II.

Философія Сковороды... Мы подходимъ теперь къ очень трудому для насъ предмету. Труденъ онъ тѣмъ болѣе, что приходится азбираться въ немъ на собственный рискъ и страхъ. Всякій, кто асался до сихъ поръ Сковороды, обходилъ эту сторону тѣмъ, что рикдеивалъ ярлычекъ «мистикъ» и тѣмъ избавлялъ себя отъ дальѣйшаго труда, какъ будто этимъ ярлычкомъ уже было сказано все, го нужно. Но намъ кажется, что во всякомъ случаѣ для такой ригинальной фигуры, какъ Сковорода, нельзя обойтись ярлычкомъ, і и приклеивался онъ по недоразумѣнію. Сковорода подавалъ самъ къ ому поводъ своими сочиненіями,—но только и всего что поводъ.

По нашему крайнему разумѣнію, Сковорода совсѣмъ не былъ истикомъ; мало того, онъ крайне далекъ отъ мистицизма по свойвамъ своего сильнаго ума съ рѣзко раціоналистической складкой. онечно, это утвержденіе покажется нелѣпымъ тому, кому удалось глядывать въ сочиненія Сковороды, и онъ припомнитъ какуюибудь «Прю бѣса съ Варсавой» (Варсавой, т.-е. сыномъ Саввы, коворода называлъ себя) или разсужденіе «объ израильскомъ зміи», лное темныхъ, пожалуй, можно сказать, мистическихъ аллегорій. о намъ все это представляется иначе. Сковорода несомнѣнно имѣлъ ную и чисто логическимъ путемъ построенную философскую конпцію, о которой будетъ рѣчь ниже; но ему какъ бы холодно ановилось на этихъ философскихъ высотахъ, въ этой абсолютной чужденности отъ всего, чѣмъ живетъ окружающій міръ,—и къ ому же не чувствовалъ ли онъ, можетъ быть, какихъ-нибудь проворѣчій и недостатковъ въ такъ хорошо на видъ возведенномъ даніи? Какъ бы то ни было, онъ постоянно пытался связать свое огическое построеніе съ традиціей, въ которой онъ воспитался, въ оторой жило все окружающее, связать очень хитро сплетенными, о чисто внѣшними нитями. Въ этой своей «простонародной тканкѣ плеткѣ» (его собственное выраженіе) онъ крайне злоупотреблялъ

аллегоріей, пытаясь образамъ и понятіямъ Библіи навязать совсѣмъ чуждый имъ философскій смыслъ. Побужденія его были понятны и по своему правильны; но они увлекли его на ложный путь, гдѣ онъ иногда безповоротно запутывался въ словесныхъ дебряхъ. Въ концѣ концовъ, онъ убѣдилъ себя, что Библія содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякіе вопросы и что надо только умѣть ихъ извлечь оттуда, и на эту то безплодную работу онъ убилъ много времени и энергіи. Но это была ошибка въ методѣ, и тѣмъ самымъ его природа философа и изслѣдователя не превратилась въ природу мистика. Алхимикъ, который ждетъ, что сѣра или песокъ въ его ретортѣ превратится въ золото, на самомъ дѣлѣ ждетъ чуда, конечно; но самъ онъ можетъ слѣдить за своей ретортой съ тѣмъ же самочувствіемъ, съ какимъ слѣдитъ любой современный ученый въ своей лабораторіи за результатомъ своего новаго опыта. Конечно, Сковорода поступилъ какъ алхимикъ, полагая, что можно выжать что-нибудь, имѣющее реальную цѣнность, изъ игры словами, изъ созвучій и метафоръ... Но въ нашихъ цѣляхъ не лежитъ слѣдить за ошибками и заблужденіями этого ума, который былъ лишенъ воспитательнаго вліянія строгой научной дисциплины. Несравненно интереснѣе и поучительнѣе высвободить положительныя стороны ученія Сковороды изъ-подъ опутывающей его словесной сѣти и познакомиться съ нимъ поближе.

Чтобъ собрать во-едино философскія мысли Сковороды, надо ознакомиться и съ его духовными стихами («Садъ божественныхъ пѣсней»), и съ притчами или баснями, и съ письмами, но особенно съ діалогами (напримѣръ, «О познаніи себя»), которые цѣликомъ посвящены философскимъ разсужденіямъ, и съ упомятутой выше «Начальной дверью къ христіанскому добронравію», которая навлекла на него гоненія [1]).

Какъ могъ явиться съ эпитетомъ «мистикъ» этотъ раціоналистъ pur sang, для котораго единственно важно только познаніе? И подъ какими вліяніями сложился этотъ суровый раціонализмъ, безпощадный въ своей послѣдовательности?

Одно великое имя напрашивается на перо,—имя Спинозы. Предупреждаемъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказа-

[1]) Въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, главномъ центрѣ дѣятельности Сковороды, при содѣйствіи мѣстныхъ ученыхъ, мы могли раздобыть только одну печатную книжку сочиненій Сковороды (С.-Петербургъ, 1860 г.) и одну рукопись „Израильскій змій". Это все изъ произведеній Сковороды, чѣмъ мы пользовались, кромѣ многочисленныхъ выдержекъ въ различныхъ матеріалахъ къ его біографіи.

тельствъ какого бы то ни было знакомства Сковороды съ сочиненіями Спинозы или кого-нибудь изъ его учениковъ и послѣдователей; но какъ только мы отвлекаемъ концепцію Сковороды отъ сопровождающихъ ее внѣшнихъ наростовъ, духъ великаго еврея властно навязывается сознанію.

«Трудно сыскать начало всемірной машины»; но «испытуй опасно» (осторожно), и ты ее найдешь. «Въ чемъ же нашелъ его Сковорода?

«Взглянемъ теперь на всемірный міръ сей... какъ на машинище изъ машинокъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный циркуль во множествѣ ихъ. Сіе начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда жъ начинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Все исполняющее начало и міръ сей, какъ тѣнь его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто: materia aeterna».

Не есть ли это «единое начало», этотъ «вездѣсущій центръ и умный циркуль», по отношенію къ которому міръ есть только сумма то рождающихся, то исчезающихъ, вообще преходящихъ явленій—спинозовская субстанція, которая есть вмѣстѣ и Богъ, и природа, всеобъемлющая natura naturans, относящаяся къ міру явленій, къ своимъ модусамъ, какъ океанъ относится къ вздымающимся волнамъ? Въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ «Израильскаго змія» (предѣлъ 3-й) Сковорода употребилъ выраженіе «materia aeterna»; но обыкновенно онъ называетъ это начало, или субстанцію, Богомъ, поясняя, что «у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный, также бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость; а у христіанъ знатнѣйшія ему имена слѣдующія: духъ, Господь, царь, отецъ, умъ, истина». «Божественный духъ весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ *и самъ бытіемъ есть всякому созданію*. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ *и по своей-же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается.*

По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ, травы, дерева, звѣрей и все проч.»... «Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится».

Нетрудно усмотрѣть во всемъ этомъ совершенно опредѣленно выраженное пантеистическое міровоззрѣніе. Но противъ толкованія Сковородинскихъ взглядовъ въ духѣ именно спинозовскаго монизма можно выставить одно возраженіе. Сковорода слишкомъ часто и настойчиво говоритъ о двойственности всего сущаго, о двухъ мірахъ, двухъ тѣлахъ и т. д., такъ что одинъ свой философскій діалогъ онъ даже назвалъ: «Бесѣда—Двое»; такимъ образомъ онъ даетъ большой поводъ приписывать своему міропониманію дуалистическій характеръ. Но намъ кажется, что будетъ ошибкой, затемняющей сущность взглядовъ Сковороды, останавливаться на этомъ совершенно внѣшнемъ дуализмѣ. У Сковороды этотъ якобы дуализмъ, по нашему крайнему разумѣнію, вытекаетъ изъ требованій практической морали и вовсе не есть дуализмъ въ философскомъ смыслѣ слова, т.-е. противопоставленіе двухъ началъ, а простое, для этическихъ цѣлей необходимое, указаніе на различіе между субстанціальнымъ и модальнымъ, существеннымъ и случайнымъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, пребывающимъ и кажущимся.

Здѣсь мы подходимъ къ самой интересной сторонѣ философіи Сковороды, въ которой еще сильнѣе обнаруживается его родство съ Спинозой,—къ его этическимъ взглядамъ. Повидимому, у одного, какъ и у другого, требованія практической морали были скрытой пружиной, направлявшей ихъ сознаніе и въ чисто отвлеченныхъ построеніяхъ.

Все случайное и внѣшнее—по отношенію къ существенному, внутреннему и вѣчно-пребывающему—плоть, тлѣніе, тѣнь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и зло; благо, добро есть вѣчное, Богъ. Въ человѣкѣ отраженіе этого вѣчнаго, божественнаго есть мысль; она только и составляетъ истиннаго человѣка. Истинный человѣкъ, т.-е. мысль или духъ его, отражая въ себѣ это вѣчное, носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно доступную «мѣру» (критерій) познанія Бога, или плана вселенной. Такимъ образомъ, познаніе есть единственный путь къ сліянію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. «Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея»; «животворитъ одна истина», и «не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ

и не ученымъ предѣлъ мертваго и живого»; «Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ принять не хощетъ, если мы его не узнали». Познаніе, составляя цѣль жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное истинное счастіе человѣка. «Изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины; а намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость»; кому «не сладокъ Богъ», тому «нѣсть Богъ». Но познаніе же есть и единственная основная добродѣтель, которою обусловливаются всѣ остальныя добродѣтели. Впрочемъ, между добродѣтелью и счастіемъ нѣтъ разницы по существу,—это двѣ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

Въ этомъ скелетѣ этическихъ воззрѣній Сковороды мы признаемъ вліяніе—прямое или непосредственное—спинозовской этики; да и религія Сковороды, насколько о ней можетъ быть рѣчь, не есть ли спинозовская amor Dei intellectualis?

Но самостоятельный интересъ представляетъ прослѣдить, какъ Сковорода облекалъ этотъ скелетъ плотію, которая носитъ уже конкретныя черты, отражающія и личность Сковороды, и ту среду, въ которой онъ вращался.

«Нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе... Изъ суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи... Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія, и нѣтъ дерзновненѣе, какъ бѣшенность, ражженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ—тогда, когда сія ехида, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу». «Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нельзя сему статься... противно натурѣ... Но онъ во весь опоръ съ желчью вопіетъ, что для Бога все возможно... Дѣтское сіе есть мудрованіе, обличающее непостоянность блаженныя натуры: будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредъ не станетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ, сія есть несчастная, исполинская дерзость; какъ же могла сама возстать на свой законъ блаженная натура?» и т. д.

Въ вышеприведенныхъ отрывкахъ, взятыхъ изъ одной имѣющейся у насъ рукописи Сковородинскихъ сочиненій, можно, пожалуй, усмотрѣть отголосокъ свободомыслія французскихъ писателей 18-го вѣка; но Сковорода былъ совершенно внѣ ихъ вліянія, крайне отрицательно относился къ ихъ «безбожію», хотя все-таки отдавалъ ему

предпочтеніе передъ суевѣріемъ, съ которымъ у него, конечно, было не мало и личныхъ счетовъ.

Въ практической морали Сковороды было одно, такъ сказать, центральное положеніе, изъ котораго онъ дѣлалъ разнообразные выводы и приложенія. Это свое положеніе онъ формулировалъ такъ: «Благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ» (собственно, это перифразъ одного изреченія Эпикура, но у Сковороды оно является съ самостоятельнымъ значеніемъ). Разумѣется, это положеніе само было лишь отраженіемъ общаго теоретическаго положенія, что нужно лишь познаніе, а познаніе не трудно, такъ какъ оно находится въ волѣ человѣка. Но Сковорода дѣлалъ изъ этого положенія нѣкоторую этическую аксіому, разворачиваніемъ которой получились у него важные выводы. Собственно, два основныхъ вывода: одинъ относится къ счастію, другой къ добродѣтели. Утомительно слѣдить за его діалектикой; скажемъ лишь, что первый заключительный выводъ такой: счастье есть человѣку самое нужное, но оно же есть и самое легкое, если только человѣкъ пойметъ, въ чемъ оно заключается. Второй выводъ дѣлается посредствомъ какъ бы вспомогательной теоремы: «трудно быть злымъ, легко быть благимъ», которая доказывается имъ самостоятельно.

Всѣ эти разсужденія сильно отзываются, конечно, школьной схоластикой; но это забывается, когда вспоминаешь, что они были для Сковороды не только рядомъ отвлеченныхъ положеній, на которыхъ онъ упражнялъ свои діалектическія способности, но конкретной, живой истиной, которую онъ не только страстно проповѣдывалъ, но и послѣдовательно примѣнялъ въ своей собственной жизни. Сковорода былъ однимъ изъ тѣхъ крайне немногочисленныхъ философовъ и моралистовъ, которые исповѣдывали принципы дѣломъ и жизнью.

Да, таковъ былъ этотъ якобы мистикъ, на самомъ дѣлѣ послѣдовательный раціоналистъ. Этика его была строга и сурова, много требовала отъ человѣка, но она требовала не аскетизма. Она требовала отъ человѣка, ради его же собственнаго счастія, отвлеченія вниманія «отъ тяжбъ, войнъ, коммерцій, домостроительства» къ познанію истины, ограниченія потребностей насущно-необходимымъ, обращенія къ природѣ, какъ къ вѣчному и неизсякаемому источнику ничѣмъ не отравляемаго наслажденія.

Въ духѣ своей философіи онъ проповѣдывалъ душевное спокойствіе, внутреннее равновѣсіе, какъ обязательное и необходимое условіе

счастія. Но самъ онъ слишкомъ часто напоминалъ своею проповѣдью ветхозавѣтнаго пророка, полнаго то скорби, то гнѣва, то презрительнаго смѣха... И опять-таки скажемъ: онъ родился не въ надлежащее время и не въ надлежащемъ мѣстѣ.

III.

Жизнь катилась себѣ съ неудержимой быстротой по наклонной плоскости, и не одинокой фигурѣ чудака-философа было задержать ея тяжелую колесницу. Но неужели такъ таки и разлетѣлось безслѣднымъ прахомъ это оригинальное существованіе, достойное лучшихъ временъ и лучшихъ условій?

Вѣроятно, каждому образованному человѣку въ Россіи извѣстна эффектная исторія основанія харьковскаго университета. Образъ Каразина, на колѣняхъ умоляющаго дворянство о деньгахъ на университетъ, если не приспособился до сихъ поръ къ школьной реторикѣ, то единственно по нашей общечеловѣческой слабости къ классицизму. А между тѣмъ у этой эффектной исторіи есть одна мало кому извѣстная, но для насъ очень интересная сторона. Тѣ дворяне, которые подписались на огромную по теперешнему курсу сумму 618,000 рублей, были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды [1]). Чему въ такомъ случаѣ приписать этотъ единственный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія фактъ: драматическимъ ли жестамъ Каразина, или той неустанной проповѣди мысли, которую десятки лѣтъ велъ Сковорода?

Мы лично слышали отъ одного очень древняго и очень почтеннаго харьковскаго старожила такое преданіе. Въ тѣхъ панскихъ дворахъ, куда заглядывалъ Сковорода во время своихъ постоянныхъ странствованій, паны мѣняли на время его пребыванія свое обращеніе съ дворовой челядью и крѣпостными. Небольшой это фактъ, буде онъ вѣренъ—что́ болѣе чѣмъ правдоподобно—небольшой фактъ въ общей экономіи человѣческихъ дѣлъ, но очень большой—для оцѣнки этой личности, которая сумѣла въ себѣ такъ воплотить правду, что однимъ своимъ появленіемъ уже дѣлалась живымъ укоромъ и обличеніемъ неправдѣ.

---

[1]) Это утверждаетъ Г. П. Данилевскій въ своей біографіи Сковороды.

А народъ, интересы котораго Сковорода защищалъ уже и тѣмъ, что всегда, въ лицѣ своемъ, требовалъ уваженія къ его внѣшнему облику? Народъ, такъ же какъ и культурный слой общества, долженъ былъ неизбѣжно оставаться глухимъ ко многому, что проповѣдывалъ ему Сковорода. Но кое-что онъ запомнилъ, что и любопытнѣе всего, запомнилъ то, на что Сковорода, вѣроятно, не расчитывалъ. Онъ твердо запомнилъ нѣкоторыя обличительныя произведенія Сковороды, тѣ, въ которыхъ онъ, со свойственнымъ ему злымъ юморомъ, обличаетъ жизнь высшаго класса, съ ея праздной и вредной суетой, съ ея отсутствіемъ истиннаго содержанія и смысла. Стихотвореніе «Всякому городу нравъ и права», въ которомъ выводятся на позоръ «Петръ, что для чиновъ углы панскіе третъ», и «Ѳедька купецъ, что при аршинѣ все лжетъ», тѣ, которые «формируютъ для ловли собакъ» и которыхъ «шумитъ домъ отъ гостей какъ кабакъ», это стихотвореніе такъ усвоилось вездѣ въ малорусскомъ народѣ, что имѣетъ теперь уже множество варіантовъ.

Итакъ, Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію своего философскаго ученія и проповѣди его, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова: ни одной стороны въ его существованіи не было такой, которую бы можно было считать его личною, не связанной съ тѣмъ, что онъ считалъ своей миссіей. Въ этомъ смыслѣ это фигура рѣдчайшей цѣльности. Но какъ оцѣнить все-таки то, что онъ внесъ въ сознаніе той среды, которой посвятилъ свое существованіе,—мы не знаемъ.

Къ своимъ философскимъ «догматамъ», къ своей миссіи, какъ распространителя этихъ «догматовъ», онъ относился съ религіознымъ энтузіазмомъ. Жизнь въ постоянномъ духовномъ углубленіи и напряженіи, при крайнемъ ограниченіи потребностей тѣла, придала Сковородѣ особыя черты необычности и исключительности. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такое исключительное сосредоточеніе на интересахъ духа можетъ утончать нѣкоторыя способности человѣка до размѣровъ чудеснаго? По крайней мѣрѣ, современники приписывали Сковородѣ прозорливость, даръ предвидѣнія. Его любимый ученикъ и біографъ Ковалевскій разсказываетъ обстоятельно о томъ, какъ Сковорода ушелъ изъ Кіева, почувствовавъ приближеніе чумы, о которой еще не было никакихъ слуховъ; да и самъ Сковорода вѣрилъ въ своего духа, который имъ руководитъ.

Этотъ духъ побудилъ Сковороду вернуться изъ Орловской губерніи, куда онъ поѣхалъ было въ августѣ 1794 г. повидаться съ давно невиданнымъ другомъ, на Украйну и заѣхать въ слободу

Ивановку. Здѣсь онъ въ октябрѣ того же года и умеръ,—умеръ такъ, какъ только можетъ желать умереть философъ, для котораго смерть есть лишь необходимое звено въ цѣпи развивающихся явленій. Онъ все время былъ на ногахъ, бесѣдовалъ съ окружающими, говорилъ о своей приближающейся смерти, самъ вырылъ себѣ могилу; пришелъ моментъ—онъ пошелъ въ свою «кимнатку», перемѣнилъ бѣлье, подложилъ подъ голову свои сочиненія и сѣрую свиту, легъ и умеръ. Онъ не хотѣлъ было совершать передъ смертью извѣстные установленные обряды, но потомъ, «представляя себѣ совѣсть слабыхъ», согласился ихъ исполнить.

На могилѣ его можно видѣть надпись: «Міръ ловилъ меня, но не поймалъ», которую онъ самъ велѣлъ себѣ сдѣлать.

Чтобъ оставить читателя подъ болѣе полнымъ впечатлѣніемъ отъ личности Сковороды, хочется въ заключеніе еще заставить его поговорить самого; вѣдь значительному большинству читателей уже никогда въ жизни не удастся болѣе побесѣдовать съ этимъ необыкновеннымъ философомъ. Пусть онъ выскажется на модную теперь тему (хотя надо сказать, что онъ ненавидѣлъ все модное и самое слово это произносилъ съ явнымъ отвращеніемъ) «о недѣланіи». Это отрывокъ изъ письма Сковороды къ одному его пріятелю.

«Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ дѣлаетъ? Если бъ я отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ, и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка—продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себе, за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущись. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ—не о ногѣ, о красныхъ углахъ—не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ—не о деньгахъ. Коликая же намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны?

Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкарбутика или подагрика ноги, или матросскій, алтына нестоющій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ недовольная, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если самый центръ души гніетъ и болитъ, кто или что увеселитъ ее?..»

ЛИЧНОСТЬ Г. С. СКОВОРОДЫ

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЯ [1]).

29-го октября окончилось сто лѣтъ со дня смерти Г. С. Сковороды. Харьковъ готовился въ стѣнахъ своего университета почтить память не только мѣстнаго дѣятеля, но и перваго по времени русскаго философа.

Съ естественной робостью выступаю я передъ Обществомъ, какъ человѣкъ, умственные интересы котораго вращались всегда въ сферахъ, далекихъ отъ чистой философіи. Но внимательно изучая сочиненія Сковороды, какъ только что изданныя Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, такъ и рукописныя, я такъ сжилась съ этой необыкновенно сильной и цѣльной духовной личностью, такъ успѣла оцѣнить и полюбить ее, что настоящее выступленіе является для меня результатомъ настойчиваго нравственнаго побужденія. Сковорода, какъ мыслитель, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи, чтобы не явилось опасенія, какъ бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и захватывающихъ интересовъ, снова не захлестнули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя.

Такова была печальная судьба Сковороды какъ философа. Но какъ нравственная и психическая личность, какъ общественный дѣятель, Сковорода не умиралъ во всѣ эти сто лѣтъ, которыя прошли со дня его смерти. Традиція—правда, все блѣднѣющая, такъ какъ печать почти не поддерживала ея,—какъ-никакъ, а все-таки жила и несла смѣняющимся поколѣніямъ смутный обликъ чудака-философа, «старця» (по мѣстному выраженію), который взялъ на свои

[1]) Вопросы философіи и психологіи. 1895, книга 25. Рефератъ, прочитанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 5 ноября 1894 г., въ память столѣтней годовщины смерти Сковороды.

плечи и несъ всю долгую жизнь иго добровольнаго нищенства, полнаго отреченія отъ всего, что зовется и звалось житейскими благами, и подвига непрерывной и неустанной проповѣди. Для высшихъ классовъ, для «панской» Украины онъ былъ «бродячей академіей» и для этого онъ обладалъ всѣми необходимыми аттрибутами тогдашней учености: прекраснымъ латинскимъ языкомъ, о которомъ свидѣтельствуютъ изданныя теперь его письма, а также знаніемъ языковъ греческаго, древне-еврейскаго и нѣмецкаго, которому онъ хорошо выучился въ то время, какъ обошелъ, еще въ молодости, пѣшкомъ полъ-Европы. Для простого народа, который Сковорода также обучалъ всю жизнь во время своихъ безпрерывныхъ странствованій—обучалъ по дорогамъ, деревенскимъ улицамъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на церковныхъ погостахъ, или просто заходя въ хаты—для простого народа у Сковороды были свои особыя, простыя и понятныя рѣчи. И если панскіе дворы наперерывъ старались залучить къ себѣ философа и готовы были щедро одѣлять его отъ своихъ избытковъ—отъ чего онъ, впрочемъ, всегда и совершенно уклонялся—то и простыя хаты не только кормили его чѣмъ Богъ послалъ, но и осыпали его всѣми услугами, въ какихъ нуждался одинокій вѣчный странникъ: чинили его свитку и чоботы, обшивали и обмывали его. Память народа о немъ оказалась прочнѣе и благодарнѣе, чѣмъ память культурнаго класса. Въ то время какъ потомки дворянскихъ родовъ Слободской Украины, тѣхъ, которые гордились когда то дружбой Сковороды, едва-едва помнятъ его имя и, можетъ быть, нѣсколько анекдотовъ, народъ до сихъ поръ живетъ Сковородинскимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Каждый украинскій кобзарь и лирникъ поетъ сковородинскіе псальмы, духовные стихи, и очевидно, ихъ суровая мораль, полная презрѣнія къ жалкой мірской суетѣ, находитъ глубокій откликъ въ народной душѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы знали вполнѣ біографію Сковороды; но во всякомъ случаѣ обстоятельства его жизни до сихъ поръ были извѣстны гораздо больше, чѣмъ его философскія воззрѣнія. И о немъ можно сказать то, что можно сказать лишь объ очень немногихъ, совсѣмъ особенныхъ, исключительныхъ людяхъ: онъ жилъ такъ, какъ училъ. Онъ не зналъ, что такое компромиссъ, сдѣлка. Ни одного, ни малѣйшаго факта въ его біографіи нельзя найти такого, въ которомъ бы можно было усмотрѣть намѣренное или безсознательное уклоненіе отъ выработанныхъ идеаловъ, намѣченныхъ цѣлей жизни. Такъ могутъ жить только глубоко и цѣльно вѣрующіе люди, какимъ бы именемъ ни называлась ихъ религія.

Философіи Сковороды не поняли его современники, совсѣмъ не
няло ея и ближайшее потомство: до насъ дошелъ онъ съ эпите-
мъ мистика, сочиненія котораго якобы написаны темнымъ, не-
азумительнымъ языкомъ, почти недоступнымъ для пониманія. И
е это, какъ мы увидимъ, миѳъ: Сковороду никакъ невозможно
звать мистикомъ, а сочиненія его написаны, хотя своеобразнымъ,
по-своему прекраснымъ, сильнымъ и сжатымъ языкомъ, съ которымъ
до лишь нѣсколько освоиться предварительно: не слѣдуетъ забывать,
о, по обстоятельствамъ мѣста и времени, Сковорода былъ самъ
орцомъ своего языка. Всякія же недоразумѣнія насчетъ Сково-
ды объясняются тѣмъ, что лица, писавшія о Сковородѣ, по боль-
ей части, даже и не видали его сочиненій, пользуясь лишь ци-
тами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и чужими мнѣніями. Когда,
дъ тому назадъ, мнѣ пришлось разыскивать сочиненія Сковороды,
въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, который былъ когда то
нтромъ района дѣятельности Сковороды, при помощи профессоровъ
иверситета, мнѣ удалось достать лишь жалкое изданьице нѣкото-
ыхъ сочиненій Сковороды 60 года и одну единственную рукопись,
торыми я только и пользовалась, когда дѣлала характеристику
ковороды въ читанной мною тогда публичной лекціи. Послѣ того
ке въ Харьковѣ были собраны изъ разныхъ книгохранилищъ:
мператорской Публичной библіотеки, Румянцевскаго музея, Кіев-
каго музея при Духовной академіи—рукописи Сковороды, и явилась
озможность освѣтить философскую его личность. Этою возможностью
оспользовался проф. Зеленогорскій въ работѣ, напечатанной въ не-
давнихъ книжкахъ «Вопр. Филос. и Псих». Воспользовался, къ
сожалѣнію, не въ полной мѣрѣ. Онъ уклонился отъ задачи пред-
ставить цѣльную философскую личность Сковороды, а предпочелъ
разбить его философію на отдѣльные взгляды, мнѣнія и утвержде-
нія, чтобы свести ихъ по одиночкѣ къ предполагаемымъ источникамъ,
откуда Сковорода ихъ якобы заимствовалъ. Этими источниками
оказались Платонъ и Аристотель, стоики, Филонъ Іудейскій, Лейб-
ницъ. Конечно, такая постановка дѣлаетъ честь трудолюбію и
учености автора. Но она неблагодарна какъ въ практическомъ от-
ношеніи, не удовлетворяя нашей законной потребности имѣть передъ
собою цѣльный философскій обликъ,—такъ и въ методологическомъ,
ибо едва ли возможно правильно поставить вопросъ объ источни-
кахъ міровоззрѣнія того или другого мыслителя, пока мы не будемъ
имѣть яснаго и отчетливаго понятія о самомъ этомъ міровоззрѣніи.
Такимъ образомъ, работа г. Зеленогорскаго представляетъ намъ

философію Сковороды въ видѣ пестраго аггрегата пестрыхъ мнѣній, надерганныхъ изъ философскихъ системъ разныхъ эпохъ и разныхъ качествъ. А между тѣмъ трудно дальше уйти отъ истины, чѣмъ при такой постановкѣ вопроса. Какъ бы мы ни относились къ воззрѣніямъ Сковороды, во что бы мы ни цѣнили его философію, одного то ужъ, конечно, у него нельзя отнять никогда: чрезвычайной цѣльности и законченности его философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ. Никогда вы не встрѣтите у него уклоненій въ сторону какихъ-нибудь побочныхъ теченій мысли, перерѣзающихъ главный, центральный потокъ. Философія Сковороды такъ же глубоко и сильно индивидуальна, какъ и вся его рѣзко и сурово очерченная психическая личность.

Когда я впервые приступила къ знакомству со Сковородой, какъ мыслителемъ, меня поразило его духовное родство съ Спинозой, на которое я тогда уже и указала [1]). По мѣрѣ того, какъ мое знакомство со Сковородой расширялось при посредствѣ вновь собраннаго матеріала, мнѣ становилось все яснѣе, что Сковорода не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ Спинозѣ, не читалъ его сочиненій, не зналъ его ученія и какимъ-нибудь инымъ путемъ. И въ то же время все яснѣе дѣлалось его совпаденіе съ ученіемъ Спинозы въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что значеніе настоящей дѣйствительности приписывается лишь единой міровой субстанціи, по отношенію къ которой вся множественность единичныхъ явленій есть лишь видимость; во-вторыхъ, въ томъ безграничномъ довѣріи къ компетентности человѣческаго разума, которое такъ характерно для умонастроенія Сковороды [2]). Но несомнѣнно, что Сковорода шелъ своимъ особымъ путемъ, и эти положенія, какъ и всѣ другія, имѣютъ у него свою особую окраску.

«Невидимость», по выраженію Сковороды «первенствуетъ не только въ человѣкѣ, но и во всемъ остальномъ мірѣ»; она есть «иста», т.-е. истинная дѣйствительность всего сущаго, также вѣчность, Богъ, который все въ себѣ содержитъ, самъ есть всему бытіемъ, который есть единство, простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ, единство, «которое частей чуждое есть и потому разрушитися ему есть дѣло лишнее, а погибнути совсѣмъ постороннее». Въ то же

---

[1]) „Книжки Недѣли". Январь 94 г. „Философъ изъ народа."

[2]) Въ первой сторонѣ ученія Сковороды можно, по нашему мнѣнію, скорѣе прослѣдить вліяніе ученій Платона и новоплатониковъ, чѣмъ Спинозы, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго изложенія. *Ред.*

ремя Богу нельзя, по словамъ Сковороды, «сыскать важнѣе и риличнѣе имени, какъ натура, т.-е. природа или естество, такъ акъ этимъ словомъ обозначается не только рождаемое и премѣняемое вещество, но и тайная экономія той присносущной силы, котоая вездѣ имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а количности своей не имѣетъ нигдѣ... Сея повсемѣстныя и премудыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, по всему матеріалу азлитымъ безконечно и безвременно—сирѣчь, нельзя о ней спросить: огда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ?—она сегда будетъ; или до коего мѣста она простирается?—она всегда ездѣ есть. Сія-то блаженнѣйшая натура весь міръ, будто машистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ сама бытіемъ есть всякому сознанію: сама одушевляетъ, кормитъ, аспоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая сеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращаетъ»...

Невидимость или Богъ есть, по отношенію къ безчисленному ру вещей или явленій, «господственная натура». Такимъ образомъ, ковορода допускаетъ двѣ натуры, невидимую и видимую, господвенную и подлую, рабскую. Двойственность эту Сковорода утвердаетъ и усиленно подчеркиваетъ во множествѣ мѣстъ; ей посвященъ ецiальный діалогъ, который такъ и называется: «Бесѣда—Двое». о это усиленное утвержденіе «двухъ» всюду ярко обнаруживаетъ днюю цѣль: поколебать столь естественную въ простомъ житейскомъ ловѣкѣ вѣру въ дѣйствительность видимаго міра, въ его реальость. Натуръ двѣ; но видимая натура, которую человѣкъ привыкъ итать за единственно существующую, есть лишь отраженіе, тѣнь евидимой натуры. Множество разсужденій, доказательствъ, художественныхъ образовъ употребляетъ Сковорода для того, чтобъ нователънѣе утвердить въ умахъ своихъ учениковъ это положеніе. Вижу въ семъ цѣломъ мірѣ два міра,—говоритъ онъ,—единъ соавляющіе міръ: видный и невидный, живый и мертвый, цѣлый и крушаемый; сей риза, а тотъ тѣло, сей тѣнь, а тотъ древо, й вещество, а тотъ ипостась, сирѣчь основаніе, содержащее вещевенную грязь—такъ, какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, іръ въ мірѣ есть та вѣчность въ тлѣніи, жизнь въ смерти, возганіе во снѣ, свѣтъ во тьмѣ, во лжи истина. Вся исполняющее ачало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ сегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ омъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь маляется, то переходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто».

Вообще, яблоня и ея тѣнь—любимѣйшее сравненіе, къ которому охотнѣе всего прибѣгалъ Сковорода, когда рѣчь заходила о выясненіи отношеній міровой субстанціи къ міру явленій. Но у Сковороды въ его богатомъ образами языкѣ всегда находились все новыя и новыя метафоры, сравненія, эпитеты, которыми онъ оттѣнялъ свое презрительное отношеніе къ этому жалкому и ничтожному миражу вещей, заслоняющему въ глазахъ непросвѣщеннаго философски человѣка, не умѣющаго проникать умственнымъ взоромъ за поверхность,—ихъ истинную сущность, «исту». Тѣнь, тлѣнь, пустошь, плоть, пепелъ, песокъ, пелынь, желчь, грязь, лесть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветшающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господственной натурѣ,—вотъ тѣ образныя выраженія, которыя находилъ умѣстными въ данномъ случаѣ Сковорода, то употребляя ихъ какъ эпитеты, то развивая въ аллегоріи, къ которымъ онъ вообще любилъ прибѣгать для уясненія своихъ мыслей.

Но Сковорода былъ слишкомъ индивидуалистъ для того, чтобъ успокоиться на такомъ чисто пантеистическомъ пониманіи міра: не носилъ ли онъ въ этой складкѣ своей духовной физіономіи отраженія національныхъ особенностей своего племени? Его вниманіе, какъ мыслителя, всегда привлекалъ гораздо больше субъектъ, чѣмъ объектъ, «микрокосмъ», чѣмъ «міръ обительный» (его собственныя выраженія). «Познай себе» въ концѣ концовъ облеклось для него какимъ то мистическимъ ореоломъ, пріобрѣло силу волшебнаго ключа ко всѣмъ тайнамъ всего сущаго. «Возлюби свою душу,—говоритъ онъ своимъ ученикамъ,—будь блаженный самолюбъ». Наркиссъ,—этимъ названіемъ обозначенъ его первый философскій діалогъ въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій,—Наркиссъ, преобразованный Сковородой изъ античнаго миѳа, «не о многомъ печется, не о пустомъ чемъ-либо, а о себе, про себе и въ себе; печется о единомъ себѣ; едино есть ему на потребу»... Конечно, Наркиссъ, въ концѣ концовъ, «истаявъ отъ самолюбнаго пламени», преображается въ источникъ, что только и сообщаетъ ему, такъ сказать, его санкцію.

Но мнѣ представляется очень важнымъ и характернымъ для философской физіономіи Сковороды именно этотъ эгоцентрическій моментъ, который у него всегда и необходимо появляется на сцену, то вниманіе, которое на немъ задерживаетъ философъ.

Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Сковороды, человѣкъ не имѣетъ возможности познать міровую субстанцію иначе, какъ путемъ по-

нія ея въ себѣ. Всѣ другіе пути ему отрѣзаны. Органъ позна-—мысль, отождествляемая Сковородой съ душой и сердцемъ овѣка, которая есть «тайная въ нашей тѣлесной машинѣ пружина, ва и начало всего движенія ея, невещественная и безстихійная, ящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, не пре-щающая своего движенія ни на одно мгновеніе и продолжаю-я равномолнійное своего летанья стремленіе черезъ неограниченныя иности, милліоны безконечные». Мысль эта, по представленію лософа, сродная, если не тождественная съ міровой субстанціей, кетъ устремляться и на внѣшній міръ, ищетъ своего срод-а по мертвымъ стихіямъ, измѣряетъ, по его выраженію, море, духъ, землю, небеса, размежевываетъ планеты, находитъ омплектныхъ міровъ несчетное множество, строитъ непонятныя пины, дѣлаетъ, что́-денно, новые опыты и изобрѣтенія. Но это ее не удовлетворяетъ; все кажется ей, что недостаетъ о то великаго, а чего—она не понимаетъ, только плачетъ. Ясно, душевная бездна не наполняется науками. Мы пожираемъ без-ленное множество системъ съ планетами, математику, медицину, ику, механику, и все алчемъ; не утоляется, а рождается душев-жажда. Такъ, аѳиняне Павловыхъ временъ зѣвали на мірскую пину, но видѣли въ ней одну только глинку; глинку мѣрили, нку считали, глинку существомъ называли. Одно только у нихъ о истиною, что ощупать можно; одно точно осязаемое было у ъ натурою или физикою, физика—философіею, а все неосязаемое—тою фантазіею, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. й они догадывались, по тайному душевному воплю, по неутоли-внутренней жаждѣ, что не все-на-все перезнали, что, наоборотъ, не знаютъ самаго главнаго и самаго нужнаго. А это самое кное познаніе, которое осмысливаетъ всѣ остальныя, можно пріо-сти только однимъ путемъ: обращеніемъ къ самому себѣ, позна-мъ своего внутренняго существа, которое тождественно съ міровой станціей, съ Богомъ. Искать познанія Бога внѣ себя, въ сти-хъ, «въ околичностяхъ», по выраженію Сковороды, есть пагубная ибка, такъ какъ тамъ «все для насъ гораздо крайнѣйшая тьма, ъ мы для себя сами». Пока мы не узнаемъ самихъ себя, т.-е. шего внутренняго существа, или живущаго въ насъ «истиннаго овѣка», мы собственно не знаемъ ничего достойнаго познанія и насъ. Нельзя узнать плана въ земныхъ и небесныхъ простран-хъ матеріалахъ, плана, по которому все-на-все создано и безъ ораго ничто не можетъ держаться, если не усмотрѣть его прежде

въ своей собственной ничтожной плоти. Если хотимъ измѣрить небо, землю и моря, должны прежде всего измѣрить самихъ себя собственною нашею мѣрою. А если не сыщемъ этой мѣры внутри насъ, то чѣмъ можемъ измѣрить остальной міръ? Такъ разсуждаетъ Сковорода, отказывая въ какой бы то ни было цѣнности и достовѣрности всякому нашему непосредственному знанію внѣшняго міра. Но за то, по его мнѣнію, «познать себя и познать Бога, т.-е. истинную сущность міра, есть одинъ трудъ: чѣмъ больше мы познаемъ себя, тѣмъ выше поднимаемся и вообще на гору вѣдѣнія». Что же нужно дѣлать для того, чтобы познать себя? Одно: непрестанно думать. Думать, направляя движеніе мысли прежде всего къ тому, чтобы разсѣчь себя на-двое, т.-е. отдѣлить все преходящее, тлѣнное, кажущееся своей природы отъ неизмѣннаго, дѣйствительнаго. «Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся» въ этомъ направленіи, и ты будешь преуспѣвать въ верховной наукѣ, разомъ самоновѣйшей и самодревнѣйшей. Приближаться къ Богу можно только познаніемъ; мысль, направленная къ этому познанію, по выраженію Сковороды, есть молитва.

Но значеніе «познанія себя» далеко не исчерпывается тѣмъ, что мы указали; этотъ принципъ имѣлъ безконечно обширное примѣненіе въ другой области, въ области, такъ сказать, субъективныхъ цѣлей человѣческаго бытія.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ и все живое, рожденъ для счастья: «все-на-все родилось на добрый конецъ» — это была для Сковороды аксіома, совершенно ясная сама по себѣ и потому не требующая никакихъ доказательствъ.

Но между человѣкомъ и остальной тварью есть та огромная разница, что онъ долженъ самъ открыть законъ своего счастья, что законъ этотъ, если не совсѣмъ закрытъ отъ человѣка, то и не открытъ ему вполнѣ. Человѣкъ долженъ проникать въ него, раскрывать его работой своихъ мыслей, трудомъ познанія. Такимъ образомъ, счастіе человѣка находится въ самой тѣсной, непосредственной зависимости отъ его успѣховъ въ познаніи себя, а слѣдовательно и Бога. Уразумѣть, въ чемъ состоитъ счастіе, значитъ почти то же, что и получить его, такъ какъ отъ разумѣнія родится желаніе, отъ желанія искъ, отъ иска полученіе; причемъ природа счастія такова, что всѣ эти промежуточныя ступени между разумѣніемъ и полученіемъ не имѣютъ никакого существеннаго значенія.

Но въ чемъ же состоитъ законъ человѣческаго счастія? Въ согласіи нашихъ желаній, стремленій, нашей воли, съ направленіемъ

и требованіями господственной натуры. Жить по натурѣ, жить по волѣ Божіей и быть счастливымъ — одно и то же. Человѣкъ долженъ уразумѣть эту волю и сдѣлать ее своею волею—вотъ на чемъ зиждется истинное человѣческое счастіе.

Этотъ основной законъ человѣческаго счастія не совсѣмъ закрытъ для человѣка. Преблагая натура облегчила его пониманіе; она обставила истинное, т.-е. согласное съ этимъ верховнымъ закономъ счастіе, особыми условіями; точнѣе, сама природа этого счастія такова, что оно, такъ сказать, само навязывается человѣку.

Первое указаніе, данное человѣку на природу истиннаго счастія, состоитъ въ томъ, что все нужное и полезное въ цѣляхъ его достиженія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и легкое, достижимое, доступное каждому. И обратно: все трудно достижимое, рѣдкое есть несомнѣнно неполезное и ненужное для счастія. «Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастіе,—говоритъ Сковорода,—нѣтъ же ничего и легче сего. Что было бы тогда, если бы счастіе зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустыни, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Кто бы могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно всѣмъ родиться въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?»

«Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастія за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному, не броди по Іерусалиму... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а счастіе, яко необходимая необходимость, туне вездѣ и всегда даруется»... Положеніе: «Благодареніе всевышнему Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ», есть одно изъ немногихъ, такъ сказать, центральныхъ, любимыхъ положеній Сковороды; къ нему онъ часто возвращался и охотно развивалъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Счастіе вездѣ и всегда съ нами; какъ рыба въ водѣ, такъ мы въ немъ, а оно около насъ ищетъ насъ. Другой признакъ для распознаванія, которымъ натура вооружила насъ, чтобы мы не сбились съ пути, ведущаго къ истинному счастію, есть чувство внутренняго удовлетворенія, «душевной сладости, веселія, куража», которымъ необходимо сопровождается жизнь, направленная какъ слѣдуетъ. Наивысшимъ выраженіемъ этой сладости является

душевный миръ, которому Сковорода посвятилъ двѣ лучшія свои философскія бесѣды, въ которыхъ душевный миръ прямо отождествляется со счастіемъ. Еще однимъ важнымъ признакомъ, который характеризуетъ природу истиннаго счастія, въ отличіе его отъ ложнаго, служитъ то, что истинное счастіе можетъ имѣть «множество сопричастниковъ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ оно становится слаже и дѣйствительнѣе».

И, наконецъ, одинъ отрицательный признакъ не можетъ входить въ опредѣленіе нашего счастія, а именно все, что непостоянно, преходимо, что насъ оставляетъ. Нельзя ничего называть счастіемъ, сладостью, что рождаетъ горесть. Счастіе ли здоровье, если концомъ его слабость? Счастіе ли молодость, если концомъ ея старость? Счастіе ли даже и жизнь, если концомъ ея смерть? Радуются долголѣтію; но если умирать есть несчастіе, то не все ли равно, постигнетъ ли оно черезъ 30 или черезъ 300 лѣтъ? Не велика отрада заключенному, что его не черезъ 3 часа, а на 30-й день вытащатъ на эшафотъ. Только постоянство, неотъемлемость и неизмѣнность совмѣстимы съ понятіемъ истиннаго счастія.

Такъ какъ люди рождены къ счастію, то стремленіе къ нему, «забава», какъ выражается Сковорода на своемъ оригинальномъ языкѣ, «есть верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни; она есть центръ каждыя жизни; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ». Но въ своемъ естественномъ стремленіи къ счастію человѣкъ часто заблуждается. Сколь разнообразными и краснорѣчивыми указаніями ни обставила натура путь къ истинному счастію, какъ ни старалась сдѣлать его широкимъ и торнымъ, все-таки человѣку, по свойственной ему свободѣ воли, свободѣ выбора, возможно заблуждаться, и онъ широко пользуется этою свободой. Видимая, тлѣнная сторона его природы, его рабская, подлая, стихійная натура постоянно увлекаетъ его въ погоню за всякими видимостями.

Безумный человѣкъ выходитъ изъ дому своего, ищетъ счастія внѣ себя, бродитъ по разнымъ посторонностямъ, достаетъ блистающее имя, обвѣшивается свѣтлымъ платьемъ, притягиваетъ разновидную сволочь золотой монеты и серебряной посуды, находитъ друзей и безумія товарищей, чтобъ занесть въ душу лучъ свѣтлаго блаженства... Чего онъ ни дѣлаетъ? Воюется, тяжбы водитъ, коварничаетъ, печется, затѣваетъ, строитъ, разоряетъ, кручинится... есть ли свѣтъ? Смотритъ: ничего нѣтъ. А свѣтъ этотъ такъ близко, у себя дома, только стоитъ въ этомъ своемъ домѣ прорубить окошко, чтобы хлынули въ него цѣлые потоки, несущіе блаженство... Но

человѣкъ, затуманенный видимостями, не можетъ догадаться, въ чемъ заключается этотъ простой секретъ. Даже то естественное наказаніе, которымъ неизбѣжно сопровождаются человѣческія ошибки, заключающіяся «въ претыканіи, паденіи и сокрушеніи» всѣхъ его дѣлъ, построенныхъ на пескѣ, не всегда наводитъ человѣка на пониманіе истины. И тутъ то долженъ ему притти на помощь философъ, вооруженный верховною мудростью, и вести такого человѣка путемъ познанія самого себя къ уразумѣнію закона своего счастія.

Но, указавъ на познаніе, какъ на единственный путь къ счастію, Сковорода, повидимому, ставитъ познаніе же и цѣлью, самымъ содержаніемъ счастія. По крайней мѣрѣ, онъ въ такомъ смыслѣ высказывается въ предисловіи къ «Израильскому змію», одному изъ наиболѣе типичныхъ его философскихъ разсужденій.

Идя навстрѣчу нуждамъ слабой человѣческой природы, Сковорода дѣлаетъ изъ своихъ общихъ положеній нѣкоторые выводы, идущіе въ область прикладной морали. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ моралистомъ quand-même, какимъ его считаютъ нѣкоторые, между прочимъ и г. Зеленогорскій, который именно съ этого утвержденія начинаетъ свою работу. Нѣтъ, онъ не былъ моралистомъ: проповѣдь нравственныхъ истинъ съ цѣлью исправленія нравовъ была совсѣмъ чужда его задачамъ, — не объ исправленіи нравовъ думалъ онъ... Оттого изъ всей обширной области «практической морали» онъ касался лишь очень немногихъ сторонъ, которыя въ его построеніи были тѣсно связаны съ его общими положеніями, вытекали изъ нихъ непосредственно. Внѣ этого, насущно-необходимаго по его философскому построенію, онъ ничего не хотѣлъ знать. Но прикладная его мораль является съ тѣми же рѣзкими чертами, какъ и вся его философія, съ которой она неразрывно слита. Всѣ ея немногочисленныя положенія Сковорода не только проповѣдовалъ и доказывалъ, но и цѣльно примѣнялъ къ себѣ, иллюстрируя ихъ примѣнимость своимъ собственнымъ примѣромъ.

Всякому, стремящемуся къ нравственному совершенству, Сковорода предлагалъ три вещи: правильный выборъ пищи, дружбы, званія. Два послѣдніе пункта онъ формулировалъ въ слѣдующихъ какъ бы заповѣдяхъ, запрещающихъ: А) входить въ несродную стать (status); Б) несть должность природѣ противную; В) обучаться къ чему не рожденъ; Г) дружить съ тѣми, къ коимъ не рожденъ. Этими положеніями совершенно исчерпывается вся практическая мораль Сковороды, которую онъ внушалъ своимъ ученикамъ.

Вопроса о пищѣ онъ не считалъ, повидимому, настолько важнымъ, чтобы разработывать его въ своихъ сочиненіяхъ: но въ устныхъ бесѣдахъ и письмахъ онъ его касался, а главное—проводилъ строго въ своемъ личномъ режимѣ. Одно время, когда на него было обращено подозрительное вниманіе начальства послѣ его краткаго выступленія на оффиціальную сцену, какъ преподавателя благонравія при харьковскихъ училищахъ (о характерѣ этого выступленія свидѣтельствуетъ напечатанная въ вышедшемъ томѣ предварительная лекція и компендіумъ слѣдующихъ), онъ былъ обвиняемъ въ манихейской ереси. Обвиненіе основывалось, главнымъ образомъ, на его воздержаніи отъ мяса. По этому поводу Сковорода дѣлалъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ не считаетъ мясо вреднымъ само по себѣ, но полагаетъ, что потребленіе его можетъ вредить во многихъ случаяхъ, особенно молодымъ людямъ. Самъ Сковорода былъ въ пищѣ чрезвычайно умѣренъ: ѣлъ разъ въ сутки, вечеромъ, и то очень мало. Это было въ гармоніи со всѣмъ его аскетическимъ режимомъ, который у него, впрочемъ, не исключалъ жизнерадостнаго настроенія, какое онъ считалъ обязательнымъ поддерживать всегда и въ себѣ и въ другихъ. Вообще, выставляя правильное употребленіе пищи въ число немногихъ основаній своей прикладной морали, Сковорода, конечно, подразумѣвалъ подъ ней не только ѣду въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вообще удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей. Ограниченіе себя до крайнихъ предѣловъ возможности было принципомъ всей долгой жизни Сковороды, и его же онъ рекомендовалъ своимъ ученикамъ какъ первую, легчайшую ступень къ дальнѣйшему совершенству.

То значеніе, которое Сковорода придавалъ дружбѣ и выбору друзей, ставя это въ число основныхъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ человѣку, можетъ показаться страннымъ; но эта странность зависитъ только отъ того, что я еще не указала той стороны въ міровоззрѣніи Сковороды, изъ которой это требованіе вытекало. На самомъ дѣлѣ, оно было такъ же пригнано къ цѣлому, какъ и всѣ составныя части его философіи. Объяснюсь пока коротко. Подъ дружбой Сковорода понималъ не случайную личную пріязнь, неопредѣленную симпатію, связывающую людей легкой и ни къ чему не обязывающей связью. Дружба въ его глазахъ была союзомъ избранныхъ, такъ сказать, отмѣченныхъ высшею печатью душъ, съ ясно сознанными цѣлями исканія истины. Дѣло въ томъ, что онъ полагалъ, что истина не можетъ притти въ міръ иначе, какъ черезъ такой союзъ. Понятно отсюда то мѣсто, какое онъ отводитъ дружбѣ въ своемъ построеніи.

Наконецъ, третій пунктъ Сковорода, въ силу той важности, какую онъ придавалъ его разъясненію, разбивалъ на слѣдующія отдѣльныя положенія: не входить въ несродную стать, не несть должность природѣ противную, не обучаться, къ чему не рожденъ. Конечно, это все разныя стороны одного и того же положенія, называемаго Сковородою кратко, однимъ словомъ: «несродность». Объ этой несродности и необходимо связанной съ ней сродности Сковорода писалъ очень часто, конечно, еще чаще бесѣдовалъ о ней съ своими друзьями; выдвигалъ для доказательства своихъ утвержденій множество аргументовъ, иллюстрировалъ ихъ массой примѣровъ, художественныхъ образовъ, аллегорій. Видно, что этой прикладной сторонѣ своего ученія Сковорода придавалъ особенную важность. И самой жизнью своей онъ подчеркивалъ ее очень старательно. Я уже сказала выше, что онъ всю жизнь свою провелъ какъ добродѣтельный нищій, не имѣя никогда ни своего угла, ни какой-либо собственности, кромѣ одежды на тѣлѣ, нѣсколькихъ книгъ, рукописей и флейты въ торбѣ, которую онъ носилъ за плечами. Но многимъ, и на большомъ районѣ, куда входили не только Харьковъ и Кіевъ, но и Москва, извѣстна была ученость Сковороды, его выдающееся остроуміе, замѣчательное краснорѣчіе. Естественно, что его доброжелатели, цѣнившіе его таланты, а въ числѣ ихъ было не мало и сильныхъ міра сего,—очень желали дать ему какое-нибудь житейское положеніе. Но всѣ направленныя сюда старанія, всѣ дѣлаемыя ему предложенія Сковорода всегда отклонялъ тѣмъ, что эта стать ему несродна; что если бы только онъ почувствовалъ влеченіе хоть, напримѣръ, къ воинскому званію, то тотчасъ же нацѣпилъ бы на себя саблю, но онъ этого не чувствуетъ, а, наоборотъ, чувствуетъ, что ему прилична роль на свѣтѣ лишь самая простая, безпечная, уединительная, и что въ этой выбранной себѣ роли онъ чувствуетъ себя совершенно удовлетвореннымъ и счастливымъ. Беззавѣтно преданный своимъ идеямъ, совершенно цѣльный, Сковорода хотѣлъ доказать жизнью свое ученіе; доказалъ ли что̀ или не доказалъ, во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ въ общественной атмосферѣ бодрящее душу сознаніе того, какъ велика можетъ быть власть человѣка надъ собой.

Ученіе о сродностяхъ и статяхъ у Сковороды складывалось такъ. Онъ предполагалъ существованіе своего рода harmonia praestabilita между обществомъ и человѣкомъ. Общество Сковорода любитъ сравнивать съ часовымъ механизмомъ, гдѣ каждая часть хитро подогнана къ цѣлямъ всего. Въ цѣлесообразности своего устройства

общество носитъ на себѣ, по его мнѣнію, отпечатокъ непосредственнаго воздѣйствія той самой невидимости, высшей воли, которая царитъ во всемъ мірѣ, какъ и въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, между обществомъ и душой человѣка существуетъ гармонія, происходящая, такъ сказать, отъ единства источника, который далъ начало какъ одному, такъ и другой. Эта гармонія отражается въ душѣ человѣка прирожденною ему наклонностью и способностями къ тому или другому виду общественной дѣятельности. Вотъ это то и есть «сродность къ той или другой стати».

Отъ того, будутъ ли люди руководствоваться въ жизни своими сродностями или нѣтъ, цѣликомъ зависитъ и общественное благо и личное счастіе человѣка. Указать свою сродность и есть одна изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ самопознанія, раскрытія воли Божіей, пребывающей въ человѣкѣ,—такая задача, удачное рѣшеніе которой значительно облегчаетъ всѣ дальнѣйшія трудности въ стремленіи человѣка къ высшему совершенству. Внѣ удачнаго ея рѣшенія не можетъ быть для человѣка и рѣчи о счастьи. Человѣкъ можетъ быть счастливъ только тогда, по мнѣнію Сковороды, когда принимаетъ на себя общественную обязанность не по своимъ прихотямъ и не по чужимъ совѣтамъ, но вникнувъ въ самого себя и внявъ живущему въ немъ и зовущему духу, который не ошибается и поведетъ человѣка къ тому, къ чему онъ рожденъ, чтобъ онъ былъ полезнымъ для себя и для другихъ. И общество можетъ продолжать правильное свое теченіе только тогда, когда каждый его членъ не только добръ, но и исполняетъ сродную себѣ часть отъ всеобщей должности, разлитой по всему составу. «Самая добрая душа,—разсуждаетъ Сковорода,—тѣмъ безпокойнѣе и несчастливѣе живетъ, чѣмъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ не быть несчастной, если потеряла сокровище душевнаго мира? Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ обижаетъ друзей и родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ? Какъ не обижать, если вредъ приноситъ обществу? Какъ не вредить, если нѣтъ неутомимаго труда? Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьмешь охоту безъ природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота стремится къ труду и радуется имъ. Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь породитъ совершенное дѣло, соплетающее творцу своему вѣнецъ радости».

Увлекаясь своей идеей, Сковорода временами былъ склоненъ

приписывать чуть не все зло и всѣ несовершенства нашей жизни тому, что люди не уразумѣли этой простой истины и не стремятся устраивать жизнь свою по сродностямъ. Конечно, Сковорода не могъ не понимать, какъ трудно бороться съ заблужденіемъ, корни котораго такъ глубоко вкоренились въ рабскую и внѣшнюю природу человѣка и такъ омрачили всѣ сердца, что «не сыщешь столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое званіе, ни мало не разсуждая о сродности своей». Самые близкіе друзья, хотя, вѣроятно, и охотно слушали, но плохо принимали къ сердцу его краснорѣчивую проповѣдь на темы, что «природный и честный сапожникъ милѣе и почтеннѣе, чѣмъ безприродный штатскій совѣтникъ», или что «во сто разъ блаженнѣе пастухъ, овцы или свиньи съ природою пасущій, нежели священникъ, брань противу Бога имущій», или что «вѣрный признакъ несродности къ званію есть гоняться за доходами» и т. д. Но, конечно, самой краснорѣчивою проповѣдью, хотя столь же мало убѣдительною для окружающихъ, была самая жизнь Сковороды.

Въ своей фанатической вѣрѣ въ теорію сродности Сковорода развивалъ свое ученіе дальше, въ его практическихъ подробностяхъ и приложеніяхъ. Онъ разсматривалъ спеціально нѣкоторыя общественныя стати въ связи съ соотвѣтствующими имъ сродностями. При этомъ онъ предупреждалъ, что чѣмъ важнѣе стать, тѣмъ внимательнѣе надо испытывать свою сродность, чтобы не произошло ошибки, тѣмъ болѣе пагубной, чѣмъ самая стать отвѣтственнѣе. Къ наиболѣе отвѣтственнымъ статямъ онъ относитъ и занятіе философіей, и разъясненію этой стати и ея сродности онъ посвящаетъ наиболѣе вниманія. Настоящимъ философомъ можетъ быть только тотъ, по его мнѣнію, кто способенъ вмѣстить идеалъ, который онъ опредѣляетъ слѣдующими выраженіями: «Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ, учись священнымъ языкамъ, научись хоть одному твердо, привитайся съ древними языческими философами, побесѣдуй съ отцами вселенскими; голодъ, холодъ, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и трудъ да будетъ не только сносенъ, но и сладостенъ...» Полны истиннаго краснорѣчія слова, которыя онъ обращаетъ къ предполагаемому имъ безприродному любителю философіи. «Учителю, иду по тебѣ... Иди лучше паши землю или носи оружіе, отправляй купеческое дѣло или художество твое. Дѣлай то, къ чему рожденъ, будь справедливый и миролюбный гражданинъ, и довлѣетъ... Учи-

телю, иду по тебѣ... Не ходи... Сего недовольно, что ты остръ и учонъ. Должно быть другомъ званію, не любителемъ прибыли отъ него... Учителю, иду по тебѣ... Иди... и будешь естества лишенный чучелъ, облакъ бездождный, сатана, съ небесной должности къ подлымъ похотямъ падшій...»

Никакихъ другихъ сторонъ изъ безконечной области практической нравственности, кромѣ трехъ указанныхъ мною, Сковорода никогда не касался. Вѣроятно, онъ полагалъ, что все остальное само приложится человѣку, если онъ встанетъ на указываемый путь. Да и вообще съ его духовной индивидуальностью было несовмѣстимо проповѣдывать ad hoc, что требуется природой истиннаго моралиста.

Итакъ, я представила остовъ философскаго міровоззрѣнія Сковороды съ указаніемъ всѣхъ его важнѣйшихъ частей и ихъ соотношеній. Но мнѣ предстоитъ еще указать, чѣмъ былъ оживленъ этотъ остовъ, что и труднѣе, и отвѣтственнѣе: дѣло въ томъ, что все сказанное мною выше можетъ быть провѣрено по сочиненіямъ, изданнымъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ; то же, что я буду говорить дальше, главнымъ образомъ, опирается на сочиненія, еще не вошедшія въ настоящее изданіе.

Не затрогивая общаго вопроса объ отношеніи философіи къ религіи, я съ увѣренностью могу выставить такое положеніе: философія Сковороды была, несомнѣнно, и его религіей. Была—не въ томъ условномъ, субъективномъ, смыслѣ, въ которомъ всякая идея можетъ отродиться въ душѣ человѣка въ объектъ религіознаго отношенія, а въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Вотъ здѣсь то и лежитъ глубокая пропасть между Сковородой и нѣкоторыми западноевропейскими мыслителями, на него повліявшими, но которые проводили всегда болѣе или менѣе рѣзкую грань между философіей и религіей. Какъ настоящая религія,—а не суррогатъ ея, отмѣченный печатью личнаго творчества,—міровоззрѣніе Сковороды впадаетъ въ общій стихійный центральный потокъ религіозной мысли,—преданія, которымъ жило и живетъ человѣчество,—впадаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ ему дерзкое отрицаніе. Не увидѣть или не понять этой стороны въ ученіи Сковороды — значитъ не увидѣть подъ общими его чертами его индивидуальной духовной физіономіи.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, вообще совершенно лишенныхъ біографическихъ подробностей, Сковорода говоритъ, что онъ началъ читать Библію 30 лѣтъ отъ роду. Утвержденіе какъ

бы несообразное для человѣка, который учился въ Кіевской Духовной академіи, — но совершенно ясное и несомнѣнно правдивое. Смыслъ его таковъ: конечно, Сковорода зналъ Библію съ ранняго дѣтства; но только тридцати лѣтъ, уже послѣ своихъ странствованій по Европѣ, въ которыхъ онъ, повидимому, много пріобрѣлъ для расширенія своего умственнаго кругозора, Библія явилась для него съ тѣмъ особымъ значеніемъ, которое отмѣчаетъ его міровоззрѣніе. Съ тѣхъ поръ до конца своей жизни онъ оставался «любителемъ священныя Библіи», какъ онъ подписывался въ своихъ письмахъ. Но странная это была любовь...

Наряду съ космосомъ, или міромъ обительнымъ, который въ совокупности своихъ преходящихъ явленій заключаетъ въ себѣ неизмѣнную и непреходящую, вѣчную основу, и маленькимъ міркомъ, человѣческимъ микрокосмомъ, отношеніе котораго къ большому міру выяснено выше, есть еще микрокосмъ, другой малый мірокъ — «мірокъ символичный, или Библія». Библія, въ полномъ своемъ составѣ, есть не что иное, какъ собраніе образовъ, фигуръ, «ведущихъ мысль нашу въ понятіе вѣчныя натуры, утаенной въ тлѣніи», иначе говоря, собраніе притчей или аллегорій, значеніе которыхъ заключается въ скрытой подъ этими аллегоріями философской истинѣ. Такимъ образомъ, библейный микрокосмъ, какъ и человѣческій, заключаетъ въ себѣ двѣ природы: одну внутреннюю, подлежащую раскрытію разумнымъ въ нее проникновеніемъ, и другую внѣшнюю, стихійную, которая должна быть отброшена, какъ ненужная ветошь, разъ человѣкъ проникъ своимъ разумомъ въ истинную сущность, скрытую подъ этой тлѣнной оболочкой. Отсюда двойственное отношеніе Сковороды къ Библіи. Съ одной стороны, онъ относился къ Библіи какъ глубоко вѣрующій, искренно религіозный человѣкъ; съ другой стороны, совершенно отрицалъ ее, отрицалъ почти до издѣвательства, приличнаго какому-нибудь ученику Вольтера.

Складывалось это у него, сколько я могла понять, такъ. Онъ полагалъ, что невидимая основа всего сущаго, открываясь въ человѣкѣ, такъ сказать, нарочито открылась въ Библіи (какъ отчасти и въ языческихъ миѳологіяхъ). Но понять это его отношеніе къ Библіи можно только тогда, когда поймешь его идею объ избранныхъ людяхъ и ихъ особой роли въ мірѣ. Библія есть твореніе этихъ избранныхъ людей, черезъ которыхъ только и открываетъ себя верховная основа міра. Вѣра въ этотъ родъ Израилевъ, избранныхъ, Божьихъ, истинныхъ людей, призванныхъ самой натурой быть истолкователями воли Божьей, живою связью между человѣ-

кладка, которою отмѣчены всѣ его философскія разсужденія и ко-
рая даетъ поводъ дѣлать о немъ такія разнообразныя и проти-
орѣчивыя заключенія. Его называли мистикомъ только потому, что
е давали себѣ труда разобрать, въ какомъ отношеніи стоятъ мно-
очисленныя цитаты изъ Библіи, сопровождающія почти каждое его
илософское положеніе, къ его основной темѣ. Понять это отноше-
іе значитъ найти ключъ къ пониманію Сковороды.

Пламенная любовь вѣрующаго, какую питалъ Сковорода къ
своей» Библіи, къ той, которая укрывала подъ своими образами
стину, обращалась въ его цѣльной и суровой душѣ въ страстную
енависть къ внѣшней буквѣ Библіи. Въ этомъ чувствѣ большое
ѣсто занималъ страхъ передъ пагубною, съ его точки зрѣнія, си-
ой, какую она обнаруживала надъ умами человѣчества [1]). Онъ
редостерегаетъ отъ чтенія Библіи; онъ боится, чтобъ ее не чи-
али тѣ, кто инымъ путемъ не пріобрѣлъ критерія истины: не
знавъ себя, нельзя узнать Библіи; не узнавшихъ себя Библія му-
итъ, какъ сфинксъ. «Библія подобна ужасной пещерѣ,—она вся
реисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на еврейскій, по-
омъ на христіанскій родъ безчисленныя навела суевѣрій наводне-
ія»... Увлекаясь внѣшностью Библіи и забывая, что «она есть,
акъ всякая внѣшность, тлѣнь, и что нѣтъ блага, кромѣ Бога,
юди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ
вѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудр-
твуютъ въ церемоніяхъ и каковы плоды? Только одни расколы,
уевѣрія и лицемѣрія. Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ
ъ садъ Божіей истины, и нѣтъ туда доступа человѣку».

Видя въ Библіи источникъ всякой внѣшности въ богопочита-
іи, которую онъ отожествлялъ съ язычествомъ и суевѣріемъ, Ско-
орода пытался съ корнемъ вырвать изъ душъ своихъ послѣдовате-
ей уваженіе къ этой внѣшней Библіи. Для этого онъ прибѣгалъ
аже къ грубой насмѣшкѣ. «Люди, по словамъ Библіи, преобра-
уются въ соляные столбы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками
а морскомъ днѣ и на воздухѣ, солнце будто карета останавли-
ается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго
азваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки
ъ овцами дружатъ, возстаютъ мертвыя кости, падаютъ съ яблонь
ебесныя свѣтила, а изъ облаковъ крупяная каша съ перепелками...

*) Въ послѣдующихъ строкахъ, весьма характерныхъ для ученія Сково-
оды, явно проглядываетъ крайній его раціонализмъ и, по всей вѣроятности,
ліяніе западной критики Библіи, начавшейся со времени Спинозы. *Ред.*

Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ есть несчастная, исполинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?»... Въ виду такихъ кощунственныхъ разсужденій весьма возможно, что Сковорода игралъ извѣстную роль, если не въ основаніи, то въ развитіи въ Малороссіи духоборческой раціоналистической ереси [1]).

Я кончила. Мнѣ кажется, я указала всѣ характерныя черты міровоззрѣнія Сковороды, насколько оно выразилось въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ. Но я больно чувствую одинъ огромный недостатокъ въ своемъ изложеніи. Я все-таки отдѣлила философа отъ ересіарха, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти двѣ стороны сливаются въ Сковородѣ въ одну цѣльную духовную личность, поражающую своей суровой оригинальностью. Но я не сумѣла это сдѣлать иначе.

Не въ моихъ средствахъ взять на себя задачу опредѣлить, къ какому философскому теченію или школѣ должно отнести Сковороду какъ философа. Больше того, мнѣ навязывается мысль: должно ли и можно ли это сдѣлать? Не принадлежалъ ли Сковорода къ тѣмъ любопытнымъ, такъ-сказать, самороднымъ индивидуальностямъ, къ которымъ такъ идетъ выраженіе: самъ себѣ предокъ. Конечно, это не исключаетъ вопроса о вліяніяхъ, внѣ которыхъ немыслимъ человѣкъ, но отодвигаетъ его на другой планъ. Такъ или иначе, несомнѣнно одно: Сковорода былъ сыномъ своего вѣка. Съ роскош-

*) Въ одномъ изданіи сороковыхъ годовъ, извѣстномъ только развѣ записнымъ любителямъ мѣстной старины, въ „Описаніи Полтавской губ., Арендаренка“ есть прямое и категорическое указаніе, что секту духоборцевъ основалъ Сковорода. До сихъ поръ никто и никогда не связывалъ духоборцевъ съ Сковородой, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о духоборствѣ нѣтъ и намека на подобную связь. Но если принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) что духоборство возникло несомнѣнно на территоріи Слободской Украины того района, гдѣ странствовалъ и постоянно училъ народъ Сковорода, 2) что и хронологически появленіе его совпадаетъ съ дѣятельностью Сковороды, 3) но главное, что ученіе духоборцевъ чрезвычайно напоминаетъ по духу Сковородинскій раціонализмъ, — то предположеніе о связи духоборства со Сковородой дѣлается во всякомъ случаѣ правдоподобнымъ. Проф. Амф. Степ. Лебедевъ, который писалъ о духоборствѣ въ Харьк. губ., на высказанное мною вышеупомянутое предположеніе, совершенно согласился со мною въ 3-мъ, главнѣйшемъ пунктѣ. Какъ онъ, такъ и проф. Багалѣй, возражаютъ одно, что духоборство появилось въ великорусскомъ населеніи губерній, а не малорусскомъ, какъ бы слѣдовало ожидать, если связывать его со Сковородой. Но я не нахожу это возраженіе достаточно убѣдительнымъ: Сковорода писалъ не по-малорусски, слѣдовательно могъ говорить и не съ малорусскимъ народомъ, а что его взгляды привились тутъ, а не привились тамъ, что же это доказываетъ? Несомнѣнно, что сочиненія Сковороды, его портретъ, духовныя его пѣсни до сихъ поръ пользуются огромнымъ уваженіемъ среди нашихъ сектантовъ-раціоналистовъ.

ной трапезы европейской философской мысли онъ, ея скромный участникъ-варваръ, вынесъ безграничное довѣріе къ компетентности человѣческаго разума.

Съ безудержной требовательностью, такъ характерной для цѣльной варварской природы, онъ захотѣлъ подчинить своему принципу все, включая и міръ преданія. Замыслъ возмутительно дерзкій. Но дерзость, не соразмѣренная съ природой вещей, несетъ свое естественное наказаніе въ неудачѣ своихъ результатовъ: не понесъ ли Сковорода строгаго наказанія за нее въ томъ забвеніи, которое его постигло,—забвеніи, несправедливомъ, если принять во вниманіе огромные размѣры этой фигуры, на ряду съ той массой пигмеевъ, которая испещряетъ собою страницы всякой исторіи?

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ

По г. В. СОЛОВЬЕВУ [1]).

На тихой и сонной поверхности современной русской общественной мысли время отъ времени то промелькнетъ зыбь, то прокатится что-то въ родѣ волны, чтобъ замереть у соннаго берега, то въ какой-нибудь точкѣ вдругъ заюлитъ и закрутитъ воронкой, втягивая куда-то въ глубину и оторвавшійся отъ родимой вѣтки листокъ, и мелкую рыбешку, беззаботно плескавшуюся на своемъ маленькомъ привольѣ. Заюлитъ, закрутитъ—и опять тихо, снова легла та же зеркальная поверхность, неподвижная и какъ бы безнадежно-мертвая, точно ничто никогда и не волновало ея. Что-же значитъ все это? Или русская общественная мысль—пока еще, до поры до времени, безжизненная, а слѣдовательно и инертная стихія, которая приводится лишь въ кажущееся движеніе случайными толчками внѣшнихъ силъ? Или, можетъ быть, она живетъ и работаетъ въ глубинахъ, прикрываясь внѣшней неподвижностью и лишь изрѣдка и случайно прорываясь на поверхность?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нашъ литературный міръ былъ взволнованъ такимъ случаемъ: въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья г. В. Соловьева «Россія и Европа». О г. В. Соловьевѣ было извѣстно, что онъ человѣкъ честный и убѣжденный; извѣстно было также, что онъ печатался до тѣхъ поръ въ «Руси» и «Православномъ Обозрѣніи». Но «Русь» и «Православное Обозрѣніе», съ одной стороны, «Вѣстникъ Европы» съ другой,—вѣдь это двѣ противоположности, не допускающія никакого средняго термина: причемъ же тутъ г. Соловьевъ? Неужто онъ могъ такъ круто оборвать съ своимъ міросозерцаніемъ? Что случилось? Опять же неправдоподобно, чтобъ и «Вѣстникъ Европы», изъ-за чести видѣть на сво-

---

[1]) Недѣля 1888, № 36.

ихъ страницахъ г. Соловьева, могъ поступиться азбукой своихъ взглядовъ. Чтеніе, казалось-бы, должно было разрѣшить всѣ недоумѣнія. Но оно не разрѣшило ихъ. Конечно, читая статью «Вѣстника Европы», легко подумать, что г. Соловьевъ, этотъ новый Чаадаевъ, совершенно разочаровался въ Россіи и просто-на-просто махнулъ на нее рукой. Но вотъ вслѣдъ за статьей появляется книжка г. Соловьева «Національный вопросъ въ Россіи», гдѣ рядомъ съ этой рѣзко отрицательной статьей появляются и статьи положительнаго характера изъ «Православнаго Обозрѣнія» и «Руси». Очевидно, г. В. Соловьевъ хотѣлъ этимъ сказать, что онъ ни отъ чего не отрекается и ничего не сжигаетъ, что старые боги стоятъ на своемъ мѣстѣ. Разумѣется, г. В. Соловьевъ—при своемъ правѣ, но недоразумѣнія читателя только растутъ. Формальныхъ противорѣчій между двумя половинами книжки нѣтъ; нигдѣ г. Соловьевъ не отрицаетъ ни одного изъ своихъ старыхъ положеній. Однако, отъ этого не легче на душѣ у читателя, желающаго въ этомъ разобраться, а наоборотъ, еще темнѣе и тяжелѣе. Вся первая половина книги проникнута одной общей идеей о высшей, если не миссіи (г. Соловьевъ не вѣритъ въ предопредѣленіе) Россіи по отношенію къ человѣчеству, то задачѣ, заключающейся въ томъ, что Россія должна дать человѣчеству великое счастіе объединенія на почвѣ одной общей религіи. Но если Россія такъ нища духомъ, какъ это утверждаетъ вторая половина, то не правильнѣе ли было-бы ей не думать ни о какихъ высшихъ задачахъ, а старательно укрывшись въ тѣни собственнаго ничтожества, употребить всѣ усилія на то, чтобъ развить скудные зачатки своихъ духовныхъ силъ и тѣмъ оправдать свое право на человѣческое существованіе? Казалось бы, тутъ не можетъ быть иной постановки. Г. Соловьевъ, очевидно, думаетъ объ этомъ иначе, хотя мы совершенно не можемъ понять, какъ и что онъ объ этомъ думаетъ.

Но мы только указываемъ на эту темную сторону книжки г. Соловьева; углубляться же въ нее не будемъ. Наша цѣль совсѣмъ иная. Намъ хотѣлось бы разобрать общественные взгляды г. Соловьева по ихъ существу.

Для того, чтобъ освѣтить философскимъ свѣтомъ хаосъ явленій общественной жизни или, проще говоря, осмыслить ихъ, необходимо занять по отношенію къ нимъ какой-нибудь опредѣленный пунктъ, установить центръ, къ которому эти явленія будутъ пріурочиваться. Каждый мыслитель такъ и поступаетъ. Онъ беретъ изъ жизни элементъ, наиболѣе цѣнимый имъ на основаніи ли своихъ симпатій или по теоретическимъ соображеніямъ, беретъ его или непосредственно

изъ стихій жизни (напр. національность, дворянство, народъ и т. д.), или изъ этихъ же стихій, переработанныхъ въ сознаніи (прогрессъ, нравственность, религія, и т. д.). Выбравши свой опорный пунктъ, мыслитель на немъ воздвигаетъ свое построеніе. Иначе не можетъ поступить мыслитель, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ, который хочетъ не только понимать окружающее, но и вносить въ него нравственный смыслъ, опредѣлять отношеніе этого окружающаго къ своей внутренней личности. Отъ достоинства этого опорнаго пункта, отъ степени его теоретической устойчивости, отъ соотвѣтствія его съ нравственными требованіями и идеалами зависитъ, главнымъ образомъ, и достоинство всего построенія.

Г. Соловьевъ, повидимому, такъ именно и понимаетъ свое положеніе, такъ и поступаетъ. Онъ избираетъ свой центральный пунктъ и дѣлаетъ усилія, чтобъ на немъ основаться. Пунктомъ этимъ ему служитъ *человѣчество*. Не г. Соловьевъ первый избралъ человѣчество за краеугольный камень своего общественнаго философскаго построенія, и конечно, не послѣдній: слишкомъ много привлекательнаго въ такой постановкѣ съ нравственной точки зрѣнія. Но мы не знаемъ системы, которая достаточно оправдывала бы такую постановку съ точки зрѣнія теоретической. Посмотримъ, какъ оправдываетъ ее г. Соловьевъ.

Но чтобы понять разсужденія г. Соловьева, необходимо знать и твердо помнить слѣдующее. Г. Соловьевъ есть отщепенецъ славянофильства. Вся его книжка есть рядъ усилій отгородить свое общественное міросозерцаніе отъ міросозерцанія славянофиловъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ это обыкновенно бываетъ съ каждымъ отщепенцемъ, его мысль живетъ и движется въ родной стихіи того же умонастроенія, отъ котораго мыслитель такъ ревниво пытается отгородиться. Общій фонъ умонастроенія г. Соловьева—такъ же, какъ и у славянофиловъ, религіозно-нравственный; пріемы его разсужденій также близко имъ родственны. Разница оказывается лишь въ томъ, что славянофилы ставятъ въ центръ русскій народъ, которому, какъ носителю высшей религіозной истины, предстоитъ просвѣтить этой истиною міръ, человѣчество, если хотите; г. же Соловьевъ полагаетъ въ центръ человѣчество, которое имѣетъ быть осчастливлено черезъ религіозный духъ русскаго народа, буде онъ пойметъ свою задачу. Разница, какъ видите, не особенно значительная. Изъ этого можно также заключить, что «человѣчество» г. Соловьева есть въ нѣкоторой степени просто бранный кличъ, который онъ кидаетъ славянофильству. Но тѣмъ не менѣе г. Соловьевъ все-таки философъ, и

мы считаемъ долгомъ своимъ разобрать, какое содержаніе вкладываетъ онъ въ это свое кардинальное понятіе, хотя бы и безъ надежды оказать при посредствѣ этого разбора что-нибудь особенно цѣнное.

Мы сказали: разобрать. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что разбирать то пожалуй и нечего. Несмотря на то, что г. Соловьевъ говоритъ о человѣчествѣ, всечеловѣческомъ, общечеловѣческомъ чуть не на каждой страницѣ,—точныхъ опредѣленій, ясныхъ и обоснованныхъ положеній у него оказывается не пофилософски мало. Однако, помимо крохъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто, которое уясняетъ всетаки взглядъ г. Соловьева: «Человѣчество», говоритъ онъ, возражая г. Данилевскому, «относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла». Въ другихъ мѣстахъ авторъ поясняетъ, что органы этого всечеловѣческаго организма суть народы, а люди—клѣточки. Поразительно слабо оправдываетъ авторъ это свое основное положеніе. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ, онъ просто говоритъ, что этотъ взглядъ «раздѣляется лучшими умами Европы, а въ настоящее время становится даже достояніемъ положительной научной философіи». Вотъ и все, что выставляетъ г. Соловьевъ въ защиту своего положенія. Но что это за лучшіе умы, на которые достаточно намекнуть, чтобъ оправдать даже такое рискованное положеніе, какъ то, съ которымъ выступаетъ г. Соловьевъ? Что это за положительная научная философія? Гдѣ она и кто ея представители? Мы, съ своей стороны, рѣшаемся съ увѣренностью утверждать, что такой положительной научной философіи, которая бы раздѣляла съ г. Соловьевымъ его утвержденіе, нѣтъ, какъ нѣтъ и такихъ философовъ, да и самое утвержденіе гораздо ближе стоитъ къ поэтической метафорѣ, чѣмъ къ научно-философской истинѣ. Что такое организмъ—это уже въ значительной степени установлено положительной философіей; что человѣчество не можетъ быть подведено подъ понятіе организма, объ этомъ едва ли стоитъ и распространяться; что утвержденіе г. Соловьева совершенно голословно и бездоказательно—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Конечно, можно оспаривать положеніе Данилевскаго, что человѣчество относится къ народу (нація, племя), какъ родъ къ виду; можно доказывать, что здѣсь отношеніе будетъ иное, напримѣръ отноше-

ніе вида къ разновидности, или можетъ быть даже какое-нибудь специфическое отношеніе, не имѣющее точной аналогіи въ остальномъ органическомъ мірѣ: обо всемъ этомъ можетъ быть разговоръ и въ наукѣ, и въ научной философіи. Но что человѣчество есть организмъ—на такую постановку всякая философія, имѣющая хоть какое-нибудь право на названіе научной и положительной, можетъ отвѣтить лишь улыбкой. Да и самъ г. Соловьевъ ссылается на положительную философію лишь въ статьѣ, которая печаталась въ «Вѣстникѣ Европы». Въ остальныхъ же статьяхъ онъ просто говоритъ, что онъ *вѣритъ*, что человѣчество есть единый организмъ, и что эта его вѣра есть вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе христіанской религіи. Конечно, вѣра есть вѣра, и ея преимущество въ томъ, что она не требуетъ доказательствъ; но за то она ни къ чему никого и не обязываетъ, кромѣ самого вѣрующаго. А есть ли вѣра въ организмъ человѣчества требованіе христіанской религіи—это вопросъ очень спорный, и здѣсь не мѣшало бы г. Соловьеву прибѣгнуть къ своей философской эрудиціи. Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что г. Соловьевъ совершенно произвольно подставляетъ вмѣсто «ближняго» христіанской религіи «человѣчество» и дѣлаетъ выводы изъ этой подстановки, во всякомъ случаѣ ничѣмъ имъ не оправданной.

Въ какомъ отношеніи, по г. Соловьеву, стоитъ народъ (нація) къ человѣчеству, это видно уже и изъ вышесказаннаго. Человѣчество—организмъ. Организмъ есть единство функцій и соотвѣтствующихъ органовъ. Каждый народъ есть органъ человѣчества, и слѣдовательно имѣетъ свою функцію. Функція русскаго народа—религіозная. Какъ видите, старая пѣсня, заимствованная въ славянофильской передачѣ еще изъ нѣмецкой натурфилософіи блаженной памяти, хотя и формулируемая г. Соловьевымъ по-своему. Правда, отрѣзаясь отъ славянофиловъ, г. Соловьевъ утверждаетъ, что религіозное назначеніе русскаго народа есть не «миссія» его, т.-е. нѣчто предопредѣленное и неизбѣжное, а «задача», т.-е. нѣчто, допускающее свободу и самоопредѣленіе. Но мы право не знаемъ, какъ понимать эту оговорку. Какъ бы мы ни назвали—миссіей или задачей функціональное отправленіе желудка, во всякомъ случаѣ не отъ него зависитъ, заняться ли перевариваніемъ пищи, или философскимъ мышленіемъ. Конечно, желудокъ можетъ отказаться отъ переварнванья пищи, но тогда смерть и ему, и всему организму: результатъ неизбѣжный и въ извѣстномъ смыслѣ предопредѣленный. Къ тому же г. Соловьевъ человѣкъ религіозный, и ему, какъ та-

ковому, не можетъ быть чужда идея о Божьихъ предначертаніяхъ. Однимъ словомъ, мы не можемъ видѣть въ этой оговоркѣ г. Соловьева ничего другого, кромѣ намѣренія сѣсть между двухъ стульевъ,—съ одной стороны теологическаго и телеологическаго міросозерцанія, съ другой стороны міросозерцанія научно-положительнаго. Только человѣчество, какъ цѣлое, какъ организмъ, можетъ имѣть, по г. Соловьеву, самостоятельныя цѣли; роль народовъ есть подчиненная и служебная. На этомъ подчиненіи основывается и идея нравственности и нравственный долгъ.

Вообще, на понятіи «народа» (націи) г. Соловьевъ останавливается гораздо больше, чѣмъ на понятіи «человѣчества». Но основное и необходимѣйшее и въ этомъ понятіи онъ выясняетъ такъ же мало, пожалуй, еще меньше. Въ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ его представленій, народъ есть также органическое цѣлое, хотя и не доросшее до высоты независимаго, самоопредѣляющагося организма. Но эту его органическую цѣлостность г. Соловьевъ не пытается доказать даже простой ссылкой на лучшіе умы. Можетъ быть, онъ считаетъ это такъ необходимо вытекающимъ изъ своего основного понятія, или можетъ быть, такъ яснымъ само по себѣ, что нѣтъ ни малѣйшей необходимости вдаваться въ какія-нибудь разъясненія. А между тѣмъ какой признательностью обязаны были бы мы г. Соловьеву, если бъ онъ употребилъ свою философскую ученость, въ которой мы не сомнѣваемся, на разъясненіе этой темной и въ высокой степени важной стороны. Выраженія «національный духъ», «душа народа» и т. п. есть принадлежность всякой обыденной рѣчи. Между тѣмъ мы, можно сказать, совсѣмъ не знаемъ, въ чемъ имѣютъ свое оправданіе эти выраженія, какимъ реальнымъ сущностямъ или отправленіямъ они соотвѣтствуютъ. Если народъ есть нѣчто большее, чѣмъ простая механическая совокупность людей, связанныхъ между собою сожительствомъ и нѣкоторыми особенностями, то чѣмъ же характеризуется это бо́льшее? въ чемъ его содержаніе? какое его отношеніе къ элементамъ, его составляющимъ? и т. д. Или г. Соловьевъ такъ хорошо все это знаетъ, что даже и заподозрить не можетъ, что могутъ быть люди, этого не знающіе; или онъ ничего этого не знаетъ, и тогда удивительна смѣлость, съ какой онъ обращается съ этими сложными и темными вещами.

Какъ бы то ни было, г. Соловьевъ очень много занимается тѣмъ, что́ называютъ національнымъ вопросомъ вообще, приложеніемъ его къ Россіи—въ частности. Все это очень любопытно, тѣмъ болѣе,

что г. Соловьевъ держитъ себя независимо отъ какихъ-либо сторонъ или партійныхъ мнѣній: единственный его грѣхъ въ этомъ отношеніи—его большія и все-таки въ значительной степени безплодныя усилія отгородиться отъ славянофильства. Русская общественная мысль привыкла нѣсколько третировать національный вопросъ, но тѣмъ не менѣе она не можетъ его обходить: иначе откуда бы взялись эти завзятые націоналы, эти отчаянные русскіе космополиты, подобныхъ которымъ и свѣтъ, кажется, еще не производилъ? Этого не было бы, не будь національный вопросъ для нашего общества живымъ, да кромѣ того еще и больнымъ мѣстомъ. Въ самомъ дѣлѣ: если для ядра русскаго государственнаго тѣла «національный вопросъ не есть вопросъ существованія» (выраженіе г. Соловьева), то для пестраго конгломерата толстой оболочки этого ядра дѣло обстоитъ иначе, и такое положеніе не можетъ не имѣть своего отраженнаго дѣйствія и на ядро. Если вдуматься во все это, то станетъ понятно, почему оно съ одной стороны третируется, а съ другой—и раздражаетъ, и болитъ, и пришпориваетъ на разные теоретическіе salto mortale то въ одномъ направленіи, то въ другомъ.

Г. Соловьевъ разсуждаетъ такъ. Нація, какъ не самостоятельный организмъ, а часть цѣлаго, не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должна довлѣть самое себѣ, не должна имѣть самостоятельныхъ цѣлей и интересовъ, иначе она впадаетъ въ пагубный грѣхъ національнаго эгоизма. Такъ называемая «политика интереса», т.-е. преслѣдованіе во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной своихъ національныхъ интересовъ, есть ничто иное, какъ увѣковѣчиваніе борьбы за существованіе внутри человѣческаго общества. Съ спокойной совѣстью идетъ эта политика даже на національное пожираніе, денаціонализацію,—идетъ мало того что съ спокойной совѣстью, а часто даже гордясь своимъ античеловѣческимъ дѣломъ, какъ подвигомъ, благодѣтельнымъ для человѣчества, совершеннымъ во имя торжества высшей культуры надъ низшей. Все это и безнравственно, и пагубно: безнравственно, такъ какъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ христіанской морали и идетъ въ разрѣзъ цѣлямъ человѣчества; пагубно, потому что вноситъ принципы розни и нравственнаго разложенія внутрь общества, такъ какъ человѣкъ есть существо цѣльное и не можетъ безъ ущерба для своего нравственнаго существа въ однихъ случаяхъ руководствоваться одной моралью, въ другихъ—другою, въ однихъ обстоятельствахъ заниматься людоѣдствомъ, въ другихъ—оставаться высоко гуманнымъ и нравственнымъ. Таковы разсужденія г. Соловьева, и надо со-

знаться, что сама истина говоритъ его устами. Можно какъ угодно относиться къ его философіи, но эти его выводы, касающіеся практической морали, достойны всяческаго сочувствія и могутъ быть оправданы даже изъ совсѣмъ другихъ точекъ зрѣнія. Но г. Соловьевъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ.

Итакъ, всякое насиліе одной націи надъ другой—дѣло безбожное и безнравственное, включая сюда и насиліе, дѣлаемое якобы въ цѣляхъ пріобщенія народности къ высокой культурѣ. Каждый народъ обязанъ быть справедливымъ, обязанъ уважать равное право каждаго другого народа на самостоятельное существованіе и самобытное развитіе. Но все ли это, что требуется отъ народа по отношенію къ другимъ народамъ? Нѣтъ, не все: уваженіе требованій международной справедливости есть лишь исполненіе отрицательной заповѣди. Народъ, какъ и отдѣльное лицо, обязанъ своимъ нравственнымъ долгомъ къ бо́льшему—къ добродѣтелямъ положительнымъ, а именно къ высшей изъ добродѣтелей: къ тому, чтобы умѣть положить души своя за други, къ національному самопожертвованію. Это національное самопожертвованіе должно выражаться въ самоотверженномъ служеніи высшей религіозной истинѣ, въ пожертвованіи всѣмъ своимъ національнымъ, чтобъ осчастливить ею человѣчество (послѣднее, разумѣется, относится только къ Россіи).

Фальшь разсужденій г. Соловьева, зависящая отъ игры словами, очевидна, и разобраться въ ней нетрудно. Когда мы говоримъ, положимъ, о народной нравственности, мы понимаемъ, конечно, что дѣло идетъ о совокупности лицъ, составляющихъ народъ. Какое бы широкое содержаніе мы ни вкладывали въ понятіе народа, какъ бы мы ни думали о народномъ духѣ, о коллективномъ сознаніи и т. п., мы знаемъ, что эти понятія болѣе поэтическаго и метафорическаго, чѣмъ точнаго, положительнаго характера; что въ настоящемъ смыслѣ этого слова нѣтъ ни народнаго сознанія, ни народной воли (біологическая аксіома: нѣтъ функціи безъ органа). Но помня все это, мы можемъ все-таки, не выходя за предѣлы точныхъ понятій, утверждать, допустимъ, такое положеніе, что одинъ народъ долженъ наблюдать по отношенію къ другому справедливость, т.-е. долженъ признавать за нимъ равное право на существованіе и поддерживать это право, а не нарушать. Какой смыслъ подобнаго утвержденія? Очевидно, тотъ, что личности, составляющія народъ (всегда извѣстная часть суммы, иногда даже незначительная), усвоиваютъ себѣ одинаковое сознаніе и воплощаютъ его въ законахъ и учрежденіяхъ своего общества. Такимъ образомъ идея международ-

ной справедливости по отношенію къ остальнымъ личностямъ того же народа является съ императивнымъ характеромъ, и выраженіе, что народъ наблюдаетъ по отношенію къ другому справедливость, имѣетъ свой реальный и точный смыслъ. Но какой же смыслъ имѣетъ требуемое г. Соловьевымъ національное самопожертвованіе? Жертва есть дѣло вольное, основывающееся на самоопредѣленіи личности. Принудительное самопожертвованіе не самопожертвованіе, а просто актъ грубаго насилія съ одной стороны, трусливаго подчиненія съ другой, т.-е. нѣчто гадкое, а не благородное. Какъ можетъ народъ, не обладая никакимъ органомъ коллективнаго сознанія въ видѣ личной души, одаренной свободой и способностью къ самоопредѣленію, жертвовать собой? Но если бъ отдѣльныя лица, составляющія народъ, и возвысились до идеи національнаго самопожертвованія, то какъ быть съ остальными личностями, которыя до этой идеи не достигнутъ? Однимъ словомъ, переходить отъ идеи международной справедливости къ идеѣ національнаго самопожертвованія—это значитъ просто пользоваться, хотя бы и безсознательно, неясностью понятій и выраженій, находящихся въ ходячемъ обращеніи публики, и на немъ воздвигать странныя, можно сказать, лишенныя смысла заключенія.

Да, нравственный подвигъ, самоотверженіе—понятія, совмѣстимыя исключительно съ понятіемъ личности, а никакъ не народа: такое только пониманіе согласно и съ христіанской религіей, которая обращается лишь къ личности съ ея свободной и безсмертной душой. Правда, случалось, что народы выступали на арену исторіи подъ знаменемъ якобы общечеловѣческой, религіозной идеи: г. Соловьевъ указываетъ на примѣръ арабовъ съ ихъ исламомъ; но не станетъ же онъ отрицать того, что они выступили, несмотря на свою идею, только какъ простые насильники и завоеватели. И это не можетъ быть иначе.

Зачѣмъ нужна была г. Соловьеву эта фальшивая и натянутая идея національнаго самоотреченія? Все затѣмъ же, чтобъ вывести любезное отечество подъ якобы инымъ, не славянофильскимъ флагомъ,—изъ тѣсныхъ и каменистыхъ путей его современной дѣйствительности въ вольный и безбрежный океанъ химеръ и утопій. Заботы о злобѣ дня, объ упорядоченіи и очеловѣченіи отношеній личныхъ и общественныхъ, о справедливости въ отношеніяхъ междуплеменныхъ—все это мелко и недостойно насъ, все это проявленіе узости и національнаго эгоизма. Ставить цѣли и идеалы на этихъ путяхъ значитъ отвлекать широкія русскія

души «ползучими» общественными теоріями отъ единственно истинныхъ и родственныхъ этимъ душамъ «летучихъ» теорій (выраженія г. Соловьева), при помощи которыхъ можно прямо попасть... пальцемъ въ небо. И вотъ подъ опекой этихъ летучихъ теорій широкій русскій человѣкъ обреченъ сидѣть, сложа руки и вперивъ взоры въ отдаленные горизонты, гдѣ злой геній его общественной мысли, эта фата-моргана, постоянно разворачиваетъ свои блестащія перспективы, окончательно гипнотизируя его и безъ того не особенно дѣятельное сознаніе. Хоть бы г. Соловьевъ вспомнилъ притчу Христа о дѣвахъ, которымъ Онъ заповѣдалъ ждать жениха съ возженными свѣтильниками и въ брачныхъ одеждахъ: буде Россіи въ самомъ дѣлѣ предстоятъ великія задачи, то едва ли будетъ съ ея стороны эгоизмомъ, прежде чѣмъ итти на встрѣчу этимъ задачамъ, также возжечь свои свѣтильники и облечься въ брачныя одежды.

Говоря о человѣчествѣ и народности, ихъ существѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, г. Соловьевъ не затронулъ третьей, по истинѣ основной соціально-морфологической единицы—личности. Не затронемъ ея пока и мы.

ПО ПОВОДУ

УКРАИНОФИЛЬСТВА [1]).

Les extremités se touchent, т.-е. крайности сходятся. И иногда самымъ удивительнымъ и неожиданнымъ образомъ. Ужъ на что бы, казалось, крайнѣе крайностей: съ одной стороны «Кіевлянинъ», прихвостень «Московскихъ Вѣдомостей», съ другой—«Русское Богатство», именующее себя органомъ «по преимуществу общинниковъ и народниковъ». А между тѣмъ эти крайности, на удивленье, сошлись въ одномъ вопросѣ, о которомъ имъ случилось трактовать одновременно—въ вопросѣ объ украинофильствѣ. Что «Русское Богатство» и «Кіевлянинъ» приходятъ къ одинаково отрицательному выводу по отношенію украинофильства, находя это движеніе не отвѣчающимъ требованіямъ времени и потому вреднымъ («Кіевлянинъ» отчасти съ полицейской точки зрѣнія, «Русское Богатство», разумѣется, безъ всякаго участія таковой), въ этомъ само по себѣ нѣтъ ничего удивительнаго. По истинѣ достойно удивленія и размышленія нѣчто другое, а именно сходство пріемовъ, какими эти два противоположные литературные полюса приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Въ «Кіевлянинѣ» ратуетъ нѣкто г. Ивановъ. Онъ еще не кончилъ своихъ размышленій и, видимо, не расположенъ кончить ихъ скоро, угрожая украинофильству «рѣшительнымъ и упорнымъ боемъ», имѣющимъ длиться до тѣхъ поръ, пока будетъ въ немъ «надобность», т.-е. до тѣхъ поръ, пока украинофильство не будетъ стерто съ лица земли. Размышленія, очевидно, затянутся не на шутку. Но такъ какъ г. Ивановъ еще прежде размышлялъ и угрожалъ на эту тему въ «Русскомъ Вѣстникѣ» старыхъ временъ (1863 г.), то мы съ теченіемъ его мыслей и чувствъ достаточно знакомы. Онъ разсуждаетъ такъ: Прогрессъ человѣчества заключается

---

[1]) Недѣля. 1881, № 25.

въ томъ, что каждая изъ политическихъ единицъ, (т.-е. государствъ), входящихъ въ составъ человѣчества, по возможности больше притягиваетъ къ себѣ элементовъ, поддающихся притяженію, и по возможности крѣпче сплачиваетъ ихъ, ассимилируя, объединяя. Чѣмъ сильнѣе и сплоченнѣе государство, тѣмъ болѣе способно оно къ выполненію разныхъ великихъ задачъ, которыя задаетъ ему судьба, провидѣніе или исторія. Ради этого объединенія, столь важнаго и необходимаго въ интересахъ человѣчества, каждая отдѣльная часть всякаго политическаго общества должна жертвовать своими особенностями; чѣмъ легче и полнѣе она разстается съ своею исключительностью, тѣмъ легче ей функціонировать въ качествѣ винта или колеса великой государственной машины. Національности, которымъ посчастливилось попасть въ число составныхъ частей государственной машины, предназначенной къ исполненію великихъ задачъ, должны разстаться съ своими особенностями; самая типическая изъ этихъ особенностей и наиболѣе мѣшающая государству—языкъ—прежде всего подлежитъ упраздненію. Единый языкъ есть самая важная и самая мощная скрѣпа государства. Только подъ сѣнью единаго языка возможно итти, мимо племенныхъ распрей и вражды, къ великимъ обще-человѣческимъ цѣлямъ, къ распространенію образованія и гуманности, къ усвоенію всѣхъ благъ, какія составляютъ общее достояніе человѣчества. Всѣ историческіе народы шли этимъ путемъ, какъ древніе, такъ и современные. Объединяя всѣ свои разноплеменныя составныя части, они создавали государства, сильныя политически и вмѣстѣ съ тѣмъ сильныя культурой и наукой, разцвѣтъ которыхъ былъ бы такъ же немыслимъ безъ объединенія, какъ и политическая сила. Русское государство, которому предстоятъ великія историческія судьбы—указываемыя ему хотя бы уже одними его размѣрами,—больше чѣмъ какое-нибудь другое обязано пещись объ усиленіи своей внутренней крѣпости и цѣлостности, которая одна гарантируетъ возможность исполненія этихъ великихъ предназначеній. Поэтому все, что идетъ внутри его въ разрѣзъ съ объединительнымъ теченіемъ, должно быть разсматриваемо, какъ прямо вредное и мѣшающее прогрессивному движенію государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчества, въ судьбахъ котораго суждено разыграть этому государству свою будущую великую роль. Украинофильство есть движеніе національное, т.-е. направленное поперекъ стремленій государственнаго механизма къ возможно большому скрѣпленію,—слѣдовательно оно вредное. Такъ размышляетъ философъ «Кіевлянина». Размышленія, какъ видитъ читатель, не ахти-какія мудрыя; но дѣло не въ томъ.

«Русское Богатство», въ лицѣ г. Алексѣева, полагаетъ такъ: Прогрессъ, съ тѣми его типическими чертами, которыя обозначились особенно рѣзко въ послѣднее время, въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятилѣтій, неизбѣжно ведетъ человѣчество къ объединенію, къ слитію въ одно цѣлое, къ уничтоженію національныхъ отличій. Это—процессъ внѣшней исторической необходимости; но онъ имѣетъ за собой и нравственное оправданіе. «Исчезновеніе національныхъ различій должно быть желательно, ибо, чѣмъ больше разницы, несходства между группами человѣчества, тѣмъ возможнѣе между ними вражда и рознь. Взаимное непониманіе, вытекающее изъ несходства въ бытѣ и правахъ, ведетъ къ враждѣ и войнѣ. Единство интересовъ, цѣлей, стремленій, привычекъ и взглядовъ—лучшая гарантія мирныхъ отношеній между людьми». Такимъ образомъ всякое національное движеніе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ процессомъ объединенія человѣчества, который не только необходимъ, но и желателенъ. Украинофильство есть движеніе, направленное къ поддержанію національныхъ отличій; слѣдовательно оно вредно.

Теоретическій выводъ одинъ и тотъ же. Практическія его приложенія различны. «Русское Богатство» великодушно предоставляетъ украинофильству забавляться своими пустыми игрушками, своими шароварами, галушками, изданіемъ газеты на непонятномъ нарѣчіи и т. под., не обращаясь ни къ какимъ мѣрамъ внѣшняго побужденія. «Кіевлянинъ», наоборотъ, не обнаруживаетъ никакого великодушія, а только одну неукоснительную строгость, грозитъ упорнымъ боемъ и даже собирается ходатайствовать о перенесеніи столицы въ Кіевъ, чтобы при помощи такого энергическаго средства окончательно сокрушить выю вредному движенію. И еще есть одна разница, свидѣтельствующая въ пользу хорошихъ чувствъ и настроеній автора статьи «Русскаго Богатства», но, къ сожалѣнію, не въ пользу его послѣдовательности. Въ то время какъ «Кіевлянинъ» преслѣдуетъ и будетъ преслѣдовать все пахнущее мѣстнымъ элементомъ, начиная отъ «кулеша съ бараньимъ бокомъ» и кончая литературой на мѣстномъ нарѣчіи, г. Алексѣевъ, въ видѣ бѣглой вставки, дѣлаетъ въ пользу украинофильства одно допущеніе, совершенно разрушающее все его построеніе. Онъ говоритъ о необходимости ввести малорусскій языкъ въ народную школу и создать народную литературу на мѣстномъ языкѣ. Но неужто г. Алексѣевъ не понимаетъ, что введеніе мѣстнаго языка въ школу и созданіе народной литературы есть самый вѣрный, или, точнѣе сказать, единственный путь къ поддержанію или даже возрожденію народности, буде бы она кло-

илась къ упадку? Онъ говоритъ совершенно послѣдовательно: «воз-
ожденіе малорусской народности вовсе ненужно», — и въ то же
ремя допускаетъ и даже требуетъ, какъ удовлетворенія «одной изъ
мыхъ важныхъ и настоятельныхъ нуждъ», такихъ условій, кото-
ыя необходимо и неизбѣжно должны возродить эту народность.
оля ваша, — а тутъ что-то нескладно... Психологическій мотивъ
акой уступки понять можно: г. Алексѣевъ называетъ себя народ-
икомъ, а народникъ, требующій вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдо-
остями» и «Кіевляниномъ» стѣсненій для народнаго языка, — оно
ѣйствительно выходитъ какъ-то неблаговидно. Но надо имѣть смѣ-
ость быть послѣдовательнымъ. Уничтоженіе лишней національности
ъ глазахъ г. Алексѣева такое благо, что ради его достиженія,
онечно, можно подвергнуть народъ нѣкоторымъ временнымъ стѣ-
іеніямъ. Да и какія же особенныя стѣсненія? Говорить по-мало-
усски, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Алексѣевъ, никогда не
апрещалось; учиться же народъ будетъ, какъ учился все послѣднее
ремя, по-русски, читать будетъ русскія книжки... Не все ли равно?
сли народъ голоденъ, если у него нѣтъ времени учиться и читать
о-русски, то не будетъ, конечно, времени учиться и читать также
по-малорусски. Надо прежде всего удовлетворить его «общечело-
ѣческимъ требованіямъ», а во главѣ всего «требованіямъ его же-
удка». «Мы идемъ по лужамъ крови, разрывая безчисленныя путы
еправды, стремясь къ идеалу, который свѣтитъ намъ изъ далекаго
удущаго, — гдѣ намъ заботиться о языкѣ!»

Вотъ естественный ходъ мыслей г. Алексѣева; очевидно, упомя-
утая уступка есть случайное увлеченіе въ сторону, рѣшительно не
яжущееся ни съ его общимъ настроеніемъ, ни съ его аргументаціей.
ѣдь если допустить, что малорусскій языкъ нуженъ для школы и
ля созданія народной литературы, то украинофильство, такое, ка-
имъ его опредѣляетъ самъ г. Алексѣевъ въ началѣ своей статьи,
.-е. движеніе, направленное главнымъ образомъ на разработку и
оддержаніе языка, вдругъ, изъ самаго этого допущенія получаетъ
мыслъ и значеніе. Разрабатывать языкъ, нужный для школы и на-
одной литературы, — какого-бъ еще, казалось, рожна требовать отъ
украинофильства! Но въ томъ-то и бѣда, что съ логикой статьи
г. Алексѣева нельзя иначе справиться, какъ подвергнувъ остракизму
то, что торчитъ въ ней ребромъ, наперекоръ всякимъ требованіямъ
послѣдовательнаго мышленія, и на первомъ планѣ самое существен-
ное — уступку, которую онъ дѣлаетъ мѣстному языку для школы и
народной литературы. Тѣмъ болѣе, что авторъ, видимо, не придавалъ

этой уступкѣ большого значенія, такъ какъ бѣгло оговорилъ ее въ нѣсколькихъ строчкахъ, не потрудившись какъ-нибудь обосновать или оправдать ее. Теперь возвратимся къ исходному пункту. Итакъ, два противоположные лагеря выдвинули противъ украинофильства двѣ сокрушающія формулы: съ одной стороны — необходимое объединеніе государства, съ другой—грядущее объединеніе человѣчества. И то и другое требуетъ сокрушенія всякаго движенія, становящагося поперекъ объединительныхъ теченій, въ томъ числѣ и украинофильства. Пусть г. Алексѣевъ не требуетъ внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ — это дѣло его личнаго великодушія. Разъ движеніе признано вреднымъ, выводъ одинъ: великодушіе или строгость въ его приложеніи «не мѣняютъ сути дѣла». Формула «Русскаго Богатства» несравненно шире и яснѣе формулы «Кіевлянина». Но мы не будемъ пока вдаваться въ ея разборъ по существу, а остановимъ вниманіе читателя на слѣдующемъ. Не находитъ ли читатель чего-то неестественнаго и возмущающаго внутреннее чувство въ самыхъ пріемахъ мышленія, которыми выводятся подобныя формулы съ ихъ послѣдствіями? Существуетъ жизненный фактъ (примѣръ—народность), фактъ, не созданный вмѣшательствомъ людской воли, людскихъ желаній и интересовъ, а выросшій въ силу такихъ же естественныхъ процессовъ, въ силу какихъ растетъ и развивается все въ природѣ. Фактъ этотъ неразрывными узами связанъ съ чувствами, ощущеніями, настроеніями,—однимъ словомъ, съ психологіей массы людей. Казалось бы, человѣку мысли не оставалось ничего иного, какъ взять этотъ естественный фактъ въ видѣ готоваго даннаго и на немъ уже дѣлать свои построенія, свои теоріи, изъ него извлекать свои выводы. Оказывается не такъ: изъ какихъ-то чуждыхъ областей выскакиваютъ кое-какъ слѣпленныя формулы—пусть даже и съ большимъ искусствомъ, артистически слѣпленныя—и подступаютъ къ указанному факту съ требованіемъ устраниться, такъ-таки совсѣмъ устраниться, ибо его существованіе мѣшаетъ съ одной стороны государственному прогрессу, съ другой человѣческому. «Устранись или устраню!» ревутъ съ одного бока; «не угодно ли вамъ положить вашу психологію подъ колесницу человѣческаго прогресса? Вы получите за это приличное вознагражденіе», мягко, но настойчиво предлагаютъ съ другого. Но, господа ревнители человѣческаго прогресса, вдумайтесь же, пожалуйста, хоть сколько-нибудь въ то, что̀ значитъ проѣхать по душамъ милліоновъ! Я не украинофилъ и для украинофильства лицо совершенно постороннее, хотя и знаю украинофильство настолько, чтобъ видѣть въ немъ кое-что и

другое, чего не видитъ авторъ статьи «Русскаго Богатства». Но не будучи ни украинцемъ, ни тѣмъ паче украинофиломъ я легко могу представить себя на мѣстѣ завзятаго украинскаго національ, когда къ нему подступитъ г. Алексѣевъ съ своей формулой человѣческаго прогресса. «Я могу бросить подъ колесницу человѣческаго прогресса мою жизнь», скажетъ такой націоналъ: «бросить подъ нее особенности моей нравственной личности будетъ уже гораздо труднѣе и даже едва ли возможно. Но бросить нравственную физіономію моей народности—это не только невозможно, но даже и нелѣпо. Я не могу представить себѣ счастья человѣчества независимо отъ счастья моего собственнаго народа; счастье же моего народа мнѣ кажется несовмѣстимымъ съ тѣмъ, что онъ будетъ ободранъ отъ всего, что составляетъ въ данную минуту его физіономію. Можетъ быть, когда-нибудь народъ самъ откажется отъ своихъ особенностей,—о, это другое дѣло! Но пока онъ ихъ имѣетъ,—мое дѣло, какъ сознательнаго представителя моей народности, охранять ихъ отъ постороннихъ и насильственныхъ на нихъ посягательствъ». Пусть дѣло идетъ не объ украинской народности, не о полутора десяткахъ милліоновъ, которые имѣли свою исторію, еще живущую въ народномъ сознаніи, которые проявили въ разныхъ сторонахъ своей культуры извѣстный запасъ замѣтной творческой силы, которые, слѣдовательно, имѣютъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на то, что и ихъ «особенное» можетъ что-нибудь значить для человѣчества. Пусть дѣло идетъ о какой-нибудь горсточкѣ инородцевъ, положимъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ самоѣдовъ, жалкаго, скудно-одареннаго племени, съ поразительно-низкой культурой. Повидимому, человѣчеству ждать отъ него нечего: для прогресса человѣчества его существованіе совершенно безразлично; мало того, его вымираніе, даже независимо отъ соображеній о грядущемъ объединеніи человѣчества, выгодно: болѣе высоко одаренному русскому племени будетъ просторнѣй. Ему неминуемо грозитъ или вымираніе, или, въ лучшемъ случаѣ, раствореніе въ русскомъ племени. Но допустимъ, что изъ среды несчастнаго племени, стеченіемъ какихъ-нибудь благопріятныхъ условій, выдвигается нѣсколько человѣкъ, которымъ посчастливилось расширить свой кругозоръ и не утратить вмѣстѣ съ тѣмъ привязанности къ своему родному. Эти нѣсколько человѣкъ любятъ тундру, свое жалкое племя, его скудный языкъ, его убогую зародышевую поэзію; они хотятъ посвятить свою жизнь счастью своего племени. Что имъ дѣлать? Есть одинъ путь: это помогать тому процессу, который превращаетъ простодушнаго, до-

вѣрчиваго самоѣда въ плутоватаго русскаго мезенца — какъ-то оно всегда такъ выходитъ, что, при потерѣ національныхъ, какъ и всякихъ другихъ устоевъ, выплываетъ на первый разъ наверхъ всякая дрянь—а черезъ него уже, дастъ Богъ, полегоньку да помаленьку и въ высшій культурный типъ. Но имъ глубоко претитъ этотъ путь, возмущаетъ ихъ интимнѣйшія внутреннія чувства. Правда, родной ихъ языкъ скуденъ,—но развѣ онъ не можетъ развиться? Правда, міросозерцаніе ихъ родного племени страшно узко,—но развѣ оно не можетъ расшириться? Не было ли момента въ исторіи человѣчества, когда оно обладало еще меньшимъ умственнымъ запасомъ, чѣмъ самоѣды? и вотъ, движимые любовью къ своему родному племени и гордой мечтой, что, можетъ быть, и оно когда-нибудь на равныхъ правахъ займетъ свое мѣсто въ ряду прочихъ человѣческихъ племенъ, люди эти начинаютъ работать надъ самоѣдской азбукой, самоѣдской грамотностью, самоѣдской школой. Пусть люди ошибаются, увлекаются своимъ пристрастіемъ къ родному; пусть самоѣдское племя такъ обижено природой, что оно никогда ничего не сдѣлаетъ для человѣческаго прогресса, никогда не займетъ равнаго съ другими мѣста, всегда будетъ только плестись по чужимъ пятамъ. Осудимъ ли мы этихъ людей? Назовемъ ли ихъ врагами человѣчества за то, что они своею дѣятельностью поддержали лишнюю національную клѣточку, которая бы иначе стерлась, и къ тому-же клѣточку для человѣчества совсѣмъ безполезную, ничего своего не внесшую въ общечеловѣческое? [1]). Г. Алексѣевъ долженъ ихъ осудить, и жестоко, а мы отказываемся, и вотъ изъ какого соображенія. Мы слишкомъ мало понимаемъ въ теоріи соціальнаго садоводства, чтобы имѣть право утверждать, что надо срѣзать такой-то или такой-то жизненный ростокъ для того, чтобы онъ не отнималъ силы у главнаго побѣга. Слишкомъ мало знаемъ, а приговоръ надъ жизнью можно произносить только запасшись большой увѣренностью въ его непогрѣшимости; увѣренность же можетъ быть дана лишь

---

[1]) Въ сущности, къ такому же обособленію клонилась и дѣятельность первыхъ христіанскихъ просвѣтителей нашихъ финскихъ народцевъ, просвѣтителей, которые переводили евангеліе и другія священныя книги на мѣстные языки. Въ числѣ ихъ находится и просвѣтитель самоѣдовъ, архимандритъ Веніаминъ, который крестилъ самоѣдовъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія и перевелъ св. писаніе на самоѣдскій языкъ (жители г. Архангельска до сихъ поръ могутъ слышать за пасхальной заутреней чтеніе первой главы отъ Іоанна на самоѣдскомъ языкѣ). Осудимъ ли мы ихъ дѣятельность съ нравственной и культурной точки зрѣнія? Не слѣдуетъ ли скорѣе пожалѣть, что государственный прогрессъ разрушилъ результаты ихъ по-истинѣ христіанской и высоко-гуманной дѣятельности?

твердымъ, отчетливымъ, полнымъ знаніемъ. Оставимъ же до поры до времени эти приговоры, эти абстрактныя формулы, подкашивающія жизненные ростки; оставимъ до той поры, до того времени, когда явится увѣренность, основанная на положительныхъ научныхъ данныхъ, если она можетъ когда-нибудь явиться. Пока же будемъ охранять жизнь. Для каждаго изъ насъ и для всѣхъ насъ вмѣстѣ слишкомъ достаточно дѣла въ борьбѣ съ темными, глушащими жизнь силами, такого дѣла, которое можно дѣлать съ полною увѣренностью въ его несомнѣнности, которое вытекаетъ не изъ шаткой формулы, а изъ воплей придушаемой жизни. Я не ищу ключа къ умонастроенію философовъ «Кіевлянина»: это неблагодарное и неинтересное занятіе. Но умонастроеніе г. Алексѣева — другое дѣло. Намъ кажется, что мы нашли въ его статьѣ ключъ, при посредствѣ котораго открываются секреты его логическихъ построеній. Г. Алексѣевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Украинофилы создаютъ себѣ изъ отвлеченнаго понятія народности идола, коему поклоняются. За этимъ идоломъ забывается человѣкъ. Реальна только человѣческая личность, а народность, государство, сословіе—только отвлеченныя понятія, постольку лишь имѣющія право на наше вниманіе, поскольку они выражаютъ собой чувства и стремленія личностей. Внѣ сознающаго ее большинства, народность — миѳъ, фантомъ, пустое слово, явленіе имѣющее цѣну, какъ этнографическій фактъ и только». Мы не можемъ понять съ полной отчетливостью той мысли, какую заключаетъ въ себѣ вышеприведенная тирада; но, кажется, ее можно формулировать такъ: личность, и только она одна, должна служить точкой отправленія для всѣхъ нашихъ общественныхъ построеній; народность, государство, сословіе иногда становятся вмѣсто личности на неподлежащее имъ центральное мѣсто, и въ этомъ источникъ разнообразныхъ человѣческихъ заблужденій въ сферѣ общественной мысли, въ томъ числѣ и украинофильства. «Народность, государство, сословіе» (и человѣчество — прибавимъ мы отъ себя, такъ какъ человѣчество г. Алексѣева—его «великій фетишъ»), совсѣмъ не то, что личность. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: умышленно или неумышленно, но допущена большая логическая ошибка, когда смѣшаны въ одно такія разнородныя понятія, какъ государство и сословіе, съ одной стороны, народность — съ другой. Государство и сословіе—соціальныя организаціи, результаты общественнаго процесса, относящіеся къ личности внѣшнимъ образомъ, т.-е. регулирующіе ея отношенія къ внѣшнему міру и лишь непрямымъ способомъ отражающіеся на ея психологіи. Народность—естествен-

вѣрчиваго самоѣда въ плутоватаго русскаго мезенца — какъ-то оно всегда такъ выходитъ, что, при потерѣ національныхъ, какъ и всякихъ другихъ устоевъ, выплываетъ на первый разъ наверхъ всякая дрянь—а черезъ него уже, дастъ Богъ, полегоньку да помаленьку и въ высшій культурный типъ. Но имъ глубоко претитъ этотъ путь, возмущаетъ ихъ интимнѣйшія внутреннія чувства. Правда, родной ихъ языкъ скуденъ,—но развѣ онъ не можетъ развиться? Правда, міросозерцаніе ихъ родного племени страшно узко,—но развѣ оно не можетъ расшириться? Не было ли момента въ исторіи человѣчества, когда оно обладало еще меньшимъ умственнымъ запасомъ, чѣмъ самоѣды? и вотъ, движимые любовью къ своему родному племени и гордой мечтой, что, можетъ быть, и оно когда-нибудь на равныхъ правахъ займетъ свое мѣсто въ ряду прочихъ человѣческихъ племенъ, люди эти начинаютъ работать надъ самоѣдской азбукой, самоѣдской грамотностью, самоѣдской школой. Пусть люди ошибаются, увлекаются своимъ пристрастіемъ къ родному; пусть самоѣдское племя такъ обижено природой, что оно никогда ничего не сдѣлаетъ для человѣческаго прогресса, никогда не займетъ равнаго съ другими мѣста, всегда будетъ только плестись по чужимъ пятамъ. Осудимъ ли мы этихъ людей? Назовемъ ли ихъ врагами человѣчества за то, что они своею дѣятельностью поддержали лишнюю національную клѣточку, которая бы иначе стерлась, и къ тому-же клѣточку для человѣчества совсѣмъ безполезную, ничего своего не внесшую въ общечеловѣческое? [1]). Г. Алексѣевъ долженъ ихъ осудить, и жестоко, а мы отказываемся, и вотъ изъ какого соображенія. Мы слишкомъ мало понимаемъ въ теоріи соціальнаго садоводства, чтобы имѣть право утверждать, что надо срѣзать такой-то или такой-то жизненный ростокъ для того, чтобы онъ не отнималъ силы у главнаго побѣга. Слишкомъ мало знаемъ, а приговоръ надъ жизнью можно произносить только запасшись большой увѣренностью въ его непогрѣшимости; увѣренность же можетъ быть дана лишь

---

[1]) Въ сущности, къ такому же обособленію клонилась и дѣятельность первыхъ христіанскихъ просвѣтителей нашихъ финскихъ народцевъ, просвѣтителей, которые переводили евангеліе и другія священныя книги на мѣстные языки. Въ числѣ ихъ находится и просвѣтитель самоѣдовъ, архимандритъ Веніаминъ, который крестилъ самоѣдовъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія и перевелъ св. писаніе на самоѣдскій языкъ (жители г. Архангельска до сихъ поръ могутъ слышать за пасхальной заутреней чтеніе первой главы отъ Іоанна на самоѣдскомъ языкѣ). Осудимъ ли мы ихъ дѣятельность съ нравственной и культурной точки зрѣнія? Не слѣдуетъ ли скорѣе пожалѣть, что государственный прогрессъ разрушилъ результаты ихъ по-истинѣ христіанской и высоко-гуманной дѣятельности?

твердымъ, отчетливымъ, полнымъ знаніемъ. Оставимъ же до поры до времени эти приговоры, эти абстрактныя формулы, подкашивающія жизненные ростки; оставимъ до той поры, до того времени, когда явится увѣренность, основанная на положительныхъ научныхъ данныхъ, если она можетъ когда-нибудь явиться. Пока же будемъ охранять жизнь. Для каждаго изъ насъ и для всѣхъ насъ вмѣстѣ слишкомъ достаточно дѣла въ борьбѣ съ темными, глушащими жизнь силами, такого дѣла, которое можно дѣлать съ полною увѣренностью въ его несомнѣнности, которое вытекаетъ не изъ шаткой формулы, а изъ воплей придушаемой жизни. Я не ищу ключа къ умонастроенію философовъ «Кіевлянина»: это неблагодарное и неинтересное занятіе. Но умонастроеніе г. Алексѣева — другое дѣло. Намъ кажется, что мы нашли въ его статьѣ ключъ, при посредствѣ котораго открываются секреты его логическихъ построеній. Г. Алексѣевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Украинофилы создаютъ себѣ изъ отвлеченнаго понятія народности идола, коему поклоняются. За этимъ идоломъ забывается человѣкъ. Реальна только человѣческая личность, а народность, государство, сословіе—только отвлеченныя понятія, постольку лишь имѣющія право на наше вниманіе, поскольку они выражаютъ собой чувства и стремленія личностей. Внѣ сознающаго ее большинства, народность — миѳъ, фантомъ, пустое слово, явленіе имѣющее цѣну, какъ этнографическій фактъ и только». Мы не можемъ понять съ полной отчетливостью той мысли, какую заключаетъ въ себѣ вышеприведенная тирада; но, кажется, ее можно формулировать такъ: личность, и только она одна, должна служить точкой отправленія для всѣхъ нашихъ общественныхъ построеній; народность, государство, сословіе иногда становятся вмѣсто личности на неподлежащее имъ центральное мѣсто, и въ этомъ источникъ разнообразныхъ человѣческихъ заблужденій въ сферѣ общественной мысли, въ томъ числѣ и украинофильства. «Народность, государство, сословіе» (и человѣчество — прибавимъ мы отъ себя, такъ какъ человѣчество г. Алексѣева—его «великій фетишъ»), совсѣмъ не то, что личность. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: умышленно или неумышленно, но допущена большая логическая ошибка, когда смѣшаны въ одно такія разнородныя понятія, какъ государство и сословіе, съ одной стороны, народность — съ другой. Государство и сословіе—соціальныя организаціи, результаты общественнаго процесса, относящіеся къ личности внѣшнимъ образомъ, т.-е. регулирующіе ея отношенія къ внѣшнему міру и лишь непрямымъ способомъ отражающіеся на ея психологіи. Народность—естествен-

ный фактъ, который тѣснѣйшимъ и непосредственнѣйшимъ образомъ связанъ съ психикой личности. Личность можетъ противопоставлять себя той соціальной организаціи, въ которую она заключена; можетъ относиться къ ней критически, можетъ работать надъ пересозданіемъ или разрушеніемъ ея. Но личность не можетъ противополагать себя своей народности. Все, что связываетъ ее съ ея народностью, она носитъ въ себѣ: языкъ, который глубокимъ образомъ связанъ съ мыслительными процессами, всѣ особенности въ ощущеніяхъ, настроеніяхъ, чувствахъ, вытекающія изъ тонкихъ различій въ физическомъ устройствѣ, обусловливающихъ разнообразіе физическихъ національныхъ типовъ, наконецъ наслѣдственный запасъ переработанныхъ впечатлѣній, ложащихся въ основу міросозерцанія того или иного народа — запасъ, отъ тяготѣнія котораго не высвободитъ личность никакая культура. Общечеловѣческое преломляется въ средѣ личности непремѣнно и неизбѣжно подъ угломъ зрѣнія національнаго. Все это, конечно, такія элементарныя вещи, что какъ-то неловко даже и говорить о нихъ; но что же дѣлать, когда онѣ, бываетъ, забываются такимъ неожиданнымъ и страннымъ способомъ. Г. Алексѣевъ увѣряетъ, что человѣчество стремится къ объединенію, къ уничтоженію національныхъ различій. Охотно желали бы вѣрить; но, къ сожалѣнію, доказательства его тезиса слабы такъ, что изъ рукъ вонъ.

Чѣмъ докажете вы, что теперешній нѣмецъ ближе теперешнему русскому, чѣмъ они были другъ другу десять вѣковъ тому назадъ? А антитезисъ имѣетъ за собой вѣское доказательство; вѣдь нѣмецъ и русскій десять вѣковъ тому назадъ были ближе къ тому несомнѣнно общему стволу, отъ котораго они когда-то отдѣлились. Право жаль, что г. Алексѣевъ тратитъ свое остроуміе на такой эффектный, но пустой фейерверкъ безплодныхъ воздушныхъ построеній; въ этой области онъ, да пожалуй и никто другой, не можетъ пока ничего доказать на прочномъ основаніи, а потому долженъ пускаться на логическіе фокусы, болѣе или менѣе сомнительнаго достоинства. Г. Алексѣевъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, еслибъ познакомился самъ поближе съ украинофильствомъ и познакомилъ бы съ нимъ читателей «Русскаго Богатства»: для великороссовъ это было бы далеко не безполезно, такъ какъ у нихъ существуютъ насчетъ этого движенія лишь крайне недостаточныя и даже совсѣмъ фальшивыя представленія. То немногое, что писалось объ украинофильствѣ въ послѣднее время, имѣло характеръ больше полемическій, чѣмъ уясняющій. А что писалось двадцать лѣтъ тому назадъ

(извѣстно, что въ теченіе двадцати лѣтъ самое слово «украинофильство» было изгнано изъ литературнаго обращенія, и лишь «Московскія Вѣдомости» на особомъ льготномъ основаніи могли имъ пользоваться) кто же помнитъ, что писалось двадцать лѣтъ тому назадъ? И времена тогда были другія—украинское движеніе не имѣло шансовъ обратить на себя общее вниманіе. Теперь дѣло иное. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ вдаваться въ пространныя разсужденія насчетъ украинофильства. Но мы все-таки сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ читатель усмотритъ, что не всякій посторонній наблюдатель украинофильства приходитъ къ такимъ же отрицательнымъ выводамъ относительно этого явленія, какъ г. Алексѣевъ. Допустимъ, что украинофильство есть именно такое движеніе, какимъ изображаетъ его, нѣсколько юмористически, авторъ статьи «Русскаго Богатства», т.-е. движеніе узко и исключительно національное. Но, представляя его такимъ, можно ли, должно ли забыть то, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда было протестомъ жизни противъ излишней государственной регламентаціи, протестомъ мѣстной и областной самобытности противъ мертвящей и обезличивающей централизаціи? Въ этомъ смыслѣ оно стоитъ на ряду или, точнѣе, во главѣ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя время отъ времени появлялись въ различныхъ русскихъ областныхъ районахъ. Эти культурныя движенія вообще были крайне слабы, руководились болѣе смутными инстинктами, чѣмъ яснымъ сознаніемъ, идеей или принципомъ, и подъ натискомъ административнаго давленія расплывались безъ всякой борьбы, хотя и нельзя сказать, чтобы безслѣдно. Украинское движеніе, несомнѣнно, самое интенсивное изъ этихъ культурныхъ движеній. Оно и понятно: движеніе это имѣло свои корни въ самобытномъ культурномъ прошломъ украинскаго народа и, развиваясь изъ готоваго корня, было въ силу этого несравненно устойчивѣе другихъ аналогичныхъ ему областныхъ движеній. — Но есть и другая причина его большей устойчивости, и на нашъ взглядъ—еще болѣе важная. Движеніе это, будучи въ извѣстномъ смыслѣ національнымъ, всегда было—и не могло не быть—въ то же время и народническимъ,—если употребить этотъ терминъ, которому, кажется, грозитъ судьба быть избитымъ и истрепаннымъ до невозможности, прежде чѣмъ онъ удостоится точнаго опредѣленія, котораго вполнѣ заслуживаетъ. Украинское движеніе, будучи въ источникѣ своемъ національно-культурнымъ (отнюдь не національно-политическимъ, какъ ни навязываютъ ему эту окраску наши охранители), въ то же время выдѣляется изъ

ряда національныхъ движеній. Извѣстно, что высшій классъ малорусскаго народа цѣликомъ перенялъ чужую культуру: польскую въ юго-западномъ краѣ, великорусскую или просто русскую въ Малороссіи собственно. Отсюда и неизбѣжно, стремленіе къ національному, проявившееся въ малорусской привилегированной средѣ, становилось стремленіемъ къ народному. Правда, это обстоятельство само по себѣ еще не обязывало барина вмѣстѣ со свиткой и шароварами брать на себя и обязанности стража народныхъ интересовъ. Вначалѣ оно такъ и было: народный костюмъ былъ самъ по себѣ, а народные интересы тоже сами по себѣ. Но логика вещей неотвратимо направляла движеніе къ его собственному руслу. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ украинофильство было больше народническимъ, чѣмъ чисто національнымъ, если судить по литературному его представителю. «Основа» — единственный украинофильскій журналъ—представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ замѣчательный образчикъ литературнаго органа, очень выдержанно и послѣдовательно исполнявшаго свою задачу—служить народу, его интересамъ, дѣлу его изученія. Правда, съ теперешней точки зрѣнія, онъ понималъ свою задачу односторонне, не устанавливалъ отчетливой перспективы въ отдѣленіи болѣе важнаго отъ менѣе важнаго — вообще страдалъ отсутствіемъ строго-теоретической подкладки. Тѣмъ не менѣе можно сказать, не опасаясь обвиненія въ натяжкѣ, что въ русской литературѣ не бывало органа болѣе народнически задуманнаго и выполненнаго. Дальнѣйшая литературная дѣятельность украинофильства, направленная главнымъ, чуть не исключительнымъ образомъ на изученіе народа и созданіе народной литературы, цѣликомъ подтверждаетъ сказанное нами. Если и были литературныя и другія уклоненія того узко-національнаго характера, на которыя указываетъ авторъ статьи «Русскаго Богатства», то они являются именно только частными уклоненіями отъ главнаго теченія, да и то уклоненіями, вызванными по преимуществу тѣми внѣшними условіями, о которыхъ, конечно, знаетъ г. Алексѣевъ. Теперешнее украинское народничество страдаетъ отсутствіемъ теоріи. Но такъ какъ свѣжая русская мысль упорно вращается около теоретической выработки народническаго міросозерцанія, то и украинское народничество не можетъ дольше оставаться на своемъ старомъ положеніи естественной непосредственности. Оно должно быть разработано и уяснено критической мыслью и будетъ. Тогда для украинофильства начнется новый, болѣе свѣтлый фазисъ существованія—разумѣется, если измѣнятся хоть нѣсколько внѣшнія условія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

СИЛЫ ПРОВИНЦІИ [1]).

В. Б. Антоновичъ.

По поводу М. Антоновича, бывшаго критика «Слова», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» было какъ-то сказано, что у него есть какой-то никому почти неизвѣстный однофамилецъ», т.-е. кіевскій профессоръ В. Б. Антоновичъ. «Недѣля» упрекнула тогда «Биржевыя Вѣдомости» въ невѣжествѣ, замѣтивъ совершенно вѣрно, что В. Б. Антоновичъ извѣстенъ даже въ Европѣ и о немъ даютъ отзывы такія изданія, какъ французское «Revue politique et litteraire» и итальянское «Revista europea». И все-таки едва ли было справедливо упрекать «Биржевыя Вѣдомости» въ невѣжествѣ собственно за В. Б. Антоновича, такъ какъ въ данномъ случаѣ грѣхъ невѣжества раздѣляетъ съ «Биржевыми Вѣдомостями» едва ли не вся великорусская интеллигенція. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ встрѣтите вы отзывы о замѣчательныхъ трудахъ кіевскаго профессора или о его не менѣе замѣчательной личности (собственно въ смыслѣ общественной личности)? Нигдѣ. Его знаютъ развѣ одни спеціалисты—историки, археологи, этнографы. А между тѣмъ г. Антоновичъ долженъ быть для интеллигенціи нашей интересенъ никакъ не меньше, чѣмъ для спеціалистовъ. И если мы до сихъ поръ какъ то не замѣтили его, то главнымъ образомъ потому, что г. Антоновичъ — дѣятель чисто мѣстнаго, провинціальнаго типа; мы же порядкомъ-таки заражены первороднымъ русскимъ грѣхомъ, привитымъ нашей централистической исторіей, который мѣшаетъ намъ, даже на зло теоретическимъ воззрѣніямъ, видѣть и цѣнить какъ слѣдуетъ проявленія мѣстной жизни. Да,—даже на зло нашимъ собственнымъ теорети-

---

[1]) Недѣля. 1878, № 20—21.

ческимъ воззрѣніямъ; и это самое печальное. Кто изъ насъ не говоритъ о необходимости изученія народа, о важности знакомства съ провинціей, ея интересами и нуждами и т. под.? Это говорится при всякомъ удобномъ случаѣ; а дѣлается? А дѣлается то, что литература наша слишкомъ часто съ пренебреженіемъ проходитъ мимо не бьющихъ въ глаза фактовъ нашей провинціальной жизни, мимо ея скромныхъ дѣятелей, удостоивая небрежно подобрать одно, такъ же небрежно оттолкнуть другое, руководствуясь въ выборѣ если не капризомъ или прихотью, то все-таки совершенно призрачными представленіями объ относительной важности того или другого факта,—призрачными, такъ какъ они основываются не на настоящемъ пониманіи сущности явленія, а на теоретическомъ построеніи, не имѣющемъ съ даннымъ явленіемъ ничего общаго. А результатъ? Результатъ оказывается о двухъ концахъ—одинъ бьетъ по столичной печати, другой—по провинціальной жизни. Мы сплошь и рядомъ, сидя въ провинціи, любуемся на то, какъ гибнетъ хорошая мысль, доброе начинаніе, честный дѣятель въ непосильной борьбѣ съ враждебными элементами, сознавая хорошо, что поддержка вò-время со стороны гласнаго общественнаго мнѣнія, со стороны печати, могла бы спасти,—о, конечно, далеко не всегда—и мысль, и начинаніе, и честнаго дѣятеля. Сокращается сумма жизни въ провинціи, опускаются руки у ея и безъ того немногочисленныхъ борцовъ, не находящихъ сочувствія и опоры даже тамъ, гдѣ они имѣютъ полное и законное право разсчитывать. Но развѣ ненормальность такого положенія вещей не отзывается и на литературѣ? развѣ она не чувствуетъ болѣе или менѣе бремени своей безцѣльности и непригодности? развѣ она не сознаетъ, что слишкомъ часто «писатель пишетъ для того, чтобъ писать, читатель читаетъ для того, чтобы читать»,—что читаніе и писаніе лишены органической связи, жизненной необходимости? Да, литература это слишкомъ хорошо чувствуетъ. Однако, что же тутъ дѣлать и какъ помочь? Конечно, это дѣло нелегкое,—больше того, дѣло крайне трудное, зависящее отъ многихъ причинъ, и иныя не въ нашихъ силахъ устранить, напр. главнѣйшую—отсутствіе провинціальной печати, которая естественно должна служить въ будущемъ связующимъ звеномъ между провинціальной жизнью и столичной печатью. Но надо дѣлать, что можно при наличныхъ условіяхъ. Самое существенное — надо, чтобъ столичная печать перестала себя чувствовать исключительно столичной, центральной, обязанной заниматься лишь общимъ, всероссійскимъ, европейскимъ, общечеловѣческимъ. Это, неоспоримо, ея роль, но роль

не настоящаго, когда мы не имѣемъ провинціальной, почвенной печати, а роль будущаго, когда у насъ явится такая печать. Пока же столичная печать въ той мѣрѣ можетъ быть жизненной, въ какой ей возможно сдѣлаться въ то же время и провинціальной, — провинціальной по духу. Она должна сдѣлать мелкіе, будничные, такъ сказать, интересы провинціальной жизни своими интересами, не пренебрегая проявленіями мѣстной жизни вслѣдствіе ихъ относительной невзрачности, обыденности. Мы ничуть не скрываемъ отъ себя, какое множество практическихъ затрудненій встрѣтится при осуществленіи этого; но дѣло въ томъ, что нельзя иначе, что нѣтъ другого выхода, что пока печать иначе не можетъ связать себя съ жизнью. Конечно, одинъ органъ не можетъ сдѣлаться провинціальнымъ представителемъ всей Россіи; но онъ можетъ свободно—помимо своей прежней роли центральнаго органа—сдѣлаться представителемъ интересовъ извѣстной области, и такимъ образомъ вся провинціальная Россія могла бы по частямъ имѣть своихъ представителей въ столичной печати. Мы увѣрены, что эта мысль покажется странной, можетъ-быть, нелѣпой большинству писателей исключительно столичныхъ; но еслибъ они могли взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія провинціи, они, конечно, также отчетливо увидѣли бы, что иначе *нельзя*, а въ этомъ вся суть дѣла: развитіе жизни въ провинціи значительно задерживается тѣмъ, что ея жизненные, т.-е. повседневные интересы не находятъ своего представительства въ печати. А ужъ если Франція не могла жить Парижемъ, то Россія и подавно не можетъ жить Петербургомъ. Значитъ, нѣтъ выхода, кромѣ одного, неудобнаго, неестественнаго, но при настоящемъ положеніи вещей неизбѣжнаго—создавать провинціальную печать въ столицѣ. А пока пусть столичная печать относится съ возможно большимъ вниманіемъ къ фактамъ провинціальной жизни, а главное,—главное,—къ ея дѣятелямъ. Трудно представить себѣ, сколько коренного, непоправимаго зла происходитъ отъ того, что нѣтъ возможности поставить подъ защиту печати, гласнаго общественнаго мнѣнія, того или другого NN, который въ томъ или другомъ захолустьи дѣлаетъ то или другое хорошее дѣло. «Кому интересенъ этотъ NN съ его захолустьемъ», скажетъ всякій столичный органъ. А, между тѣмъ, появись въ свое время извѣщеніе, положимъ, о школѣ для взрослыхъ, которую устроилъ NN въ своемъ селѣ, съ приличными разъясненіями дѣла,—и сосѣдъ не съ такою легкостью сдѣлаетъ доносъ или доношеніе, что NN свилъ въ своемъ селѣ гнѣздо революціонной пропаганды, и если сдѣлаетъ, то результаты доношенія явятся да-

леко не въ такомъ безыскусственномъ и безцеремонномъ видѣ, въ какомъ они большею частью являются. Разъ знаетъ общество о дѣятельности человѣка, онъ ужъ не одинъ, и не беззащитенъ— это чувствуетъ онъ самъ, а главное—чувствуютъ тѣ, кому надлежитъ чувствовать. Печать – сила; конечно, не такая сила, какою она можетъ и должна быть, но все-таки сила, и ей не слѣдуетъ этого забывать. Пусть же каждый, у кого есть охота взяться за какое-нибудь стоющее дѣло, будетъ увѣренъ, что онъ встрѣтитъ, въ случаѣ надобности, хоть защиту и поддержку. А надобность будетъ непремѣнно: кто знаетъ условія нашей провинціальной жизни, тотъ знаетъ также, что у насъ каждый человѣкъ, выдвигающійся на полъ-шага изъ толпы, тотчасъ же дѣлается предметомъ общаго подозрительнаго вниманія и всякихъ благонамѣренныхъ экспериментовъ, хоть будь онъ самъ чистъ отъ подозрѣній, какъ ангелъ, хоть будь его дѣло легально, какъ сама легальность,—довольно, что онъ выдвигается. Поэтому намъ кажется, что ни чѣмъ столичная печать не можетъ быть такъ полезна провинціи, какъ тѣмъ, если будетъ выдвигать на видъ личности провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей, заявляющихъ себя на поприщѣ общественнаго самоуправленія, научной дѣятельности, частной инціативы въ томъ или другомъ хорошемъ дѣлѣ,—какъ можно меньше стѣсняясь необходимо-скромными размѣрами ихъ дѣятельности, ихъ яко бы неинтересностью для столицы, для Россіи. До сихъ поръ по отношенію къ личностямъ провинціальныхъ дѣятелей столичная печать держалась какъ-разъ противоположнаго. Обходились ею не только болѣе заурядныя личности провинціальныхъ дѣятелей, но даже такія рѣзко выдающіяся явленія, какъ г. Антоновичъ, значеніе котораго далеко не ограничивается однимъ какимъ-либо городомъ или уѣздомъ, — даже такія явленія оставлялись безъ вниманія. И невольно бросается въ глаза и рѣжетъ ихъ параллель. Вотъ г. Антоновичъ, петербургскій писатель, участвовалъ когда-то въ «Современникѣ»—неособенно много и неособенно долго,—писалъ, положимъ, не безъ ума и таланта, затѣмъ совершенно удалился отъ литературы и, сколько извѣстно, отъ всякой общественной дѣятельности. Однако тотъ фактъ, что онъ участвовалъ когда-то въ «Современникѣ», дѣлаетъ изъ него извѣстность и даетъ ему право принимать позу, изъ которой усматривается, что на него обращены, такъ сказать, всероссійскія очи. Другой г. Антоновичъ обнаружилъ ужъ никакъ не меньше ума, таланта и трудолюбія на поприщѣ научной дѣятельности, обогативъ русскую литературу цѣнными историческими изслѣдованіями, а главное—былъ

въ свое время представителемъ и борцомъ извѣстной и очень важной общественной идеи, что далеко не обошлось ему даромъ; но онъ до сихъ поръ «никому почти неизвѣстенъ» лишь потому, что работаетъ не въ столицѣ. Конечно, онъ не нуждается въ рекламахъ, и придетъ несомнѣнно время, когда и его личность и его труды найдутъ себѣ должную оцѣнку и въ русскомъ обществѣ; но все-таки просто со стороны какъ-то прискорбно видѣть такую несправедливость, тѣмъ болѣе, что это не случай или исключеніе, а общее явленіе, имѣющее и свои общія причины. Однако же намъ пора обратиться къ предмету настоящей статьи—г. Антоновичу. Но мы еще не будемъ имѣть возможности сразу перейти къ нему, а должны будемъ начать нѣсколько или даже очень издали. Дѣло въ томъ, что г. Антоновичъ—мѣстный, почвенный дѣятель, и потому, чтобъ дать о немъ настоящее понятіе, необходимо прежде сдѣлать очеркъ той среды, которая его выдвинула, тѣхъ мѣстныхъ условій, которыми опредѣлялась и опредѣляется его дѣятельность. И именно тотъ фактъ, что дѣятельность лишается значенія и смысла безъ предварительнаго знакомства съ почвой, которою она обусловливается, еще даетъ одинъ лишній доводъ въ пользу того мнѣнія, какъ необходимо намъ знакомство съ такими дѣятелями: ихъ дѣятельность можетъ служить намъ указаніемъ на тѣ реальные идеалы, которые прописываются жизнью, а не навязываются ей извнѣ.

Всякій знаетъ, что губерніи Кіевская, Волынская и Подольская носятъ названіе юго-западнаго края и находятся въ особыхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе къ нимъ исключительныхъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. Но едва ли будетъ лишнимъ для читателей, если мы хоть коротко сообщимъ имъ, въ чемъ заключается суть особенностей этихъ мѣстныхъ условій. Трудно представить себѣ что-либо болѣе ненормальное, чѣмъ соціальный строй юго-западнаго края, созданный его бурной исторіей. Низшій слой населенія—русское православное крестьянство—чистѣйшаго малорусскаго типа (всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ юго-западномъ краѣ 3.070.000) съ небольшой примѣсью окатоличенныхъ малороссовъ, чиншевиковъ-католиковъ («ходачковой» шляхты), болѣе приближающихся по языку и правамъ къ малорусскому крестьянину, чѣмъ къ поляку, и польскихъ крестьянъ, выселенцевъ изъ Мазовіи. Высшій слой населенія—польское дворянство (дворянство русское хоть и не мало по

числу, но не очень значительно по количеству земельнаго владѣнія — ему принадлежитъ лишь $^1/_5$ дворянскихъ земель). Счетомъ его, т.-е. польскаго дворянства, относительно, конечно, немного, всего 67,000 чел., но ему принадлежитъ около половины всѣхъ земель и до 30 милліоновъ изъ ежегоднаго дохода этого богатаго края, по расчету г. Чубинскаго (Труды этногр.-статистической экспедиціи, снаряженной Имп. русск. геогр. обществомъ.—Юго-западный отдѣлъ, томъ 7, вып. I, стр. 291), что составитъ на каждаго помѣщика годового дохода около 5,000 рублей. Экономическое положеніе, какъ видите, весьма и весьма завидное. Теперь представьте себѣ картину соціальнаго строя юго-западнаго края.

Русское крестьянство и польское дворянство — двѣ главнѣйшія общественныя группы — совершенно обособлены одна отъ другой, такъ обособлены, какъ только можетъ быть одна часть человѣческаго общества обособлена отъ другой. Уже не сословное и экономическое положеніе только раздѣляетъ ихъ, а культура, національность со всѣми ея аттрибутами, религія. Одна группа живетъ, говоритъ и молится по-пански, другая — по-хлопски; сословная рознь слилась въ одно неразрывное цѣлое съ рознью національной и религіозной. И не рознь и отчужденіе только существуетъ между этими двумя группами, а взаимное презрѣніе и ненависть, которая создалась и питалась постоянно исторіей. Народъ еще лучше культурныхъ классовъ помнитъ свою исторію, такъ какъ помнитъ ее не одной головой, а, такъ сказать, всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. Самый хорошій полякъ для него есть все-таки нѣчто такое, къ чему онъ относится съ презрительнымъ снисхожденіемъ: «добрый ляшишко»; а въ худшихъ случаяхъ... мы знаемъ, что еще въ 1863 г. только страхъ передъ правительственною властью помѣшалъ крестьянству вырѣзать поляковъ по старымъ, но еще далеко не забытымъ примѣрамъ. И панъ платитъ хлопу той же монетой. У него, какъ у человѣка хоть сколько-нибудь помазаннаго культурой, можетъ быть слабѣе инстинктивная сторона религіозно-національно-сословной ненависти, но можетъ ли онъ забыть, что хлопъ есть свинцовая гиря, которую ему навязала исторія на ноги, — гиря, которая неодолимо тянетъ его въ сторону, противоположную той, куда его влекутъ всѣ его задушевныя симпатіи и идеалы. Такъ стоятъ одно по отношенію къ другому крестьянство и дворянство юго-западнаго края. Чтобъ ихъ обоюдное отчужденіе было еще полнѣе, всѣ мыслимыя экономическія столкновенія и сближенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ взяло на себя еврейство, вѣчный экономическій посредникъ

и эксплуататоръ обѣихъ сторонъ. Итакъ, положеніе края въ высшей степени ненормально и печально. Съ кѣмъ встрѣчается крестьянинъ? Съ ненавистнымъ польскимъ паномъ, съ чиновникомъ-обрусителемъ, который часто смотритъ на крестьянина съ такимъ же недовѣріемъ и презрѣніемъ, какъ и польскій помѣщикъ, и всегда относится къ нему лишь какъ къ объекту своихъ административныхъ экспериментовъ; съ евреемъ, для котораго крестьянинъ есть только губка, изъ которой онъ выжимаетъ трудъ и деньги. Русской интеллигенціи въ краѣ нѣтъ; русское дворянство, которое завелось тутъ послѣ польскаго возстанія, большею частью не живетъ въ помѣстьяхъ, да пожалуй, это и не большая потеря для крестьянства; сельское духовенство стоитъ къ народу въ неудобныхъ экономическихъ отношеніяхъ, да и само оно далеко отъ народа по духу, такъ какъ заражено нѣсколько панской культурой. Откуда же ждать народу юго-западнаго края хоть какой-нибудь помощи, хоть какого-нибудь сочувствія? Безусловно неоткуда. Съ другой стороны, некрасиво, конечно, положеніе и дворянства, — какъ оно ни хорошо поставлено экономически, — такъ какъ оно своимъ отчужденіемъ отъ народа осуждаетъ себя на совершенно бездѣятельную жизнь, на полное прозябаніе. Вообще, польское дворянство юго-западнаго края, замкнутое въ свои исключительные идеалы и шляхетско-католическіе предразсудки, сторонящееся Россіи, въ которой оно видитъ одно варварство, противопоставляя ему свою якобы культуру,—вообще это дворянство представляетъ среду, еще менѣе, чѣмъ наше захолустное дворянство, доступную вліянію какого-либо иного строя идей, какому-либо прогрессивному движенію. Однако и тутъ никакая замкнутость въ свои исключительныя представленія и предразсудки не можетъ вполнѣ закрыть доступъ для такого вліянія. И замѣчательно, какъ ни чуждъ этотъ чисто аристократическій строй всему демократическому,—все-таки духъ времени окрашиваетъ и тутъ общественное броженіе въ демократическій цвѣтъ. Таковы, появившіяся въ панскомъ обществѣ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, «балагульщина» и «козакофильство», направленія совершенно поверхностныя, но съ несомнѣннымъ демократическимъ характеромъ: первое заключалось въ подражаніи простонародному костюму и грубости простонародныхъ привычекъ, второе — козакофильство—есть направленіе литературное, которое состоитъ въ своеобразномъ шляхетско-польскомъ идеализированіи малорусскаго козачества, создавшемъ цѣлую козацко-польскую литературу. Но это были только первые невинные цвѣтки панскаго демократизма. Въ концѣ пятидесятыхъ и на-

чалѣ шестидесятыхъ годовъ общее всероссійское возбужденіе коснулось и юго-западнаго края и произвело между мѣстною интеллигентною молодежью уже болѣе глубокое, болѣе захватывающее движеніе въ пользу демократическихъ идей. Появилась молодая партія, которую враги окрестили прозвищемъ «хлопомановъ». Хлопоманы искренно сочувствовали положенію народа и понимали нравственную обязательность жертвъ для облегченія его положенія, понимали, что необходимо относиться съ уваженіемъ къ личности народа, которыйересталъ быть въ ихъ глазахъ тѣмъ «быдломъ», какимъ онъ всегда былъ въ глазахъ дворянства, понимали, что народъ надо учить и учить на его языкѣ и т. под. Идеи ихъ были высоки и гуманны, но носители этихъ идей не могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ были,—дѣтьми своихъ отцовъ, произведеніями своей исключительной польско-шляхетской католической почвы. Они готовы были пожертвовать ради своихъ идей частью своего традиціоннаго «я», своимъ шляхетствомъ, но исторія круто поставила дѣло: или отдай все свое «я», или не надо ничего,—панъ юго-западнаго края долженъ быть полякомъ, и полякъ паномъ. И они необходимо должны были попасть въ безвыходное положеніе: то, что было въ нихъ польскаго, то стало въ нихъ враждебно къ тому, что было въ нихъ демократическаго, и наоборотъ.

Конечно, культурная голова все можетъ уладить въ теоріи, и они улаживали и примиряли непримиримое, но жизнь не слушается теорій: они оставались практически безплодными и обращались или въ фантазеровъ, услаждающихся праздными мечтаніями на соціальныя и политическія темы, или въ такихъ же мошродзѣевъ (насмѣшливое прозвище заправскихъ помѣщиковъ), какъ и окружающая масса. Но между этой хлопоманской молодежью нашлась таки кучка людей, хоть и крайне незначительная по числу, у которой хватило пониманія и мужества посмотрѣть прямо на дѣло. Она поняла, что надо или отказаться отъ мысли работать для народа, по крайней мѣрѣ въ Украинѣ, или надо перескочить черезъ послѣдній барьеръ отдѣляющій ее отъ народа,—отказаться отъ враждебной и ненавистной этому народу національности. Во главѣ этой группы и стоялъ г. Антоновичъ. Вотъ какъ характеризуетъ суть своихъ воззрѣній одинъ изъ послѣдователей г. Антоновича, Ѳаддей Рыльскій: «Эти люди (хохломаны—прозвище упомянутой групы), вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты, изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считаютъ

ересы его самыми близкими своими интересами. Предмета для
й общественной дѣятельности они ищутъ въ просвѣщеніи на-
на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной
ни, дѣйствуя при томъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ
азомъ. На нихъ нападаютъ всѣ предыдущія группы (авторъ
ыше характеризовалъ различныя направленія, замѣчаемыя въ
дѣ дворянства правобережной Украины), называя ихъ взгляды и
тельность національнымъ отступничествомъ, но они на это отвѣ-
ютъ, что это только обращеніе; что желающій быть дѣйствитель-
полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли
ониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи; что ихъ образъ
ствій согласенъ съ мѣстными простонародными интересами, кото-
они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взгля-
ъ». («Основа» 1861 г., ноябрь—декабрь, ст. «Нѣсколько словъ
дворянахъ праваго берега Днѣпра», стр. 99).

Нелегко было положеніе той группки, во главѣ которой сталъ
Антоновичъ—группки, такъ беззавѣтно порвавшей съ своимъ
шлымъ во имя любви къ народу. Общество, отъ котораго они
еклись, обвиняло ихъ въ отступничествѣ, и этотъ упрекъ имѣлъ
слъ и вѣсъ, когда онъ исходилъ отъ людей, которые указывали
свое политическое несчастье. Отреченіе при такихъ обстоятель-
ахъ дѣйствительно требуетъ немало нравственнаго мужества и
данности своему идеалу. Упреки появлялись и въ печати и по-
и поводъ г. Антоновичу, написать свое объясненіе въ надеждѣ, какъ
говоритъ, что это объясненіе, сколько-нибудь поможетъ цѣлой
ппѣ людей выяснить свое положеніе въ юго-западномъ краѣ».
Основа», январь, 1862 г., ст. «Моя исповѣдь», стр. 94). При-
емъ отрывокъ изъ этого объясненія, который можетъ красно-
ивѣе, чѣмъ наши слова, обрисовать и положеніе этой группы,
ичность самого г. Антоновича. «Да, г. Падалица (писатель
яхетскаго направленія, который обращался къ г. Антоновичу съ
атной полемикой и между прочимъ упрекнулъ его въ отступни-
твѣ), вы правы! Я перевертень (ренегатъ), но вы не взяли во
маніе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ»
о по себѣ не имѣетъ смысла; что для составленія себѣ поня-
о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, надо знать, отъ
ого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому присталъ,—
че слово это лишено смысла—оно пустой звукъ. Дѣйствительно,
правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ,
дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ

сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ мое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность. Я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности;—или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобъ не прибавлять собой еще одной тунеядной личности, для того чтобъ наконецъ избавиться самому передъ собой отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ,—изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хоть я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтой и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ

человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ,—къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество;—я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что современемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украйнѣ поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться въ его пользу—раньше или позже—станетъ нравственной потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственной совѣстью дѣлу». (Тамъ же, стр. 94—5). На обвиненія Падалицы въ намѣреніи вести народъ на свой ладъ г. Антоновичъ отвѣчалъ: Вы сомнѣваетесь, захочетъ ли нашъ народъ муштроваться по моей командѣ:—да кто же вамъ сказалъ, что я мечтаю объ этомъ? Желаніе заставлять другого плясать по своей дудкѣ—это давняя привычка польской шляхты. Я могу стараться изучать и заявлять, по мѣрѣ пониманія, нужды народа, степень его развитія, его потребности, могу способствовать его образованію, но навязывать ему что-нибудь задуманное мною a priori я никогда бы не рѣшился! Это манера, которой, еще разъ повторяю вамъ, г. Падалица, до сихъ поръ держались одни шляхтичи. Только у нихъ однихъ напередъ придуманъ одинъ и единственный—по ихъ мнѣнію—спасительный путь для народа, по которому они, по волѣ или по неволѣ, желали бы потащить его; но въ томъ то и дѣло, что истинные друзья народа не такъ должны съ нимъ поступать: они должны сознать все его громадное величіе,—должны сознать, что вести куда бы то ни было народъ не въ ихъ правѣ, и не въ ихъ силахъ; что ихъ задача только помочь народу въ образованіи, въ достиженіи самосознанія, а тамъ онъ самъ себѣ придумаетъ цѣли, вѣроятно, несравненно высшія и разумнѣйшія, чѣмъ бы предложили ему хоть бы мы съ вами, г. Падалица. Истинные друзья народа не ломаютъ себѣ голову надъ далекимъ будущимъ, но если они люди дѣла и если имѣютъ средства, то стараются о народномъ просвѣщеніи, объ улучшеніи матеріальнаго быта крестьянъ, объ отысканіи

*

лучшихъ средствъ для достиженія той или другой цѣли; они готовы скорѣе сто разъ сознаться публично, что ошиблись въ своихъ заключеніяхъ о той или другой народной потребности, чѣмъ навязывать народу то, въ чемъ онъ не нуждается, или то, чего онъ не хочетъ». (Тамъ-же). Польско-шляхетская партія не ограничилась, къ сожалѣнію, одними словесными препирательствами, намеками на коліивщину, упреками и бранью,—она пускала въ ходъ и разныя другія, болѣе дѣйствительныя средства, чтобъ прекратить для этой группы всѣ пути дѣятельности, къ которой та стремилась, и сдѣлать ее подозрительною въ глазахъ правительства. «Вы не только сами не способствуете просвѣщенію народа», писалъ по этому поводу г. Антоновичъ, «но стараетесь завалить дорогу желающимъ того—сплетнями, баснями, ложными доносами. Вы рачительно заботитесь о подавленіи всего того, что сколько-нибудь проявляетъ мѣстную народность: вспомните, г. Падалица, всѣ слѣдствія похоронъ Шевченка въ Каневѣ, вспомните исторію букварей, вспомните все то, чего я въ настоящее время не могу гласно и подробно высказать, но о чемъ вы, вѣроятно, лучше меня знаете». (Тамъ-же, 89 стр.). До какихъ предѣловъ доходила ненависть дворянства къ этимъ лицамъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Можетъ быть, читатели помнятъ изданную въ Вильнѣ вскорѣ послѣ польскаго возстанія брошюру одного изъ обрусителей юго-западнаго края: онъ сообщаетъ, что дворяне края на судебныхъ допросахъ показывали, что они пристали къ возстанію изъ боязни хлопомановъ, Антоновича и Рыльскаго, которые хотѣли возбудить народъ и перерѣзать ихъ, дворянъ. Конечно, только слѣпая злоба и безсильная месть могла подвигать благородное шляхетство на такія показанія; но тѣмъ не менѣе эта клевета была причиной многихъ непріятностей для г. Антоновича и его послѣдователей.

Но если бъ непріятности шли только съ этой стороны, со стороны польско-шляхетской партіи,—это еще было бы полъ-бѣды; но онѣ появились и оттуда, откуда ужъ ихъ совсѣмъ нельзя было предвидѣть. Извѣстно, въ какомъ ажитированномъ состояніи находилось наше русское общество до польскаго возстанія: все ожило, все залиберальничало, тѣхъ людей, что принято называть охранителями, точно и на свѣтѣ никогда не бывало. Заглядывая въ лѣтописи того ликующаго времени, сплошь и рядомъ встрѣчаешь, что извѣстное лицо высказываетъ такую мысль, которую теперь это самое лицо не только не выскажетъ, но если встрѣтитъ гдѣ-нибудь въ печати, то не преминетъ, по крайней мѣрѣ, указать на нее, какъ на крайне

опасную и разрушительную. Послушайте, что, напр., говоритъ въ 1860 г. Юзефовичъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ современныхъ обрусителей: «Найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хоть одна печатная по-русски строка,—гдѣ бы выражалось неблагосклонное чувство къ польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ съ польскою народностью, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія польскаго языка, который не только необходимъ для своихъ, но можетъ быть полезенъ и для нашихъ по близкому намъ родству и богатству его литературы» и т. д. («Основа», мартъ 1861 г., ст. «По поводу древнихъ актовъ», стр. 5). Злополучное польское возстаніе послужило поворотнымъ пунктомъ въ общественномъ настроеніи. Г. Катковъ возсталъ спасать отечество, и чѣмъ болѣе входилъ онъ въ свою новую роль, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась его фантазія: враги отечества росли, всюду открылись сепаратизмы—въ Сибири, въ Остзейскомъ краѣ, въ Малороссіи. Особенно ловко удалось г. Каткову открытіе сепаратизма малорусскаго: въ то время въ Малороссіи сложилась литературная партія, издававшая передъ тѣмъ свой журналъ «Основу». Хотя другими путями, какъ извѣстно, никакого сепаратизма не открыто, и сами такъ называемые украинофилы считаютъ его такимъ же вздоромъ, какъ и г. Катковъ, однако ревность московскаго спасителя отечества не осталась безъ результатовъ. Въ средѣ самого украинскаго общества нашлись охотники итти по стопамъ г. Каткова, такъ какъ шествіе по сему нетернистому пути было очень и очень не лишено привлекательности. Понятно, что начавшая формироваться литературная партія, группировавшаяся около «Основы», распалась, и участники «Основы» должны были сложить руки. Г. Антоновичъ и его послѣдователи, отвернувшись отъ польскаго общества и приставъ къ русскому, естественно примкнули къ литературной партіи «Основы», съ которой у нихъ было одно великое общее—сочувствіе интересамъ народа и желаніе служить ему. Вмѣстѣ съ участниками «Основы» они должны были вынести и послѣдствія недоразумѣній, порожденныхъ московскимъ рвеніемъ не по разуму. И вотъ г. Антоновичъ, человѣкъ, который могъ бы оказать Россіи большія услуги своимъ воздѣйствіемъ на общественное настроеніе юго-западнаго края, долженъ былъ сосредоточиться исключительно на служеніи наукѣ. Научные труды г. Антоновича такъ же мало извѣстны обществу Великой Россіи, какъ и личность почтеннаго ученаго. Отчасти это обусловливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что

его замѣчательныя изслѣдованія по исторіи Малороссіи (преимущественно юго-западнаго края) являются въ видѣ приложеній, или введеній, къ сборникамъ актовъ кіевскаго центральнаго архива, выходящихъ подъ названіемъ «Архивъ юго-западной Россіи» (г. Антоновичъ—главный редакторъ кіевской археографической комиссіи); и потому раздѣляютъ вмѣстѣ съ сборниками судьбу всѣхъ спеціальныхъ изданій; въ небольшомъ количествѣ появляются и отдѣльные оттиски этихъ изслѣдованій, только ихъ раньше, кажется, вовсе не было въ продажѣ въ столичныхъ магазинахъ и складахъ. Лишь въ послѣднее время они появились въ книжномъ складѣ при редакціи «Вѣстника Европы». Въ современной малорусской исторической литературѣ,—которая, впрочемъ надо сознаться, крайне бѣдна, г. Антоновичъ своими изслѣдованіями занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто. Достоинства остальныхъ историковъ Малороссіи черезчуръ односторонни: Максимовичъ, человѣкъ большихъ знаній и научной добросовѣстности, часто не видитъ лѣса изъ-за деревьевъ своей учености; г. Кулишъ, наоборотъ, слишкомъ третируетъ деревья, гоняясь за образомъ того фантастическаго лѣса, который создаетъ ему его настроенная на предвзятый ладъ фантазія, такъ что его сочиненія, изобилующія и новыми фактами, добываемыми имъ изъ малоизвѣстныхъ въ Россіи польскихъ источниковъ, и нерѣдко поражающія свѣжей, оригинальной мыслью, теряютъ черезъ слишкомъ произвольные пріемы автора значительную долю научнаго значенія; г. Костомаровъ больше преслѣдуетъ цѣли хорошаго разсказчика явленій. Въ изслѣдованіяхъ г. Антоновича всегда сохраняется полное равновѣсіе и гармонія между идеей и фактомъ. Онъ никогда не даетъ вамъ никакой готовой идеи, не открываетъ никакихъ горизонтовъ, ничего не предпосылаетъ своему изслѣдованію, кромѣ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній. Всегдашній общій планъ его работъ такой: за необходимыми предварительными историческими свѣдѣніями и разъясненіями идетъ группировка сырого матеріала, время отъ времени поддерживаемая ссылками на того или другого писателя, чаще польскаго,—и ничего больше. Но голые факты подъ искусной рукой историка укладываются въ такой ясной перспективѣ, такъ логично и стройно, что идея явленія вырисовывается передъ вами съ самой отчетливой наглядностью. Поэтому, несмотря на видимую сухость изложенія, на полное отсутствіе со стороны автора стараній заинтересовать читателя, подѣйствовать на его фантазію, чувство,—изслѣдованія г. Антоновича читаются очень легко и при той рельефности, какая дается искусной группировкой фактовъ,

несмотря на свою сухость, могутъ дѣйствовать и на чувство и на воображеніе. Ясности изложенія, которая, конечно, обусловливается ясностью представленія, можетъ быть содѣйствуетъ то обстоятельство (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ работахъ съ болѣе конкретнымъ содержаніемъ, какъ напр. «Послѣднія времена козачества»), что г. Антоновичъ самъ исходилъ и изъѣздилъ весь юго-западный край, такъ что ни одно названіе мѣстности не остается для него пустымъ звукомъ. Крайне жаль, что работы г. Антоновича не распространены: онѣ помогли бы русскому обществу познакомиться съ такъ мало извѣстнымъ прошедшимъ коренной русской земли, какую представляетъ нашъ юго-западный край, и, можетъ быть, заинтересовали бы и его настоящимъ. Но значеніе нѣкоторыхъ изъ его работъ далеко выходитъ за предѣлы мѣстнаго историческаго интереса. Напр. его «Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи», (Кіевъ, 1870 г.) представляетъ краснорѣчивую страницу изъ исторіи народнаго закрѣпощенія и указываетъ, между прочимъ, на то громадное вліяніе, какое оказываетъ на соціальное положеніе народа существованіе или отсутствіе свободныхъ земель. Единственная изъ работъ г. Антоновича, про которую можно сказать, что ей повредила, и сильно повредила, предвзятая теорія, есть его первый по времени научный трудъ «Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г.г.» (приложеніе къ I тому III части «Архива юго-западной Россіи», Кіевъ, 1893 г.). Авторъ приступаетъ къ анализу съ готовой гипотезой о происхожденіи козачества изъ древнихъ славянскихъ общинъ, остаткомъ которыхъ онъ его считаетъ. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ вопросахъ—происхожденіе Запорожья, отношеніе къ Запорожью козачества вообще, отношеніе реестроваго козачества къ нереестровому и т. д.—онъ находится, видимо, еще подъ вліяніемъ малорусскихъ историковъ и лѣтописцевъ, между тѣмъ какъ малорусскими лѣтописями надо пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ онѣ составлялись въ относительно позднѣйшее время и о явленіяхъ болѣе ранней эпохи естественно склонны судить по современному имъ положенію вещей. Изслѣдованіе г. Антоновича о козачествѣ можетъ дать еще лишній примѣръ того, какъ иногда самый ясный умъ впадаетъ въ очевиднѣйшія заблужденія, когда онъ затемненъ предвзятой идеей. Когда мы просматривали самые акты о козакахъ—особенно тѣ изъ нихъ, которые относятся до исторіи Запорожья—насъ поражало неправильное и одностороннее толкованіе, какое даетъ имъ г. Антоновичъ. Но это изслѣдованіе, какъ мы уже сказали, стоитъ особнякомъ въ ряду изслѣдованій г. Антоно-

вича. Тѣ невольныя ошибки, въ которыя впалъ авторъ, увлекаясь предвзятой теоріей, онъ, конечно, исправитъ въ предисловіи къ чрезвычайно интересному тому актовъ, который печатается нынѣ, объ старинныхъ украинскихъ замкахъ, гдѣ авторъ снова будетъ имѣть случай коснуться вопроса о козачествѣ, собственно о его происхожденіи. Козачество составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ сторонъ въ исторіи южной Руси, рѣзко окрашивающую ее въ своеобразный колоритъ; поэтому немудрено, что г. Антоновичъ посвятилъ этому замѣчательному явленію еще одно изслѣдованіе—«Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра, по актамъ 1679—1716 г.г.»—изслѣдованіе, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо прекраснымъ. Никогда козачество не вырисовывалось съ такой отчетливостью въ роли борца за демократически-русское противъ шляхетско-польскаго, и авторъ сумѣлъ прекрасно схватить и обрисовать этотъ историческій моментъ; несмотря на полное отсутствіе красокъ и художественныхъ пріемовъ, личность Палія, воплотившаго въ себѣ основной принципъ козачества, выступаетъ въ той грандіозности, которая вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ миѳы объ этомъ козацкомъ героѣ, созданные народнымъ воображеніемъ. Въ близкой связи съ козачествомъ стоитъ родственное ему по духу явленіе—такъ называемой гайдамачины, которому г. Антоновичъ посвятилъ послѣднее, недавно вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе,—о немъ мы поговоримъ особо. «Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи, по актамъ 1432—1798 г.г.» (предисловіе къ I тому V части «Архива», Кіевъ, 1870 г.) захватываетъ также чрезвычайно важный предметъ въ исторической жизни народа—извѣстно, какое значеніе имѣетъ для страны существованіе или отсутствіе развитого городского сословія. Польшу погубило отсутствіе этого сословія, которое должно было бы встать среднимъ терминомъ между полноправнымъ шляхтичемъ и безправнымъ холопомъ.

Въ южной Руси экономическія функціи городского сословія захватило еврейство, которое является истинной экономической и соціальной язвой края, съ которой Богъ знаетъ какъ успѣетъ онъ раздѣлаться. Шагъ за шагомъ показываетъ авторъ весь историческій ходъ, который привелъ къ такому ненормальному положенію: какъ городъ является сначала центромъ общины, ея самоуправленія, какъ налегшій на край феодально-военный литовскій строй мало-по-малу уничтожаетъ всякую тѣнь городской свободы, пока, наконецъ, само правительство, почувствовавъ невыгодные для себя результаты подавленія городской жизни, не спохватилось и не нача-

ло поправлять зла дарованіемъ такъ-называемаго магдебургскаго права. Но было уже поздно, да и средство для оживленія убитаго города оказалось мало пригоднымъ. Чрезвычайно интересны тѣ страницы, которыя авторъ посвящаетъ пресловутому магдебургскому праву въ русскомъ его примѣненіи: онѣ представляютъ намъ новый примѣръ того, какъ иногда полезныя и прекрасныя учрежденія оказываются никуда негодными на чуждой для нихъ почвѣ. Магдебургское право имѣло для южно-русскихъ городовъ лишь постольку значеніе, поскольку оно обезпечивало за городской общиной извѣстную долю свободы; во всемъ остальномъ право это почти не имѣло никакого реальнаго примѣненія. Его, можно сказать, даже и не знали да и не интересовались знать; все устраивалось по своимъ собственнымъ русскимъ обычаямъ. Коллегіальныя учрежденія для городского самоуправленія, правда, существовали, но они были лишены жизненности, оставались учрежденіями чуждыми, такъ что горожане часто уклонялись отъ выборовъ въ городскія должности, и городъ не стѣснялся въ важныхъ случаяхъ, пренебрегая своими представительными учрежденіями, прибѣгать къ родной славянской общенародной сходкѣ; съ другой стороны, городъ никакъ не могъ установиться на нѣмецкомъ понятіи своей городской исключительности и по древнимъ общиннымъ преданіямъ притягивалъ къ себѣ землю, волость, такъ что, къ удивленію, оказывалось, что магистраты вѣдаютъ дѣла окрестнаго крестьянства и т. д. Однако мы слишкомъ увлеклись—пусть читатель самъ обратится къ прекрасному изслѣдованію г. Антоновича—надѣемся, онъ не посѣтуетъ на насъ за совѣтъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ историческихъ трудовъ г. Антоновича, мы знаемъ еще о существованіи «Очерка состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVII и XVIII ст.» (приложеніе къ т. IV, ч. 1-й «Архива», Кіевъ, 1871 г.); но намъ не удалось съ нимъ познакомиться. Въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» печатается въ настоящее время его же «Исторія великаго княжества Литовскаго». Какъ ни далеки, повидимому, отъ современной жизни и ея интересовъ изслѣдованія г. Антоновича, однако они стоятъ въ самой тѣсной связи съ общественными тенденціями ихъ автора, о которыхъ мы говорили выше. Основной мотивъ всѣхъ его историческихъ работъ есть противоположность двухъ началъ—созданнаго польской жизнью и исторіей шляхетско-аристократическаго и созданнаго русскимъ народомъ—демократическаго. Вся исторія юго-западной Россіи есть столкновеніе этихъ двухъ началъ, постоянно и непримиримо враждебныхъ, при чемъ беретъ верхъ то одно, то дру-

ное, окрашивая своимъ преобладаніемъ различные историческіе моменты: современность есть только итогъ, который подвела этой борьбѣ исторія.

Въ недавно вышедшемъ второмъ выпускѣ перваго тома «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ» (С.-П.Б., 1877 г.) въ числѣ прочихъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ, находится сборникъ актовъ о колдовствѣ, извлеченныхъ г. Антоновичемъ изъ книгъ градскихъ и магистратскихъ судовъ юго-западнаго края, сопровождаемый изслѣдованіемъ г. Антоновича объ этомъ предметѣ. Это изслѣдованіе подтверждаетъ еще разъ и на совсѣмъ иной почвѣ, какимъ особымъ теченіемъ шла жизнь южно-русскаго народа, хотя исторія и влила ее въ общее съ Польшей русло. Между тѣмъ какъ Польша въ понятіяхъ о колдовствѣ и въ преслѣдованіи его не только шла рука объ руку съ западной Европой, а даже опередила ее, такъ какъ послѣдняя колдунья была сожжена въ окрестностяхъ Познани въ 1793 г. (въ классической странѣ костровъ, Испаніи, послѣднее сожженіе относится къ 1781 г.),—въ южной Руси, которая юридически управлялась тѣмъ же польскимъ законодательствомъ, въ процессахъ, вытекавшихъ изъ обвиненій въ колдовствѣ, мы не видимъ ничего общаго съ инквизиціей. Дѣло въ томъ, что, какъ объясняетъ г. Антоновичъ, русскій народный взглядъ на колдовство былъ не демонологическій, какъ въ Польшѣ и западной Европѣ, а пантеистическій: то или иное сверхъестественное дѣйствіе, полезное или вредное, народъ приписывалъ не связямъ лица съ злымъ духомъ, а лишь знанію его тѣхъ или иныхъ силъ и законовъ природы, недоступныхъ массѣ. Оттого дѣла о колдовствѣ разбирались большею частью съ точки зрѣнія гражданскаго иска объ ущербѣ, и наказаніе соразмѣрялось со степенью причиненнаго вреда; понятно, что когда вредъ наносился большой, какъ напр. если знахарь насылалъ эпидемію, и наказаніе могло быть жестокое. Иной, инквизиціонный характеръ процессовъ встрѣчается лишь тогда, когда дѣйствующими лицами въ процессѣ являются дворяне, воспитанные подъ вліяніемъ польской культуры на демонологическихъ представленіяхъ. Въ числѣ научныхъ заслугъ г. Антоновича нельзя не упомянуть объ изданномъ имъ вмѣстѣ съ г. Драгомановымъ собраніи «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» (Кіевъ, 1874—5 г.). Это изданіе, получившее отъ Академіи Наукъ Уваровскую премію, можно назвать образцовымъ: строго научная группировка пѣсенъ по

сторическимъ эпохамъ, всевозможныя указанія, варіанты, историчекія объясненія—все дано для того, чтобы сдѣлать его драгоцѣнымъ научнымъ пособіемъ. Въ высшей степени жаль, что оно остаовилось на первомъ выпускѣ второго тома, закончившемся смертью огдана Хмельницкаго. Настоящая потеря для малорусской исторіи этнографіи, если оно не будетъ продолжаться; будемъ надѣяться, то этого не случится. Г. Антоновичъ еще извѣстенъ какъ археоогъ. Наши историки и археологи имѣли возможность съ нимъ поакомиться на двухъ археологическихъ съѣздахъ—кіевскомъ, гдѣ нъ былъ секретаремъ съѣзда, и казанскомъ, на которомъ онъ редставилъ результаты своихъ курганныхъ раскопокъ, произведеныхъ имъ по порученію Кіевской археографической комиссіи. Вотъ ороткій перечень трудовъ г. Антоновича. Уже и изъ этого перечня идно, что тѣ слова, которыя сказалъ когда-то г. Антоновичъ о воемъ намѣреніи служить народу русскому, для него не пустой вукъ, а нравственное обязательство, которое онъ взялъ на себя и оторое вѣрно исполняетъ. Можетъ быть, онъ служитъ народу не а томъ поприщѣ, о какомъ мечталъ въ молодости, но это уже не го вина. Все-таки Украина съ полнымъ основаніемъ можетъ скаать, что пріобрѣла въ немъ себѣ вѣрнаго сына, честнаго работика: онъ сдѣлалъ для нея гораздо больше, чѣмъ многіе изъ ея ровныхъ сыновъ. Хорошо сдѣлалъ бы г. Антоновичъ, если бъ предринялъ изданіе своихъ сочиненій по исторіи Малороссіи, чтобы блегчить нашему обществу возможность познакомиться съ своими рудами.

КОТЛЯРЕВСКІЙ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКѢ [1]).

Полтава открываетъ памятникъ Котляревскому, автору «Перелицованной Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чарівника»,—признанному родоначальнику малорусской литературы. Открытіе памятника пріурочивается къ столѣтней годовщинѣ появленія въ свѣтъ печатной «Энеиды». Вся южная Русь малорусскаго нарѣчія, и наша, и заграничная, галицкая, откликнулась на призывъ, сдѣланный съ мѣста родины поэта. Конечно, это не тотъ громкій откликъ, какой раздался при воззваніи на памятникъ Мицкевичу; но вѣдь южно-русскія отношенія, внѣшнія и внутреннія, коренятся совсѣмъ въ иной исторической почвѣ. Освѣтить сколько-нибудь эту почву, намѣтить тѣ историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а отчасти и современныя отношенія къ этой личности — вотъ цѣль настоящаго очерка.

Во время появленія на свѣтъ Ивана Петровича Котляревскаго — извѣстно, что онъ родился 28-го августа 1767 года — Полтава, мѣсто его рожденія, доживала свои послѣдніе дни въ достоинствѣ «полкового» города: большая часть сотенъ, составлявшихъ «полтавскій полкъ», уже отошла къ Новороссіи, и оставалось всего нѣсколько лѣтъ до того, какъ и сама Полтава должна была сдѣлаться уѣзднымъ городомъ Новороссійской губерніи. Когда, за два года до рожденія Котляревскаго, полтавскіе граждане давали «наказъ» своему депутату въ «Екатерининскую Комиссію», они писали о родномъ городѣ, что онъ «никакихъ публичныхъ строеній и должнаго украшенія не имѣетъ». И дѣйствительно, всѣ немало-

[1]) „Вѣстникъ Европы“. 1900. Мартъ.

исленные путешественники, посѣщавшіе Полтаву, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, какой жалкій видъ представлялъ собою городъ въ то время. Около тысячи маленькихъ хатъ,—частью внутри алкихъ остатковъ крѣпости, большею же частью внѣ ея, на предѣстьѣ,—хатъ, правда, чистенькихъ, окруженныхъ вишневыми саиками, но стоявшихъ среди непролазной грязи,—вотъ и вся Полава. Лишь одинъ гостиный дворъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь ивутъ не одни «хліборобы». Только четверть вѣка спустя, когда Іолтава дѣлается губернскимъ городомъ и резиденціей малорусскаго енералъ-губернатора, начинаетъ она пріобрѣтать внѣшній видъ и оскъ культурнаго города.

И однако, Полтава — этотъ захудалый или не успѣвшій разернуться городокъ, какимъ онъ представляется во второй полоинѣ XVIII-го вѣка,—былъ если не административнымъ или торовымъ центромъ края, то все-таки однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, дѣ всего яснѣе, отчетливѣе проявлялась жизнь соціальнаго оргаизма лѣвобережной Украины. Причины налицо: полтавская терторія, какъ заключенная внутри края, была болѣе свободна тъ постороннихъ вліяній; вмѣстѣ съ тѣмъ, она питала свой духъ амостоятельности близостью и постоянными сношеніями съ запорожкой козацкой общиной. И въ маленькомъ городкѣ, лишенномъ публичныхъ строеній и должнаго украшенія», въ его скромныхъ аткахъ, на его базарахъ и ярмаркахъ, въ ратушѣ, на «цвинтаяхъ» его церквей—всюду чувствовалась та общественная волна, оторая за сто лѣтъ передъ тѣмъ всколыхнула жизнь всей огромой южно-русской территоріи и перевернула ее до основаній.

Но волна эта уже замирала; ее перехватывали новыя вліянія. Іослѣ переворота, произведеннаго возстаніемъ Богдана Хмельницаго, лѣвобережная Украина, или гетманщина, Малороссія, отовалась отъ правобережной и вступила въ кругъ могущественнаго осѣдняго государственнаго организма — великорусскаго. Начался рудный процессъ переработки общественныхъ силъ и элементовъ риспособленія ихъ къ новымъ требованіямъ. Къ тому времени, съ отораго ведется нить настоящаго изложенія, процессъ этотъ началъ азвиваться съ особою энергіей: южно-русская исторія вступила въ ѣкъ Екатерины II.

Екатерина II не принесла съ собой на тронъ тѣхъ симпатій къ Іалороссіи, какими отличалась ея предшественница Елизавета; но, онечно, не отсутствіемъ этихъ симпатій, съ которыми у Елизаветы ѣсно переплетались ея личныя чувства, надо искать объясненія той

опредѣленной политической программы, какую Екатерина заявила тотчасъ по вступленіи на тронъ и настойчиво преслѣдовала. Екатерина имѣла въ головѣ идеалъ государственнаго строя и чувствовала себя призванной осуществить его въ Россіи. Проявленія своеобразныхъ формъ общественной украинской жизни и естественная привязанность украинцевъ къ этимъ формамъ, выработаннымъ ихъ исторіей, казались ей, съ ея точки зрѣнія, неразумнымъ варварствомъ. Покончить съ этимъ варварствомъ — являлось для нея не только дѣломъ правильнаго политическаго расчета, но и долгомъ совѣсти по отношенію къ передовымъ идеямъ вѣка, адептомъ которыхъ заявляла себя императрица. Румянцевъ выдвинутъ былъ ею, какъ умный толкователь и вѣрный исполнитель ея идей въ ихъ приложеніи къ Малороссіи.

Послѣдній гетманъ былъ отставленъ почти тотчасъ же по вступленіи Екатерины въ управленіе государствомъ. Хотя гетманская власть Разумовскаго представляла собою лишь фантомъ, слабую тѣнь политической власти, но и этотъ фантомъ надо было удалить немедленно, «чтобы и имя гетмановъ исчезло, не только бы персона какая была произведена въ оное достоинство». Румянцевъ, какъ президентъ малороссійской коллегіи, формально заступавшей мѣсто устраненнаго гетмана, вступилъ въ роль правителя Малороссіи, «главнаго малороссійскаго командира», — по тогдашнему выраженію.

Но либеральные принципы императрицы, прикрывавшіе пока расчеты практической политики, еще удерживали ее отъ крутыхъ мѣръ, которыя имѣли бы характеръ насилія. Ей хотѣлось, чтобы малороссы сами выразили стремленіе къ реформамъ въ духѣ ея собственныхъ идей и плановъ. Припомнимъ, что это было время созыва комиссіи для составленія новаго уложенія, когда вся русская земля была призвана къ участію въ законодательной дѣятельности, должна была выбирать депутатовъ въ комиссію, составлять для этихъ депутатовъ «наказы», въ которыхъ обязана была представить не только свои нужды, но и свои желанія. Естественно было предположить, что Малороссія съ ея исконной привычкой къ общественной самодѣятельности, легко пойдетъ на встрѣчу начинаніямъ императрицы, обращавшейся именно къ этой самодѣятельности. Но вышло нѣчто совсѣмъ иное.

Румянцевъ издалъ циркуляръ, разъясняющій малороссамъ знаменитый манифестъ 14-го декабря 1766 года. Циркуляръ этотъ, дышавшій искренностью тона, доказывалъ малорусскому обществу

необходимость реформъ, обезпечивающихъ правосудіе, общественное благосостояніе, правовой порядокъ. Но малороссы, «ослѣпленные любовью къ своей землицѣ», по ироническому замѣчанію Румянцева, оставались глухи къ такимъ обращеніямъ. Они были убѣждены, что ихъ страна не нуждается ни въ какихъ реформахъ, что ихъ законы и такъ вполнѣ хороши, что имъ нужно одно—подтвержденіе ихъ старинныхъ правъ и вольностей. «Эти люди инако не отзываются»,—пишетъ Румянцевъ Екатеринѣ,—«что нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, что бы имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего». Въ словахъ этихъ звучитъ досада человѣка, обманувшагося въ своихъ лучшихъ надеждахъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что малорусское общество того времени искало своего лучшаго не тамъ, гдѣ указывали его Екатерина и Румянцевъ, не въ «Esprit des Lois» и твореніяхъ энциклопедистовъ, а въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Соглашеніе было невозможно. При видѣ «изумительнаго своеволія, доходившаго до коварства», какое обнаруживали малороссы въ томъ дѣлѣ, къ какому они были призваны правительствомъ, Румянцевъ почувствовалъ себя вынужденнымъ смѣнить тонъ просвѣтителя и совѣтчика, съ какимъ онъ выступалъ въ циркулярѣ, на тонъ суроваго начальника. Лично и черезъ агентовъ, какъ своихъ, русскихъ, такъ и изъ мѣстныхъ людей, «имѣющихъ великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью», онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, не допускалъ наказовъ, въ которыхъ выступало слишкомъ ярко пристрастіе къ старой гетманщинѣ. Вмѣсто свободнаго выраженія нуждъ и желаній, является необходимость подавлять «желанія, несходственныя съ общимъ добромъ», а общее добро совпадало, конечно, съ выгодами государства.

Екатерина склонна была, повидимому, легко смотрѣть на эти проявленія привязанности малороссовъ къ своей старинѣ, къ своимъ правамъ и вольностямъ; ей казалось, что все это, какъ основанное лишь на неразумномъ пристрастіи, не оправдываемомъ просвѣщенными взглядами на государственное благоустройство, быстро разсѣется, что малорусскіе депутаты, напр., явясь съ своими исключительными домогательствами предъ многочисленное собраніе комиссіи, сами ихъ устыдятся. Но потомъ она совсѣмъ измѣнила свои отношенія къ этому предмету. Она пришла къ убѣжденію, что такой оптимизмъ здѣсь неумѣстенъ, и что относительно малорусскихъ дѣлъ надо держаться правила «имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ»,—правила, основывающагося на пріобрѣтенномъ ею убѣжденіи, что

«какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ». Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ созыва комиссіи, и на Малороссію посыпались, одно за другимъ, крупныя преобразованія; для осуществленія ихъ теперь не нужны были мнѣнія населенія о своихъ желаніяхъ и нуждахъ, да и самый характеръ преобразованій освобожденъ былъ отъ стараго вліянія философскихъ теорій. Преобразованія эти имѣли цѣлью совершенно передѣлать старый строй малорусскаго общества въ духѣ общерусскихъ государственныхъ учрежденій; но въ то же время они были разсчитаны и на то, чтобы парализовать ожидаемое неудовольствіе тѣми выгодами, какія предоставлялись господствующему классу малорусскаго общества, будущему малорусскому дворянству, пока еще только лишь козацкой старшинѣ, которая въ эпоху комиссіи и наказовъ являлась представительницей протеста противъ преобразовательныхъ начинаній правительства. Въ 1782 г. введено было въ Малороссіи «Учрежденіе о губерніяхъ»—въ томъ же году произведена ревизія; въ 1783 году вышелъ указъ, запрещающій крестьянамъ вольные переходы—вслѣдъ за нимъ другой, преобразующій козачьи полки въ регулярные. Нѣсколько указовъ въ теченіе двухъ лѣтъ,—и историческая Малороссія была упразднена. Не стало козачества, которое составляло основной элементъ малорусскаго общества; посполъство (крестьянство),—правда, уже въ значительной степени обездоленное по отношенію къ землѣ, но все-таки пользовавшееся неоцѣненнымъ благомъ личной свободы,—было обращено въ крѣпостное рабство; тѣмъ самымъ козацкая старшина, уже успѣвшая занять, но неуспѣвшая еще оформить свое привилегированное положеніе, обращалась въ благородное русское дворянство. Новыя сословныя отношенія вставлялись въ рамки новыхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій общерусскаго типа.

Въ такую эпоху и среди такихъ соціально-политическихъ условій прошло дѣтство Котляревскаго. Чѣмъ, какими непосредственными жизненными фактами отражались эти условія на формирующемся духѣ будущаго поэта? Біографическій матеріалъ, касающійся дѣтства Котляревскаго, почти отсутствуетъ; но при помощи матеріала историческаго мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя предположенія, имѣющія значительную степень вѣроятности. Что до Котляревскаго съ ранняго дѣтства доходили, въ той или иной формѣ, отзвуки крупныхъ совершающихся событій — это несомнѣнно: вѣдь эти событія затрогивали существенные интересы всѣхъ и каждаго, а украинцы той эпохи еще не успѣли отвыкнуть отъ свободнаго обсужденія того, что̀ ихъ интересовало. Возьмемъ хотя бы самаго

Котляревскаго, его ближайшее родство: дѣдъ его былъ дьякономъ, отецъ служилъ въ магистратѣ. Этихъ краткихъ свѣдѣній изъ формулярнаго списка достаточно, чтобы представить себѣ, что семья Котляревскаго принадлежала къ той несчастной межеумочной группѣ, которая постоянно дрожала за свою привилегированность, не извлекая изъ нея ничего, кромѣ личной свободы: вѣдь достаточно было попасть въ ревизію, чтобы очутиться въ числѣ пожалованныхъ какому-нибудь графу Безбородкѣ. Въ томъ переходномъ состояніи, въ какомъ жило малорусское общество, среди неустановившихся, хаотическихъ, отношеній такіе случаи были совершенно заурядными. Поэтому, если мы видимъ, что родичи Котляревскаго, въ концѣ концовъ, причисляются къ дворянамъ, то мы можемъ быть увѣрены, что дворянство это стоило немалыхъ усилій и жертвъ его носителямъ; что около добыванія этого злосчастнаго дворянства сосредоточивались мысли и чувства, можетъ быть, не одного поколѣнія восходящаго родства Котляревскаго.

Но дворянство Котляревскаго было привилегированностью, повидимому, лишь ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы избавиться отъ страшной опасности—приписки къ податному состоянію. Къ счастью, оно не окружило его дѣтство исключительными условіями, а оставило его въ той же общенародной, такъ сказать, демократической обстановкѣ, благодаря которой Котляревскій сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Для подобнаго заключенія мы имѣемъ такое біографическое указаніе: Котляревскій учился, передъ поступленіемъ въ семинарію, у дьяка. Со словомъ «дьякъ»—дьякъ просто и дьякъ мандрóваный—передъ всякимъ, кто знакомъ съ малорусской стариной, возстаетъ своеобразная и въ высшей степени интересная и важная сторона нашего южно-русскаго прошлаго. Какъ бы мы ни были проникнуты вѣрой въ прогрессъ, какъ ни наклонны прозрѣвать золотой вѣкъ лишь въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго—тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказать въ глубокой симпатіи къ той несомнѣнной и страстной жаждѣ просвѣщенія, какую обнаруживала вся масса малорусскаго народа, пока гнетъ крѣпостного состоянія не придавилъ его духовныхъ потребностей. Какой-то радостный, восторженный порывъ къ свѣту охватилъ малорусскій народъ, какъ только онъ освободился, съ Богданомъ Хмельницкимъ, «отъ рабства лядскаго-египетскаго». Одинъ совершенно посторонній наблюдатель, ученый діаконъ Павелъ Алеппскій, сопутствовавшій антіохійскому патріарху Макарію въ Москву, съ чрезвычайнымъ интересомъ наблюдалъ и отмѣтилъ для насъ

рельефными чертами эту особенность «козацкаго народа». «Послѣ освобожденія,—пишетъ онъ,—люди эти предались съ большою страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію пріятнымъ напѣвомъ... Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами»... «Тутъ-то (по въѣздѣ въ козацкую землю) настало для насъ (восточныхъ людей, сопровождавшихъ патріарха) время пота и труда, такъ какъ во всѣхъ козацкихъ церквахъ нѣтъ сидѣній. Представь себѣ читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти... Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе... О, Боже, Боже, какъ долго тянутся эти молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто насъ такъ не удивляло, какъ красота маленькихъ мальчиковъ и ихъ пѣніе, исполняемое въ гармоніи со старшими»... Кромѣ пѣнія, которымъ Павелъ не устаетъ восторгаться, онъ говоритъ еще съ глубокимъ чувствомъ о красотѣ множества вновь выстроенныхъ церквей съ прекрасной иконной живописью. «О, какой это благословенный народъ! и какая это благословенная страна!—восклицаетъ онъ то-и-дѣло:—блаженны глаза наши за то, что видѣли, уши наши—за то, что слышали, и сердца наши—за испытанную ими радость и восхищеніе...»

Цвѣтистый восточный стиль Павла Алеппскаго, какимъ онъ описываетъ Украину XVII-го вѣка, не превосходитъ своимъ краснорѣчіемъ цифръ и извѣстій документовъ относительно Малороссіи XVIII вѣка. Всюду населенныя мѣста изобилуютъ церквами; при каждой церкви есть «шпиталь» и школа. Къ церкви примыкаютъ братства церковныя и цеховыя, преслѣдующія религіозно-нравственныя и филантропическія цѣли. Шпиталь является пріютомъ для всѣхъ, кто лишенъ пріюта семейнаго: обитатели шпиталя составляли между собою тоже братства и владѣли, случалось, даже и земельными фондами. Наконецъ, школа была необходимымъ третьимъ членомъ учрежденій, удовлетворявшихъ культурнымъ потребностямъ малорусскаго народа.

Вотъ здѣсь-то, въ школѣ, и царилъ панъ-дьякъ, тотъ дьякъ, у котораго учился Котляревскій, какъ учились малолѣтки всего малорусскаго народа, безъ различія ихъ общественныхъ положеній,—учились до тѣхъ поръ, пока благородное дворянство, выслу-

пившееся изъ козацкой старшины, не отдало своихъ дѣтей на воспитаніе великорусскимъ учителямъ и иностраннымъ гувернерамъ, а посполитство, обратившееся въ «крѣпаковъ», за панщиной не забыло дорожки до школы, а наконецъ, не завалилась и самая школа, никѣмъ не пригрѣтая, никому не нужная...

Панъ-дьякъ—не совсѣмъ то, что современный дьячокъ. Это была значительная фигура, игравшая большую роль въ жизненномъ обиходѣ малорусской громады прошлаго вѣка. Прежде всего, надо сказать, что громада сама подыскивала себѣ въ дьяки лицо, удовлетворявшее всѣмъ ея, довольно сложнымъ, требованіямъ: дьякъ долженъ былъ обладать «добрымъ гласомъ», знать хорошо порядокъ и благолѣпіе церковной службы и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическія—если не способности, то навыки. Панъ-дьякъ былъ и паномъ-бакаляромъ, и паномъ-дирехторомъ, т.-е. учителемъ и начальникомъ школы.

Конечно, наука дьяка, и по своему содержанію, и по педагогическимъ пріемамъ, была очень далека отъ современнаго идеала. Грамàтка, псалтырь, часословецъ, въ ихъ педагогической обстановкѣ въ видѣ пучка розогъ подъ сволокомъ и неизбѣжныхъ «субитокъ» (субботнихъ наказаній)—все это кажется теперь очень непривлекательнымъ. Но «всякому овощу свое время», всякій предметъ надо разсматривать въ его обстановкѣ. Школа эта имѣла одно въ высокой степени важное достоинство: она удовлетворяла запросамъ массы, опирающимся на такія ея потребности, какъ религіозно-нравственное чувство. И она, эта школа, была не механическимъ придаткомъ жизни, а ея органическою составною частью. Отсюда школьный ритуалъ, въ которомъ принимала участіе и семья, напр. въ видѣ «каши», сопровождавшей переходъ ученика съ одной ступени знанія на другую: все это, что имѣетъ для насъ характеръ случайности и странности, нѣкогда было живымъ свидѣтельствомъ органической связи школы съ жизнью,—связи, отсутствіемъ которой такъ страдаетъ современная школа, при всемъ ея сравнительномъ совершенствѣ.

Но мы не поймемъ, что такое была тогдашняя школа, если не вглядимся ближе въ фигуру пана-дьяка, душу этого учрежденія. А панъ-дьякъ, уже прочно усѣвшійся въ школѣ, съ тайнымъ ли намѣреніемъ «выдряпаться» современемъ на попа, или съ покорностью судьбѣ рѣшившійся быть сыту отъ скромныхъ плодовъ своей дьяковской спеціальности, — этотъ осѣдлый панъ-дьякъ выяснится намъ лучше всего изъ его тѣсныхъ родственныхъ связей съ дья-

комъ «мандрóванымъ». Мандрóваные дьяки, изъ которыхъ выходили дьяки осѣдлые, это въ высокой степени любопытная соціальная группа. Составлялась она изъ тѣхъ латинниковъ, «спудеевъ» высшихъ школъ, которые или убоялись бездны премудрости, или просто больше чувствовали вкуса къ жизни, чѣмъ къ схоластической наукѣ. Выбитые изъ старой жизненной колеи и не вошедшіе пока еще въ новую, они до поры до времени вели бродячій образъ жизни, обогащаясь впечатлѣніями и свѣдѣніями, и служили поставщиками того незатѣйливаго духовнаго товара, на какой былъ спросъ среди простонародной массы. Это были люди не только «письмéнные», но и особыхъ «политичныхъ звычаевъ», имѣли нѣкоторыя, хотя, конечно, скудныя научныя познанія, а главное, разнообразные художественные вкусы и навыки: уже не говоря о пѣніи, на которое всегда былъ спросъ, они знали разные канты и вирши, умѣли рисовать, умѣли поставить для общественнаго развлеченія вертепную драму и т. п. На ряду съ тупицами, среди этого люда были и даровитыя головы, остроумные люди, и во всякомъ случаѣ не было здѣсь недостатка въ энергіи и отвагѣ. Надо думать, что именно творчеству этой безпокойной среды мы обязаны множествомъ тѣхъ произведеній, которыя дошли до насъ въ устной народной передачѣ и частью въ старинныхъ записяхъ, но всѣ они носятъ несомнѣнные слѣды искусственнаго происхожденія, книжной мудрости ихъ авторовъ. Членомъ этой среды надо считать и нашего украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду съ тою разницей, что болѣе широкій размахъ его духа погналъ его не изъ Березны въ Коропъ, а въ Германію и Италію. Вотъ въ какой почвѣ разбрасывала свои корни малорусская школа; надо думать, она извлекала отсюда коечто и сверхъ простой грамотности.

Въ полной гармоніи съ демократическимъ строемъ малорусскаго общества была демократична и высшая школа: семинарія, коллегіумъ, даже кіевская академія, несмотря на вполнѣ схоластическое, какъ бы далекое отъ интересовъ повседневной жизни и потребностей массы, направленіе преподаваемой ею науки. Уже не говоря о томъ, что двери ея были открыты для всѣхъ и каждаго; что масса бѣдняковъ, жаждущихъ знанія, питалась на счетъ громады — укажемъ на одну сторону ея жизни, менѣе извѣстную. Школа эта, между прочимъ, стремилась, такъ сказать, къ популяризаціи науки среди народа посредствомъ устройства драматическихъ зрѣлищъ поучительнаго содержанія, публичныхъ диспутовъ, діалоговъ и т. п., гдѣ, «для разумѣнія и простому во множествѣ стекавшемуся на-

роду», школьный латинскій языкъ замѣнялся народнымъ малорусскимъ.

Но во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ связи съ указанными нами выше глубокими перемѣнами, какимъ подвергся строй малорусскаго общества, эта высшая школа получила иное направленіе. Еще недавно южная Русь поставляла образованное высшее духовенство на всю сѣверную Русь, и московскіе попы не знали, какъ избыть свое «черкасское» начальство. Теперь кіевскіе митрополиты, высшая духовная и вообще просвѣтительная власть края, являлись съ сѣвера съ рѣшимостью подвести все имъ подвѣдомственное подъ общій уровень великорусскихъ учрежденій,—и школу на первомъ планѣ. Таковы были митрополиты Гавріилъ Кременецкій и, въ особенности, Самуилъ Миславскій.

Прежде всего и больше всего пришлось работать надъ языкомъ, вытѣснить «простонародное здѣшнее нарѣчіе» и замѣнить его «чистымъ россійскимъ слогомъ». Для достиженія этой цѣли примѣнялись энергическія мѣры: призывались преподаватели съ сѣвера, а мѣстные студенты отсылались на сѣверъ для изученія великорусскаго говора и произношенія; наличнымъ преподавателямъ строго внушалось не только объясняться на россійскомъ языкѣ, но и наблюдать выговоръ, несмотря на откровенное заявленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что они никакъ не могутъ сладить съ своимъ выговоромъ; составлялись руководства для малороссовъ, спеціально указывающія отличія малорусскаго языка отъ великорусскаго, дабы малороссы не могли отговариваться невѣдѣніемъ. Конечно, школьныя драмы съ ихъ остроумными интермедіями, вирши, канты, діалоги и пр., изгонялись изъ оффиціальнаго употребленія; вмѣсто всего этого, воспитанникамъ рекомендовали заучивать оды Ломоносова и слагать стихи, «наблюдая остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ въ трагедіи, смѣхъ и обманъ въ комедіи».

Мы не знаемъ точно, въ какіе годы учился Котляревскій въ семинаріи; но, несомнѣнно, это были тѣ годы, когда тамъ уже царилъ новый духъ, водворенный усиліями митрополита Миславскаго. Свое замѣчательное чутье къ риөмѣ Котляревскій примѣнялъ, конечно, къ тѣмъ же мадригаламъ, сонетамъ и акростихамъ, которые слагали воспитанники въ честь своего начальства на разные торжественные случаи.

Но отчего, въ послѣдующей своей литературной дѣятельности,

Котляревскій не пошелъ по слѣдамъ переяславскаго уроженца Хераскова, земляка Капниста, своего школьнаго товарища Гнѣдича, а выбралъ себѣ такой исключительный и, казалось, такой неблагодарный путь? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ аналитическаго углубленія въ психологію поэта; а возможно ли такое углубленіе, если мы лишены даже самаго простого и насущно-необходимаго для характеристики этой личности біографическаго матеріала... Но мы все-таки попытаемся дать—не отвѣтъ,—а хотя бы нѣкоторый суррогатъ отвѣта. Онъ можетъ относиться, какъ и самый вопросъ, лишь къ автору «Энеиды»; полувѣковой старикъ, какимъ былъ авторъ «Наталки-Полтавки» и «Москаля Чарвиныка», конечно, жилъ, какъ и всѣ мы, лишь процентами съ того духовнаго капитала, какой пріобрѣлъ въ годы своей молодости.

Ученые, которые по случаю юбилейнаго года занялись разслѣдованіемъ источниковъ происхожденія «Перелицованной Энеиды», указываютъ намъ на такія же перелицованныя Энеиды другихъ народовъ: великорусскую—Осипова; нѣмецкую — Блумайера; французскую—Скаррона. Конечно, Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, могъ знать «Энеиду» русскую, а также и французскую, такъ какъ владѣлъ французскимъ языкомъ; повидимому, кое въ чемъ даже и пользовался «Энеидой» Осипова. И тѣмъ не менѣе, его «Энеида» относится къ «Энеидѣ» Осипова, какъ живой цвѣтокъ— къ жалкому тряпичному издѣлію. Кто внушилъ Котляревскому мысль обратиться къ малорусскому языку и при его посредствѣ рисовать эти рельефные образы и картины современной ему малорусской жизни? А главное,—откуда взялъ онъ этотъ своеобразный, неподражаемый юморъ, который не допуститъ умереть «Энеиду», пока будетъ живо малорусское слово?

Среди произведеній малорусской словесности, дошедшей до насъ отъ прошлаго вѣка, частью въ устной передачѣ, частью въ записяхъ, — немаловажное мѣсто занимаютъ вирши (поздравительные стихи), рождественскія и пасхальныя. Но не народъ твердилъ ихъ, а та среда мандрованыхъ дьяковъ, бродячихъ школьниковъ и «спудеевъ», которая удовлетворяла живой потребности малорусской жизни къ сближенію школьной науки съ простонародною массой. Среди этихъ виршъ есть одна группа, чрезвычайно любопытная: это «ораціи»—вирши, предназначенныя не для пѣнія, а для декламаціи. Ораціи эти—нѣчто, трудно поддающееся опредѣленію или характеристикѣ. Всякій, кто знакомится съ ними впервые, — особенно не малороссъ по происхожденію, неизбѣжно повергается въ недоумѣніе,

такъ какъ не можетъ понять, съ чѣмъ имѣетъ дѣло: наивность ли это невѣжества, еще не додумавшагося до того, что для извѣстныхъ высокихъ предметовъ необходимъ тотъ особый словесный ореолъ, въ какой облекаетъ ихъ наше благоговѣйное чувство?—или злой умыселъ, сознательно ставящій себѣ цѣлью профанацію священныхъ образовъ? И только дальнѣйшее углубленіе въ предметъ приводитъ къ убѣжденію, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Мы просто-на́просто наталкиваемся на своеобразное проявленіе малорусскаго юмора, который такъ глубоко проникаетъ духовную природу малорусскаго человѣка, что допускаетъ, безъ оскорбленія чувствъ, сліяніе комическаго даже съ высокимъ, даже съ святымъ. Вотъ въ какомъ видѣ проходятъ передъ нами священныя библейскія сказанія (въ появившихся въ печати варіантахъ). Падшій сатана — «старшій чортъ», который, «хотивъ зривнятьця зъ Богомъ, надувсь, ажь очи лизуть рогомъ... А Богъ ему сказавъ: «А вонъ, а зась! Нема тоби тутъ місця въ насъ!» Вотъ Богъ гонитъ обманутаго Адама изъ рая: «Пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю! Объився яблукъ—ажъ сопешъ... Отъ такъ ты доглядаешь гаю: безъ поспыту що хочешъ, то и рвешъ?.. И ты иды, небого (къ Евѣ), прясты, Адамъ тебе щобъ доглядавъ; а щобъ не смила яблукъ красты, такъ я Адамови нагайку давъ...» Рожденіе Христа съ его трогательными эпизодами переносится цѣликомъ въ самую обыденную обстановку сельской малорусской жизни съ «пидпасычами», которые пасутъ «ватагу овечокъ», съ «кошарой», гдѣ «съ края въ край шагае таке велыке, ще й литае, не чоловикъ, а бачу я схоже», т.-е. ангелъ и т. п. Волхвы приносятъ дары и «поздоровляють по-письменскы, звысока»; «Исько (Іосифъ) старенькый имъ бувъ раденькый, гостынця принявъ да й каже: — «сидайте въ насъ, почастуемъ васъ чымъ Богъ намъ давъ». По каганцю сывухы, по кухлыку варенухы имъ якъ пидсулывъ; якъ же хлыснулы, сыдячи й поснулы, а Исько и свичку погасывъ»... Получивъ во снѣ вѣсть, «цари схопылысь, перехрестылысь и до дому почухралы». А Іосифъ тоже «схопывся, водою умывся, ослыцю осидлавъ, Марію взявъ, дуже поспишавсь и не оглядався—такъ пьятамы накывавъ»... Даже такой высокоторжественный моментъ, какъ воскресеніе Христа, не избѣгъ соотвѣтствующей редакціи. Но въ особенности апокрифическое сказаніе о сошествіи Христа въ адъ дало роскошную канву для причудливѣйшихъ сочетаній. Вотъ до пекла дошла вѣсть о приближеніи Христа и «Адамъ сміяться ставъ, а Мойсей и засвыставъ, прыбигъ швыдче къ Аарону зробыть справу по закону. Ааронъ очкы надивъ и въ Библію поглядивъ, не утер-

пивъ, засміявся». Христосъ приближается къ пеклу и спрашиваетъ у чорта: «Де старенька баба Ева, що глонула въ раю древа?»— Куцый кочергу узявъ и у пекли помишавъ... Вылизла баба зъ печи; обгорили вельмы плечи»... и вотъ Адамъ и Ева «изъ пекла драла; Ева на вси жылы брала, и Адамъ ажъ употивъ, поперёдъ усихъ летивъ...» Или изъ другой вирши: «Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла убравсь, винъ зъ Исакомъ ледви ракомъ и соби поплыгавъ; свята Сара, хочь и стара, та женщина руча: вся пихота шла въ ворота, вона куды луча». Всѣ святые «такъ покотылы у Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотилы». Или еще одна вирша изображаетъ всѣхъ освобожденныхъ изъ ада праотцевъ отдыхающими, по дорогѣ въ рай, на лугу, гдѣ они «посидавшы розмовлялы де-що бачъ про старыну, въ Сичи якъ колысь гулялы; парубки въ мяча игралы, де-якіи-жь у жгута; дивкы писеньки спивалы, малижъ диты у кота... Тутъ Давыдъ гусли пидстроивъ—козацькои якъ дернувъ! тутъ вже нихто не встоявъ и неживый бы скакнувъ... Якъ тильки вчувъ святый Афетъ, що вже гуселькы брынчать, якъ схопывся, якъ махнеть!»... А за нимъ и другіе «бралы навпрысядкы, былы трепака, забывалы пидкивкамы гопака, попотилы такъ, що сорочка ажь хлющыть»,—пока не пристыдила ихъ Сарра, и тогда всѣ святые гуртомъ «давай чухрать до раю».

Намъ необходимы были эти выдержки, чтобы наглядно установить то непосредственное духовное родство, которое связываетъ автора «Энеиды» съ его темными предшественниками, дьяками и «спудеями», авторами этихъ виршъ-орацій. Родство это несомнѣнно. Если Котляревскій и заимствовалъ у Осипова ли, Блумайера или Скаррона, мертвую форму своего произведенія, то, конечно, не имъ обязанъ онъ тѣмъ, что мы единственно и цѣнимъ — живой душой своей «Энеиды». Все, чѣмъ обусловливается ея неувядающая жизненность,—яркія картины простонародной малорусской жизни и та особая юмористическая складка, какая придается образамъ сочетаніемъ этого простонароднаго съ высокимъ — все это мы находимъ уже въ виршахъ, конечно, лишенным той законченности, какая явилась у талантливаго и культурнаго автора «Энеиды». Разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи или подражаніи: рѣчь идетъ лишь о томъ, что художественная индивидуальность Котляревскаго сложилась въ духовной атмосферѣ, какою жила масса малорусскаго народа, и сама «Энеида», несмотря на ея чуждую оболочку, есть плоть отъ плоти и кость отъ костей народнаго творчества.

Но Котляревскій не былъ непосредственнымъ человѣкомъ, подобно своимъ стихійнымъ предшественникамъ даже и изъ наиболѣе вкусившихъ отъ школьной науки. Онъ былъ культурнымъ продуктомъ своего fin-de-siècle, того fin-de-siècle, который смотритъ уже въ нашъ девятнадцатый вѣкъ съ его анализомъ и скептицизмомъ. Котляревскій могъ отрѣшиться въ своемъ сознаніи отъ той соціальной среды, къ которой принадлежалъ фактически, могъ оцѣнивать ее, такъ сказать, со стороны,—съ точки зрѣнія того идеала, который сложился подъ вліяніемъ гуманныхъ идей времени. Вотъ что отдѣляетъ его стѣной отъ его предшественниковъ и даетъ намъ право именно въ немъ видѣть родоначальника современной малорусской литературы, какъ органа сознательной духовной жизни націи.

А соціальная среда подверглась огромнымъ измѣненіямъ за тотъ относительно короткій промежутокъ времени, какой протекъ отъ появленія на свѣтъ Котляревскаго до того, какъ онъ выступилъ въ качествѣ молодого автора «Энеиды». Надо сказать вообще, что малорусское общество прошлаго вѣка представляетъ собой очень поучительную для наблюдателя картину необычайной быстроты, съ какой могутъ совершаться въ извѣстныхъ условіяхъ рѣзкія и глубокія измѣненія соціальнаго строя, превращающія данный общественный типъ въ иной, почти діаметрально противоположный. Еще въ началѣ царствованія Екатерины въ Малороссіи не было такой юридической разницы между козакомъ и посполитымъ, какая не позволяла бы членамъ одной группы переходить въ другую, и какъ козаки, такъ и посполитые, могли быть выбираемы на уряды, которые переводили уже занимающихъ эти уряды лицъ въ высшую, привилегированную, группу, называвшую себя шляхтой, хотя она и была лишь козацкой старшиной. Посполитый, козакъ, шляхтичъ—этими словами больше обозначалось фактическое положеніе даннаго лица въ обществѣ, чѣмъ давалось юридическое опредѣленіе. Но блестящее царствованіе Екатерины кануло въ вѣчность, — и что видѣлъ теперь вокругъ себя творецъ «Энеиды»! Крѣпостное право, какъ злокачественная гангрена, охватило весь общественный организмъ, отражаясь и на тѣхъ его частяхъ, которыя были свободны отъ непосредственнаго вліянія пагубнаго процесса. Между двумя крайними членами общества, дворянствомъ и посполъствомъ, залегла пропасть, исключающая всякую возможность взаимнаго пониманія. Завѣтнымъ стремленіемъ дворянства стало—расширить эту пропасть до непроходимости, — расширить чѣмъ бы то ни было: доказательствами своего происхожденія отъ иной, а не отъ «малороссійской породы»,

намекающей на простонародность, усвоеніемъ иного языка, иной культуры, быта, одежды. Теперь дворянство уже могло, какъ выражается одинъ современникъ, «скинуть національное платье, могло говорить, пѣть и плясать по-русски», и оно не могло, а должно было это сдѣлать, чтобы заставить позабыть всѣхъ, и даже самого себя, о своемъ еще столь недавнемъ родствѣ съ своими «крѣпаками». Конечно, этимъ людямъ уже было недоступно то, что̀ еще представлялось совершенно естественнымъ ихъ отцамъ, засѣдавшимъ депутатами въ «Екатерининской Коммиссіи»—мысль, что они, высшій классъ страны, должны являться представителями общенародныхъ интересовъ, политическихъ идеаловъ и стремленій своей родины. Люди образованные, они научились употребленію такихъ словъ, какъ «патріотизмъ» и «національизмъ»,—но какой жалкій, по своей узости, смыслъ вкладывали они въ эти слова!..

Въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго, сенатъ и герольдія измѣнили было, подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ вѣяній, старое отношеніе къ вопросу о малорусскомъ дворянствѣ: перестали съ прежней легкостью превращать козацкую старшину въ дворянъ, довольствуясь доказательствами дворянства въ родѣ свидѣтельства о томъ, что столько-то предковъ вело благородную жизнь, или генеалогіями, сфабрикованными отъ руки въ Бердичевѣ, и только что народившееся малорусское дворянство почувствовало, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Вотъ тутъ-то и началась необычайная дѣятельность мѣстныхъ «патріотовъ». Они изучаютъ малорусскія лѣтописи и польскія хроники, статутъ, сеймовыя конституціи и гетманскія статьи, разыскиваютъ документы; параллельно подвергается изученію исторія не только русскаго, но и иностраннаго дворянства. Добытыя свѣдѣнія систематизируются, и въ результатѣ появляются «мнѣнія» и «записки», доказывающія якобы на документальныхъ основаніяхъ неоспоримость дворянскихъ правъ малорусскаго шляхетства. «Патріоты», какъ называли сами себя эти люди, добились въ концѣ концовъ своей цѣли и съ гордостью говорили «о своемъ усердіи къ соотчичамъ и любви къ націи», «о безпристрастномъ къ отечеству поревнованіи», о томъ, «какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества». Грустное впечатлѣніе производитъ эта подтасовка чувствъ и понятій—допустимъ, безсознательная,—все это ложное направленіе энергіи, имѣющее единственной цѣлью порабощеніе народной массы. Но еще грустнѣе становится, когда видишь—изъ мемуаровъ, частной переписки и т. п.—какъ крѣпостное право, и въ такое короткое время, искажаетъ психику

людей, повидимому, не лишенныхъ серьезныхъ достоинствъ. Такой образованный и вдумчивый «патріотъ», какъ Полетика-сынъ, предполагаемый авторъ «Исторіи руссовъ», пишетъ, напр., изъ Петербурга своей женѣ, чтобы она высылала къ нему хлопцевъ, не обращая вниманія на заявленія и просьбы родителей, чтобы размѣстить ихъ по мастерскимъ столицы; по поводу незаконнаго ребенка у сельской дивчины, братъ этого Полетики очень мило шутитъ, что, молъ, у него эта дивчина «получила бы за то ординъ, такъ какъ нынѣ настало время стараться умножить людей и за умноженіе людей въ семъ искусныхъ награждать всячески»... А какія веселыя картины рисуетъ намъ любезный кн. Шаликовъ, «путешествовавшій» по Малороссіи! Передъ нами проходятъ крѣпостные хоры и оркестры, спектакли крѣпостныхъ балансёровъ, причемъ на глазахъ Шаликова одна беременная балансёрка падаетъ съ веревки, крѣпостные актеры и актрисы, наконецъ балерины, которыя такъ плѣняютъ сердца гостей своего господина, что и «Амуръ не оставался безъ дѣла; и можно ли Амуру не рѣзвиться тамъ, гдѣ граціи?»—замѣчаетъ игривый князь, сообщая, что и онъ самъ «сталъ плѣнникомъ одной Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы», но умалчивая о подаркахъ, какіе онъ дѣлалъ своей Эвхарисѣ изъ магазина ювелирныхъ вещей, который содержалъ остроумный владѣлецъ, отбиравшій отъ крѣпостныхъ Эвхарисъ вещи, подаренныя имъ гостями.

Конечно, все это и подобное—еще далеко не то, что Аракчеевскія истязательства. Но когда навязывается для сравненія съ этимъ временемъ прошлое, такое недавнее, что оно еще жило въ памяти старшаго поколѣнія,—то становится понятною жгучая злоба и ненависть, которая залегла тогда глубоко въ народной душѣ; становится понятнымъ и то, какъ дерзнулъ благородный кн. Репнинъ, малорусскій генералъ-губернаторъ, сказать уже въ 1831-мъ году самому императору Николаю I, что «малорусскіе крестьяне порабощены происками царедворцевъ и малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для своихъ выгодъ»...

Но намъ взвѣшивать теперь то, что́ происходило сто лѣтъ назадъ, обсуждать или даже осуждать—это совсѣмъ не то, что́ было взвѣшивать современникамъ и участникамъ той эпохи. Если счастливая случайность втолкнула кого въ станъ торжествующихъ, то и чувство естественно располагало къ ликованію и краснорѣчиво подсказывало уму аргументы, доказывающіе его правоту. Мы видѣли, какую энергическую позицію приняли малорусскіе «патріоты»; по-

чувствовавъ отдаленно непрочность своего торжества, и какъ легко отождествили они свои узко-эгоистическіе интересы съ отечествомъ и націей.

Но Котляревскій былъ человѣкъ иного закала; его благородная душа была далека отъ этого эгоистически-хищническаго настроенія. «Перелицованная Энеида» свидѣтельствуетъ, съ какимъ порицаніемъ относился онъ какъ къ крѣпостному праву, такъ и къ другимъ язвамъ своей общественной среды. Что же создало въ немъ такое настроеніе, которое такъ возвышало его надъ уровнемъ его общества? Конечно, гуманныя идеи, имѣвшія своимъ источникомъ Францію того времени, сыграли въ этомъ свою роль, но не онѣ однѣ: всякій знаетъ, какъ глохнетъ сѣмя самыхъ гуманныхъ, самыхъ благородныхъ идей на неблагодарной почвѣ. Почвой, которая подготовила душу Котляревскаго къ воспріятію и росту этихъ идей, была его страстная любовь къ своей народности.

Страстная любовь къ своей народности!.. Въ выраженіи этомъ—впрочемъ, очень обыденномъ по своей употребительности—чувствуется извѣстное противорѣчіе, какъ бы нѣкоторая логическая несообразность. Если отчизна, по выраженію геніальнаго польскаго поэта, все равно что здоровье, которое цѣнишь только тогда, когда его теряешь, то тѣмъ болѣе это же можно сказать о народности. Вѣдь народность по отношенію къ личности есть стихія, которая проникаетъ собою данную индивидуальность во всѣхъ ея тѣлесныхъ и душевныхъ проявленіяхъ. Любишь или не любишь всегда лишь то, чтó можно себѣ противопоставить, какъ извѣстный объектъ: какъ же можно, спрашивается, любить свою народность, да еще любить страстно?

И однако, творчество жизни безпредѣльно. Жизнь творитъ какъ нормальныя, здоровыя формы, такъ и болѣзненныя отъ нихъ уклоненія. И жизнь малорусскаго народа—или его исторія—создала такое положеніе, когда психологическій абсурдъ какъ бы сдѣлался несомнѣнной психологической истиной.

Верхній слой малорусскаго народа, разомъ обратившійся въ дворянство, въ собственниковъ своихъ недавнихъ братьевъ, какъ по происхожденію, такъ и по общественному положенію,—поставилъ цѣлью своихъ усилій освободиться отъ проявленій своей малорусской особенности. Сначала онъ научился «говорить, одѣваться, пѣть и плясать по-русски»; затѣмъ, при посредствѣ соотвѣтственнаго воспитанія дѣтей, достигъ и дальнѣйшаго. Южнорусская культура прекратила свой естественный ростъ; мало-

русская народность скрылась въ простонародности, а простонародность замерла подъ давленіемъ крѣпостного права. Правда, въ общественныхъ группахъ, промежуточныхъ между панствомъ и крѣпостной массой, еще были живы нѣкоторые элементы народности; да и паны въ своихъ новыхъ костюмахъ по французской модѣ не прочь были послушать національныхъ пѣсенъ, а при случаѣ и всплакнуть, слушая какую-нибудь «Чайку». Но чувство національнаго достоинства было утрачено, а при этомъ условіи и національныя симпатіи теряли значеніе дѣятельной творящей силы.

Но малорусская народность была еще слишкомъ жизненна, слишкомъ богата тѣми историческими и культурными осадками, которые она вынесла изъ своего прошлаго и втянула въ себя, какъ свое достояніе, чтобы ее можно было такъ легко удержать въ тѣхъ соціальныхъ нѣдрахъ, куда заключила ее иронія ея исторической судьбы и—такъ сказать—эгоистическая воля ея первородныхъ дѣтей. И вотъ, среди этой самой привилегированной группы, которая поставила себѣ сознательной цѣлью отрѣшеніе отъ своей народности, начинаютъ попадаться отдѣльныя единицы, въ душѣ которыхъ стремленіе къ этой народности получаетъ болѣзненно-страстный характеръ. Они нѣжно лелѣютъ въ себѣ остатки народности, пощаженные воспитаніемъ и вліяніемъ обстановки, и жадно стремятся къ тому, чтобы воплотить въ себѣ ея полноту, сохранившуюся лишь въ народной массѣ. Украинскій народъ въ его непосредственной цѣльности—конечно, лишь простой народъ—сдѣлался альфой и омегой стремленій этихъ людей. Это духовное движеніе проходитъ красною нитью черезъ всю жизнь южно-русскаго общества въ теченіе настоящаго столѣтія. И, конечно, съ нашей стороны не будетъ ни преувеличеніемъ, ни ошибкой, если мы назовемъ Котляревскаго его родоначальникомъ въ смыслѣ перваго его представителя, замѣтнаго по своимъ силамъ и сознательнаго по проявленіямъ этихъ силъ во внѣшней дѣятельности, въ литературѣ.

Если раннее произведеніе Котляревскаго, его «Энеиду», мы поставили выше въ причинную связь преемства съ указанными произведеніями самобытнаго творчества малорусскаго народа, то остальныя его произведенія зрѣлаго—даже болѣе чѣмъ зрѣлаго—возраста: «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривныка», мы не рѣшимся сопоставить ни съ «вертепной драмой», ни сопровождавшими ее комическими интерлюдіями и интермедіями, какъ ни съ соблазнительно такое сопоставленіе. Это было бы натяжкой. Пожилой авторъ «Наталки-Полтавки» слишкомъ много пережилъ вмѣстѣ съ своимъ обществомъ.

ченіе народа. «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ» есть первые сборники малорусскаго пѣсеннаго творчества, сохранившіе намъ нѣсколько крупнѣйшихъ перловъ народной поэзіи. Всѣмъ извѣстно, какіе широкіе размѣры приняло позже это движеніе, и къ какимъ важнымъ результатамъ оно привело не только въ спеціально-научномъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

Итакъ, выдающееся значеніе Котляревскаго въ исторіи развитія малорусской народности есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Дѣло не въ томъ лишь, что «Энеида» есть первое произведеніе народнаго малорусскаго языка, вышедшее въ свѣтъ изъ-подъ печатнаго станка,— какъ ни важенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но это фактъ внѣшній, случайный. Дѣло въ томъ, что внѣшній характеръ факта совпадаетъ съ его внутреннимъ значеніемъ. Котляревскій есть дѣйствительно первый литературный представитель малорусской народности, и «Энеида» есть дѣйствительно первая попытка ввести малорусскій языкъ въ циклъ языковъ литературныхъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе Котляревскаго. Онъ открываетъ собою то духовное движеніе, которое съ тѣхъ поръ проходитъ черезъ всю жизнь южно-русскаго общества—движеніе, исходившее нѣкогда изъ оскорбленнаго нравственнаго чувства и стремившееся—въ значительной степени безсознательно—къ очевидной цѣли: дать коррективъ тяжелымъ урокамъ исторіи. И, наконецъ, онъ же, Котляревскій, кладетъ починъ въ дѣлѣ научнаго изученія родной народности—дѣлѣ, оцѣнка результатовъ котораго еще принадлежитъ будущему. Тотъ фактъ, что онъ руководился въ своей дѣятельности не сознательно поставленной цѣлью, не опредѣленной программой, а могучимъ инстинктомъ любви,—конечно, не уменьшаетъ его значенія въ глазахъ историка...

ПАМЯТИ

ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА [1]).

Сорокъ лѣтъ прошло съ той поры, какъ Украина лишилась своего поэта, своего великаго «кобзаря», и украинцы сложили его прахъ надъ Днѣпромъ, высоко на горѣ, откуда бѣлый крестъ глядитъ на страстно любимую поэтомъ родную рѣку съ ея прекрасными берегами [2]). За это время имя Тараса Шевченка успѣло перейти изъ русской Украйны за границу, въ Галицію, Буковину, Венгрію—австрійскія области, гдѣ также живетъ малорусскій народъ,—и бѣдный галицкій крестьянинъ унесъ его съ собой за океанъ, въ Америку, куда поплылъ искать «счастья-доли». Однимъ словомъ, всюду, гдѣ украинскій человѣкъ говоритъ, читаетъ и учится по-украински,—онъ произноситъ имя Шевченка благоговѣйными устами, какъ священное имя хранителя родной народности. Сорокъ лѣтъ изъ году въ годъ наши русскіе интеллигентные украинцы, по всѣмъ городамъ южной Руси, сбираются въ извѣстный день «на роковыны» (на поминки), которыя справляются иногда въ большихъ блестящихъ собраніяхъ, но большею частью въ скромныхъ домашнихъ кружкахъ. Долгій срокъ—сорокъ лѣтъ... Ушло за Шевченкомъ въ могилу большинство тѣхъ, кто зналъ и любилъ его; неразумныя дѣти обратились въ зрѣлыхъ людей, у которыхъ больше жизни позади, чѣмъ впереди. А какъ измѣнилась за это время сама Украина! Достаточно было времени, слишкомъ достаточно случаевъ, чтобъ подумать, чтобъ дать себѣ отчетъ: въ чемъ же собственно дѣло Шевченка? Что далъ Шевченко Украинѣ? Можетъ быть, онъ просто лишь зачаровалъ украинцевъ своимъ стихомъ, чудными звуками родной рѣчи, которую малороссы такъ горячо любятъ, но которую

---

[1]) „Журналъ для всѣхъ". 1901, № 2.

[2]) Умеръ Шевченко въ Петербургѣ 26 февраля 1861 г.; схоронили его на берегу Днѣпра, недалеко отъ Канева, въ маѣ того же года.

поневолѣ теряютъ? Передъ нами стихотворенія Шевченка, его «Кобзарь», книга, которая для каждаго уроженца юга, признающаго себя украинцемъ, есть своего рода національная библія. Перелистаемъ ее медленно, вдумчиво, и постараемся осмыслить себѣ, что кроется подъ звуками этихъ стиховъ, какъ бы русскими и въ то же время столь странными для русскаго слуха, такими мягкими и нѣжными. Мы читаемъ, и тихая грусть овладѣваетъ душой. Въ грусть эту врывается по временамъ стонъ невыносимой боли, бурный крикъ отчаянія, грозный призывъ къ мести, и снова все стихаетъ, и опять вы стоите вмѣстѣ съ поэтомъ въ грустномъ раздумьи. Но эта грусть не возбуждаетъ отвращенія къ жизни—о, нѣтъ! Жизнь хороша, и тотъ уголокъ ея, который зовется Украиной, такъ чудно, такъ обаятельно прекрасенъ. Взгляните. Широко, какъ море, синѣетъ-зеленѣетъ степь, убранная въ разноцвѣтныя нивы; тамъ темнѣетъ на ней лѣсокъ, тамъ высокая могила ведетъ безконечную бесѣду съ степнымъ вѣтромъ, а тамъ въ байракѣ, гдѣ зеленѣетъ верболозъ, качается стройный тополь, пышно раскинулась калина, тихо-тихо, едва замѣтно блеститъ рѣчка. Утро ли, когда соловей встрѣчаетъ солнце въ темной дубравѣ, и пышные сады зеленѣютъ, умытые ранней росой; вечеръ ли, когда солнце гаснетъ между вербами, купающими въ зеркальной водѣ свои зеленыя вѣтви, а хрущи гудятъ надъ вишнями; или весна будитъ сонную землю и убираетъ ее цвѣтами, какъ невѣсту... Сколько красоты, которая можетъ обратить жизнь въ рай! И много ли нужно человѣку, чтобы быть счастливымъ? Вотъ дѣвушка, заслышавъ пѣніе пташки, идетъ изъ своей бѣленькой хатки по долинѣ, а навстрѣчу ей вышелъ изъ зеленой дубравы ея милый; вотъ сѣдой дѣдъ забавляетъ своего маленькаго кудряваго внука, а молодая мать подходитъ и весело цѣлуетъ обоихъ... Какого же еще счастія просить у Бога? Но, можетъ быть, душа ваша не удовлетворяется яснымъ небомъ, тихимъ покоемъ семьи; вамъ мерещится иное счастье—счастье борьбы, подвига, жертвы: поэтъ готовъ развернуть передъ вами и иныя картины. Ревутъ и стонутъ пороги, свирѣпый вѣтеръ вздымаетъ на Днѣпрѣ сѣдыя волны горами, гнетъ до земли вербы и несется дальше по безконечной степи. А на степи чернѣютъ могилы и говорятъ съ вѣтромъ про старые, стародавніе годы и про то, какъ жили когда-то на Украйнѣ люди. Много видѣли онѣ, много знаютъ эти высокія могилы. Давно то было, два-три вѣка тому назадъ и больше. Степь едва была тронута плугомъ, но по берегамъ рѣкъ и тихихъ степныхъ рѣчекъ, по зеленымъ байракамъ

широко и весело раскинулись свободныя села; въ тѣни роскошныхъ садовъ расцвѣтали дѣвушки, какъ бѣлыя лиліи; матери гордились своими вольными сыновьями. Украйна не знала ни холопа, ни пана. Дальше, за днѣпровскими порогами, свили себѣ неприступное гнѣздо степные рыцари—козаки, тѣ же вольныя дѣти вольной Украйны: тамъ, въ Запорожской Сѣчи, стояли они на сторожѣ своей родины, не выпуская изъ рукъ оружія. Время отъ времени они спускались изъ Запорожья на своихъ челнахъ внизъ по родному Днѣпру на Черное море, и тогда не только крымскій ханъ, но и турецкій султанъ, гроза всего христіанскаго міра, трепеталъ передъ незваными чубатыми гостями. Не славы лишь и добычи искали козаки на Черномъ морѣ; больше влекла ихъ туда, въ путь, полный опасностей, мысль о бѣдныхъ русскихъ невольникахъ, захваченныхъ хищными татарами. О, какъ ужасно было положеніе этихъ невольниковъ! Стоны ихъ, звонъ цѣпей, отчаянныя мольбы о волѣ, о родинѣ, наполняли воздухъ проклятыхъ крымскихъ невольничьихъ рынковъ; ихъ кровью, потомъ, слезами была пропитана земля Крыма и турецкихъ береговъ Чернаго моря. Слѣпые, калѣки, которымъ удавалось вернуться изъ неволи на родину, распѣвали по Украйнѣ, подъ звуки кобзы, потрясающія душу невольничьи думы, и отважныя сердца рвались на подвигъ: «вызволить» братскія христіанскія души изъ тяжкой неволи или сложить буйныя головы на днѣ Чернаго моря, на цареградской висѣлицѣ, подъ кинжаломъ янычара, а то хоть просто залить свою злобу и жажду мести басурманской кровью. Облегла прекрасное украинское небо черная туча съ мусульманскаго юга; еще болѣе страшная туча надвинулась съ сѣвера отъ Польши. Не долго вольные украинцы жили побратски съ вольными поляками. Польская шляхта и гордые магнаты, распоряжавшіеся королевскимъ престоломъ, разобрали между собой украинскую землю; съ ними пришли на православную Украйну католическая вѣра, ксендзы, іезуиты, евреи. Настало для Украйны тяжелое горе: гибнетъ козачество съ его старой славой, со всей его волей и долей; еврей откупилъ у магната церкви, и православныя дѣти растутъ безъ креста, люди женятся безъ вѣнца, хоронятся безъ попа. Сзываетъ Запорожье на раду своихъ атамановъ и товарищей—что дѣлать съ вражьими ляхами?—сзываетъ и высылаетъ на защиту Украйны одного вождя за другимъ. Но всѣ кладутъ свои головы въ неравной борьбѣ: кровавая «Тарасова ночь» покрыла поле трупами «ляшковъ-панковъ», но не освободила Украйны. Но вотъ еще одно страшное усиліе, потрясшее край изъ конца

въ конецъ,—и Украйна свободна. Изъ Чигирина правитъ Украйной гетманъ Богданъ Хмельницкій, выбранный вольной козацкой радой: блеснетъ булавой, и козацкое войско закипитъ какъ море и разольется по украинскимъ степямъ и ярамъ. Гуляетъ козачество, никому не уступая дороги; льетъ, какъ воду, вина и меды, топчетъ ногами шелкъ и бархатъ, отбиваетъ каблуки въ бѣшеной пляскѣ. И опять все мѣняется. Украйну разбираютъ на части сильные сосѣди: отъ Чернаго моря выступаютъ турки съ татарами; съ сѣвера, съ Полѣсья, снова надвигается польская шляхта; изъ-за Днѣпра напираетъ Москва. Стая хищниковъ покрываетъ Украйну и клюетъ ее, что есть силы. Вслѣдъ за чужими и свои продаютъ братьевъ въ басурманское ярмо, разливаютъ братнюю кровь; до сихъ поръ изъ заклятыхъ могилъ поднимаются по ночамъ козацкія тѣни, не находящія себѣ покоя въ землѣ, какъ измѣнники и братоубійцы. Старый гетманъ Дорошенко, Палій Семенъ, съ ихъ великой любовью и жалостью къ прекрасной несчастной родинѣ, кончаютъ неволей, снѣгами Сибири, монастырской кельей. Пришелъ послѣдній конецъ свободѣ; по одинъ бокъ Днѣпра запановали поляки, по другой—Москва. Уже нѣтъ больше силъ бороться, но все-таки не можетъ украинскій народъ примириться съ неволей. Еще разъ съ бѣшеной злобой потрясаетъ онъ своими тяжелыми цѣпями,—и Боже, сколько ужаса, крови, мукъ! Съ «свячеными» ножами въ рукахъ неистовствуютъ гайдамаки, и нѣтъ мѣры, ни краю ихъ слѣпой кровожадной мести. Отъ Кіева до Умани все горитъ, подплываетъ кровью. Нѣтъ пощады ни одной польской и еврейской душѣ; плачъ, стоны, мольбы—все напрасно; гибнутъ безъ разбора старики и дѣти, калѣки, женщины. Какъ въ аду, страшно чернѣютъ на висѣлицахъ трупы, охваченные пламенемъ; но еще больше валяется этихъ труповъ по улицамъ, на распутьяхъ, гдѣ ихъ рвутъ собаки, клюютъ вороны; тихія степныя рѣчки краснѣютъ кровью. А было ли когда-нибудь на свѣтѣ подобное тому, что дѣлалось въ Умани? Страшно вспомнить.... Напоили гайдамаки землю шляхетскою кровью и разошлись кто куда. Войска Екатерины разорили Сѣчь, и запорожскіе козаки ушли искать пристанища на тихій Дунай, на Кубань. Все минуло, только пороги ревутъ, завываютъ по старому; а Украйна заснула. Заснула Украйна, заросла бурьяномъ, зацвѣла плѣсенью. Розданы, разобраны, разграблены ея козацкія степи, вольный народъ закрѣпощенъ панамъ. На развалинахъ славнаго прошлаго развернулось мрачное чудовище—имя ему: крѣпостное право. О, какъ ненавидѣлъ Шевченко крѣпостное право, эту страшную, позорную

власть человѣка надъ человѣкомъ! Мысль о томъ, что его родной украинскій народъ,—вся исторія котораго есть борьба за свободу,—стонетъ въ ярмѣ крѣпостного рабства, мысль эта была для души поэта вѣчно открытой, вѣчно болящею язвой. Подъ ядовитымъ дыханіемъ этой мысли меркъ, исчезалъ изъ его души тихій рай украинскаго села, украинской хаты въ зеленой дубравѣ надъ прозрачной водой; засыхали зеленые сады, гнили, валились бѣленькія хаты, заростали бурьяномъ тихія воды; а среди этого поруганнаго рая «чернѣе черной земли» брели на тяжелый подневольный трудъ нѣмые, одурѣвшіе люди, таща за собой дѣтей. Припомнимъ, что поэтъ самъ былъ крѣпостнымъ, на себѣ самомъ испыталъ весь ужасъ рабской зависимости. Игра случая создаетъ иногда знаменательныя совпаденія: такъ совпала тяжелая личная судьба Шевченка съ тяжелыми историческими судьбами его родного народа. Сначала крѣпостное рабство, затѣмъ солдатчина, мучительная ссылка въ забытыя Богомъ и людьми киргизскія степи,—однимъ словомъ: изъ сорока семи лѣтъ всей своей жизни Шевченко только тринадцать лѣтъ жилъ человѣкомъ свободнымъ, настолько свободнымъ, насколько могли считаться свободными русскіе обыватели тѣхъ дореформенныхъ временъ. Мудрено ли, что онъ сумѣлъ найти такія трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающія душу слова, чтобъ выразить боль, обиду и позоръ неволи. И не только неволи, а общественной несправедливости во всѣхъ ея видахъ. Едва ли есть, напримѣръ, другой поэтъ, у котораго можно найти столько чарующе-нѣжныхъ и трогательныхъ выраженій и образовъ для женской доли, въ особенности для положенія дѣвушки-матери, этой такъ часто совсѣмъ невинной жертвы минутнаго ослѣпленія, которой приходится искупать свою ошибку горемъ цѣлой жизни. Мы пересмотрѣли Кобзарь, и, кажется, уже можемъ сдѣлать заключеніе о томъ, что далъ поэтъ своей родинѣ. Поэзія Шевченка, какъ прекрасное волшебное зеркало, отразила въ себѣ и неизгладимо запечатлѣла Украйну въ ея природѣ и человѣкѣ, въ ея исторіи и бытѣ. Конечно, будетъ преувеличеніемъ сказать, что ни одна черта не проскользнула мимо этого отраженія. Но вполнѣ справедливо утвержденіе, что все наиболѣе важное и характерное для украинской жизни нашло свое выраженіе въ Кобзарѣ,—и какое выраженіе! Страстная любовь поэта къ его страдающей родинѣ придала этому выраженію такую силу, которая неотразимо дѣйствуетъ на каждаго украинца, еще не утратившаго вполнѣ сознанія своей народности. Читая и перечитывая поэтическія строки Кобзаря, украинецъ снова и снова переживаетъ

свое историческое прошлое; снова поднимаются въ его душѣ настроенія и чувства, какими живетъ еще масса украинскаго народа, оживаетъ красота украинскаго слова и чудныхъ поэтическихъ образовъ, которые поэзія Шевченка унаслѣдовала отъ своей родной матери, поэзіи народной.

Понятно, что все это доставляетъ большое удовлетвореніе украинскому сердцу. А доставлять удовлетвореніе сердцу—значитъ творить счастіе. Но этимъ не исчерпывается значеніе Шевченка. Есть другая сторона, въ силу которой личность и дѣятельность Шевченка пріобрѣтаютъ значеніе крупнаго общественнаго историческаго факта. Украинскій народъ, какъ видно и изъ сказаннаго выше, имѣлъ особую историческую судьбу. Ему не удалось отстоять своей самостоятельности въ той борьбѣ за существованіе, на какую націи обречены, какъ и все живущее на землѣ; и теперь онъ раздѣленъ между Россійской и Австрійской монархіями. Но изъ того, что украинскій народъ не отстоялъ своей политической самостоятельности, еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ утратить и свою особую культуру, т.-е. языкъ, бытъ, обычай, письменность. А между тѣмъ выходитъ именно такъ: господствующая народность поглощаетъ народность зависимую, втягиваетъ ее въ себя. Такъ, въ Австріи господствующія народности, польская, нѣмецкая, венгерская, стремятся поглотить народность украинскую; но какъ та ни слаба, а все-таки противится поглощенію, благодаря свободѣ слова. Гораздо больше успѣха въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ великорусская народность, и не удивительно: великороссъ гораздо ближе, родственнѣе украинцу, чѣмъ полякъ, не говоря уже о нѣмцѣ или венгрѣ. Въ силу близкаго родства языковъ, украинцы нерѣдко оставляютъ свой языкъ для языка общерусскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно утрачиваютъ и остальныя особенности своей народности. Въ этой «денаціонализаціи» украинскаго народа есть нѣкоторыя практическія выгоды: удобнѣе, когда люди, живущіе въ одномъ государствѣ, говорятъ однимъ языкомъ. Но практическія удобства далеко не искупаютъ страшныхъ духовныхъ потерь, какія влечетъ за собой это претвореніе народности въ иную. Теряя родной языкъ, народъ теряетъ вмѣстѣ съ нимъ и свое духовное достояніе, нажитое многими вѣками: свой особый способъ пониманія міра, особый способъ передавать это пониманіе, свой запасъ мудрости, сберегаемый въ народной поэзіи, въ произведеніяхъ устной словесности, которыми богатъ каждый даровитый народъ. Познакомьтесь хотя бы, напр., съ украинскими «народными думами»: каждая изъ нихъ есть поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ историческое

произведеніе высокой художественной и научной цѣны. И все это народъ теряетъ вмѣстѣ съ языкомъ. Народная душа скудѣетъ, вырождается; народъ падаетъ въ своихъ духовныхъ силахъ, переходитъ на низшую ступень развитія; слова чужого языка, хотя и родственнаго, есть для него мертвые звуки, которые не вызываютъ мыслей, чувствъ, всей той плодотворной творческой работы, какую вызываютъ звуки языка родного. Можетъ быть, пройдутъ годы, смѣнятся поколѣнія, и чужой языкъ усвоится какъ родной; но нужно ли подвергать народную душу этой тяжелой, болѣзненной ломкѣ? Въ такомъ колебательномъ положеніи находилась украинская народность, осаждаемая съ разныхъ сторонъ сильными враждебными вліяніями. Появился Шевченко и своей поэзіей далъ ей опорную точку. Его устами какъ бы заговорилъ самъ украинскій народъ и заявилъ міру о томъ, какъ богатъ и звученъ его языкъ, какъ содержательна его исторія, какъ своеобразна и интересна вся его духовная природа. Поэзія Шевченка есть проявленіе *національнаго самосознанія,* а разъ нація, народность сознала себя, какъ культурную особь, она тѣмъ самымъ въ значительной степени обезпечила себя отъ исчезновенія, отъ поглощенія другой народностью. Такое особенное значеніе Шевченка для Украйны, не какъ поэта лишь, а какъ дѣятеля историческаго, сознается на всей обширной территоріи, занятой украинскимъ народомъ. Такъ, напримѣръ, въ Галиціи, въ г. Львовѣ, есть ученое общество, которое выпускаетъ ежегодно разнообразные ученые труды на украинскомъ языкѣ и, вѣроятно, скоро будетъ признано австрійскимъ правительствомъ украинской Академіей Наукъ: общество это называетъ себя «Науковымъ товариствомъ имени Шевченка», хотя Шевченко никогда не имѣлъ никакого отношенія къ наукѣ. Устами своего «Чернеца» поэтъ спрашиваетъ:

Для чого жъ я на свитъ родывся,
Свою Украину любывъ?

И это былъ съ его стороны не праздный вопросъ, не простая красивая фраза: это былъ вопль наболѣвшей души, измученной страданіемъ, измученной сомнѣніемъ въ себѣ и въ другихъ. Такъ и умеръ онъ, не рѣшивъ рокового вопроса.

УКРАИНСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ГОГОЛЯ

ОЧЕРКЪ [1]).

Душа Гоголя была полна тяжелыхъ и непримиримыхъ противорѣчій—это знаетъ каждый, кто ближе подходилъ къ личности великаго писателя путемъ ли углубленія въ матеріалъ біографическій или въ произведенія его творчества. Наличность этихъ противорѣчій такъ очевидна, что вызывала даже попытки ихъ объясненія на патологической основѣ. Одинъ извѣстный психіатръ подводилъ всѣ якобы ненормальныя проявленія въ психологіи Гоголя подъ одну форму душевнаго заболѣванія—извѣстный видъ меланхоліи. Противорѣчія, разсматриваемыя подъ этимъ угломъ зрѣнія, являются лишь періодически наступающими помраченіями и просвѣтленіями сознанія, столь характерными для нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваній. Но врядъ ли можно добиться чего-либо цѣннаго на этомъ скользкомъ пути. Читайте корреспонденцію Гоголя, изданную недавно подъ редакціей г. Шенрока въ четырехъ солидныхъ томахъ и развертывающую передъ нами личность великаго писателя, если не день за днемъ, то недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, отъ ранняго дѣтства до могилы—и вы должны неизбѣжно притти къ убѣжденію, что имѣете дѣло съ единымъ и цѣльнымъ сознаніемъ, т.-е. вполнѣ здоровымъ психически.

Но за всѣмъ тѣмъ все-таки остается въ наличности фактъ, что душа Гоголя была, дѣйствительно, жертвой мучительныхъ противорѣчій; остается и нашъ вполнѣ естественный и понятный интересъ къ этому факту.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы". 1902, іюль.

О полномъ освѣщеніи этой темной, страдальческой души пока не можетъ быть и рѣчи: психологія, какъ наука, не даетъ прочной почвы для сложныхъ психологическихъ построеній, а Гоголевскій матеріалъ только вступаетъ въ первый фазисъ своей разработки. Пока возможно лишь намѣтить нѣкоторые элементы этой сложной задачи, и мы хотимъ предложить вниманію читателя нѣкоторыя, относящіяся сюда, соображенія, вынесенныя изъ изученія Гоголя въ его жизни и твореніяхъ.

I.

Мы не имѣемъ возможности распространяться здѣсь о томъ значеніи—вполнѣ выясненномъ современной филологіей—какое имѣетъ въ творчествѣ стихія народности: всякое творчество, и поэтическое въ особенности, заключено въ ней, въ своей народности, ею питается, и въ свою очередь само вліяетъ на нее, расширяя ея предѣлы, обогащая ея содержаніе. Душа Гоголя была, прежде всего, поражена раздвоенностью въ этой основной стихіи своего бытія. Великій писатель былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ—великорусской. Своей пріемной матери онъ отдалъ все: свой великій талантъ, жизнь свою, кровь своего сердца. Но ничто не могло уничтожить значеніе того, что и жизнь, и талантъ онъ получилъ не отъ нея, а отъ той, отъ другой...

Рѣшаемся утверждать, что, ставъ на эту точку зрѣнія, мы получимъ опору для нѣкоторыхъ выводовъ, иначе освѣщающихъ личность и творчество Гоголя, чѣмъ это было до сихъ поръ принято.

Однажды А. О. Смирнова, въ письмѣ къ своему великому другу, затронула вопросъ о его національности. Гоголь отвѣчалъ ей такъ: «Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой»...

Несомнѣнно, отвѣтъ этотъ—отвѣтъ вполнѣ искренній и правдивый. Гоголю нерѣдко посылались упреки въ лицемѣріи, неискрен-

ности, въ сознательныхъ намѣреніяхъ обмануть или одурачить людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Но ничего подобнаго не могло быть относительно Смирновой, которую Гоголь глубоко уважалъ и любилъ. Мы вѣримъ, что Гоголь, когда писалъ Смирновой, то дѣйствительно самъ не зналъ, какова у него душа—хохлацкая или русская? Но значитъ ли это, что его духовный обликъ былъ лишенъ національной окраски, и его душа не знала національныхъ чувствъ и симпатій? или что въ его душѣ два національныхъ элемента уживались въ полной гармоніи, никогда и ничѣмъ не заявляя о своихъ взаимныхъ противорѣчіяхъ? Едва ли можно допустить одно или другое.

Но, можетъ быть, то, чего Гоголь не зналъ про себя, то знали про него другіе: объективное наблюденіе во многихъ случаяхъ пригоднѣе для рѣшенія психологической задачи, чѣмъ внутреннее самонаблюденіе.

Обстоятельства жизни Гоголя хорошо извѣстны; кромѣ того, Гоголя близко знали многіе люди, которые передали намъ свои впечатлѣнія и наблюденія.

Гоголь былъ, по происхожденію, коренной малороссъ и провелъ свое дѣтство на Украйнѣ въ родномъ домѣ. Домъ этотъ былъ типичнымъ домомъ тогдашняго малорусскаго дворянина средней руки. Малорусское дворянство временъ Гоголевскаго дѣтства было уже въ значительной степени денаціонализировано; но эта денаціонализированная среда была все-таки окружена атмосферой, насыщенной исторической традиціей. Традиція была такъ сильна, что захватывала даже умы и настроенія высшихъ мѣстныхъ представителей правительственной власти. Малороссійскіе генералъ-губернаторы, сначала кн. Лобановъ-Ростовскій, вслѣдъ за нимъ кн. Репнинъ, подаютъ въ Петербургъ проектъ за проектомъ о возстановленіи козачества, т.-е. возвращеніи малорусскаго козачества изъ того положенія казенныхъ поселянъ, въ какое ихъ поставили реформы Екатерины II, «къ первобытному ихъ воинственному состоянію», какъ выражаются авторы проектовъ. Проекты эти потерпѣли фіаско, а кн. Репнинъ, коренной русскій вельможа, подвергся даже подозрѣніямъ въ украинскомъ сепаратизмѣ. Но вѣдь старое козачество съ его оригинальной организаціей еще держалось въ Черноморьѣ въ видѣ кубанскаго козачьяго войска; въ устьяхъ Дуная, подъ покровительствомъ Турціи, существовала еще Задунайская Сѣчь, воспроизводившая запорожскіе порядки. На Кубань и Дунай то и дѣло бѣжали, постоянно и отовсюду, крѣпостные малороссы, отыскивая утраченную свободу, доставляя тѣмъ своимъ панамъ неизсякаемый источникъ заботъ,

огорченій и толковъ. Гоголю было 11 лѣтъ, когда правительство увидѣло себя вынужденнымъ произвести второе крупное переселеніе козаковъ изъ Полтавской и Черниговской губ. на Кавказъ; первое переселеніе совершилось въ годъ рожденія Гоголя: такіе факты не проходятъ безслѣдно для общественнаго самосознанія. Но самосознаніе это получало пищу и изъ иныхъ источниковъ. Только что народившійся харьковскій университетъ, сдѣлавшись культурнымъ центромъ украинской территоріи, живо откликнулся на идею славянскаго возрожденія, зашедшую съ Запада: на харьковской почвѣ, тогда еще сильно насыщенной мѣстной національной культурой, идея славянскаго возрожденія быстро превратилась въ идею возрожденія украинскаго. Явилась группа слободско-украинскихъ поэтовъ и писателей, рядъ малорусскихъ изданій, ученыхъ и литературныхъ. Та же идея украинскаго возрожденія бродила и развивалась въ правобережной Украйнѣ, принимая здѣсь свою окраску, согласную съ польскими историческими традиціями края.

Семья Гоголя, для своего времени образованная и въ высокой степени общительная, не могла оставаться чуждой различнымъ вліяніямъ этого рода. Но она и внутри себя носила живую историческую традицію. Предокъ Гоголей, Остапъ, былъ при Дорошенкѣ подольскимъ полковникомъ, и, когда Дорошенко передался подъ турецкій протекторатъ, получилъ гетманскую булаву, какъ ставленникъ Польши. Такіе факты, вообще, не забываются потомками; а въ условіяхъ быта и нравовъ тогдашней Малороссіи они пріобрѣтали исключительную важность. Малорусское дворянство, почти все сплошь и очень недавно лишь отдѣлившееся отъ народной массы, цѣплялось за всякій фактъ, могущій утвердить и украсить ихъ родословную, и предокъ-гетманъ,—хотя бы лишь наказной, хотя бы лишь польскій и фиктивный,—это былъ драгоцѣннѣйшій клейнодъ, семейная реликвія, на которой незыблемо покоилось достоинство и честь семьи. Малорусская стихія была такъ сильна въ Гоголевской семьѣ, что отецъ Гоголя считалъ малорусскій языкъ за свой родной: когда его незаурядныя творческія силы искали выхода и приложенія, онѣ нашли это приложеніе въ стихіи именно родного языка. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь—авторъ двухъ малорусскихъ комедій, что́ даетъ ему право считаться однимъ изъ родоначальниковъ современной украинской литературы. Все это—и многое другое—не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что ребенкомъ Гоголь росъ, окруженный атмосферой малорусской народности. Каковъ былъ языкъ его дѣтства? Тотъ ли «языкъ души»,—какъ онъ называетъ малорус-

скій языкъ въ одномъ письмѣ къ Максимовичу—или иной, общерусскій? Мы ничего не знаемъ объ этомъ. Легко допустить, что его отецъ въ своихъ заботахъ о будущей карьерѣ сына—и уже мать, непремѣнно—заставляли ребенка говорить «по-пански», а не «по-хлопски», какъ это дѣлали и дѣлають тысячи иныхъ малорусскихъ отцовъ и матерей. Но Гоголь-подростокъ владѣлъ языкомъ своей родины, какъ роднымъ—объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ извѣстный разсказъ Стороженка, который сообщаетъ, какъ Гоголь объяснялся съ крестьяниномъ и его жинкой по поводу своего незаконнаго вторженія въ ихъ огородъ. Школьная жизнь въ Нѣжинѣ не вырвала Гоголя изъ національной украинской среды. «А що, Васылю, якъ бы гимназія згорила?»—повторяетъ онъ въ письмѣ къ нѣжинскому товарищу запавшую ему въ голову школьную шутку, указывая тѣмъ самымъ, что малорусскій языкъ былъ въ обычномъ употребленіи между нѣжинскими школярами.

Великій писатель оставилъ родину уже сложившимся человѣкомъ. Двадцатилѣтній юноша неспособенъ мѣняться въ основныхъ чертахъ своей духовной личности, если бъ эта личность даже и не носила на себѣ отпечатка той упорнѣйшей индивидуальности, какую носитъ личность Гоголя. Даже украинская внѣшность Гоголя была настолько выразительна, что прозвище «хохолъ», «хохликъ», такъ и осталось за нимъ въ петербургскомъ кружкѣ Россетъ-Смирновой, Пушкина и Жуковскаго. Эту украинскую внѣшность Гоголь сохранилъ, какъ утверждаютъ наблюдатели, до конца жизни, хотя въ зрѣломъ возрастѣ только изрѣдка и на короткое время пріѣзжалъ на родину. А извѣстныя стороны его характера—скрытность, упрямство, своеобразный юморъ—всегда и всѣми объяснялись какъ проявленіе малорусскихъ національныхъ особенностей. Мы знаемъ, что Гоголь, въ теченіе своей жизни, не упускалъ случаевъ пользоваться малорусской рѣчью: по-малорусски объяснялся онъ за границей съ польскими эмигрантами, Богданомъ Залѣсскимъ и Мицкевичемъ; сохранилось его письмо къ Богдану Залѣсскому, написанное на народномъ малорусскомъ языкѣ,—по-малорусски говорилъ онъ въ Москвѣ, уже передъ смертью, со своимъ слугой, и, конечно, по-малорусски бесѣдовалъ со своими земляками. Объ исключительномъ расположеніи Гоголя къ землякамъ сохранилось много свидѣтельствъ. Даже съ Россетъ-Смирновой, «дамой блистательнаго свѣта», онъ сошелся легко и быстро потому, что она, по ея собственнымъ словамъ, привлекла и, такъ сказать, приручила его заявленіями самыхъ горячихъ симпатій ко всему украинскому.

огорченій и толковъ. Гоголю было 11 лѣтъ, когда правительство увидѣло себя вынужденнымъ произвести второе крупное переселеніе козаковъ изъ Полтавской и Черниговской губ. на Кавказъ; первое переселеніе совершилось въ годъ рожденія Гоголя: такіе факты не проходятъ безслѣдно для общественнаго самосознанія. Но самосознаніе это получало пищу и изъ иныхъ источниковъ: Только что народившійся харьковскій университетъ, сдѣлавшись культурнымъ центромъ украинской территоріи, живо откликнулся на идею славянскаго возрожденія, зашедшую съ Запада: на харьковской почвѣ, тогда еще сильно насыщенной мѣстной національной культурой, идея славянскаго возрожденія быстро превратилась въ идею возрожденія украинскаго. Явилась группа слободско-украинскихъ поэтовъ и писателей, рядъ малорусскихъ изданій, ученыхъ и литературныхъ. Та же идея украинскаго возрожденія бродила и развивалась въ правобережной Украйнѣ, принимая здѣсь свою окраску, согласную съ польскими историческими традиціями края.

Семья Гоголя, для своего времени образованная и въ высокой степени общительная, не могла оставаться чуждой различнымъ вліяніямъ этого рода. Но она и внутри себя носила живую историческую традицію. Предокъ Гоголей, Остапъ, былъ при Дорошенкѣ подольскимъ полковникомъ, и, когда Дорошенко передался подъ турецкій протекторатъ, получилъ гетманскую булаву, какъ ставленникъ Польши. Такіе факты, вообще, не забываются потомками; а въ условіяхъ быта и нравовъ тогдашней Малороссіи они пріобрѣтали исключительную важность. Малорусское дворянство, почти все сплошь и очень недавно лишь отдѣлившееся отъ народной массы, цѣплялось за всякій фактъ, могущій утвердить и украсить ихъ родословную, и предокъ-гетманъ,—хотя бы лишь наказной, хотя бы лишь польскій и фиктивный,—это былъ драгоцѣннѣйшій клейнодъ, семейная реликвія, на которой незыблемо покоилось достоинство и честь семьи. Малорусская стихія была такъ сильна въ Гоголевской семьѣ, что отецъ Гоголя считалъ малорусскій языкъ за свой родной: когда его незаурядныя творческія силы искали выхода и приложенія, онѣ нашли это приложеніе въ стихіи именно родного языка. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь—авторъ двухъ малорусскихъ комедій, что даетъ ему право считаться однимъ изъ родоначальниковъ современной украинской литературы. Все это—и многое другое—не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что ребенкомъ Гоголь росъ, окруже[нный] атмосферой малорусской народности. Каковъ былъ языкъ е[го] дѣтства? Тотъ ли «языкъ души»,—какъ онъ называетъ малор[у-]

скій языкъ въ [illegible]
русскій? Мы [illegible]
его отецъ въ [illegible]
мать, [illegible]
«по-хлопски», [illegible]
скихъ отцовъ и [illegible]
своей родины, какъ [illegible]
ствуетъ [illegible]
Гоголь объяснялся съ [illegible]
незаконнаго [illegible]
живѣ не [illegible]
що, Василю, [illegible]
къ нѣжинскому [illegible]
указывая тѣмъ [illegible]
употребленія между [illegible]

Великій писатель [illegible]
Двадцатилѣтній [illegible]
тахъ своей духовной [illegible]
сила на себѣ [illegible]
ситъ личность Гоголя. [illegible]
настолько [illegible]
и осталось за нимъ въ [illegible]
Пушкина и Жуковскаго. [illegible]
нилъ, какъ утверждаютъ [illegible]
зрѣломъ возрастѣ [illegible]
на родину. А [illegible]
ство, своеобразный юморъ [illegible]
явленіе малороссійскихъ [illegible]
Гоголь, въ теченіе своей [illegible]
малорусской рѣчью: [illegible]
польскими эмигрантами, [illegible]
хранилось его письмо къ [illegible]
номъ малорусскомъ языкѣ, [illegible]
уже передъ смертью, [illegible]
бесѣдовалъ со своими [illegible]
ніи Гоголя къ [illegible]
съ Россетъ-Смирновой, [illegible]
легко и быстро [illegible]
влекла и, такъ [illegible]
чихъ симпатій [illegible]

Его ближайшіе друзья, друзья всей его жизни, Данилевскій и Прокоповичъ, были малороссы. А то обстоятельство, что Гоголь рѣзко мѣнялся, когда попадалъ въ кругъ земляковъ, и не только въ молодости, а и въ концѣ жизни—это замѣтили и вспоминали многіе, иные, какъ, напр., Бергъ, рѣзко и съ недоброжелательствомъ подчеркивая этотъ фактъ. Съ земляками исчезала скрытность Гоголя, его натянутыя манеры—та напряженность и настороженность, которая безъ словъ предупреждала всякую отдаленную попытку коснуться того, что́ таилось въ душѣ Гоголя вѣчно болящею язвой... Читайте его письма къ землякамъ, сравните ихъ простой, открытый, любящій тонъ съ тономъ остальной его корреспонденціи за малыми исключеніями, и вы почувствуете всю огромную разницу его настроеній въ томъ и другомъ случаѣ. «Ради всего нашего», «ради нашей Украины», «наша единственная бѣдная Украина», «душа сильно тоскуетъ за Украиной»—вотъ выраженія изъ его писемъ къ землякамъ. Малорусскую музыку, танцы и въ особенности пѣсни Гоголь всегда любилъ страстно: даже передъ смертью, уже больной, съ крайне притупленной воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ и интересамъ внѣшняго міра, писатель вспыхивалъ и оживалъ при звукахъ родной пѣсни. А его огромный интересъ къ малорусской исторіи, которую онъ изучалъ и зналъ какъ спеціалистъ, къ украинскимъ лѣтописямъ, къ собиранію всякаго рода этнографическаго матеріала, въ особенности пѣсеннаго...

Факты этого рода можно бы умножать еще и еще; но мы прибавимъ только вотъ что. Если Гоголь писалъ Смирновой, что онъ не знаетъ самъ, какова его душа, хохлацкая или русская, то вѣдь онъ же писалъ,—правда, нѣсколькими годами раньше—другому близкому человѣку, извѣстному ученому тогда, профессору въ Москвѣ, Максимовичу: «Бросьте, въ самомъ дѣлѣ, эту кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину... Туда, туда, въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько... Для кого и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Идемъ въ Кіевъ»... Ясно, изъ какой души вырывались эти горячія, молодыя рѣчи...

Однако сколько бы мы ни собрали свидѣтельствъ въ томъ же родѣ, включая даже показанія литературныхъ враговъ Гоголя, которые обзывали его «хохлацкой душой» и «врагомъ Россіи»,—все-таки на противоположной чашкѣ вѣсовъ останется одно, значительностью своей перевѣшивающее все остальное: Гоголь былъ русскимъ писателемъ, гордостью русской, а не украинской литературы.

Намъ кажется, что для рѣшенія вопроса о національности Гоголя незачѣмъ обращаться ни къ его біографіи, ни къ его личнымъ свидѣтельствамъ, ни къ показаніямъ его друзей или враговъ. Біографическія данныя могутъ быть толкуемы такъ или иначе; свидѣтельства и показанія всегда субъективны. Въ данномъ вопросѣ есть возможность объективнаго рѣшенія: его даютъ сами произведенія Гоголя.

II.

Недавно вышло спеціальное изслѣдованіе гельсингфорскаго профессора Мандельштама: «О характерѣ Гоголевскаго стиля». Проф. Мандельштамъ тщательно изучилъ языкъ Гоголя, слѣдуя пріемамъ великихъ языковѣдовъ XIX вѣка, въ особенности Потебни, и пришелъ къ такимъ выводамъ. Онъ утверждаетъ, что «возбужденіе мысли шло у Гоголя по колеѣ родного, т.-е. малорусскаго языка». Участіе малорусскаго языка, малорусской національной стихіи, сообщаетъ художественному міросозерцанію Гоголя ту особую складку, которая выдѣляетъ его творческую индивидуальность. Гоголь, повидимому, самъ не сознавалъ того, что́ открываетъ ученый анализъ его слова, а именно, что онъ безсознательно пользовался стихіей малорусской рѣчи всегда, когда ощущалъ подъемъ чувства, подъемъ художественнаго настроенія. Писатель мысленно переводилъ слова и обороты съ языка малорусскаго на общерусскій, такъ что всякому, знакомому съ обоими языками, и чуткому человѣку легко замѣтить эти мысленные переводы. Но во многихъ случаяхъ, думая на родномъ языкѣ, Гоголь и не давалъ себѣ труда переводить, а оставлялъ малорусскіе обороты и выраженія. Отсюда происходитъ тотъ своеобразный колоритъ языка, который заставилъ кого-то выразиться, что Гоголь писалъ не на русскомъ, а на гоголевскомъ языкѣ. Естественно, что въ болѣе раннихъ произведеніяхъ эта сторона выступаетъ рѣзче. Но и позже, когда русская рѣчь окрѣпла, все-таки въ моменты художественнаго подъема, подъема чувства, у Гоголя наплывала рѣчь малорусская. По мнѣнію проф. Мандельштама, малорусскій и русскій языки связаны были въ душѣ Гоголя съ различными областями и пріемами мысли, и эти области были разграничены, хотя иногда и не очень рѣзко. Если бы мы не имѣли никакихъ біографическихъ свѣдѣній относительно Гоголя, то «по языку, по выраженіямъ, образамъ, сравненіямъ, входящимъ въ главныя его

произведенія, мы должны были бы заключить, что имѣемъ дѣло съ малороссомъ»...

Вотъ первое проявленіе психической раздвоенности, укрывавшейся въ глубочайшей глубинѣ души Гоголя, недоступной для сознанія самого художника.

Идемъ дальше, отъ слова и стиля къ самому процессу и содержанію художественнаго творчества.

Многіе указывали на то, что въ творчествѣ Гоголя переплетаются два элемента, какъ бы несовмѣстимые, исключающіе другъ друга. Это—лиризмъ и юморъ,—восторженная, пылкая идеализація дѣйствительности и низведеніе ея черезъ осмѣяніе на степень не только вульгарнаго, пошлаго, но и низкаго, безобразнаго. И, конечно, это правда: даже въ такомъ произведеніи, какъ Тарасъ Бульба, глубоко проникнутомъ лирическимъ элементомъ, пробивается мѣстами юмористическая жилка, и такое глубоко юмористическое произведеніе какъ «Мертвыя Души» перерывается отступленіями страстно-лирическаго характера. Но для нашихъ цѣлей любопытно не это: любопытно прослѣдить эту двойственность творчества Гоголя въ связи съ содержаніемъ его произведеній. И здѣсь мы замѣчаемъ слѣдующее. Почти весь лиризмъ его творчества изливается въ произведеніяхъ изъ малорусской жизни; на долю произведеній изъ жизни общерусской выпадаетъ только юморъ, и притомъ не тотъ нѣжный, мягкій, такъ сказать, любовный юморъ, которымъ расцвѣчены также кое-гдѣ и малорусскія произведенія Гоголя, а совсѣмъ иной, холодный и суровый, бьющій и клеймящій, какъ орудіе казни.

Собственно говоря, неправильно подводить эту двойственность подъ опредѣленія лиризма и юмора. Тутъ есть кое-что другое, болѣе сложное.

Если обхватить произведенія Гоголя однимъ общимъ взглядомъ, то невольно получаешь такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ двумя различными писателями, правда, имѣющими между собой много общаго, но сильно расходящимися въ своихъ художественныхъ пріемахъ, въ характерѣ творчества. Одинъ Гоголь, обращенный къ малорусской жизни, цѣльно схватываетъ эту жизнь и воспроизводитъ. Картины, образы, типы—все является передъ вами въ своихъ естественныхъ отношеніяхъ; положительное и отрицательное, добро и зло, красота и безобразіе въ ихъ оттѣнкахъ и комбинаціяхъ—все отражается въ творчествѣ Гоголя въ той гармоніи, какая характеризуетъ полноту жизни. А главное, во всемъ чувствуется присутствіе всеобъемлющей любви художника къ этой

изображаемой имъ жизни. Вы понимаете, что художникъ любитъ не только то, что́ онъ изображаетъ какъ прекрасное и доброе, справедливое и благородное: онъ любитъ и пьяницу Солопія Черевика, и предателя Андрія, и совсѣмъ недобродѣтельнаго Хому Брута, и глупаго Шпоньку. Кто-то выразился, что Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ» представляетъ дѣйствительность, освѣщенную бенгальскимъ огнемъ. Нѣтъ, это не свѣтъ бенгальскаго огня: это—тотъ особый свѣтъ, которымъ освѣщено въ глазахъ молодой матери лицо ея первенца. Въ будничномъ настроеніи вы склонны чувствовать преувеличеніе въ описаніи украинской ночи, Днѣпра; но если ваше настроеніе приподнято, или, если вы тоскуете на чужбинѣ за родиной, какъ несомнѣнно тосковалъ за ней Гоголь первое время своей жизни въ Петербургѣ, весь этотъ блескъ, яркость, роскошь красокъ,—все кажется вамъ вполнѣ естественнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Ясно, что художникъ, когда писалъ, жилъ заодно съ изображаемой имъ жизнью.

Но вотъ художественное творчество Гоголя обращается къ русской дѣйствительности,—и его пріемы рѣзко мѣняются. Художникъ какъ бы помѣщается внѣ «громадно-несущейся передъ нимъ жизни» и наблюдаетъ ее. При этомъ онъ помѣщается такъ, что можетъ наблюдать жизнь лишь «съ одного боку», по его собственному выраженію. Жизнь, наблюдаемая такъ, даетъ въ воспроизведеніи своемъ образы совсѣмъ иного характера. Образы эти теряютъ свои естественныя очертанія и соотношенія, являются крайне преувеличенными въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ ихъ наблюдаетъ художникъ, но зато чрезвычайно выигрываютъ въ выразительности. По замыслу художника, о которомъ онъ самъ опредѣленно свидѣтельствуетъ, это должны быть только каррикатуры; но сила огромнаго таланта, помимо воли художника, даетъ душу этимъ каррикатурамъ: онѣ живутъ, какъ живутъ глаза въ его «Портретѣ»,—живутъ, возбуждая смѣхъ, скорбь, негодованіе, возбуждая въ самомъ художникѣ ужасъ передъ этой созданной имъ жизнью. Вся красота, которою Гоголь окружалъ такъ любовно, такъ роскошно малорусскую дѣйствительность, исчезла безслѣдно. То, что́ разворачивается теперь передъ вами, даже нельзя назвать жизнью: это какая-то геенна, изъ которой авторскій геній своею волею удалилъ «плачъ и скрежетъ зубовъ», а оставилъ только безобразіе, освѣтивъ это безобразіе такъ, что оно вызываетъ невольный и неудержимый смѣхъ. Но измѣните нѣсколько освѣщеніе, удалите смѣхъ—и что́ явится передъ вами?

«Пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же

безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ-будто мы не у себя дома, не подъ родною нашею крышей, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «нѣтъ лошадей»... Какой это геніально простой и потрясающій скорбью образъ! Воспримите его подготовленной душой, и васъ будетъ преслѣдовать, какъ тяжелый кошмаръ, эта холодная, занесенная вьюгой почтовая станція, представляющая собою Россію, и русскій гражданинъ—злосчастный путникъ, который безпріютно бродитъ во мракѣ и холодѣ, осужденный на то, чтобъ вѣчно слышать одно равнодушно-грубое: «нѣтъ лошадей!»

Итакъ, Гоголь относился къ русской жизни, какъ посторонній ея наблюдатель. Посторонній, но не равнодушный: все-таки онъ былъ связанъ съ этою жизнью кровными интересами. Однако неравнодушіе это имѣетъ мало общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое питалъ Гоголь къ своей малорусской родинѣ. Малороссія «единственно вдохновляла его», по выраженію проф. Мандельштама, т.-е. въ ней лишь онъ черпалъ положительное содержаніе своихъ художественныхъ воззрѣній, идеальные мотивы своего творчества. Для Великой Россіи у него оставалось только отрицаніе, его безпощадный, злобный, неподражаемый юморъ. Но народъ, нація, какъ соціально-духовный организмъ, не можетъ быть содержаніемъ юмора—такое предположеніе было бы нелѣпостью, разрушающей себя своими внутренними противорѣчіями. Къ тому же вполнѣ очевидно, что Гоголь не только не зналъ великорусскаго народа съ его столь характернымъ національнымъ обликомъ, но и совсѣмъ не интересовался имъ,—ни его современными особенностями, ни его историческимъ прошлымъ. Когда, во время его неудачной профессуры, ему предложили, со свойственной тѣмъ временамъ безцеремонностью, читать русскую исторію, Гоголь ужаснулся. «Чортъ возьми»,—пишетъ онъ:—«если бъ я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, чѣмъ русскую исторію. Ты хочешь, чтобъ самая должность была для меня тягостной! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, я буду несчастливъ»... И это пишетъ тотъ самый Гоголь, который сбирался «удрать» исторію Малороссіи чуть не въ десяти томахъ, въ столькихъ же томахъ исторію среднихъ вѣковъ, который, по нуждѣ, брался читать и древнюю исторію, извѣстную ему, конечно, гораздо меньше, чѣмъ исторія Россіи, въ силу естественной связи этой послѣдней съ исторіей Мало-

россіи, несомнѣнно и серьезно его интэресовавшей. Все положительное въ великорусской націи онъ обходилъ, можно бъ сказать тенденціозно, если бъ это не было такъ вполнѣ безсознательно. Его московскіе поклонники славянофилы восхищались—конечно, за неимѣніемъ лучшаго — фигурой кучера Селифана, воплощавшей якобы въ себѣ великорусскій народный духъ. Но вѣдь это такое же смѣшное преувеличеніе и той же категоріи, какъ и сравненіе «Мертвыхъ Душъ» съ поэмами Гомера, на какое рискнулъ умный, даровитый и искренній К. С. Аксаковъ. Ни кучеръ Селифанъ, ни Петрушка, ни трактирные половые и лакеи, ни мужики, бесѣдующіе о томъ, доѣдетъ ли колесо до Казани — не великорусскій народъ. Гоголь какъ бы даже и не подозрѣвалъ о существованіи этой здоровой и сильной великорусской народной стихіи, а судилъ о ней только по тѣмъ нечистымъ междуклассовымъ, междунаціональнымъ осадкамъ, которые неизбѣжны при извѣстныхъ условіяхъ. Гоголь зналъ болѣе или менѣе только русскую общественность—выработанныя исторіей формы культурной русской жизни и ненавидѣлъ какъ эти формы, такъ и ихъ носителей до глубины души. Какъ онъ ненавидѣлъ эти формы—объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его произведенія. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ носителей — само русское общество, воплощавшее въ себѣ эти формы, ясно изъ его переписки, изъ тѣхъ выраженій, которыя прорываются то тамъ, то сямъ, напр.: «на Руси такая коллекція гадкихъ рожъ»; этотъ «безмозглый классъ людей»—выраженія, равносильныя жесту человѣка, сбрасывающаго съ своего платья какое-нибудь отвратительное насѣкомое. Вотъ этой-то ненависти и суждено было сдѣлаться источникомъ той огромной, исторической заслуги, какую оказалъ Гоголь нашему развитію. Коренному русскому человѣку, конечно, трудно было порвать тѣ тонкія психологическія нити кровныхъ симпатій, какія связывали его съ роднымъ народомъ и его культурой, и нужна была большая внутренняя работа надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ критической мысли, чтобъ встать внѣ своей среды и отнестись къ ней объективно. Какими судорожными усиліями мысли, какой душевной борьбой дошелъ Бѣлинскій до того настроенія, какое продиктовало ему его знаменитое письмо къ Гоголю: вѣдь не трудно понять, что значило его примиреніе съ дѣйствительностью подъ флагомъ Гегелевской философіи, его Бородинская годовщина... Первые московскіе славянофилы относились вполнѣ отрицательно къ современной имъ русской дѣйствительности и готовы были молиться на Гоголя, какъ выразителя этого отрицанія: и тѣмъ не менѣе, какъ

тяжело давалось оно имъ, какъ упорно стремилась ихъ мысль и чувство къ положительнымъ сторонамъ русской жизни... То, что дорого обходилось Бѣлинскому или Герцену, Хомякову или Аксаковымъ, то далось Гоголю само собой, безъ всякаго подготовительнаго труда и усилій, безъ работы критической мысли, безъ того душевнаго надрыва, которымъ сопровождается низверженіе старыхъ родныхъ кумировъ. Всѣ недостатки русскаго общественнаго строя, его вопіющія отклоненія отъ человѣческой правды были непосредственно ясны холодному и наблюдательному взору Гоголя, а его великій талантъ уже помогъ заключить эти наблюденія въ образы поразительной силы.

Но значитъ ли это, что у Гоголя вовсе не было никакого «смѣха сквозь слезы»? что ему не надъ чѣмъ было плакать? Нѣтъ, не значитъ. Слезы Гоголя надъ русской жизнью не были тѣми кровавыми, тѣми разбивающими сердце слезами, какъ слезы Бѣлинскаго: но все-таки это были слезы. Прежде всего, Гоголь по особымъ свойствамъ своей духовной природы—или, можетъ быть, точнѣе сказать, своей нервной организаціи—вообще воспринималъ дѣйствительность какъ страданіе: его природа была природой пессимиста. Затѣмъ, русская дѣйствительность, имъ наблюдаемая, стояла слишкомъ въ разрѣзъ съ его моральными идеями и чувствами: онъ вынесъ изъ дѣтства опредѣленное, традиціонное, религіозно-нравственное міропониманіе и пронесъ его неприкосновеннымъ черезъ всю свою жизнь—свободный отъ заразы даже тѣмъ легкимъ французскимъ скептицизмомъ, которому отдавали обычную дань современные ему молодые умы. А, наконецъ, самое главное — то, что русская дѣйствительность оскорбляла въ Гоголѣ одну идею, которая выросла изъ этой же самой дѣйствительности. Это—идея русскаго государства, которую Гоголь какъ-то странно отвлекалъ отъ всякихъ формъ ея воплощенія и облекалъ въ своей душѣ настоящимъ апоѳеозомъ. Какъ сложилось въ великомъ писателѣ преклоненіе передъ идеей русской государственности—трудно прослѣдить: совершенно очевидно лишь, что онъ вывезъ эту идею готовой изъ своей малорусской родины. Можетъ быть, здѣсь вліяли впечатлѣнія, полученныя имъ еще въ дѣтствѣ во время частыхъ посѣщеній, вмѣстѣ съ родителями, Трощинскаго; вліяли и понятія, привитыя въ юношествѣ частью школой, частью русской литературой. Воспріимчивую почву находили эти чувства и понятія также въ южномъ темпераментѣ Гоголя, въ его влеченіи ко всему яркому, эффектному, грандіозному. Конечно, не придуманъ писателемъ, а выброшенъ изъ глубины души знаменитый

образъ, заключающій первую часть «Мертвыхъ Душъ»: «Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога... летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства»...

Какъ ни противорѣчитъ этотъ образъ приведенному выше образу Россіи въ видѣ занесенной вьюгой почтовой станціи, но оба они одинаково выношены въ противорѣчивой душѣ Гоголя. И несомнѣнно, что Гоголь всю жизнь находился подъ обаяніемъ идей, связанныхъ съ этой Россіей, отъ которой, «косясь постараниваются другіе народы и государства». Обстоятельства и условія жизни укрѣпляли въ немъ эти идеи. Кружокъ Жуковскаго, Пушкина и Россетъ-Смирновой, который имѣлъ на Гоголя наибольшее вліяніе, былъ всецѣло пропитанъ преданной любовью къ русской государственности. Наконецъ, даже личныя чувства признательности привязывали Гоголя къ императору Николаю и императорскому Двору. Въ связи съ этими идеями и чувствами находится, конечно, и та мысль, около которой, какъ около неподвижной оси, вращалась писательская дѣятельность Гоголя: мысль о службѣ государству. Еще школьникомъ изъ Нѣжина Гоголь писалъ своему дядѣ: «съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства»... «Службу государству», «благо государства» Гоголь понималъ, конечно, сперва очень элементарно: это значило поступить на государственную службу по министерству юстиціи, добиться важнаго чина и такимъ путемъ сдѣлаться «благодѣтелемъ человѣчества». Да и какое иное пониманіе жизненныхъ задачъ могла дать русская жизнь того времени, жизнь Николаевской эпохи? Когда Гоголь въ Петербургѣ пришелъ къ сознанію своего великаго таланта, первыя его произведенія есть еще проявленія свободной, такъ сказать, стихійной игры его огромныхъ творческихъ силъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ уже спѣшитъ набросить на свое творчество узду изъ своей излюбленной идеи: «службы государству». Посмотрите, какъ Гоголь цѣнитъ свои произведенія: его обычный критерій есть государственная польза. Оскорбляетъ его до глубины души лишь то, когда противники и недоброжелатели отвергаютъ такую пользу его произведеній или, наборотъ, утверждаютъ, что они приносятъ вредъ государству.

Вотъ именно въ этомъ пунктѣ,—въ томъ коренномъ разграниченіи, какое выступаетъ въ отношеніяхъ Гоголя, съ одной стороны, къ русской государственности, къ политическимъ формамъ жизни,

съ другой —къ формамъ культурной жизни русскаго общества, и заключается одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Гоголевскаго міропониманія. Онъ не видѣлъ связи между этими двумя категоріями явленій,—связи, которая была ясна для другихъ его передовыхъ современниковъ, для его поклонниковъ и почитателей какъ славянофильскаго, такъ и западническаго лагеря. Какъ могъ творецъ «Мертвыхъ Душъ» не понимать, что крѣпостныя отношенія есть отвратительнѣйшее изъ соціальныхъ золъ, что только въ ихъ отравленной атмосферѣ могла зародиться эта возмущающая душу коллекція нравственныхъ уродовъ, имъ выведенныхъ? И однако онъ не понималъ этого. «Объясни мужикамъ»,—пишетъ Гоголь въ письмѣ къ русскому помѣщику,—«что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которой родились... Скажи имъ, что заставляешь ихъ работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на свои удовольствія (и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнацію), а потому, что Богомъ повелѣно трудомъ и пóтомъ снискивать хлѣбъ... Учить мужика грамотѣ, чтобы читать книжонки, которыя издаютъ европейскіе человѣколюбцы, есть вздоръ» и т. д. Какъ могъ великій творецъ «Ревизора» не понимать, что взяточничество и всякій видъ произвола неизбѣжны въ обществѣ, связанномъ по рукамъ и ногамъ собственной темнотой и отданномъ тогда въ распоряженіе орды чиновниковъ, невѣжественной и своекорыстной? И однако онъ не понималъ этого. Онъ находилъ, что общій строй нашъ превосходенъ. «Все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновеніяхъ ихъ между собой... Слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все устроено такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ и останавливать на пути къ злоупотребленіямъ»... Изученіе Гоголевской корреспонденціи, изданной недавно въ четырехъ томахъ, заключающихъ больше двухъ тысячъ страницъ, убѣждаетъ насъ, что въ приведенныхъ цитатахъ Гоголь выражалъ мысли всей своей жизни, которымъ онъ не измѣнялъ никогда. Искренно, всей душой стремясь къ воплощенію добра въ формахъ тогдашней русской жизни, Гоголь былъ убѣжденъ, что добро это призваны воплощать въ общественныхъ низахъ добродѣтельные отцы-помѣщики, а на общественныхъ верхахъ мудрые губернаторы и генералъ-губернаторы съ ихъ до-

стойными супругами, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежатъ общественные нравы.

Итакъ, Гоголь не понималъ, что формы жизни государственной, политической, съ одной стороны, и соціально-культурной, съ другой, находятся въ самой тѣсной связи между собой. Трудное дѣло— отдѣлить одно отъ другого, да еще отдѣлить такъ рѣшительно, какъ отдѣлялъ Гоголь, отдавая одной сторонѣ благоговѣйное почтеніе, другой—безпощадную насмѣшку. Императоръ Николай лучше Гоголя понималъ это, когда сказалъ, глядя на «Ревизора»: «Ну, комедійка! досталось всѣмъ, а больше всѣхъ мнѣ»... Но и Гоголь, если не понималъ ясно, то чувствовалъ, что его насмѣшка бьётъ дальше намѣченной цѣли, вторгаясь въ ту область, которую онъ хотѣлъ бы видѣть неприкосновенной святыней. Отсюда то крайнее угнетеніе духа, въ которое онъ впалъ, когда написалъ «Ревизора»; отсюда мучительныя попытки сдвинуть «Мертвыя Души» съ ихъ первоначальнаго пути. Ничего подобнаго не могло быть, если бы Гоголь былъ увѣренъ въ своей правотѣ...

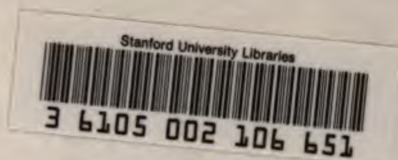
Но чтобы представить себѣ всю глубину противорѣчій, опутывавшихъ мысль Гоголя, надо имѣть въ виду еще слѣдующее. Конечно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что Гоголь былъ вполнѣ искреннимъ, когда окружалъ словеснымъ апоѳеозомъ идею русской государственности, политическій строй русской жизни. Но можно ли предположить, что онъ былъ менѣе искреннимъ, когда, въ «Тарасѣ Бульбѣ», окружалъ апоѳеозомъ—не словеснымъ лишь, а художественнымъ—совсѣмъ иной историческій строй, демократическій строй малорусскаго козачества, который онъ изучилъ и прекрасно понималъ? И, конечно, мы въ правѣ сказать, что даже по отношенію къ этой, такъ сказать, специфически ограниченной области, Гоголь носилъ въ душѣ двѣ правды, изъ которыхъ одна укрывалась въ глубинахъ его художественно-творческой психологіи, питавшейся національной стихіей, другая—владѣла поверхностной оболочкой его резонирующей мысли...

Такимъ образомъ, міросозерцаніе великаго писателя было полно раздвоенности и тяжелыхъ противорѣчій. Эта раздвоенность и противорѣчивость есть естественный и психологически необходимый результатъ того, что Гоголь оторвался отъ своей національной почвы «для службы» русскому государству, но не отрѣшился, и не могъ отрѣшиться, отъ исключительности своихъ національныхъ симпатій. Гоголь сдѣлался преданнымъ пріемнымъ сыномъ русской государственности, но до конца не могъ ассимилироваться съ русской на-

родностью. Конечно, не онъ первый, не онъ послѣдній былъ въ такомъ положеніи. Разные люди находятъ изъ него разные психологическіе выходы. Гоголь нашелъ свой выходъ въ мистицизмѣ. Съ точки зрѣнія небесъ и вѣчности обращались въ ничтожную суету всѣ вопросы и противорѣчія. Но на этомъ пути ждала писателя гибель его великаго таланта, который не могъ питаться одними «Размышленіями о божественной литургіи». А гибель таланта сдѣлалась гибелью и самого человѣка...

Гоголь палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей свои глубочайшіе корни въ раздвоенности національной.

Stanford University Libraries
3 6105 002 106 651

28D NOV 25 1995
NOV 25 1995
DEC 1 1995
28D DEC 27 1995

